

Седьмая могила без тела

Автор бестселлеров по версии "New York Times"

ДАРИНДА ДЖОНС

Даринда Джонс — Седьмая могила без тела

Перевод: Eurhony

Редактирование: RuSa

Худ. оформление: RuSa

Дюжина. Двенадцать самых смертоносных существ из всех, когда-либо созданных в адском пламени, сбегали в наш мир и хотят лишь одного — уничтожить Чарли Дэвидсон и подать ее бездыханное, изувеченное тело Сатане на ужин. Однако мысли Чарли заняты не только толпой мерзких адских псов. Во-первых, пропал ее отец, и Чарли идет по его следам, постепенно выясняя, что он вел собственное расследование. Но, чем больше она узнает, тем больше сомневается во всем, что знала об отце. Добавьте к этому бывшую лучшую подругу, которая преследует Чарли днем и ночью, вереницу самоубийств, разобраться с которыми не под силу даже правоохрнительным органам, до смерти сексатильного жениха, который умудрился привлечь внимание местной знаменитости, — и у Чарли опять дел невпроворот.

Чуть выше ада, в одном прыжке через вечность, находится маленькое, но симпатичное местечко под названием Земля, которое Чарли Дэвидсон, единственный в своем роде ангел смерти, намерена защитить во что бы то ни стало.

А значит, мы все обречены.

Благодарности

Ниже я привожу список людей, которым должна горы благодарностей. Некоторые из этих личностей слегка с приветом, но иначе ничего бы не вышло.

Итак, далеко не полный список тех, кого я никогда не устану благодарить и кому в очередной раз говорю спасибо.

Александре Макинист: за поразительную энергию и непоколебимую поддержку.

Дженнифер Эндерлин: за блестящий ум и энтузиазм.

Элиани Торрес: за неисчерпаемый источник сил и невероятное внимание к деталям.

Стефани, Жанне-Мари, Эстер и всем-всем-всем из «St. Martin's Press» и «Macmillan Audio»: за ту огромную и удивительную работу, которую вы проделываете за кулисами.

Нику и Митали: за попытки держать меня в ежовых рукавицах.

Энджи Би: за САМУЮ КРАСИВУЮ СТРОЧКУ НА СВЕТЕ!

Монике Бутс и Марждолин Бауэрс: за помощь с переводами.

Кейт, Рианне, Трейси и Джованне: за остроумные подсказки и преданность.

Гримлетам: за то, что вы лучше, чем самые смелые мечты.

Моим родным: за все, что вы делаете.

Джованне Кестнер: за ту бриллиантовую шпуковину. ШИКАРНАЯ ВЕЩИЦА!

Народу из сети: за то, что даете мне шанс обнять вас публично! Вы — свет, к которому стремится мое сердце.

Могучим парням Джонсам: за то, что вы — весь мой великолепный мир.

Читателям по всей земле: за вашу любовь к чтению.

Спасибо, спасибо, спасибо!

Дане

Ты — бурлящий фонтан положительной энергии.

Кипучая, неудержимая, ослепительно-яркая,
затмевающая все на свете!

Что бы я без тебя делала?

Ага, скорее всего «отдыхала» бы
в особом учреждении с мягкими стенами.

Спасибо тебе за все, яркая моя звездочка.

Твоему кунг-фу нет равных.

Я частенько сомневаюсь в собственном здравомыслии.

Время от времени оно пытается мне возразить.

Надпись на футболке

На заднем сиденье черного джипа агента Карсон ныла и ныла женщина. Не будь она уже мертва, я бы ее придушила. Причем с радостью. И со всем присущим мне энтузиазмом. Но, увы, моя бывшая лучшая подруга Джессика действительно была мертва и без умолку жаловалась на то, что погибла по моей вине. Вопиющая ложь! Виновата я была лишь отчасти. В конце концов, не я сбросила ее с семиэтажной силосной башни. Хотя уже начинала жалеть, что не приложила к этому руку. По крайней мере была бы причина бесконечно выслушивать ее тошнотворное нытье. Для такого гадства жизнь слишком коротка.

Я так закатила глаза, что они чуть не вывалились из глазниц, а потом глянула на водителя, она же — владелица упомянутого джипа агент Карсон. На самом деле она специальный агент ФБР, но тут, по моему уразумению, слишком много слогов. Я пыталась убедить ее сменить имя на САК, ну или хотя бы на ФБРСАК, чтобы можно было коротко звать ее Фиби, но она не согласилась. А зря. Сложно представить, сколько бы она сэкономила времени, если бы к ней обращались покороче.

К счастью для САК, Джессику она не слышала. Зато ее прекрасно слышало еще одно сверхъестественное существо, сидевшее посередине удлиненного джипа. Некто Рейес Александр Фэрроу — умопомрачительное воплощение стопроцентной мужественности. Впрочем, сам виноват. Он, видите ли, настаивал на том, чтобы денно и нощно играть роль моего телохранителя с тех самых пор, как мы узнали об адских псах. Песики слиняли за литые адские ворота и прямо сейчас направлялись на землю, чтобы разобрать меня на запчасти.

Ради того, чтобы отвлечься (у меня, оказывается, врожденная способность во всех красках представлять всякие ужасы, в том числе и процесс собственного расчленения), я занялась одним из старых дел, на которые САК просила меня взглянуть. На случай, если что-нибудь привлечет мое внимание. Честно говоря, мое внимание привлекали все эти дела, но к этому конкретному делу меня буквально тянуло, словно оно умоляло о том, чтобы его раскрыли. Однажды ночью убили пять человек — двух взрослых и трех подростков, которые занимались подготовкой к открытию лагеря для детей с особыми потребностями. На следующее утро их нашел один из смотрителей лагеря. Крови было море. Каждый получил многочисленные удары ножом. А еще одну девочку, единственную дочь двух убитых взрослых, так и не нашли.

Подозреваемым оказался один бездомный мужчина, который воровал из лагерей в той округе еду, когда туристы спали или ходили в походы. Но команда судмедэкспертов не нашла ничего, что помогло бы связать бомжа с местом преступления. Ни единого отпечатка пальца. Ни малюсенькой капельки крови. Ни одной волосинки подозреваемого.

До сих пор дело оставалось висяком, пока умники из ФБР не поумнели по-настоящему и не пустили Чарли Дэвидсон по следам убийцы, чтобы приволочь этого гада в руки правосудия. Потому что этим и занимается Чарли — притаскивает убийц в руки правосудия.

А еще находит потерявшихся собак, выводит на чистую воду неверных супругов и выслеживает тех, кто намеренно прячется. И она редко говорит о себе в третьем лице.

Кроме всего этого, имеется у меня еще пара-тройка особых талантов. В основном потому, что я родилась ангелом смерти. Во-первых, я вижу призраков, а это очень помогает в раскрытии преступлений. Удивительно, как легко закрываются дела, когда можно спросить у жертвы, кто помог ей расстаться с брэнной жизнью. Правда, я не всегда могу положиться на это естественное преимущество. Некоторые люди не знают, кто их убил. Редкость, конечно, но бывает. Травмированный мозг — штука непростая. И все же в большинстве случаев информацию я получаю очень даже подробную.

Впрочем, на этот раз шансов отыскать призраков на том же месте, где они погибли десять лет назад, почти не было. Но попробовать все-таки стоило. Вот почему я согласилась, чтобы САК заехала за мной в безбожную рань — в шесть утра! — и лично отвезла меня на место преступления. Вот только с некоторых пор я иду не одна, а в комплекте. С Джессикой, моей бывшей лучшей подругой, которая явно вознамерилась довести меня до потери сознания жалобами на то, что я виновата в ее смерти. И с Рейесом, который, в свою очередь, обвинял меня в том, что пребывал в мрачном расположении духа. Поразмыслив, я решила не обращать внимания на них обоих.

— Потрясающий вид! — восхитилась я.

А как иначе, если мы ехали вверх по Хемесским горам? Солнце уже освещало верхушки деревьев, бросая на дорогу то тут, то там оранжевые сполохи утреннего света. По окнам плыли тени сосен и можжевельников, блестящих от росы. В Альбукерке зелени кот наплакал, поэтому тот факт, что вся эта красота находится всего лишь в часе езды, поражал воображение. Да уж, Хемес^[1] я обожаю.

— Не поспоришь, — согласилась САК.

— Нас сюда папа на мотоцикле возил. Но ведь этой землей владеет резервация. Откуда у ФБР взялось право вести здесь расследование?

— Законы племени не так просты, как кажется на первый взгляд, — ответила агент Карсон, в сотый раз глядя в зеркало заднего вида. Вот только она вовсе не следила за движением на дороге, а то и дело посматривала на моего угрюмого мужчину, сидевшего у нее за спиной. — Лагерь расположен не на территории пуэбло^[2], а на том отрезке, на который распространяется юрисдикция Бюро. К тому же в подобных делах более чем логично привлечь власти со стороны. Один из подростков был коренным американцем, что, конечно же, совсем другая история, но совет племени с радостью принял нашу помощь в расследовании.

Ее пальцы крепче сжали руль, а взгляд снова метнулся к зеркалу. Винить ее не в чем. Не глазеть на Рейеса невозможно. Я ощущаю человеческие эмоции, как другие — малейшие изменения в погоде. Вот и сейчас я отчетливо ощущала, как по венам агента Карсон разливается тепло уже от того, что Рейес находится так близко. Он действовал на нее, как горячий чай в холодный зимний день, но надо отдать ей должное — свои чувства она скрывала великолепно. Рейес вызывал в ней нешуточное любопытство, но любопытство это было щедро приправлено осторожностью. Одна беда — даже против воли, Рейес сладкими, манящими волнами излучал чувственный магнетизм.

Или так, или у меня овуляция.

Минуточку! Этого не может быть. Значит, дело в самом Рейесе. Точнее в том, что его создал самый прекрасный из всех павших с небес ангелов. И не просто создал, а в

буквальном смысле выковал в адском пламени из греха и красоты. Короче говоря, в Рейесе было все то, о чем мамы предупреждают дочерей.

Я сама ежесекундно с трудом сдерживалась, чтобы на него не пялиться. Эксперимента ради я все-таки рискнула и посмотрела. Потом достала телефон, сменила фронтальную камеру на обычную и навела фокус на мужчину посередине джипа. Он фривольно развалился, прислонившись спиной к углу и положив вытянутую руку на спинку сиденья, и смотрел на меня из-под ресниц.

Я с вызовом задрала нос — ни за что не поддамся действию тяжелого пристального взгляда. Я на него злилась не меньше, чем он на меня. Уже две недели кряду Рейес напрочь игнорировал свои обязанности владельца бара, только чтобы сидеть при мне нянькой.

Само собой, сейчас я носила под сердцем его ребенка, на которого возлагают огромные надежды. Видимо, ей суждено спасти мир и все такое. Поэтому, как я ни старалась, слишком сильно сердиться никак не получалось. Да и смотреть на Рейеса было чертовски приятно, даже когда он хмурился. А если быть до конца честной, этот мрачный вид только усугублял впечатление от лакомства по имени Рейес Фэрроу. Несправедливо, блин! Когда хмурюсь я, у меня такой вид, будто я неделю запором страдаю. Похоже, превращать всякие угрюмые мины в фантазии — свойство, присущее исключительно сыну Сатаны.

Между прочим, по-моему, злиться на меня у него причин не было. Уж точно не было причин, чтобы злиться так сильно. Я всего-навсего попыталась улизнуть из дома без него, чтобы поехать с агентом Карсон один на один и хоть капельку времени провести с подругой. Чисто по-женски, без мужчин. Оказывается, это ужасный проступок. До приезда САК Рейес мне все уши прожужжал о том, что Дюжина (то есть те самые адские песики) уже висит у меня на хвосте. Но даже если псам удалось преодолеть пустошь забвения, даже если они каким-то чудом сумели попасть в наше измерение, им еще нужно меня отыскать. А в этом мире у всех демонов, в том числе и у адских псов, возможности ограничены.

Короче говоря, не меньше десяти минут Рейес читал мне нотации, а я столько же нетерпеливо постукивала ногой по полу, пока Карсон не подъехала к моему дому. Когда мы оба влезли в черный служебный джип, САК пришла в замешательство, но я ей быстренько объяснила, что Рейес страдает боязнью разлуки.

Объяснения она приняла вменяемо. Агент Карсон вообще крутая и классная во всех смыслах. Чаще всего. Был только один случай, когда она грозила мне тюрьмой до конца дней моих, если я откажусь сотрудничать. Вообще-то, я и без всяких угроз готова была сотрудничать целиком и полностью. Если не считать того случая (и еще парочки, когда она, по-моему, собиралась или прострелить мне голову, или гнать меня пинками до самого Китая), то САК в глубине души мягкая, как зефирка. А Рейес, видимо, действовал на нее, как костер, который плавит мягкую сливочную зефирную сердцевину. Агент Карсон была теплой. В смысле, она разгорячилась, а от этого разгорячилась и я. Точно не скажу, но, по-моему, мы были в шаге от групповухи на троих.

— Мало того, — продолжала сокрушаться мертвая ведьма по имени Джессика, — я так и не вышла замуж! И уже никогда не выйду! Ты хоть представляешь, каково это?

Длинные рыжие локоны тряслись почти так же, как мои руки. Кофеиновая ломка — тот еще отстой. Стоит только посмотреть на мои дергающиеся конечности. Но Джессику трясло от злости — от мстительной, ядовитой злости, из-за которой серо-зеленые глаза становились ярко-зелеными.

В старших классах мы с Джессикой были лучшими подругами, пока я не совершила

огромную ошибку, рассказав ей не только о том, что умею общаться с призраками, но и кто я такая. То есть что я — ангел смерти. О чем сама я узнала только тогда, когда некое укутанное в плащ бестелесное существо, которое я окрестила Злодеем, сказало мне об этом в женском туалете. Тем существом в плаще, как я выяснила через десять с лишним лет, был Рейес. Между прочим, по этому поводу нам еще предстоит хорошенько поссориться. Что вообще он забыл в женском туалете? Извращенец.

Джессике мои признания, мягко говоря, не понравились. Я-то думала, что она сильный и добрый человек, но ошибалась. Страх превратил ее в нечто неузнаваемое. Джессика обозлилась и предала меня. Днями и ночами я ревела, хотя, конечно, не у нее на глазах. Ей я своей боли никогда не показывала. Но в итоге глубоко погрязла в депрессии, из которой выбиралась несколько долгих месяцев.

Мы не виделись со школы, и вдруг она стала ходить в бар Рейеса. Вместе с кучей других женщин, которые толпами повалили в «Ворону» с того самого дня, как он купил бар у моего отца. К сожалению, Джессика ни капельки не изменилась — все так же меня ненавидела и при любом удобном случае старалась поупражняться в язвительности перед собственными подружками. Известный криминальный авторитет по ошибке принял ее за мою близкую подругу, похитил и держал в заложницах. Кончилось все, мягко говоря, плохо. А я-то думала, это она раньше меня ненавидела!

В общем, из четырех людей, находившихся в машине, трое кипели от злости. Я чуть было не запела во всю глотку «Один из них не такой, как все»^[3], но решила, что, кроме меня, шутку никто не оценит. Тем более что агент Карсон всей правды обо мне не знала. И понятия не имела, что перед тем, как неизбежно отправиться в ад, некая мертвая сумасшедшая барышня решила покататься с нами «зайцем». В том, что Джессика отправится в ад, я ничуть не сомневалась. Хорошим человеком ее не назовешь. Наверняка в аду есть отдельное, не слишком жаркое местечко для людей, которые пусть и не самые плохие, но чуточку злопамятные. И местечко это вполне можно было бы назвать «Отделение для истеричек». Стопроцентное было бы попадание.

Выслушивая бесконечные причитания Джессики о том, что ей теперь навечно оставаться в старых девах (неужели это словосочетание все еще в ходу?), я решила написать сообщение своему утрюмому донельзя жениху:

«Можешь хоть что-нибудь с этим сделать?»

Он вытащил телефон из кармана, и движение показалось мне настолько дико сексуальным, что секунды на три я впала в транс. Прочитав мою эсэмэску, Рейес с абсолютно бесстрастным лицом написал ответ. Секунду спустя звякнул мой сотовый.

«Зачем? От этого ты излучаешь жар».

Чего?! Я повернулась, чтобы он уж точно заметил, как я потрясена, а потом напечатала, едва касаясь пальцами клавиатуры:

«Не тот жар, мистер. Этот жар оставляет за собой кучи трупов. Пленных не берет. И он очень... быстровоспламеняющийся».

— Как только ты решишь выйти замуж, — продолжала Джессика свою бесконечную череду жалоб и угроз (наверное, вся жизнь налоговиков состоит как раз из таких нескончаемых речей), — я порву на ленточки твое платье прямо накануне свадьбы! А потом... потом...

Похоже, Рейесу тоже надоедало слушать тирады Джессики. Подмигнув мне, отчего под невозможно длинными ресницами в свете утреннего солнца сверкнули кофейные глаза, он

оглянулся. Глаза Джессики широко распахнулись, и нить тут же прекратилось. Видимо, она решила дуться молча, потому что понурилась, разметав огненно-рыжие волосы по плечам, сложила на груди руки и уставилась в окно.

С довольной улыбкой я напечатала:

«Я твоя должница».

«Не то слово».

«Чеки принимаешь?»

«У меня есть кое-какие наметки. Обговорим детали, когда вернемся домой».

Все внутри меня подпрыгнуло от восторга. Господи, ну как на него можно злиться?

«Договорились».

— Так откуда вы родом? — вдруг спросила у Рейеса агент Карсон.

Я опять повернулась к нему и наградила предупреждающим взглядом. Пусть Карсон агент ФБР, но хитрость родилась раньше меня. Наверняка САК не заметит моей молчаливой угрозы.

Ни капельки не впечатлившись моим красноречивым взглядом, Рейес поглазел на мои губы, а потом наконец ответил:

— Так сразу и не скажешь.

Напряжение отступило. Он не сказал «Из ада». И слава богу. Непросто объяснять друзьям, что твой жених родился и вырос в вечном пламени проклятья. И что его отец — враг номер один всего человечества. И что сам жених сбежал из ада и родился человеком на земле, чтобы быть рядом со своей любимой. Романтичная история, но, если такое произнести вслух, можно смело ждать в гости дядечек с сачками для бабочек.

— А долго вы в Альбукерке? — опять поинтересовалась Карсон.

Теперь она явно пыталась уловками выяснить подробности. Потому что прекрасно знала, кто такой Рейес. Да все знали! Он стал чем-то вроде местной знаменитости, когда его выпустили из тюрьмы, где он сидел за убийство человека, который его вырастил. Правда, слово «вырастил» в этой ситуации — крайне щедрый эвфемизм. У властей попросту не было выбора, когда упомянутый мужик явился собственной персоной, целый и невредимый. Правда, теперь он не такой уж невредимый — Рейес рассек ему позвоночник. Но все-таки мужик жив и прекрасно себе дышит. Через трубочку! И это лучшая часть всей истории. Однако день за днем в новостях снова и снова мусолили тему ошибочного приговора, вынесенного Рейесу, из-за чего тот стал весьма популярным. Не таким популярным, как Гейзенберг и Пинкман^[4], но надежда, как говорится, умирает последней.

— Сколько себя помню, — ответил на вопрос Рейес.

— Он купил папин бар, — сообщила я Карсон, чтобы сменить тему.

— Слышала новости, — отозвалась она.

Значит, домашнюю работу сделала. Наверняка ей известно, какого размера обувь он носит и какой кофе предпочитает.

Кофе...

От одной только мысли потекли слюнки. С тех пор как я выпила последнюю чашку, прошла уйма часов. Несколько дней назад я прочла, что кофеин вреден для деток размером с фасолинку, и теперь пыталась найти в себе силы бросить пить кофе. Хотя уже подозревала, что такой подвиг мне не по плечу. Ну не смогу я. Никак не смогу. Не выйдет, и все тут.

— Ну а сами вы как? Приспосабливаетесь? — спросила Карсон, имея в виду жизнь Рейеса за пределами тюрьмы.

— Может быть, все-таки АК? — снова сменила я тему.

Потому что чувствовала, как напрягают Рейеса ее назойливые вопросы. Но ничего, кроме искреннего любопытства, агент Карсон не испытывала. И Рейес наверняка ощущал это так же ясно, как и я. Вот только утро у нас прошло не так гладко, как хотелось бы, поэтому, наверное, лучше на Рейеса сейчас не давить.

— Вы о чем? — уточнила Карсон.

— О вашем имени. Видите ли, специальный агент Карсон — это как-то чересчур безлично, особенно если учесть, через что мы с вами прошли. А вы постоянно на корню пресекаете все мои попытки сменить вам имя на САК.

— Между прочим, вам повезло. Менять имя человека без его согласия — уголовное преступление.

— Ерунда! — отмахнулась я. — Но я это к тому, что...

— Кит.

— Кит? — недоуменно переспросила я.

— Так меня зовут.

— Вас зовут Кит Карсон^[5]?

Она так сильно стиснула зубы, что заиграли желваки, и процедила:

— Да. Вам что-то не нравится?

— Нет! Вовсе нет. — Я покатила имя на языке. — Очень даже нравится. Кит Карсон. Не пойму только, почему имя кажется таким знакомым?

— Даже представить не могу.

— Значит, я могу называть вас Кит?

— Если не боитесь оказаться под арестом.

— А-а, понятно.

Жесткая линия, в которую превратились ее губы, смягчилась.

— Шучу. Разумеется, вы можете называть меня Кит. Да хоть Джорджем, если хотите. Лишь бы не САК.

— Джордж мне тоже нравится, — сказала я, — но так я уже назвала душ Рейеса. Боюсь, возникнет путаница, если я когда-нибудь попрошу Рейеса, скажем, отполировать Джорджа. — Глядя на Карсон, я поиграла бровями. — Понимаете, к чему я клоню?

Она слегка порозовела:

— Тогда давайте остановимся на Кит.

— Я — за.

— С вами-то все в порядке?

Я проследила за ее взглядом и поняла, что она смотрит на мои руки. Так и знала! Честное слово, со стороны я выглядела так, будто у меня отходняк от крэка.

— Само собой! Всего лишь нехватка кофеина.

Несколько раз Кит удивленно моргнула, но все же взяла себя в руки.

— Теперь ясно, почему нет кофе. Странно видеть вас без чашки в руках.

— Я и чувствую себя странно.

— Ну и?

В ответ я изогнула бровь.

— Объяснить не желаете? С чего вдруг именно вам отказываться от кофе?

Быстренько глянув через плечо, я ответила:

— Мы беременны.

Услышав новости, Кит подскочила. В буквальном смысле. Ее колено задело руль, и мы чуть не оказались на встречной полосе. Хорошо хоть машин на дороге не было.

Выровняв руль, Кит глубоко вздохнула:

— Не может быть. В самом деле? Вы — и вдруг мама?

— Какого черта? — оскорбленно ахнула я. — Я могу быть мамой. Да я супермамой стану!

— Нет-нет, вы правы, — отступила Карсон, стараясь справиться с шоком. — Вы станете замечательной мамой. Может быть, на занятия походите, да? Узнаете, что для этого нужно, и все такое.

— Я вас умоляю! У меня все на мази. Вот-вот куплю золотую рыбку. Потренируюсь на ней. Знаете, как говорят: начинать нужно с малого. Так постепенно и до ребенка dorасту.

— Вы сравниваете заботу о рыбке с воспитанием ребенка?

— Нет. — Похоже, я начинала огрызаться, хотя, положив руку на сердце, реакция Карсон была предельно понятной. Представить не могу, кто бы меньше подходил на роль матери, чем я. — Просто говорю, что если рыбку не угроблю, то с ребенком уж как-нибудь справлюсь.

Кит замаскировала смех легким покашливанием. Как оригинально!

— Вы ведь понимаете, что воспитывать ребенка не значит всего лишь сохранить ему жизнь?

— Само собой, — уверенно отозвалась я, хотя никакой уверенности не ощущала. — Уж поверьте, понимаю на все сто.

— Если вы начнете с рыбки, то где найдете ребенка, на котором будете тренироваться до появления на свет собственного?

— Так далеко я еще не заглядывала. Сосредоточилась пока на рыбке.

— Что ж, хорошая мысль, — сказала наконец Кит, но соврала. Уж я-то знаю.

Я повернулась посмотреть на деревья, как вдруг Джессика набралась храбрости вмешаться:

— Бедный ребенок! Иметь такую мать, как ты, жестоко и ненормально.

Наверное, Рейес еще раз на нее взглянул, потому что Джессика тут же умолкла. Не знаю, зачем он утруждался. Она права. И, хотя агент Карсон всего лишь хотела меня подразнить, в ее словах звучала абсолютная правда. Я ничего не знаю о том, как быть матерью. Единственный пример, который был у меня перед глазами, — это ведьма в волчьей шкуре, мачеха, которую больше волновали ее бегонии, чем я.

Кого я пытаюсь обмануть? Малышка еще не родилась, а уже влипла в неприятности.

На плечи навалилась тяжесть. Та самая тяжесть, которая появилась, как только я узнала о булочке в духовке. Разумеется, эту беременность никто не планировал. О безопасном сексе мы с Рейесом вспоминали в лучшем случае раз в пятилетку. Откуда нам было знать, что я могу от него забеременеть? Бога ради, он же сын Сатаны! Я лично всегда думала, что это невозможно.

Теперь получается, что дедушка нашей дочери — сам Сатана. Ее отца в прямом смысле создали в аду. А мать на полставки работает ангелом смерти. Нас вполне можно назвать неблагополучной семьей, и это в лучшие дни. Я из тех, кто, как правило, обойму винтовки видит наполовину полной, но в сложившейся ситуации все правила летят псу под хвост. Нашей булочке всегда будет грозить опасность. Ей-богу, от меня больше проблем, чем от гонореи.

Звякнул мой сотовый, и я прочла эсэмэску от Рейеса:

«Посмотри на меня».

Вот только не хотелось. Наверняка он ощутил мои чувства и теперь испытывал желание меня пожалеть. Может быть, даже защитить. Но и Джессика, и Кит были правы.

Рейес терпеливо ждал, когда я повернусь. Сглотнув неуверенность в себе, я оглянулась. К моему удивлению, выражение его лица ожесточилось. Несколько секунд он молча изучал меня взглядом, и в глубине его глаз уже поблескивали первые молнии приближающейся грозы.

— Прекрати, — мягким тоном сказал он. Слово прозвучало угрожающе тихо. Так тихо, что пришлось хорошенько прислушаться. Рейес провел пальцем по моим губам. — Je bent de meest krachtige magere hein ooit en je zou je door meningen van anderen aan het wankelen laten brengen?

Перевод: ты самый могущественный ангел смерти за всю историю их существования, и ты готова так запросто позволить чужому мнению себя запугать?

Ответ: похоже на то.

Я подняла голову и заправила за ухо каштановый локон. О том, что я самый могущественный ангел смерти, Рейес говорил мне много раз. Но ни один из предыдущих ангелов смерти еще не оказывался в интересном положении. Мы ступили на нехоженую тропу, а значит, Рейесу придется мириться с моей неуверенностью. В обычных обстоятельствах мне было бы плевать на чужое мнение. Но, как бы то ни было, я все-таки человек. По крайней мере отчасти. Быть матерью — это вам не чай с плюшками пить, а крайне серьезное дело.

От меня не укрылось, что Рейес говорил на голландском. С самого моего рождения он называл меня Датч^[6], но я никогда не слышала, чтобы он говорил на этом языке. Красивый иностранный язык в исполнении глубокого бархатного голоса оставлял у меня на языке теплый вкус ирисок.

Моя реакция явно понравилась Рейесу — он прикрыл глаза и потянулся ко мне своим жаром. Я ощутила тонкие ниточки жидкого пламени, которое мгновение спустя затопило меня с головой, разлилось в животе и сосредоточилось между ног. Инстинктивно колени чуть-чуть раздвинулись, словно давая Рейесу разрешение оказаться внутри. Но сейчас было явно не подходящее время.

— Прекрати, — прошептала я, повторяя его приказ.

На щеке Рейеса появилась ямочка.

— Maak mij.

То бишь «А ты заставь». Из-под ресниц на меня смотрел сам вызов. Еще чуть-чуть — и мне крышка.

— Приехали, — сообщила Кит, то ли не замечая наших игрищ, то ли решив не обращать на нас внимания.

Она свернула на грязную дорогу к въезду в лагерь как раз в тот момент, когда зазвонил мой телефон. Это была Куки.

Перед тем как ответить, я глубоко вздохнула, чтобы хоть немного остыть и притвориться, будто мой жених вовсе не пытался меня соблазнить. Честное слово, от его присутствия легче не становилось.

— Привет, Кук.

Куки Ковальски не только моя лучшая подруга на всей планете Земля, но по

совместительству и мой секретарь дефис ассистент, которая вполне даст фору лучшим в мире сыщикам. Ей по плечу найти что угодно о ком угодно. А еще она моя соседка. И готовит сумасшедшую энчиладу. Натурально сумасшедшую. Под кукурузной лепешкой получается такая острота, что вкусовые рецепторы еще пару дней побаливают. Одним словом, идеально.

— Привет, босс. Чем занимаешься? — поинтересовалась Куки.

Каждое утро мы вместе пьем кофе и обсуждаем текущие дела, но сегодня я уехала очень рано и не успела объяснить, что больше нам совместный кофе не светит. От одной только мысли об этом я катилась прямиком в глубокий черный депрессняк. В таком состоянии я обычно сворачиваюсь в позе зародыша и бубню себе под нос мелодии из сериалов. А потом вдруг вспомнилось, что мучения продлятся месяцев восемь, плюс-минус. Может быть, мне повезет, и булочка выскочит из духовки на пару недель раньше. Когда доберусь до стадии выброшенного на берег кита, придется, наверное, делать зарядку и пару-тройку раз поучаствовать в триатлоне. Так сказать, потороплю булочку.

— Расследую всяк с агентом Карсон. А что?

— Извини, что беспокою, но звонил твой дядя. У него для тебя дело.

Подъехав к главным воротам, Кит остановила джип и принялась копаться в портфеле.

— Ты меня вовсе не беспокоишь. А дядя Боб пусть поцелует меня в зад.

Так уж вышло, что сейчас дядя Боб, он же детектив полиции Альбукерке, находился в моем черном списке.

— Ладно, но у него для тебя дело, — едва ли не по слогам повторила Куки.

— Плевать.

— Оно как раз по твоей части. Россыпь предсмертных записок от самоубийц.

— Это вообще не по моей части. Это как минимум в двух частях от моей.

— Видишь ли, те, кто вроде как писал эти записки, пропали без вести.

Я села ровнее.

— Пропали? И куда они подевались?

— Говорила же, — в голосе Куки так и звучала самодовольная улыбка, — как раз по твоей части.

Блин, подловила. Я не увидела, но почувствовала, как у меня за спиной улыбается Рейес.

— Вернемся через пару часов. Тогда все и расскажешь.

— Идет.

Нажав «отбой», я осмотрелась по сторонам. Большую вывеску, когда-то сообщавшую приездим, что они попали в летний лагерь «Четыре ветра», тот тут, то там перекрывали таблички со словами «ЗАКРЫТО» и «ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Я глянула на Кит:

— Странно, что лагерь все это время был закрыт.

Она пожала плечами:

— А вы бы отправили своего ребенка туда, где было совершено массовое убийство?

— Тоже верно.

— Плюс отчасти, видимо, это решение приняли из уважения к родственникам погибших, — добавила Карсон, а потом махнула в сторону металлических ворот: — Отсюда придется идти пешком. Ворота заперты на замок, а ключа у меня нет.

С того места, где мы стояли, я не видела ни построек, ни озера, но откуда-то со стороны холма ощущала легкое притяжение. Там определенно что-то было.

Да уж. Мне предстояло поизворачиваться. О моих способностях, за неимением более подходящего слова, Кит ничего не знала. А после школьного фиаско с Джессикой я решилась открыть правду всего лишь нескольким самым близким людям, и то старалась хранить свои тайны как можно дольше. Поэтому сегодня, когда агент Карсон так близко и ее совершенно нечем отвлечь, я со своей необъяснимой склонностью болтать с мертвецами вполне могла вляпаться по самую макушку.

И все же надеялась, что мой план сработает. Если уж Рейес намерен ходить за мной попятам, то пусть хотя бы отвлекает Кит. Когда мы вылезли из машины, я ему кивнула. Он нехотя кивнул в ответ. Итак, мы официально участвуем в новой части «Миссия невыполнима». Так и подмывало ринуться на подвиги, бормоча под нос саундтрек из фильма, но не хотелось, чтобы Кит стала думать обо мне еще хуже.

Закрыв дверь машины, я пошла вверх по склону. Как по волшебству, рядом появился Рейес. Правда, не стал опять закидывать меня претензиями на счет того, что ушла без него. Так или иначе, ему придется смириться. Потому что сегодня мне было нужно, чтобы он чем угодно занимал Кит, если вдруг на пути попадется призрак. Конечно, можно воспользоваться сотовым, что я иногда и делаю, когда разговариваю с мертвецами, но бывают случаи, когда этот вариант отпадает. Порой ситуация требует более решительных действий. Однажды, например, мне пришлось подержать чувака, умершего во время ограбления супермаркета, в удушающем захвате. Чувствовала я себя, мягко говоря, неловко, учитывая, что поблизости маячили копы. Чудом пронесло, чтобы не попасть в дурдом. Но чувак рассказал мне все, что было надо, так что оно того стоило.

И все-таки я не имела ни малейшего желания устраивать подобные спектакли на глазах у Кит. Она из хороших парней. Не хотелось бы, чтобы она посчитала меня буйной психопаткой. Теплоты в отношении такие вещи не добавляют.

Пешком мы прошли по густой опавшей листве через буйно разросшийся подлесок, пока не оказались на большой поляне с озерцом и несколькими постройками. Когда-то цветущий, пышный жизнью лагерь превратился в умирающий клочок земли с осыпающимися домиками и поблекшей зеленью.

— А весь этот кошмар произошел случайно не в пятницу тринадцатого ^[7]? — спросила я, заметив посреди озера деревянную весельную лодчонку, которая мерно покачивалась на воде. Ей-богу, мне и в голову не приходило, что будет так жутко.

— Нет, — догнав меня, отозвалась Кит.

Осторожно обойдя разлапистый высокий кактус, я вышла на залитый солнцем пятачок и уставилась на играющих детей. Все девочки. Они прыгали через скакалку, играли в классики прямо в пыли, собирали головоломку из маленьких дощечек, связанных истертой веревкой, и падали в траву, хохоча до колик в животе.

Сцена пробудила во мне воспоминания из детства. Задолго до появления Джессики у меня была подруга по имени Рамона. С кожей цвета черного кофе и вьющимися волосами, которые ей заплетали в две коротенькие косички, не достающие даже до плеч. И косички постоянно торчали в стороны. Те дни занимали особое место в моей памяти. Тогда мне казалось, что солнце встает только ради Рамоны. А ее смех согревал до глубины души.

Нам было по семь лет, когда ее на велосипеде сбила машина. В тот день Рамона ехала ко мне. После этого мы еще много лет играли, пока она не решила, что без нее я не пропаду. Когда она через меня перешла, я узнала истинное значение любви, и это навсегда отпечаталось в моей памяти. И, только когда мы познакомились с Куки, я поняла, что такая

любовь может встретиться в жизни не раз. Настоящая привязанность. Искренняя, самоотверженная дружба. Эпических масштабов верность, когда все отдашь друг за друга.

Глядя на этих девочек, которые, без сомнений, погибли при трагических обстоятельствах, я увидела ту самую любовь, ту самую близость. И не важно, что именно эти ужасные обстоятельства и свели их вместе. Они прыгали, бегали и смеялись, словно каждый день обедались кексами и сладкой ватой.

— Ужасно печально видеть это место таким, — вздохнула агент Карсон, оглядывая лагерь. — Брошенным. Совершенно безжизненным.

— Напомните-ка мне, сколько здесь убили человек, — попросила я.

Прислонившись к дереву, Рейес с легкой улыбкой наблюдал за безмятежными детскими играми. Я и забыла, как он любит детей. По его мнению, дети — это круто. Да уж, он наверняка станет потрясающим отцом. Может быть, вместе с ним мне и удастся справиться со священными материнскими обязанностями.

— Пять, — сказала Кит. — И одна девочка пропала без вести. Ее так и не нашли.

Я кивнула:

— Подозреваемых по имени Джейсон не было?

— Нет, — тихо усмехнулась она. — Но в списке допрашиваемых была некая миссис Вурхиз. На допросах казалась весьма обеспокоенной.

Несколько секунд Кит пристально смотрела на меня, а я искоса поглядывала на девочку, которая несмело шагнула к нам поближе. Чуть младше остальных, с поразительно белыми волосиками, сказочно обрамлявшими кукольное личико. На ней было платье из водопада изумрудных рюшей. Такой наряд в летнем лагере увидеть никак не ожидаешь. Но самым прелестным в ней были ушки, выглядывающие из-под волос и чуточку загнутые сверху. Существой эльфы на самом деле, она была бы одной из них. Или маленькой лесной феей.

— А что? — наконец спросила агент Карсон с любопытством, щедро приправленным подозрительностью. — Зачем вы спрашиваете, скольких здесь убили, если сами вдоль и поперек изучили дело?

Притворяясь, будто рассматриваю землю, как какой-то следопыт, я присела и, улыбнувшись маленькой фее, протянула ей руку так, чтобы не видела Кит.

— На всякий случай.

Здесь погибло больше пяти человек. Пока фея раздумывала, я еще раз осмотрелась по сторонам. Вокруг нас играло восемь или даже девять девочек. Фея внимательно глядела на меня, явно приспособливаясь к свету, который меня окружает. Видят его только призраки и некоторые другие сверхъестественные существа. Я, например, не вижу. Но, судя по реакции других, это нечто удивительное.

Рядом со мной присел Рейес, и фея пугливо отступила назад. Я сердито уставилась на него, но он кивнул в сторону деревьев. Из-за сосны выглядывала еще одна девочка. Если бы не полосатая футболка и бирюзовые шорты, я бы ее и не заметила.

Я показала глазами на Кит, и Рейес согласно кивнул.

— Можно мне еще разок взглянуть на дело? — попросила я.

Рейес встал на ноги, а Карсон передала мне папку. Поняв, что Рейес не собирается к ней подходить, фея явно успокоилась, подняла руку и над чем-то рассмеялась. Я так и не поняла, что ее рассмешило, но улыбка была заразительной. До меня вдруг дошло, что и я, и Рейес улыбаемся точно так же.

— Место преступления осмотреть не хотите? — спросила меня Кит, начиная

удивляться тому, как я себя веду.

И это было замечательным поводом ее отвлечь.

— Конечно. Может быть, проводите туда Рейеса? А я через минутку подойду.

Не зная, что и думать, Кит переводила взгляд с меня на Рейеса и обратно. А потом, пожав плечами, повела его к домикам.

На главном здании, которое, видимо, служило офисом администрации, все еще кое-где висели остатки полицейской ленты. Изодранные полоски покачивались на легком ветру, поднимая с земли столбики пыли. Стекла в большинстве окон были разбиты, крыша слегка покосилась. Брошенные здания всегда стареют.

Наконец у меня появился шанс нормально поговорить с девочкой, которую явно очаровал мой свет. Я подмигнула ей, но не успела и рта раскрыть, как рядом нарисовалась Джессика и закрутилась вокруг своей оси, разглядывая девочек, которые вдруг побросали свои дела и теперь открыто глазели на нас. Большинству из них было любопытно, но некоторые явно готовились дать деру. Наверняка они испарятся раньше, чем я успею задать хоть один вопрос.

— Что здесь произошло? — ошеломленно спросила Джессика.

— Точно не знаю, — ответила я, — но мы над этим работаем.

Еще одна девочка, на вид лет девяти-десяти, присоединилась к фее, которая уже всюду кружилась вокруг меня. Вдвоем они выглядели так, словно жарким летним днем бегают мимо разбрызгивателей — носились рядом и пытались поймать искры моего света, хлопали и заглядывали себе в ладошки, а потом весело смеялись. Я не могла удержаться и смеялась вместе с ними, зато Джессика продолжала смотреть на них с крайне озадаченным видом.

— Не понимаю, — нахмурилась она. — Что с ними случилось?

— Я не знаю, Джессика. — Покопавшись в папке, я наконец нашла газетную статью с фотографией того самого бомжа, которого часто видели в этих местах. Его привезли в участок для допроса, и кто-то сделал снимок. — Это мы и пытаемся выяснить. — Я протянула открытую папку девочкам. — Можно я вас кое о чем спрошу?

Первой осторожно приблизилась та, что постарше. За ней — фея. Я показала пальцем на подозреваемого:

— Из-за него вы здесь? Он вас убил?

Говорить об этом вслух было ужасно. Но не существует способа сказать такое помягче. За всю свою жизнь я убедилась в одном: в девяноста девяти процентах случаев мертвые намного проще говорят о своей смерти, чем живые.

Сощурившись, старшая заглянула в папку и покачала головой. А вот фея, наоборот, энергично закивала.

— Это не он, — возразила старшая.

— Он. Сама посмотри. — Фея провела пальцем по фотографии, пока не остановилась на чем-то на заднем плане.

Это был коп. Или, может быть, помощник шерифа. Он стоял в стороне и разговаривал с какой-то женщиной. Наверное, с журналисткой. Фотограф сделал снимок как раз тогда, когда мужчина повернулся и посмотрел прямо в камеру.

— Точно! — сказала старшая. — Это он. Он пришел к нам домой. Я уже вернулась из школы, а мамы еще не было. Он сказал, она попала в аварию, и мы должны поехать в больницу. Только до больницы мы так и не доехали.

Фея опустила голову.

— А я была в гостях у подружки. Хотела пойти домой, потому что Синди Крейн вырвало. А потом и мне стало плохо, ну я и ушла. Только заблудилась. Он сказал, что поможет мне найти маму. — Когда она взглянула на меня огромными зелеными глазами, сердце зашлось от боли. — Сначала он был очень-очень добрым.

Я зажмурилась. Не понимаю. Почему в мире так много зла? Чем эти чудесные девочки заслужили такую ужасную участь? Я подумала о будущей дочери. С чем ей придется столкнуться? Что придется преодолевать? Честно говоря, приятными эти мысли не назовешь и с натяжкой.

С трудом держа себя в руках, я глубоко вздохнула.

— Вы что-нибудь знаете о людях, которых здесь убили? Когда на них напали, они готовились к открытию лагеря.

Фея показала на здание:

— Это там. Там их убили.

— И вы знаете, кто это сделал?

Она опять показала на фотографию. На того же мужика.

— Он привез сюда Ванессу, — добавила старшая. — А они его видели.

Значит, эти люди заметили, как он хоронит очередную жертву, и он с ними расправился.

— Вы знаете, где вас похоронили?

— Конечно, — ответила фея и махнула в сторону деревьев, окружающих поляну. — Там, у большущего камня.

Теперь хоть можно сказать Кит, где искать. Само собой, она захочет узнать подробности, но все равно все сделает как положено. Эти девочки заслуживают нормальных похорон. А их родственникам необходимо хоть что-то знать наверняка.

— Мы все там, кроме Лидии, — вдруг сказала старшая.

— Лидия Уикс? — переспросила я, в тысячный раз просматривая записи. — Девочка из лагеря, которую так и не нашли?

— Ага, он ее забрал куда-то в другое место. Она с нами не играет. Прячется там, где деревья.

На этот раз они обе показали в другую сторону — на девочку в бирюзовых шортах.

— Это она? — уточнила я, поднимаясь на ноги.

— Ага.

Я наклонилась к девочкам:

— Я скоро вернусь, хорошо?

Они кивнули и опять стали ловить свет, мельтеша, как мотыльки в солнечных лучах.

У Джессики был совершенно растерянный вид, но я все-таки попросила:

— Не окажешь мне услугу? Присмотришь за ними, пока я не вернусь?

— Чего? Я?! — Можно подумать, я ей побриться наголо предложила. — Я не могу... не умею... Я ничего не знаю о детях.

— Добро пожаловать в клуб, — подмигнула я.

Перед тем как пойти к Лидии, я посмотрела на постройки. У главного здания, стоя спиной ко мне, Кит что-то объясняла Рейесу. Решив, что более подходящего момента не придумаешь, я сорвалась с места, как матерый спринтер, и мельком заметила сердитый взгляд Рейеса.

Стоило мне приблизиться, как Лидия спряталась глубже в тень. Ей было одиннадцать,

на капельку больше, чем всем остальным девочкам. Глядя на меня, она слегка нахмурилась. Похоже, в ней текла азиатская кровь. Темные миндалевидные глаза, прямые черные волосы ниже плеч.

Боясь ее спугнуть, я остановилась и медленно пошла вперед.

— Привет, Лидия. — После пробежки легкие горели, сердце неслось вскачь. Шагнул еще чуточку ближе, я изобразила самую дружелюбную из своих улыбок. — Меня зовут Чарли.

Ни слова не говоря, девочка развернулась и помчалась прочь.

— Ну класс! — проворчала я, нырнув под ветку и опять сорвавшись на бег. — Всегда проигрывала в салки. Вечно приходилось за всеми бегать. — Уже едва дыша, я споткнулась не то о листик, не то о какой-то корешок. — Даже подумывала имя сменить на Салка. Было бы веселее играть.

Слава богу, Лидия бежала зигзагами, а потом вдруг одним изящным прыжком пролетела над упавшим деревом. Мне такой трюк оказался не по зубам. Ободрав ноги о кору, я перелезла через препятствие и, пыхтя и задыхаясь, спрыгнула по другую сторону. Правда, посетовать на судьбу еще хоть немножко не удалось. Лидия наконец остановилась и смотрела себе под ноги. Пожелав эритроцитам поскорее насытиться кислородом, я тихонько пошла вперед, но, только когда подошла ближе, поняла что к чему. В одном месте на земле скопились листья и обломки веток, что очень напоминало неглубокую могилу. В грязи сбоку от холмика отчетливо виднелся скелет маленькой руки.

— Мне очень, очень жаль, Лидия, — все еще не отдышавшись, сказала я.

— Я хотела, чтобы вы сами увидели.

Присев, я очень осторожно коснулась косточек и только потом оглянулась на девочку:

— Я прослежу за тем, чтобы тебя обязательно нашли.

Она кивнула, и темные глаза наполнились слезами.

Мне хотелось сказать, что она может через меня перейти, снова увидеться с родителями, которые погибли в тот же день, но внезапно послышалось низкое утробное рычание.

По спине пополз озноб, глаза заматались от одной тени к другой.

— Медведь, что ли? — спросила я. — Очень надеюсь, что все-таки не медведь.

Выражение лица Лидии изменилось. Она смотрела на меня огромными беспокойными глазами.

— Я не должна была приводить вас сюда. Простите. Но мне хотелось вам показать...

Я встала.

— Я знаю, солнышко. Все в порядке.

— Нет, не в порядке, — поникла девочка. — Я поступила, как эгоистка!

— Вовсе нет, — строго сказала я.

Лидия явно собиралась расплакаться, но каким-то чудом еще держалась. А потом прошептала:

— Вы должны знать! Их призвали.

Коснувшись ее руки, я подалась ближе:

— Кого, солнышко? Кого призвали?

Рычание становилось все громче, и девочка оглянулась:

— Монстров! Их призвали. Целых двенадцать монстров!

Я застыла, заиклившись на числе двенадцать. Потом расправила плечи и развернулась,

выискивая в тенях адских псов — неуправляемых зверей, сбежавших из мира вечного проклятия, чтобы всласть порезвиться на земле. И разорвать меня на мелкие кусочки.

Не успела я задать очередной вопрос, как Лидия снова зашептала. Ее слова будто окутали меня черным, извечным дымом:

— Бегите... скорее!

Все мы ищем того, чьи демоны споются с нашими.

Наклейка на бампер

Обратно в лагерь я припустила так, что даже не замечала, как по лицу беспощадно хлещут ветки и сосновые иголки. Легко перемахнув через поваленный ствол, я зигзагами неслась между деревьями, едва ли осознавая, что окружающий мир превратился в размытое пятно. А все потому, что сосредоточилась только на звуках. Точнее на одном конкретном звуке — на рычании, которое почему-то больше ни разу не слышала.

Рядом в нематериальном виде появился Рейес, окутав меня фирменным жаром, но на объяснения времени не было. Выскочив из леса, я пулей помчалась к домикам и заорала не своим голосом:

— Двигаем отсюда! Быстрее!!!

Чуть не врезавшись в крайне озадаченную Кит, я подхватила с земли папку, которую сама же там и оставила, и поскакала к джипу. Без малейших возражений Карсон двинула за мной, на бегу вытаскивая ключи.

— Медведь? — спросила она, когда все уже сели в машину.

— Типа того, — уклончиво ответила я и многозначительно покосилась на Рейеса.

Крепко стиснув зубы, он осматривался по сторонам, а Кит уже успела выполнить идеальный полицейский разворот, подняв столб пыли.

Было не по себе вот так, не попрощавшись, бросать девочек, но я пообещала себе, что обязательно вернусь, когда с этой лабудой по поводу Дюжины будет покончено.

— Итак, — начала я, когда мы выехали на дорогу, — на восток от построек, сразу за кромкой деревьев у здорового валуна похоронены как минимум восемь девочек.

— Что?! — обалдела Карсон.

— А Лидия Уикс в противоположном конце лагеря в неглубокой могиле. Там рядом дерево упало.

Кит притормозила у обочины, отчего я не на шутку разнервничалась. А если псы меня видели? Пойдут ли они по следу? И если да, то что дальше? Вытащат меня из машины и радостно разберут на составляющие?

— Нам не стоит останавливаться, — выпалила я, чувствуя, как вспотели ладони. Не то от неожиданных физических нагрузок, не то от нервов.

— О чем вообще речь? Какие еще девочки?

— Ах да! — Я взяла папку и нашла газетную статью. — Это ваш убийца. Лагерь для него был личным кладбищем. А люди, которые готовились к открытию, оказались там в неподходящее время. Может, все-таки поедem, а?

Кит не глядя взяла папку.

— Ну и как вы обо всем этом узнали?

Я беспомощно вздохнула, хорошо понимая, что не могу удовлетворить ее любопытство:

— Это моя работа, Кит. Просто поверьте мне на слово. Скажите коллегам, что мы хорошенько осмотрелись на местности и нашли тело. Могу даже карту нарисовать, где ее найти.

— А можете и показать.

Не успела я и глазом моргнуть, как Кит уже ехала обратно. Я коснулась ее руки:

— Не могу.

Мы стояли на нейтралке посреди дороги, как вдруг появилась еще одна машина. Не зная, что у нас на уме, водитель притормозил.

Секунду спустя Кит развернулась и поехала вниз с горы.

— Мне нужна карта.

— Будет сделано. — Я ткнула пальцем в копа на фоторафии. — Узнаете этого человека?

Наконец-то Карсон соизволила взглянуть на вырезку из газеты:

— Нет. А что?

— Он был в списке подозреваемых?

— Нет. Но один из агентов-оперативников рассказывал, как ссорился с помощником шерифа из Лос-Аламоса. Тот якобы задавал уйму вопросов, что, в принципе, вполне объяснимо, но наш парень утверждал, что помощник крайне извортливо выуживал информацию и хотел знать все до мельчайших подробностей. Хотя дело и подавно не входило в его юрисдикцию.

— Это и есть ваш убийца.

Удивленно моргнув, Карсон снова сосредоточилась на дороге и только после того, как справилась с несколькими крутыми поворотами, заявила:

— Однажды вам придется мне рассказать, как вы это делаете.

— Согласна, — отозвалась я, по макушку переполненная радостью, что все-таки осталась жива и при всех конечностях. Бросив притворяться, будто ничего странного не происходит, я обернулась к Рейесу: — Как у нас дела?

— Пока безопасно. Но нам нужен план.

— Какой еще план? В смысле они же... — Я в последний раз взглянула на Кит. Больше она никогда не посмотрит на меня так, как раньше. А если подумать, то, может быть, вообще больше никогда на меня не посмотрит. — Они же адские псы, — выдавила я, смирившись с тем, что могу потерять САК. — Что мы можем с ними сделать?

— Во-первых, сомневаюсь, что они так же чувствительны к свету, как их предшественники в этом измерении. И все же они не могут выйти под прямые солнечные лучи. Никому из ада такое не по зубам. По крайней мере без «защитного костюма».

— То есть без человека, внутри которого можно свободно расхаживать среди бела дня?

— Точно. Но не думаю, что они могут вселяться в людей.

— Не думаешь? То есть наверняка ты не знаешь?

— Наверняка — нет. Я никогда вплотную с псами не связывался. Зато знаю, кто частенько имел с ними дело.

Чтобы догадаться, мне хватило секунды:

— Дилер.

Дилер — наш новый приятель. В аду он был рабом, но, как и Рейес, сбежал в наш мир и теперь живет здесь как человек. Ему бог знает сколько веков, но на вид не больше девятнадцати лет.

— Да. Он даэва, а в их обязанности входит присматривать за другими рабами. Вроде псов.

— Хочешь ты этого или нет, но однажды тебе придется подробненько мне объяснить, что такое ад.

Кит так крепко сжимала руль, что побелели костяшки пальцев. Но сейчас я ничем не могла ей помочь.

— Я понимаю, что ты имела в виду, — вдруг сказал Рейес.

Только мне все еще ужасно хотелось побольше узнать о том, каков на самом деле ад, и о песиках, которых там вырастили.

— Даже не думай, что смена темы поможет тебе отвертеться от... Минуточку! Ты о чем?

— Об этом мире, — процедил сквозь зубы Рейес, глядя в окно на последние сосны и можжевельники, пока мы съезжали с гор в долину. — О том, чтобы дать здесь ребенку жизнь. И о том, что случилось с теми девочками.

Я обняла себя руками.

— Похоже, теперь это не важно, но сердце все равно кровью обливается. Особенно как подумаю, с чем придется столкнуться нашей дочери.

— Мое тоже, — не глядя на меня, сказал Рейес.

Надеясь, что Кит не выпишет мне штраф за то, что не пристегнута, я отстегнула ремень и перелезла на заднее сиденье к своему жениху. Он взял меня за руку, переплел наши пальцы и окутал живым согревающим жаром.

Ближе к городу я, как и обещала, позвонила Куки.

— Как все прошло? — спросила она вместо «Алло».

— Ну, мы не только выяснили, кто десять лет назад совершил все те убийства, но и вычислили серийного убийцу.

— Еще одного? Им тут медом, что ли, помазано?

— Вот и я о том же.

До сих пор я никогда толком об этом не задумывалась, но, похоже, наши места действительно привлекают всяких психопатов. В общем, я рассказала Куки о девочках. А не стоило. Ее, как и меня, тут же с головой захлестнуло глубокой черной депрессией. Вот только ее депрессия была куда более благородной, чем моя. Моя держалась скорее на отчаянном желании пожаловаться на жизнь.

Глядя на мою ладонь, Рейес провел пальцем по линии жизни, а Куки тем временем поинтересовалась:

— Что бы ты делала, если бы знала, что не облажаешься?

— Решала бы задачки на интегралы, наверное. А что?

— Просто любопытно. Если бы ты могла совершить идеальное во всех смыслах убийство, кого бы ты убила?

— Ну что ж, если бы я могла совершить идеальное убийство (а таких не бывает), то, наверное, смогла бы и во времени перемещаться. Тогда вернулась бы в прошлое и прикончила Гитлера.

— Интересненько, — протянула Куки.

— Почему? А ты бы кого убила?

Ей-богу, вести такие разговоры в машине агента ФБР как минимум не стоит.

— Бывшего мужа, — ответила Куки.

— Наверное, своему адвокату лучше об этом не говори.

Бывший Куки, с которым я, кстати, за три года так и не успела познакомиться, покоя ей не давал по поводу того, что она подвергла дочь опасности. Каким-то макаром он прознал о прискорбном нападении на меня у меня же в квартире, чему была свидетельницей Эмбер.

Вот только тогда она спросонок вряд ли что-то поняла. И все же ей, видимо, не составило труда сложить два и два и нечаянно упомянуть об этом в разговоре с отцом. Знай Эмбер, чем это аукнется Куки, держала бы язык за зубами. Что тут скажешь? Эмбер не знала своего отца так хорошо, как знала его Куки.

— Но если ты еще выбираешь, на ком остановиться, то у меня есть друг, у которого тоже есть друг, который...

— Да нет, обойдусь. Но спасибо. — Видимо, Куки решила забыть об этой идее. Что, наверное, к лучшему. — И все-таки, если бы я могла убивать безнаказанно, то выслеживала бы серийных убийц и мочила одного за другим. Стала бы серийной убийцей серийных убийц. Типа Декстером в юбке.

— Ага, поняла. Слушай! А я бы тогда стала твоей правой рукой! Крутой помощницей Серийной Убийцы Конченных Ублюдков. То бишь Крутой СУК... Минуточку, а можно заменить «У» на «А»? А то с «У» не так круто звучит.

Куки с хитрецей хихикнула:

— По поводу записки, которую ты оставила у меня на столе, ничего не хочешь уточнить?

— Это набор слов.

— Который ввел меня в полное замешательство. А слова эти хоть что-то значат?

— А слова вообще хоть что-то значат? Меня тут недавно осенило: если к началу слова приписать букву «А», то она превратит слово в его же антоним. Например, аморальный или ассиметричный.

— Да, но...

— Само собой, мне это и раньше было известно, но, кажется, мы с тобой не извлекаем из прецедента всей пользы.

— Теперь ясно. Суть уловила. Но вряд ли слово «асообразительный» на самом деле существует.

— Так в том-то и дело! Оно должно существовать! Куда приятнее услышать «асообразительный», чем «тупой».

— Кстати, ты дяде Бобу звонила?

— Еще нет. Но зарплата бы мне не помешала. Тем более что я плачу зарплату тебе.

— Какая здравая мысль! В этом месяце я могла бы поесть.

— Не беги впереди паровоза. Я не обещала заплатить тебе столько, чтобы хватило на еду на целый месяц. Наверное, тебе, барышня, придется завязать поясок потуже. И избавиться от прицепа. Этот твой отпрыск ест как не в себя, с тех пор как ему стукнуло тринадцать.

Чего я не упомянула, так это того, что Эмбер — размером с хвостинку в январе.

— Сама не знаю, что с ней делать, — в тон отозвалась Куки.

— Вот только не начинай, а то меня понесет! — Я вырвала руку из пальцев Рейеса, чтобы как можно драматичнее взмахнуть, но он поймал ее в воздухе и снова крепко сжал. — От твоей дочки одни проблемы. Еда, вода... Опомнись не успеешь, как она попросит снимать цепь всякий раз, когда ей в туалет приспичит.

— Не дождется! — фыркнула Куки. — Короче говоря, сегодня после обеда Роберт будет в суде, но он просил тебя перезвонить.

— Сдается мне, весь этот фарс с предсмертными записками придуман только для того, чтобы я позвонила дяде Бобу.

— Солнце, — мягко рассмеялась Куки, — тебе придется с ним поговорить.

— Ты так говоришь только потому, что вы встречаетесь. А значит, ты вынуждена принимать его сторону.

— Я вообще ничью сторону не принимаю.

— Да неужели? Две недели назад ты сама бы попросила меня выбросить его из машины на обочину.

— Ничего подобного. И ты это знаешь.

— Ну и фиг с тобой, — раздраженно вздохнула я. — Поеду через здание суда и поговорю с ним с глазу на глаз. Пусть пеной поплюется, как бешеная собака. А он, между прочим, заслуживает сравнений и похуже.

— Видишь ли, — неуверенно начала Куки, — это не самая лучшая затея.

Уровень интереса по шкале от одного до десяти: десять.

— Заинтриговала. И в чем же дело?

— Он официальный наблюдатель на суде по одному из своих дел.

— И что с того?

— А то, что председательствующий судья, скажем так, не самый большой твой поклонник.

— Железная Кулачина?! — взвизгнула я. — О да, я там точно нарисуюсь!

— Чарли, — насторожилась Куки, — ты же знаешь, что произошло, когда вы с ней виделись в последний раз.

— Пф-ф! Что было, то прошло, Кук. Теперь это асуущественно.

— Разве нормального слова для этой ситуации нет?

— Повторяю: асуущественно. Но ты жжешь, детка.

***

Кит подбросила нас до «Вороны» — бара, который Рейес купил у моего отца. И без того бледная САК совсем побелела, но сказала, что как можно скорее вышлет в лагерь команду агентов. Я верила, что она что-нибудь придумает. Как-нибудь объяснит, где и как мы нашли останки.

Очень хотелось помочь ей освоиться с тем, что она слышала, но нас обеих ждали дела. С объяснениями придется подождать. Было рано, и «Вороне» предстояло открыться только через час, но Рейесу до этого предстояло переделать кучу дел. О чем я и решила ему напомнить:

— У тебя работы непочатый край.

Мы свернули за угол бара и шли к дому через стоянку, где меня дожидалась Развалюха — моя машинка, она же вишневый джип «вранглер».

— Говорил же, я нанял управляющего, — сказал Рейес беспечным тоном, но я чувствовала, как напряжено все его тело.

Мало того, я это видела. От каждого звука сильные руки бугрились мышцами с узором из крепких сухожилий. Учитывая, что звуков на Централ пруд пруди, мышцам и сухожилиям пришлось несладко. Зато выражение лица Рейеса ни на йоту не менялось. Походка оставалась все такой же расслабленной, улыбка — все такой же умопомрачительной.

— Ну да, все время забываю, — пробормотала я и застыла как вкопанная. — Минуточку! А кого конкретно ты нанял?

— Тери, — пожал плечами Рейес.

— Не может быть!

Я пошла дальше, на ходу выискивая ключи в подержанной сумке от «Луи Виттон», которую оторвала на «еБэй» (потому что даже подержанный «Луи Виттон» лучше, чем вообще никакого), и обдумывая тот факт, что Тери — новый управляющий «Вороны». Лично мне казалось, что Тери работала барменом у папы целую вечность. И пусть эта женщина была порой грубовата, но лучшей кандидатуры на должность я и представить себе не могла.

— Она же супер!

— Ага.

— И честная.

— Знаю.

— И не пила уже пять лет. Хотя это дикость, конечно. Зачем алкоголику идти работать барменом? Разве это не все равно что пустить козла в огород? Заодно и порядок там навести. По-моему, метафора прозрачная, — поиграла бровями я.

— Наверное, по той же причине, по какой твоя сестра с серьезным ОКР стала психотерапевтом. Чтобы помогать людям.

— Ну да, есть такое дело. Тери на раз определяет, кому уже за глаза. Ее даже прозвали обломщицей. — Я вставила ключ в замок и открыла дверь Развалюхи. — Ну а ты в ближайшее время собираешься хоть немного расслабиться?

Захлопнув дверь и придерживая ее рукой, Рейес прижался ко мне сзади:

— Это предложение? Я не против, чтобы мне размяли плечи.

Я развернулась к нему лицом:

— Ты же, кажется, на меня злился.

— Я и сейчас злюсь.

— Ну что ж, а у меня есть правило: не заниматься сексом с тем, кто на меня злится.

Он изогнул бровь:

— Тогда удивительно, что ты вообще когда-то занималась сексом.

— Согласна. Ну ладно. Мне надо в суд. Дело есть. Да и дяде Бобу надо выписать по первое число.

— И что он натворил?

— Он... он... — Я покачала головой. Нет у меня сил произнести такое вслух. — Я не могу об этом говорить. Слишком больно.

На щеке Рейеса появилась ямочка, которую до смерти захотелось поцеловать.

— Неужели все так плохо?

— Это еще слабо сказано! Даже не знаю, удастся ли нам это преодолеть.

— А то, что он уйму раз бежал к тебе по первому зову, спасал твою задницу и помогал с делами...

— Аннулировано и не имеет законной силы. — Я еще раз попыталась открыть дверь, но Рейес опять ее захлопнул. — Рейес, так я до конца дней своих внутрь не попаду.

— Ты собираешься куда-то без меня?

— Так ведь день на дворе. Ты сам говорил, что если Дюжина и пробралась в наш мир, то выйти на солнечный свет песикам не по зубам.

— На тебя чуть не напал один из них.

— Говорила же, я ничего не видела. Только слышала какое-то рычание. Между прочим, у меня мог желудок урчать.

Выражение лица Рейеса стало суровым.

— Они не какие-нибудь заурядные демоны, Датч. Я не знаю наверняка, что им подвластно, а что нет. И поэтому, — он отобрал у меня ключи, — я за рулем.

— Фигушки! — отозвалась я и запрыгала, пытаюсь вернуть себе ключи, которые Рейес поднял высоко над головой.

Честное слово, я как будто снова попала во второй класс, а Дэйви Крезап отнял у меня упаковку сока и держал высоко-высоко. Пока я не саданула ему коленом в пах. После этого он больше никогда не вел себя так по-скотски.

Я попыталась повторить успех с Рейесом, но он, увы, был быстрее — без труда перехватил мое колено и поднял, обернув себя моей ногой. Блин, как же все-таки мы друг другу подходим!

Снова толкнув меня спиной на Развалюху, Рейес прижался ко мне, положил ладонь мне на попу и тихо сказал прямо в ухо:

— Если еще раз попробуешь улизнуть без меня, у нас будет долгий и нудный разговор на тему благополучного существования твоей задницы.

Он сжал пальцы, и в животе волной разлилось тепло. Я обеими руками схватилась за стальные ягодицы, прижала Рейеса к себе еще теснее и тем же тоном заявила:

— Если еще раз захочешь поугрожать моей заднице, убедись, что твоя собственная в безопасности. И не таких укрощали.

Он отступил на шаг.

— Неужели ты только что пригрозила меня отшлепать?

Я рассмеялась:

— Видишь ли, это не угроза, а...

Нарочно не договорив, я игриво похлопала по крепкой заднице. Оставалось лишь надеяться, что Рейес это почувствовал. С этими гадскими силами сына Сатаны ничего нельзя знать наверняка. Ей-богу, Рейес как несокрушимый булыжник с полным отсутствием болевых рецепторов. Зато я суперпрофи по части отрицания. Убедив себя, что он хоть как-то отметил мой маневр, я весело проговорила:

— Наверное, лучше тебе об этом не забывать, когда опять начнешь сыпать угрозами в мой адрес. — Тут я прикусила губу и добавила: — Или в адрес моей восхитительной задницы.

Несколько долгих мгновений Рейес смотрел на мой рот, а я впала в транс, глядя на золотые искорки в его глазах.

— Могу тебя заверить, Датч, — хрипло сказал он, — что никогда об этом не забуду. Чур, я впереди! — вдруг добавил он, бросил мне ключи, обошел Развалюху и остановился у пассажирской двери.

Еще пару секунд я стояла на месте, не в силах отвести от него взгляд и вообще не понимая, что он только что сказал. Господи, когда же я на него посмотрю? Забравшись в Развалюху, я глянула на своего умопомрачительно сексуального суженого, который явно ждал, когда я открою дверь. Изобразив самую злорадную на свете ухмылку, я завела двигатель и врубила заднюю скорость.

— Ты же понимаешь, — сказал Рейес сквозь закрытое окно, — что я могу с корнями вырвать эту хренову дверь?

— Не посмеешь! — ахнула я.

Темные глаза с вызовом сощурились, и моя суперпуперухмылочка испарилась. Увяла, как бегония в Сахаре. Открыв пассажирскую дверь, я злобно уставилась на Рейеса. Но ему было наплевать. Он смеялся. Весело и беззаботно.

Черт бы побрал сына Сатаны!

*В параллельной вселенной
я паркуюсь по диагонали.*

Наклейка на бампер

Честное слово, я пыталась уговорить Рейеса подождать на улице. Как могла, убеждала, что отчалю не больше, чем на минуту, но он настоял на своем. Пришлось вывалить карманы перед охранником, пройти через металлодетектор, сдать сумку на обыск, и только после этого мы вдвоем вошли в зал суда.

Дибби (прозвище, которым я величала дядю Боба, пока не решила придумать новое) сидел в третьем ряду. С ровной, будто кочергу проглотил, спиной он внимательно следил за ходом процесса. Я прошла на цыпочках и уселась рядом. С другой стороны от Дибби сидел капитан. Как любой преступник, которого силком затащили в зал суда, Рейес выбрал место в заднем ряду. Причем развалился поудобнее, положив руку на спинку скамейки. А вот Дибби, напротив, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Недоуменно и как будто испуганно взглянув на меня, он снова повернулся к свидетелю, дававшему показания.

— Да, — сказал белый мужчина в тюремной форме, — с Вики мы познакомились в баре примерно год назад и почти сразу вступили в интимные отношения. Она сама мне сказала, что уже несколько недель травила своего мужа, Стива, чтобы получить деньги по страховке.

Должно быть, Вики и была подзащитной. То бишь той самой женщиной, которая смотрела на свидетеля так, словно у него две головы. И показания этого человека потрясли ее до глубины души, что лично я ощущала всеми фибрами души собственной. Причем ее потрясение было таким мощным, что меня от шока и недоумения затошнило. Или так, или не на шутку разыгрался токсикоз.

— И мы должны так просто поверить вам на слово? — с ехидцей поинтересовалась адвокатесса со стороны защиты. — Осужденному преступнику, который уже давал ложные показания под присягой, чтобы получить условно-досрочное освобождение?

— Я вам правду говорю.

Вот в этом я очень и очень сомневалась. Мужу было хорошо под сорок, и выглядел он так же надежно, как чувак, который попался мне на глаза пару дней назад, и который продавал бэушное исподнее прямо из багажника. Так что сейчас я однозначно была на стороне защиты.

Не глядя на своего гадского дядюшку, я прошептала:

— Врет, как дышит. И кстати, чего тебе надобно, Иудушка?

Да-да, это и есть новое прозвище дяди Боба. Иудушка. Потому что они оба были мелочными и гадкими предателями. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки.

Явно не испытывая большого желания отвлекаться на разговоры, дядя Боб откашлялся и тихо ответил:

— У меня есть для тебя дело. И что значит «врет, как дышит»?

Я всю разглядывала подзащитную, сидевшую слева от нас за внушительным столом. Крупная молодая женщина с мягкими каштановыми волосами, собранными сзади. На ней было жутковатого вида платье, рукава которого сдавливали руки. Глядя прямо перед собой,

она то и дело переплетала пальцы. Казалось, ей куда комфортнее в джинсах и ковбойских ботинках, чем в платье. К тому же у нее были огрубевшие руки, а значит, эта женщина — настоящая работяга. И в качестве вишенки на торте — она была целиком и полностью невиновна.

— Это и есть твое дело? — спросила я Иудушку.

— Да. Мы его несколько месяцев лепили.

— Ну что ж, тогда тебе, наверное, не стоило нанимать Вайнону Джейкс на помощь с делами. Потому что женщина за столом защиты так же невиновна, как мизинец на моей левой ноге.

Дядя нервно заерзал, и от него густыми волнами пошел страх. Капитан мрачно покосился на нас. Я почувствовала, как он отреагировал на мои слова — крайне негативно, чего и стоило ожидать. Однако во время нашего последнего randevу он кое-чему научился и теперь знал наверняка, что я умею чувствовать то, чего не чувствуют другие люди.

— Что ты имеешь в виду, милая? — терпеливо спросил Иудушка. Уж не знаю, откуда у него вообще взялось терпение, тем более что я изо всех сил старалась вести себя мерзко и гадко. Но он первый начал. — Я ведь тебе говорил, что не нанимал Вайнону Джейкс, а всего лишь хотел отплатить тебе той же монетой. Ты же первая пыталась меня подставить, помнишь?

Держите меня семеро! Да, я его подставила. Но ведь ради его же блага!

Дядя Боб никак не мог решиться позвать Куки на свидание, вот я и разработала целый сценарий, чтобы наконец сдвинуть дела с мертвой точки. По плану, Куки должна была сходить на несколько свиданий, что, конечно же, вызвало бы у дяди Боба бешеную ревность. Тогда он бы озверел и пригласил Куки на ужин. Вот только он нас раскусил и отомстил, позвав на помощь липовую экстрасенсу. Ну или притворился, что позвал ее на помощь. Чтобы, так сказать, погладить меня против шерсти. Это я понимаю, честно. Я пыталась разыграть его — он разыграл меня. Но то, что дядя Боб сделал потом, просто-напросто непростительно!

— Ты сам прекрасно знаешь, что натворил, — процедила я, сложив на груди руки.

— Честное слово, понятия не имею.

Я закрыла глаза, сосчитала до десяти и сказала как можно спокойнее:

— Книга.

Примерно секунду до Иудушки доходило, о чем речь, а потом он согнулся пополам и закашлялся, чтобы скрыть смех. Все устали на нас, но дядя Боб быстро пришел в себя и еще пару раз с покрасневшимся лицом покашлял в носовой платок.

— Неужели она это сделала? — спросил он из-за белой тряпочки. — Вайнона Джейкс послала тебе книгу?

— Я и не думала, что ее уже опубликовали! — прошипела я сквозь стиснутые зубы. — Твоя Вайнона — такая же поддельная, как оргазм порнозвезды. Как ей вообще удалось заполучить контракт с издательством?!

Наклонившись ко мне, дядя Боб с понимающим все на свете видом прошептал:

— Так все дело в этом?

— Может быть. — Я смотрела прямо перед собой, потому что никак не могла посмотреть на дядю.

— Она спрашивала, не хочешь ли ты получить экземпляр ее книги.

— Она прекрасно, черт ее дери, знала, что не хочу. Я поняла, что она за фрукт, в тот

самый день, когда мы познакомились.

Люди вроде Джейкс опасны, и точка. А те, кто за ней следует, кто верит в ересь, которую она несет... Ну, мне их, мягко говоря, жаль. Есть по-настоящему одаренные люди, а есть обычные шарлатаны. Вайнона разрушала человеческие жизни и отказывалась брать на себя ответственность. Отказывалась признаться во всем публично. Может быть, кому-то все-таки придется вытащить ее истинное нутро на свет божий. А может быть, я попрошу Рейеса рассечь ей позвоночник. Надо подумать, что лучше.

Нет. Рассечением позвоночника проблему не решить. Не могу же я, в самом деле, обращаться к Рейесу с просьбой расчехлить меч всякий раз, когда мне понадобится кого-то прищучить. Последствия его услуг необратимы.

— Я не знал, что она послала тебе книгу, милая. Так ты поэтому не отвечала на мои звонки?

— На некоторые отвечала, — огрызнулась я.

— Когда ты все-таки брала трубку, то притворялась, будто на линии помехи.

Я ссугулилась.

— Милая, в чем дело?

— Я думала, ты надо мной смеешься. То есть над тем, как я отреагировала на Вайнону.

— Такие люди, как Вайнона Джейкс, не должны тебя беспокоить.

— Она заколачивает бабки, дядя Боб. На невинных людях.

— Но ведь она такая не первая.

— Детектив! — нетерпеливо прошептал капитан. — Мы здесь из-за ответчицы.

— Точно, вернемся к делу, — кивнул Дибби и указал на подзащитную. — Так ты утверждаешь, что эта женщина невиновна?

Я тоже кивнула:

— Целиком и полностью.

Выругавшись себе под нос, капитан подался ко мне:

— Это вам не какая-нибудь игра, Дэвидсон.

Не успела я сказать «Правда? А то ведь я как будто на матче по теннису», как судья откашлялась. Громко. Я подняла голову и увидела, как свидетеля в наручниках уводят обратно в камеру.

Судья, дородная афроамериканка, которая с легкостью может так надрать мне зад, что понадобится искусственное дыхание (да-да, такое уже случалось), тяжело уставилась на меня. Отказываясь в одиночку отвечать за нарушение порядка в суде, я кивком указала на дядю Боба.

— Миз-з-з Дэвидсон, — протянула судья, и от стен эхом отозвался зычный резкий голос.

Все повернулись к нам. Ну то есть ко мне.

Судья Квимби всегда называла меня миз Дэвидсон, причем жужжала на «з», как самая настоящая пчела. Так она пыталась показать, насколько до лампочки ей тот факт, что я существую. Когда она произносила мое имя, ее голос производил тот же эффект, что и журчащая вода, — вызывал сиюсекундное желание напрудить в штаны.

На всякий случай предупредив Вирджинию держать себя в руках, я униженно покраснела и еле слышно отозвалась:

— Ваша честь.

— Не соизволите ли просветить меня, почему находитесь в зале суда, в то время как вам

запрещено появляться в моей скромной обители правосудия до тех пор, пока одна из нас не умрет?

Я решила не упоминать о том, что если умру первой, то запрет сам по себе потеряет всякий смысл.

— Видите ли, — начала я, пытаюсь разрядить обстановку тихим смешком, — я всего лишь...

Я глянула на ответчицу. В зале она была единственной, кто на меня не смотрел. Женщина молча сидела, опустив голову и утопая в страданиях. Свидетель, которого только что увели, лгал, и теперь подзащитную переполняли гнев, обида и безнадежность. За спиной ответчицы сидели две поразительно похожие на нее женщины. Наверное, одна из них была ее матерью. Такие же каштановые волосы, собранные сзади, такие же натруженные руки. Утерев слезу, она коснулась плеча подзащитной. Но больше всего меня заинтересовала вторая, потому что я никак не могла разобраться в эмоциях, которые она излучала. Сосредоточившись, я попыталась уловить самую сильную.

И это был восторг.

Глядя на страдания ответчицы, женщина торжествовала. Надо быть особенно злобной сволочью, чтобы испытывать удовольствие от несчастья других. Положив руку на грудь, женщина сгребла в кулак что-то под свитером. Видимо, какой-то кулон, имевший особое значение. Ей нравилось, что вещь рядом, как будто прихватили ее не случайно.

— Я всего лишь... — опять начала я, не сводя с женщины глаз, но снова не договорила. — А могу я запросить перерыв?

Некоторые присутствующие ужаснулись и громко ахнули. Остальные ужаснулись молча — видимо, боялись громко ахать на глазах у Железной Кулачины. Между прочим, это прозвище судья Квимби заработала, едва вступив в должность. Я лелеяла надежду, что прозвище родилось благодаря ее жестким принципам в работе, а не способности избивать тощих белых барышень до кровавых гематом. Что тут скажешь? Для меня чашка всегда наполовину полная. Потому что в любой ситуации надо искать хоть что-то хорошее.

Обвинитель, помощник окружного прокурора Паркер, поскреб пальцами лицо. Он частенько так делал, когда я оказывалась поблизости.

— Перерыв — пятнадцать минут, — объявила судья Квимби и долбанула по подставке молотком.

— Боже мой! — пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Сработало...

— А вы, — продолжала судья, ткнув в мою сторону молоточком, — ко мне в кабинет.

Святая какашка на крекере! Добром это точно не кончится.

Я беспомощно уставилась на Дибби и совсем офонарела — он с трудом сдерживал улыбку. Ну что ж, вернемся к Иудушке.

— И вы тоже, — добавила судья, неодобрительно глядя на Иудушку.

Понадобилась вся моя сила воли, чтобы не пропеть вслух «Дибби ждут проблемы».

Как бы то ни было, ко дну в одиночку я не пойду. Поташу за собой всех, кого смогу.

— А как же капитан? — спросила я у судьи, пока все вокруг поднимались и ждали, когда судебный пристав даст добро на выход из зала.

— Он тоже, — ответила Железная Кулачина.

Класс! Зуб даю, мне удастся свалить на кого-нибудь из них часть ответственности за мое беспардонное поведение. Сами меня позвали, так что сами же и виноваты. Не могли они не знать, какотреагирует судья Квимби на мое появление в зале суда. Наверняка ее

недовольство было продиктовано именно этим. А вот если чем-то другим, тогда всем нам крышка.

Уже выходя из зала, я оглянулась на Рейеса и пожала плечами. Он напрягся, явно не испытывая удовольствия от того, что я на какое-то время исчезну из вида, но сейчас с этим ничего нельзя было поделать. А значит, ему придется подождать.

Железная Кулачина вышла из смежной комнаты под аккомпанемент смывающегося бачка.

— У меня от вас голова кругом.

О да, я хорошо понимала, как она себя чувствует.

— Присаживайтесь, джентльмены, — предложила судья капитану Экерту и Диби, усаживаясь за величественного вида стол.

Стульев было всего два, так что мне, по всей видимости, предстояло стоять. Я отошла в сторонку, чтобы дяде Бобу и капитану не пришлось пялиться на мой зад.

Дверь снова открылась, и в кабинет вошли обвинитель и адвокат защиты. Ситуация становилась откровенно неловкой. Да и людей было многовато. Увидев меня, помощник прокурора опять почесал лицо. Может, у него на меня аллергия, вызывающая зуд?

— Итак, миз Дэвидсон, — начала судья Квимби, перебирая бумаги на столе, — почему, бога ради, вы решили, что заявиться ко мне в зал суда — хорошая идея?

Оставив в покое документы, она наградила меня фирменным злобным взглядом. Надо признать, этот взгляд вполне мог составить конкуренцию моему знаменитому убийственному взгляду. Впечатляющее зрелище, особенно когда верхняя губа судьи тряслась, как сейчас. Надо взять себе на заметку. Я тоже могу трясти губой. Хотя нет, минуточку. Это у меня лучше попой получается. Вряд ли такое придаст моему взгляду дополнительный эффект.

— Об этом лучше спросить у моего дяди, — ответила я, стыдливо повесив нос. — Я понятия не имела, что текущее заседание ведете вы.

— Неужели? — Судья отодвинула стопку бумаг на край стола. — А табличку с именем на двери, значит, не заметили?

— Видите ли, в последнее время я плохо понимаю написанный текст. Но уверяю вас, что уже обратилась за помощью к специалистам.

— Любопытно. — Железная Кулачина посмотрела на моих подельников. — Детектив, капитан, поучаствовать в беседе не желаете?

— Я попробую все объяснить, ваша честь, — сказал Диби. — Я позвал Чарли на помощь с делом, и ей нужна была кое-какая информация. Приношу свои извинения. Мне не стоило встречаться с ней в зале суда.

— Вот именно, — весело подытожила судья. — Ну а вы, капитан? Есть что добавить?

— Мне сказать нечего, — покачал головой капитан Экерт.

— Иного я и не ждала.

— А знаете, — начала я, намереваясь положить конец пытке, — я хотела бы кое-что уточнить по поводу последнего инцидента. Знай я тогда, что у парня шизофрения, ни за что бы не стала строить ему рожи. Но, бли-и-ин, подружка, — добавила я панибратским тоном, — отожгли вы тогда не по-детски! — и отвесила поклон, для проформы изобразив парочку жестов из арсенала уличных банд. Не в силах смотреть на мой спектакль, Диби закрыл глаза. — Так меня через бедро захватом шандарахнули, что потом еще несколько дней спина, е-мое, отваливалась! Не женщина, а ни дать ни взять ядерная бомба!

— Я обвиню вас в неуважении к суду, — процедила Железная Кулачина опасно тихим голосом. — Не смейте нести при мне эту свою уличную белиберду! Усекли?

— Да, ваша честь. — К сожалению, спектакль прошел не так удачно, как я надеялась. — Но вдруг мы с вами окажемся в баре, куда завалится разъяренная уличная банда и станет угрожать насадить наши задницы на колья, а в нашем арсенале будут только остроумие и прекрасные актерские навыки? Тогда можно?

— У вас проблемы с душевным здоровьем? — абсолютно серьезно спросила судья.

— Ничего такого, о чем бы мне было известно.

— Тогда заткнитесь.

— Ладненько. — Ух ты, какая нервная! В отличие от ее вопроса, мой был совершенно безобидным. И законным!

— Итак, что вы там говорили о подзащитной?

Я удивленно моргнула. Дядя Боб тоже. Даже капитан удивленно моргнул. А помощник прокурора и адвокатесса — симпатичная ширококостная блондинка с уставшим лицом — молча застыли.

— Простите? — наконец пискнула я.

— Ой, ну неужели никакой бравады не осталось?

Количество отрицаний в одной фразе меня покорило, ну да ладно.

— Повторяю: что вы говорили о подзащитной? И не надо так на меня смотреть, будто я только что стащила у вас леденец. Я все знаю о вас и ваших странностях, милочка.

— Ваша честь, — наконец подал голос помощник прокурора.

Он был молод, амбициозен и готов на все, лишь бы прогрызть себе путь наверх. И у него не было времени на мелкие сошки вроде меня. О чем он однажды сказал мне лично, когда я пыталась его убедить, что мужик, под которого он копал, давным-давно все понял. Ей-богу, помощник прокурора сэкономил бы кучу времени и не ударил в грязь лицом, если бы тогда меня послушал.

Эх, давали бы мне пяточок всякий раз, когда я это говорю...

— Не знаю, что вам сказала эта женщина, но от нее всегда одни проблемы. Понятия не имею, почему полиция ее терпит. Кроме, разумеется, очевидных причин. — Помощник прокурора покосился на Диби, явно подразумевая наше родство.

И вот тут я решила обидеться. Не на то, что мы с дядей Бобом родственники, а на взгляд. Никому, кроме меня, не позволено так смотреть на Диби!

— Знаете что, Ник... — сказала я, расправив плечи и чудом сдержавшись, чтобы не назвать его придуманным мной прозвищем — Шут-Ник.

— Мне послышалось, или вы действительно заговорили, когда я только что велела вам заткнуться?

Я прикусила губу:

— Послышалось.

— Так я и думала. Трижды задавать один и тот же вопрос я точно не стану. Терпение у меня не казенное.

Все усталились на меня, и я еле-еле выдавила:

— Можно мне кое-что сказать?

— Только если (и это не обсуждается!) вам действительно есть что сказать, и ваши слова окажутся полезными для любого из присутствующих в этом помещении, кто может похвастать юридическим образованием.

Я могла бы поспорить сразу по трем пунктам. Во-первых, судьи не спрашивают у людей, есть ли у них полезная для дела информация. По-моему, этим занимаются адвокаты. Судьи руководят процессом. Адвокаты опрашивают свидетелей. Во-вторых, судья Квимби объявила перерыв, чтобы получить ту самую информацию, о которой идет речь. Событие, между прочим, из области фантастики. А в-третьих, с чего ей вдруг захотелось послушать, что я скажу? И не важно, касается моя информация текущего процесса или нет?

— В таком случае, — проговорила я, предварительно откашлявшись, — подзащитная невиновна.

Шут-Ник поднял руки:

— Как жаль, что вас не было рядом во время длительного расследования этого преступления! Иначе вы наверняка указали бы нам на наши ошибки. Сколько, стесняюсь спросить, дел вы уже развалили?

— Мистер Паркер, — процедила судья Квимби, — может быть, вопросы здесь буду задавать я?

— Разумеется, ваша честь. — Лицо помощника прокурора побагровело.

Было ли это тревожным знаком? Да. Хотелось ли мне от души посмеяться? Еще как!

— И все же, — продолжал он, — прошу прощения, ваша честь, но почему вы вообще хотите ее выслушать?

Здесь я была с ним солидарна.

Судья повернулась к Нику всем телом:

— Потому что ее инстинкты... как бы это сказать...

Я пожала плечами, чувствуя себя совершенно беспомощной.

— Ее инстинкты порой приносят сочные плоды.

Ой, как миленько! Она считала меня сочной... Да, и такое мне доводилось слышать не раз и не два.

В конце концов судья уставилась на меня куда более приятным взглядом, чем обычно. Мне стало очень и очень не по себе.

— Так как? Есть у вас мысли, кто на самом деле убил супруга миссис Джонсон?

Я неуверенно кивнула и пролепетала:

— Ее сестра.

— Ну конечно же, сестра! — опять воздел к небу руки Ник. Ну прямо-таки король красной дорожки!

— Я могу это доказать, — отчаянно добавила я, и все взгляды опять обратились ко мне. Перед тем как снова заговорить, я тяжело сглотнула: — У нее под свитером какой-то кулон. Думаю, это что-то очень важное. Скорее всего яд, с помощью которого она и убила собственного зятя. — Все молча глазели на меня с открытыми ртами, поэтому я добавила: — Она сжимала его с явной любовью. Как будто мысленно пыталась ткнуть в него носом свою сестру.

Приподняв брови, судья Квимби уставилась на дядю Боба:

— Вы допрашивали сестру ответчицы, детектив?

Дибби поерзал.

— Допрашивал, ваша честь. Но она никогда не числилась в списке подозреваемых. На самом деле, — он разочарованно покачал головой, — она и убедила нас в виновности своей сестры.

Наконец адвокатесса решила подать голос, и прозвучал он куда увереннее, чем можно

было ожидать, судя по ее виду минуту назад:

— Ваша честь, могу я ходатайствовать об отложении слушания, пока мы не проведем дополнительное расследование?

— У вас двадцать четыре часа.

Усталость, явно написанная на лице адвоката защиты, как рукой сняло, и женщина широко мне улыбнулась:

— Спасибо. Я знаю, что моя клиентка невиновна. Благодарю вас за возможность это доказать.

Я кивнула:

— Наверное, вам стоит заполучить этот кулон как можно скорее. Сейчас, например.

— Ваша честь?

— Идите, — отозвалась судья, а потом встала и махнула рукой. — Все. Вон из моего кабинета.

Первой послушалась, само собой, я и буквально бегом помчалась к двери. То, что сейчас произошло, было самым странным событием за всю мою жизнь. А странностей я повидала немало. Хотя, как говорится, еще не вечер.

Сестру подзащитной задержали прямо в суде, да так оперативно, что я еще не успела выйти на улицу. Я остановилась в холле и стала смотреть, как ее в наручниках усаживают в патрульную машину. Ясное дело, женщину отвезут на допрос, но, если она откажется отдать кулон, копам придется раздобыть ордер. Надеюсь, Железная Кулачина и тут подсобит.

Неподалеку с телефоном в руке стоял дядя Боб, которого переполняли злость и облегчение. Что ж, понять его можно. Наверняка он усердно работал над делом, а тут являюсь я и говорю, что он ошибся, причем не даю никаких тому доказательств. Принять такое нелегко. Ему частенько приходилось верить мне на слово, как и Кит. За это я еще больше ими дорожу. Если все пойдет по плану, мы спасем невинную женщину от тюрьмы. Разве бывает что-то лучше?

Ну, может быть, и бывает. У меня за спиной появился Рейес. Жар добрался до меня раньше него и пропитал мою одежду, волосы и девичьи отличительные черты.

— Опять спасла мир? — шепнул Рейес, обнимая меня сзади и согревая дыханием щеку.

— Надеюсь. То есть надеюсь, что спасла хотя бы одного человека.

— И тебе этого хватит? Спаси всего лишь одного человека?

Я развернулась к нему лицом, но рук он не опустил.

— Ужасно жаль, что меня не было на твоём суде. Я бы сразу сказала дяде Бобу, что ты ни в чем не виноват.

— Сомневаюсь, что даже великой Шарлотте Дэвидсон удалось бы уберечь меня от тюрьмы. Эрл хорошо попотел, чтобы обеспечить мне приговор.

Одна только мысль о том, сколько лет Рейес провел за решеткой за преступление, которого не совершал, до сих пор разбивает мне сердце. И в такие моменты кажется, что хуже просто быть не может.

Темные глаза с зелеными и золотистыми искорками угрожающе сузились.

— Опять меня жалеешь?

Вечно он отметаёт всякое сочувствие с моей стороны. Но я ничего не могу с этим поделать, и Рейес прекрасно это знает. А если не знает, то лучше пусть узнает, да поскорее, если не хочет, чтобы его хорошенько отшлепали.

Представив себе эту картину, я игриво улыбнулась, и в Рейесе мигом вспыхнуло

любопытство, но ни о чем спросить он не успел — к нам уже шел Дибби.

— У Паркера истерика, — весело сообщил дядя Боб.

С трудом оторвавшись от жениха, я глянула на дядю:

— С нашим помощником окружного прокурора такое случается.

— По-моему, это все из-за тебя.

— Сам виноват.

Я выскользнула из рук Рейеса, чтобы мы все вместе могли выйти на улицу, но он вдруг переплел наши пальцы. Я на секунду остановилась. Раньше он никогда такого не делал. По пути к выходу он держал меня за руку, и по ней струилось тепло, собираясь вокруг сердца. Я прибавила шаг и догнала дядю Боба.

— Так что там за дело у тебя?

— Ой, точно. Чуть не забыл. Я сделал тебе копии документов по делу. Лежат в машине. За пару недель у нас две предсмертных записки.

— Куки мне говорила, — сказала я, уже подходя к официального вида темно-серому джипу Дибби.

Он взял папку с переднего сиденья и вручил ее мне. Пока я листала бумажки, Рейес время от времени заглядывал мне через плечо, но в основном внимательно следил за происходящим вокруг.

— Кроме записок, ничего нет, — продолжал Дибби. — Оба человека, которые их написали, исчезли.

— Наложили на себя руки?

— Понятия не имею. Но пару часов назад мы получили еще одну. Женщина утверждает, что ее муж оставил записку и исчез посреди ночи.

— Следов борьбы не обнаружили?

— Не знаю. Сам там еще не был, но команда уже работает.

Я прочла одну из записок. Печально, хотя и ничего особенного. Потом прочла вторую. В обеих речь шла о том, что автор записки не заслуживает права жить данной ему славной жизнью. Оба писавших использовали слово «славная». Вряд ли это совпадение. Третья записка очень отличалась от первых двух, но и там было слово «славная».

— Все три очень похожи, — сказала я, отметив для себя в записках еще несколько странных фраз. Вот только почерки были разные. И подписи тоже.

— Вот именно. Итого, у нас три почти одинаковых предсмертных записки и ни одного тела.

Я глянула на Дибби:

— Так они серьезно просто взяли и исчезли?

— Насколько нам известно. По первым двум адресам следов борьбы не обнаружено, и ни один из писавших раньше не предпринимал попыток свести счеты с жизнью. Мы полагаем, что их вынудил написать эти записки один и тот же человек, который затем их похитил и либо убил, либо держит в заложниках.

Я прислонилась к двери джипа.

— То есть цель этих записок — сбить вас со следа? Или не дать завести дело?

— Тебе виднее, — пожал плечами дядя Боб. — Я подумал, ты могла бы порасспрашивать по своим каналам, узнать, живы они или нет.

— Можно спросить у Рокета, — кивнула я. — А связь между этими тремя есть?

— Не установлено. Кроме самих записок, ничего общего между ними, похоже, нет.

— Ну ладненько. Ты продолжай копать, а я смотаюсь после обеда к Рокету.

— После обеда? — тут же заинтересовался Дибби. — Угощаешь?

— И не мечтай! — фыркнула я. — Но я знакома с обалденным поваром из одного местного бара.

Я широко улыбнулась Рейесу, но взгляд у меня наверняка был тоскливый. Он подмигнул, кивнул Дибби и, снова взяв меня за руку, повел к Развалюхе.

— Скажи-ка мне, пожалуйста, — начала я, купаясь в тепле солнечного дня и наслаждаясь прикосновением ладони Рейеса, — ты держишь меня за руку, потому что хочешь залезть мне в штаны, или потому что боишься, что я сбегу?

— Ты не сможешь сбежать, даже если очень сильно захочешь.

Он только что бросил мне вызов?!

— И на случай, если до тебя вдруг не дошло, двенадцать злобных адских псов уже явились сюда по наши задницы.

Я наклонилась ему за спину, чтобы оценить только что упомянутую часть тела.

— Могут их понять. Будь я адским песиком, тоже охотилась бы на твою задницу.

На щеке Рейеса вопреки его воле появилась ямочка.

— Хотя, — передумала я, — я бы охотилась на твою задницу, даже будь я натуральным ангелом. Или святой. Или райской птичкой. И кстати, мне это нравится, — добавила я, имея в виду то, что держу его за руку. Хотя скорее это он держал меня за руку, потому что в его ладони моей было совсем не видно.

Мы все еще шли к Развалюхе, но я встала перед Рейесом и несколько секунд шла спиной вперед, пока не поняла, что держаться сил больше нет. Прямо на ходу я повисла у него на шее. Рейес тихо рассмеялся и подхватил меня под задницу, прижав к себе покрепче.

— Что именно тебе нравится?

— Романтика. Как в кино. — Я поцеловала умопомрачительную ямочку и тут же заявила: — Нет, не так!

Спрыгнув с Рейеса, я прижала тыльную сторону ладони ко лбу и сделала вид, будто падаю в обморок, надеясь, что жених успеет меня поймать.

И он поймал. Одна рука оказалась у меня под спиной, а другая — под коленями.

— А так? — спросил Рейес, поднимая меня на руки.

Ради пущего эффекта я выгнулась еще сильнее и ответила, не открывая глаз:

— А так еще романтичнее. Прямо как в книге, где герцог Гастингс ловит в объятия упавшую в обморок девушку.

Внезапно Рейес остановился, и мир стал только нашим. Прохожих не было. Мимо не проезжали машины. Остались только мы вдвоем.

Рейес прижал меня к груди, и я уткнулась носом в ямку у него на шее, но руки все еще безвольно висели. Мне нужно было отыграть роль до конца. Быть английской дебютанткой на стоянке посреди Альбукерке не так просто, как может показаться на первый взгляд.

- И что герцог делает с ней дальше? — спросил Рейес охрипшим голосом.

Притворяясь совершенно безжизненной, я опять откинула голову, подставив ему шею.

— Все, что душе угодно.

Он как будто только этого и ждал. Потому что несколько вечностей подряд меня атаковало одно микроскопическое землетрясение за другим.

Пару дел пришлось выполнить под пристальным наблюдением Рейеса, после чего я подвезла его к офису, то бишь в кухню в «Вороне», а сама пошла в свой собственный офис на втором этаже того же бара. Со мной был особый багаж и пара пакетов, отчего походка испортилась и стала неуклюжей, хотя, как правило, хожу я изящнее пантеры. Короче говоря, я оступилась и сильно ударилась коленом о край ступеньки. Боль была такая, что я громко выругалась. Очень громко. Зуб даю, весь Альбукерке слышал.

— Живая? — крикнула из-за барной стойки Тери.

Сегодня я решила пойти по внутренней лестнице, но разделял нас с Тери всего лишь вычурный карниз из кованого железа. Поэтому кто угодно мог увидеть, как я грохнулась. Слава богу, бар еще не открылся.

— Порядок, — отозвалась я, но Рейес уже выскочил из кухни. — Честно-честно, все в порядке! — Нужно было его убедить, что никакая адская псина на меня не нападала. — Возвращайся к работе. Пакетик льда и маленькая операция все исправит.

Положа руку на сердце, колено болело зверски, а каждый шаг вызывал новую вспышку боли. Под внимательным взглядом Рейеса я пошла дальше вверх. В руках у меня был ценный груз, а на плечах — важная миссия, поэтому никакие ступеньки на свете не могли меня остановить. Хотя, конечно, если бы я скатилась кубарем вниз и пару раз в процессе стукнулась головой, то, наверное, все-таки остановилась бы.

На самом деле бар выглядел обалденно. Повсюду темное дерево и поразительная кованая композиция, которая вела прямо к древнему лифту. Лифтом никто не пользовался, потому что поднимался и опускался он со скоростью улитки, зато вид у него был шикарный. Мне всегда втайне хотелось здесь жить. Бар построили те же люди, что и наш дом, вот только в доме лифта не было вообще, тем более такого классного.

Пришлось пожонглировать пакетами, но пробраться в офис мне все-таки удалось.

— Дорогая, я дома! — крикнула я с порога.

Куки наклонилась, не вставая из-за стола в соседней комнате.

— Что, бога ради, ты приволокла?

Оставив в кабинете все пакеты, кроме одного, я подошла к ее столу и, раздуваясь от гордости, приподняла прозрачный пакет с водой:

— Вот это. Знакомься, это Бельведер.

— Ты купила рыбку?

— Ага. — Я попыталась поставить пакет на стопку бумажек, но Куки тут же их отодвинула. Потом я пошла за остальными покупками, среди которых был круглый аквариум. — Чтобы потренироваться.

Куки с любопытством глазела, как я вышла в уборную, чтобы набрать в аквариум воды.

— Я точно пожалею, что спросила, но потренироваться в чем?

— В том, как быть матерью. — Для пущего эффекта я почесала живот. — Я же все-таки беременчатая.

— Я в курсе, что ты беременчатая.

— Очень на это надеюсь. Иначе ты весьма некстати постоянно наглаживаешь мне живот.

— Я же просто с ней здороваюсь! — огрызнулась Куки. — А вообще, какое отношение

имеет золотая рыбка к твоему интересному положению?

— Мне кажется, если я не угроблю Бельведера, то и ребенок со мной выживет. А это уже полдела. Правда? — Развязав узел на пакете, я стала потихоньку выливать воду в новый дом рыбки и радостно улыбнулась: — С переездом!

Вдруг Куки рванулась прямо через стол и отобрала у меня пакет, явно испытав прилив облегчения. Осторожно прижав к груди добычу, она наградила меня сердитым взглядом. Жуть какая! Кто бы мог подумать, что Куки станет ревновать меня к рыбе!

— В моем списке ты всегда будешь первой, — поддразнила я.

— Во-первых, — толком не дослушав, перебила Куки и опять стала завязывать пакет на узел, — нельзя совать рыбку в обычную воду, да еще и не той температуры.

Я недоуменно моргнула:

— Это еще, блин, почему?

— Потому что. В нашей воде полно вредных для твоего Бельведера гадостей, плюс она не той же температуры, что и вода, в которой он сейчас плавает. Если ты сунешь его в эту воду, он точно обалдеет и погибнет. Разве продавец в магазине тебе об этом не рассказывал?

— Даже не знаю, — задумалась я. — Пока продавщица говорила, Рейес целовал меня в шею, так что я впала в транс и вроде как выключила ее голос.

— А-а, понимаю. Зная, что этот мужчина ходит с тобой по одной планете, трудно на чем-то сосредоточиться.

— В яблочко.

— Так значит, по-твоему, если ты не погубишь рыбку, то и ребенку сумеешь сохранить жизнь?

Я вытащила упаковку корма для рыбок и принялась ее рассматривать со всех сторон.

— Ну конечно! И ребенка, и рыбку надо кормить, правильно?

— Да, но...

— И о них обоих надо заботиться. Так?

— Надо, да, но мне кажется...

— Тогда если я справлюсь с одним, то наверняка справлюсь и с другим.

— По-моему, ты упускаешь нечто очень важное.

— Тебе же удавалось растить Эмбер целых тринадцать лет, — добавила я. — Разве это так уж сложно?

— Сама не верю, что у меня тринадцатилетний ребенок.

— А я не верю, что тебе удалось так долго не давать ей загнуться. Я к тому, что это же нужно каждый день тратить уйму усилий. Дети такие требовательные! Вот, например, корми их каждую неделю. Я и цветы-то не каждую неделю вспоминаю полить.

— Видишь ли, — Куки наградила меня поучительным взглядом, — между ребенком и цветком есть одна существенная разница. Голодный ребенок производит гораздо больше шума, чем цветок. Так что можешь мне поверить: забыть покормить ребенка тебе не светит.

— Вот и славненько.

— Ага, — фыркнула Куки, — скажешь мне это через год.

*Похоже, мало кто ценит,
что все это я делаю без единой таблеточки.*

Надпись на футболке

В десятый раз я просматривала предсмертные записки, пока очищалась вода для аквариума, как вдруг из приемной послышался глухой стук. За ним — мышинный писк, а потом и хриплый стон.

— Куки! — крикнула я, шевеля пальцами перед Бельведером, чтобы тот побыстрее привыкал к нашим странностям. — Ты там самоудовлетворяешься, что ли?

— Нет. Бумажкой порезалась.

Вот как! Такого я точно не ожидала.

— Сильно порезалась, — жалобно, как никогда, добавила Куки.

— Не хотела бы я оказаться на твоём месте. — Ничего лучше в голову не пришло. В глубине души я ей искренне сочувствовала, но решила, что сочувствию лучше там и оставаться. В глубине души.

Я услышала какой-то причмокивающий звук и ещё один писк.

— Ты там точно не мастурби...

— Я тут подумала... — перебила Куки.

— Ладно, вываливай.

— На тебе же все быстро заживает, да?

Я встала из-за стола, подошла к открытой двери между нашими кабинетами и, гадая, к чему она ведёт, ответила:

— Есть такое дело.

Куки посасывала сбоку указательный палец.

— Может быть, если ты лизнешь порез, то твоя слюна и меня вылечит?

— Вот ещё! — фыркнула я, сдерживая смех. — Не буду я лизать никакой порез.

— Ну пожалуйста! Просто лизни и все. — Она протянула мне палец. — Болеть же днями будет.

— Я не стану тебя лизать. — Да уж, вслух я такое произношу крайне редко.

— Ну же, Чарли. Он ведь будет болеть каждый раз, когда я буду заполнять документы или печатать что-то на компьютере. Давай, лизни меня.

Сзади ко мне подошёл Рейес, но Куки была слишком занята своими мучениями, чтобы заметить присутствие умопомрачительного мужчины. Интересовала её только не совместимая с жизнью травма.

— Ну хоть плюнь на меня, что ли.

— Кук, — начала я, подходя к её столу, — не то чтобы это никогда не приходило мне в голову, но моя слюна тебе не поможет.

— Откуда ты знаешь, если ни разу не пробовала? — расстроилась Куки.

— Между прочим, мистер Фэрроу, — продолжала я, подмигнув Рейесу, — исцеляется куда быстрее меня. Вот пусть он тебя и лизнет.

Куки уставилась на моего жениха, и в затуманенной синеве её глаз отчетливо плескались надежда и искорки похоти.

Я оглянулась и, заметив хитрую ухмылку Рейеса, объяснила:

— Она бумагой порезалась.

— Ясно, — отозвался он. — Дай посмотрю.

Уже по тому, как он это сказал, — тихим голосом, с опущенной головой и изогнув одну бровь, — было ясно: зрелище предстоит интересное.

Он подошел к Куки, но та не спешила принимать предложение:

— Да все в порядке. Жить буду.

Вдобавок она попыталась рассмеяться, чтобы свести все к шутке, но Рейес схватил ее за руку, покрутил то так, то эдак и, найдя наконец опасное для жизни ранение, многозначительно поцокал языком. Порезы от бумажек болят нечеловечески, поэтому я очень хорошо понимала страдания Куки. А еще понимала, откуда взялась вспышка адреналина, потрясшая Куки с головы до ног, когда Рейес поднес ее палец ко рту. Глядя прямо ей в глаза, он поцеловал порез, и Куки прямо-таки растаяла в собственном кресле, превратившись из массы мышц и костей в желеобразный организм. Только Рейес на этом не остановился. Приоткрыл рот и, прижавшись губами к пальцу, стал посасывать ранку. Сердце Куки помчалось вскачь. Нервная система терпела перегрузки. Я бы сказала, что от удовольствия, потому что секунду спустя почувствовала, как ее по макушку затопило горячим желанием.

Честно говоря, я испытывала то же самое. Все еще глядя Куки в глаза, Рейес провел языком по порезу, смазывая тем, что Куки считала суперисцеляющим бальзамом, напоследок ласково чмокнул палец и только потом, подмигнув, отпустил ее руку.

Куки тут же прижала ладонь к груди. В обычных обстоятельствах я бы от души посмеялась, но сейчас только и могла, что зачарованно смотреть на происходящее.

— А у меня синяк, — наконец выдавила я, показывая на свое плечо.

Рейес подошел ко мне, оттянул футболку и поцеловал в указанное место. Его губы казались обжигающими. Ничего особенного он не сделал, а бабочки в животе будто взбесились.

Я уже собиралась потащить его за шиворот в кабинет, как явился дядя Боб. Наверное, оно и к лучшему. В кабинете мы с Рейесом еще никогда этим занимались, потому что в соседней комнате всегда сидела Куки. И сейчас вряд ли время было подходящее, потому что Куки, опять же, сидела на своем месте.

Наконец она с покрасневшим лицом вышла из транса и, решив чем-то себя занять, принялась поправлять на столе стопки бумаг.

— Где тебя носило? — спросила я у Дибби, глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, потому что Рейес пожирал меня взглядом из-под густых ресниц. В глазах сиял решительный блеск. Он точно знал, о чем я только что думала. Потаскун.

В знак приветствия Дибби кивнул всем и сразу.

— Надо было кое-что закончить. Но я умираю с голоду. Что на обед? — спросил он у Рейеса.

Я чуть не расхохоталась, когда Рейес, улыбаясь Дибби, как чеширский кот, ответил:

— Это сюрприз.

Дядя Боб подозрительно нахмурился и только теперь уставился на Куки — свою новоиспеченную страсть. Она, конечно, вполне могла испытывать похоть в адрес Рейеса, но ее чувства к Дибби были такими же сильными. Такими же ясными, без тени сомнения. Куки совершенно не виновата в том, что хотела Рейеса. Его хотят все поголовно. Лично я думаю,

это побочный эффект его сверхъестественного наследия. Но чувства к моему дяде у Куки самые что ни на есть настоящие. Каждый раз, когда она на него смотрит, я ощущаю, как глубоко она к нему привязана. Чувствую, что она на все сто процентов ему доверяет и... просто умирает от страсти, да.

То же самое я постоянно ощущаю и от Диби. С одной поправочкой. Кроме всего этого, он попросту тонет в изумлении. До сих пор не верит, что смог ей понравиться. Что она с ним встречается и не хочет никого другого. Держу пари, их отношения никогда не закончатся благодаря взаимному уважению и восхищению друг другом. А это совсем не то, что было у Диби с десятком других женщин, ни одна из которых не получила моего одобрения.

Куки встала, когда дядя Боб подошел к столу и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. Причем его пожирали сомнения, не станет ли она возражать против проявления чувств у нас на глазах. Ну ей-богу, как робкий выпускничок со своей барышней перед балом! Нервы ни к черту, ладони потные... Не могла я упустить такого шанса:

— Так это... вы уже покувыркались?

Диби сделал вид, будто не слышал, и мне пришлось давить в зародыше дикий хохот. Куки сердито поджала губы, но ее реакция на мои слова о сексе до брака сказала мне все, что я хотела знать. Или даже больше.

Я уставилась на нее с отвисшей челюстью и завопила:

— Куки! — Наверняка им обоим и так было очень не по себе, но мне хватило наглости спросить: — Вы хоть предохранялись?

На этот раз Диби все-таки стиснул зубы.

— Да ладно, — отмахнулась я, пока он не начал читать мне нотации, — дело ваше. Идемте обедать.

Затрезвонил мой сотовый, но отвечать я не спешила — смотрела, как Диби ждет, когда Куки выйдет из-за стола, чтобы проводить ее вниз. Он обращался с ней, как с королевой. То есть именно так, как она того заслуживала. И мне это ужасно нравилось.

В баре уже собралась толпа, поэтому, когда я ответила на звонок Кит, ей наверняка был слышен шум приглушенных голосов.

— Слушаю, дружище, — сказала я в трубку, надеясь, что Кит относится ко мне точно так же.

Хотя в эту самую секунду я была немного занята — зачарованно наблюдала за задницей Рейеса, который вел всех вниз. Точнее за тем, как с каждым шагом играют мышцы стальных ягодиц.

— Я по поводу помощника шерифа, на которого вы указали. Его... — Кит замолчала, и на заднем фоне послышались голоса.

Чтобы напомнить о себе, я решила поделиться мнением:

— По-моему, кто-то чего-то не договорил.

— Прошу прощения. Так вот, его перевели на Аляску девять лет назад.

Я застыла, и вся процессия разом остановилась. Пришлось жестом просить народ занять нам столик. Куки с Диби прошли мимо меня, но Рейес так и стоял на месте.

Я прикрыла телефон ладонью.

— Рейес, никто на меня не нападет между лестницей и столом.

Он сложил на груди руки и прислонился к перилам, наотрез отказываясь идти дальше без меня. Вот только в зале мне Кит ни за что не расслышать, потому что завсегдаев

«Вороны» тихонями не назовешь, поэтому я осталась на лестнице.

— Думаете, он продолжает убивать?

— Сложно сказать, — отозвалась Кит. — Судя по отчетам, на Аляске полно пропавших без вести. Но люди исчезают со всех концов штата.

— А Аляска штат немаленький.

— Чертовски верно. И все же нам удалось обнаружить очень интересную деталь.

— Я вся внимание, — сказала я и тоже прислонилась к железным перилам.

— У него есть лицензия пилота.

Я опять выпрямилась.

— Правда? По-вашему, он похищает девушек со всего штата, а потом перевозит их по воздуху в какое-то определенное место?

— Такова рабочая версия.

— А здесь он такое проделывал?

— Как раз это мы и пытаемся выяснить. Власти Джун^[8] охотно сотрудничают. Подняли все его полетные листы. Мы то же самое делаем здесь, попутно сравнивая даты с делами об исчезновениях. На сегодня получили два совпадения.

— Что я могу сделать?

— Об этом я и хотела спросить. Что именно вы можете? Как вы все это выяснили?

— Такая у меня фишка, — попыталась отшутиться я.

— А можете вы воспользоваться своей фишкой ради пропавших на Аляске девушек? Если до этого дойдет, конечно.

— Могу попробовать. Правда, придется туда лететь. Но я сразу за. Вы же расходы оплатите?

— Разумеется. Давайте так. Пока мы работаем над делом здесь, а попозже вы понадобитесь нам на Аляске. Нужно еще получить на это добро. Но как-нибудь справлюсь.

— Похоже на план.

Рейес испепелял меня взглядом. Я отвечала тем же. Вот уедем с Кит на недельку, не светит ему днем и ночью ходить за мной попятам. Там все по-другому будет.

— В лагере сейчас работают наши люди. Нашли останки одного человека.

— Должно быть больше.

— Понимаю. Мы на этом не остановимся.

Мы с Кит разъединились, и я прошла мимо Рейеса, наградив его напоследок еще одним гневным взглядом. Внезапно шума стало меньше, и до меня дошло, что посетители (в основном, как обычно, женщины) нас заметили. На Рейеса украдкой из-под накрашенных ресниц и век бросали взгляды десятки пар глаз. Некоторые и вовсе открыто и бесстыдно пялились. Наглые потаскушки! Надо как можно скорее надеть на этого мужчину обручальное кольцо, пока кто-нибудь не решил соблазнить его у меня за спиной. Впрочем, оглядев толпу, я передумала. Некоторые определенно не постесняются соблазнять его у меня на глазах. Я решила во всех своих бедах обвинить Рейеса и, оглянувшись, хитро улыбнулась:

— Ты — кобель.

— Это еще почему? Я ни с кем не спал, кроме...

— А ты присмотришься. — Я сошла с лестницы и направилась к столику, который Рейес явно приберег для нас, потому что все остальные были заняты, а у барной стойки ждали очереди посетители, которым повезло меньше. — Все они здесь только из-за тебя.

Мы шли мимо женщин, явно желавших отведать десерт, не указанный в меню, и

мужчин, которые либо хотели того же, либо тонули в ядовитой зависти. Что тут скажешь? Так действует на людей Рейес. Он шел за мной и вдруг взял меня за локоть. Я развернулась и с любопытством приподняла брови. Рейес подтянул меня ближе, чтобы можно было пошептаться, хотя мы все еще стояли посреди кучи народа.

— Не из-за меня, — сказал он, и щемящая боль — его боль — резанула меня по сердцу. Я демонстративно положила ладонь ему на бедро и шагнула ближе.

— В чем дело, Рейес?

— Я... мне всего этого не нужно. — Он обвел взглядом толпу, ощущая от людей те же эмоции, какие ощущала и я. С той лишь разницей, что все эти эмоции были направлены на него и только на него. Как ракеты с лазерным наведением. — Я никогда ничего подобного не хотел.

— Да я же пошутила! — тут же объяснилась я, сжимая пальцами его джинсы и беспомощно оглядываясь по сторонам. — И вовсе не имела в виду, что ты нарочно. Просто пошутила, честное слово.

Я не знала, что еще сказать. Мои слова уже причинили ему боль.

Рейес наклонился и еле слышно проговорил мне в ухо:

— Они словно душат.

Раньше мне и в голову не приходило, что от чужих эмоций ему может быть плохо. Способность чувствовать чужие эмоции — и дар, и проклятье. По крайней мере для меня. Я и представить себе не могла, что Рейеса это может задевать. С чего вдруг ему беспокоиться о том, что думают другие люди?

Но вообще, он прав. Порой чужие эмоции настолько сильные, настолько... удушающие, что мне приходится их блокировать. Этому трюку я научилась еще в старших классах. Без него школа бы превратилась в настоящую пытку. С одной стороны, я знала то, чего не знали другие. А с другой, знала то, чего знать не хотела. Никто не мог говорить обо мне «за глаза». Я всегда знала, как на самом деле ко мне относятся другие. Поэтому количество моих друзей сводилось к необходимому, как воздух, минимуму. А с тех пор как я лишилась лучшей подруги, Джессики, у меня не было никого, кого я могла бы назвать подругой, пока несколько лет назад не встретила Куки.

Кое-что я усвоила еще с детства: люди никогда, ни при каких обстоятельствах не говорят стопроцентную правду о своих чувствах.

Никогда, и точка.

Жить с этим я научилась давным-давно.

Но сейчас... Крепко взяв Рейеса за руку, я повела его в узенький коридор между уборными и складским помещением. По пути жестом дала знать Куки, что мы скоро вернемся, затащила Рейеса за угол и притянула к себе.

— Прости меня, Рейес. Я ничего такого не имела в виду. Хотела только пошутить.

Выражение его лица оставалось бесстрастным.

— Я тоже пошутил.

— Неправда. — Я подняла руку и провела пальцами по его губам.

Всякий раз, когда я пыталась его разговорить, Рейес превращался в сгусток нервов. Вот и сейчас я вписалась спиной в стену, а его рука легла мне на горло. Он вовсе не пытался мне всерьез задушить, но сам прижался ко мне всем телом. Да уж. Никто лучше Рейеса не умеет менять тему разговора. Зато он хорошо знал, что бесполезно требовать от меня прекратить переживать. Прекратить сочувствовать. И чувствовать вообще. Мы это проходили сотни раз.

Он не мог приказать мне перестать беспокоиться, но прекрасно умел переключать внимание с себя на меня. И справлялся с задачей на ура.

Продолжая держать меня у стены, Рейес тяжелым взглядом изучал мой рот, пока я не почувствовала, как отступает его напряжение. Такова его жизнь, и тут уж ничего не поделаешь. Люди его хотят. Потому что есть в нем исключительная, почти животная привлекательность, некий непреодолимый магнетизм, на который невозможно не обращать внимания. Однажды Рейес мне рассказал, чего стоила настолько сильная притягательность. В одном из домов, по которым годами таскал их с Ким Уокер, Рейес познакомился с девочкой. Когда буквально через месяц они съехали, девочка чуть не наложила на себя руки. А съехали они потому, что плата за квартиру подскочила. Но Рейес тогда почувствовал только одно — облегчение, потому что весь месяц желание той девочки лилось к нему густыми, осязаемыми волнами.

Была и другая история, связанная с тем домом, где больше десяти лет назад я впервые увидела Рейеса. Тогда его избивало у меня на глазах чудовище по имени Эрл. Рейес обронил буквально пару слов и отказался рассказывать историю до конца. Пришлось самой добывать информацию о доме, касающуюся того времени, когда там жил Рейес. Через пару дней после того, как Уокер растворился в ночи, прихватив с собой Рейеса и его неродную сестру Ким, в чулане повесился тринадцатилетний мальчик. Его родители говорили, что он очень расстроился, когда его лучший друг уехал. Но друзья утверждали, будто мальчик был влюблен в своего юного соседа, но тот не отвечал ему взаимностью. И, когда семья соседа исчезла, мальчик покончил с собой.

Этим соседом наверняка был Рейес. И наверняка он знал, что натворил тот мальчик. Каково жить с такой виной на плечах? Как это может отразиться на психике?

Поддавались сверхъестественным чарам не только люди. Я стала замечать, что вокруг бродит все больше и больше призраков. Вот только живые и мертвые видят Рейеса по-разному. Для призраков он окутан темным туманом, под которым мягко сияет огонь. Чем сильнее злится Рейес, тем ярче разгорается пламя. Однажды, чуть не погибнув в руках одного разъяренного психа, я видела это собственными глазами. В человеческом виде Рейес, несомненно, поразительный, но, если посмотреть на него из другого измерения, он изумительно, невероятно прекрасен. Мне говорили, что я могу когда угодно «переходить» в другое измерение и смотреть на наш мир оттуда, но это умение мне еще только предстоит освоить. А пока я не могу точно сказать, что происходит с призраками, которые повсюду таскаются за Рейесом. Может быть, их, как и людей, безумно к нему тянет. А может быть, они нечто вроде сверхъестественных зевак — смотрят на него и не верят своим глазам, испытывают нездоровое любопытство и пытаются понять, хватит ли им храбрости подойти поближе.

В данный момент я бы поставила на последнее, потому что рядом, буквально вторгаясь в наше личное пространство, стояла мертвая женщина и с любопытством глазела на Рейеса. В ее защиту стоит сказать, что призраки не привыкли к тому, чтобы на них смотрели в ответ. Может быть, она и не догадывалась, что мы ее видим. Рейес по-прежнему изучал мой рот, так что пришлось повернуться и наградить блондинку раздраженным взглядом.

Словно придя в себя, она отступила и откашлялась:

— Извините.

А через мгновение испарилась, бросив напоследок страстный взгляд на принца преисподней.

Ну что ж, я получила ответ на свой вопрос. По крайней мере по поводу одного конкретного призрака.

— Расскажи мне, на что это похоже, — попросила я Рейеса, кивнув в сторону зала. — Какие ощущения от того, что они так сильно тебя хотят? Может быть, все это из-за твоего отца?

Рейес опустил голову и несколько долгих секунд молчал. А когда наконец ответил, его голос был не громче дуновения ветра:

— Как будто... как будто я тону.

Я положила руку ему на затылок и подтянула еще ближе:

— Рейес, мне очень-очень жаль.

Пальцы у меня на горле сжались крепче.

— От твоей жалости не легче.

— Это не жалость, а сочувствие, — уточнила я, легонько поглаживая его шею кончиками пальцев, чтобы успокоить. — И я ничего не могу с этим поделать.

Еще несколько мгновений я выдерживала тяжелый взгляд, а потом Рейес моргнул, словно очнулся, опустил руку и отошел на шаг. Кожа покрылась мурашками, потому что без него сразу стало холодно. Он проводил меня к столу и пошел в кухню за нашим обедом, а я присоединилась к Куки, Диби и Джемме, моей сестре. Пока Рейес шел по залу, вслед за ним поворачивались головы, разговоры стихали. Сидя за столом, я чувствовала удушающее давление чужих эмоций. Чувствовала, что Рейес задыхается на каждом шагу, но продолжает идти, ничем не выдавая, как ему сейчас плохо.

Не успел он скрыться за дверью, как она снова распахнулась. Рейес уже надевал свой привычный белый передник, а я сидела и бог знает в какой раз поражалась тому, насколько сногшибательный у меня жених. Разве может быть что-то сексуальнее умеющего готовить привлекательного парня в переднике? Остается только надеяться, что я ему не надоем. Может ли так случиться, что мы когда-нибудь друг от друга устанем? Что взаимная потребность в прикосновениях и объятиях сойдет на нет? Мне такое даже представить страшно, но я все равно молюсь, чтобы этот день никогда не наступил.

— Так как дела? — спросила Джемма, приподняв брови.

Из безупречного пучка на затылке выбился блондинистый локон. Такую прическу и вот эту конкретную синюю блузку с юбкой моя сестра носит, когда собирается встретиться с кем-то очень важным. То бишь не со мной.

— И кто же наша очень важная персона? — не отвечая на вопрос, спросила я, окунув кукурузную чипсину в сальсу, приготовленную Рейесом и известную в простонародье под названием «дьявольски шикарный соус».

Острая, жаркая смесь впитывалась в мои вкусовые рецепторы с ощущением, очень похожим на экстаз. Сальса Рейеса быстро набирала популярность. Несколько раз его даже просили закатывать ее в бутылки, но просьбы в основном исходили от женщин, которые глазели на него, мысленно стораю от страсти. Поэтому лично я понятия не имела, что именно они хотят получить в бутылках — соус или самого Рейеса.

Он как раз вынес наши тарелки, и я устала на своего жениха, зная наверняка одно: я была бы первой в очереди, чтобы получить хотя бы один ящичек.

— Какая еще персона? — уточнила Джемма.

— Я про твой прикид. Синее ты носишь, только когда должна встретиться с кем-то супержважным.

— Вот оно что! — Она посмотрела вниз и пожала плечами. — Из чистого было только это.

— Угу, — хмыкнула я, расчищая на столе место для своей тарелки.

Джемма лгала, но я решила промолчать. Пока что.

Рейес расставлял на столе обед перед Куки, Джеммой и Диби, а я впала в транс, глядя на крепкие, сильные руки. С трудом отведя взгляд, я изучила содержимое тарелок. Энчилада с красным чили. Класс! Гадая, куда запропастилась тарелка, предназначенная для меня, я взглянула на Рейеса.

Он подождал, пока один из новых поварят не вынес последнее блюдо, а потом сказал:

— Надеюсь, тебе понравится.

— Ты же знаешь, я обожаю твою энчиладу.

Рейес не ответил — ждал, когда мы все попробуем. Я посмотрела на тарелку, и вдруг вокруг зазвучала симфония из вздохов и стонов. Все знали, что можно убить за одну энчиладу Рейеса, но реакция моих спутников оказалась смесью восторга и удивления. Глядя на чувственное выражение лица Куки, я даже немножко забеспокоилась, что ее вот-вот настигнет оргазм.

С величайшим любопытством я отрезала вилкой кусок кукурузной лепешки и сунула его в рот. Рейес присел на корточки рядом со мной, а я, как и Куки, чуть не испытала самый крутой в жизни оргазм. На вкусовых рецепторах вспыхнули неожиданные вкусы и текстуры. От специй во рту стало тепло.

Я покосилась на Рейеса:

— Ты использовал настоящий перец чили... Господи, это потрясающе!

На его губах расцвела робкая улыбка. Как ребенок, не привыкший к похвале, Рейес опустил голову. И выглядело это так очаровательно, что я не выдержала и коснулась его щеки. Он быстро чмокнул меня в ладонь и встал на ноги.

— Ну что ж, приятного аппетита.

— Может, с нами пообедаешь? — предложил Диби, и я отчетливо ощутила, как удивился Рейес. Да что там! Я сама удивилась.

— Спасибо, но никак не могу. Надо потушить несколько пожаров, пока один из них, — Рейес кивнул на меня, — опять не впутался в уйму неприятностей.

На лице дяди Боба отчетливо читалось одобрение.

— Да уж, с ней не соскучишься.

Я уже собралась обидеться, но Рейес сказал:

— Это точно, — а потом наклонился и поцеловал меня.

Ей-богу, сразу стало не до обид.

Он ушел, а я не могла насмотреться на стальную задницу в обрамлении краешков передника. Рассеянно сунув в рот еще один кусок энчилады, я вернулась в реальность и вспомнила, что еще не видела остальных блюд на нашем пиру. Кусочки картошки тоже были посыпаны острым перцем, политы начинкой из энчилады и покрыты тонким слоем тертого сыра. Все равно что наркотик на тарелке. К тому же аромат еды заглушал витающий в воздухе запах кофе. Как мне продержаться еще восемь месяцев без эликсира жизни?

— Так что там стряслось у вас с судьей Квимби? — спросил меня дядя Боб.

Вынырнув из томительных мыслей о жалости к себе, я уже собралась ответить, но передумала. Есть вещи, о которых ему лучше не знать.

— Не хочу об этом говорить, — сказала я, принимаясь за следующий кусок.

— Кажется, ты ей нравишься, — заметил Диби.

Я недоуменно пожала плечами:

— Раньше ее выводил из себя один тот факт, что я жива и здорова, а теперь она как будто с этим смирилась. Вот интересно, с чего вдруг она решила поменять свое отношение ко мне?

Диби тут же расплылся во всезнающей улыбке, но быстро стер ее с лица. Правда, не так быстро, как, наверное, хотел, потому что я заметила и уставилась на него с отвисшей челюстью:

— В чем дело?

— В смысле? — уточнил он.

— Ты что-то знаешь!

Отрезав кусок энчилады, дядя Боб сунул его в рот и пробубнил:

— Ничего подобного.

Я подалась вперед:

— Еще как знаешь! Поступим вот как: или ты все сейчас же выложишь и тебе не придется краснеть, пока я буду рассказывать о том, как ты посреди ночи шатался по нашему заднем двору и орал «Стелла!», или будешь и дальше отмалчиваться и прятать голову в песок, пока я в мельчайших подробностях буду описывать эту историю. Ах да! Я однозначно не забуду упомянуть о том, какой на тебе был прикид в тот роковой день.

Дядя Боб выпрямился:

— Не посмеешь.

— Ты вообще меня знаешь? Я невыразимо страдала, увидев тебя в таком вот нижнем белье. Да у меня травма была на несколько часов, если не дней!

— Это шантаж.

— Ага. Ну так как? Известно тебе о судье что-то такое, чего не знаю я?

Наконец он сдался:

— Только то, что ты каким-то образом помогла ее сестре смириться со смертью мужа.

— Ее сестре?

— Она была совершенно разбита и заработала какое-то расстройство пищевого поведения.

— Не может быть! — ахнула я. — Это была ее сестра?

— Ну да.

После смерти мужа та несчастная женщина обезумела от горя и не ела несколько недель. Я ничего подобного в жизни не видела. Ее муж пришел ко мне и попросил вмешаться. Он не перешел сразу, потому что знал, как тяжело она будет переживать его смерть. Вместе мы придумали план, заключавшийся в том, что я буду передавать ей его послания. Душераздирающая была работенка, но с профессиональной помощью женщина постепенно стала приходить в себя. Тогда, может быть, впервые в жизни я поняла, какими полезными могут оказаться мои способности.

— А это еще кто? — подозрительно спросила Куки.

Я повернулась и увидела, что возле входа с Рейесом разговаривает какая-то женщина. У нее были густые черные волосы, шелком укрывавшие плечи, и поразительно яркие голубые глаза.

— Случайно, не журналистка с Седьмого канала? — предположила Джемма.

— Не знаю, — ответила Куки, и я почувствовала, что она начинает сердиться. — Но вам

не кажется, что она как-то чересчур дружелюбна?

Кук была права. Женщина едва не вешалась на Рейеса. Когда он, судя по всему, сказал что-то забавное, она положила руку ему на плечо. От этого панибратского жеста мир в моих глазах покрылся красным маревом. Я привыкла к тому, что женщины практически падают к ногам Рейеса, лишь бы хоть на секундочку к нему прикоснуться, но это переходило всякие границы.

— Ты должна срочно его окольцевать, — посоветовала Джемма. — И кстати, ты смотрела ссылки, которые я тебе прислала? Там есть очень популярные места для проведения свадеб. Если хотите застолбить одно из них, вам надо поскорее определиться с датой.

— А еще, — пробормотала Куки, копаясь в сумке, — надо решить, где мы проведем девичник.

— Да хоть где, — рассеянно ляпнула я.

Джемма не обратила на мои слова ни малейшего внимания:

— Точно! И как мы поступим? Проведем одну вечеринку в честь будущей свадьбы и ребенка или соберемся дважды?

— Господи, и то правда! Что скажешь, Чарли?

— Мне нравится собираться у Рейеса, — промямлила я, не глядя ни на ту, ни на другую.

Потому что смотрела только на журналистку, которая о чем-то тихо разговаривала с Рейесом. Теперь-то я ее узнала. Она вела шестичасовые новости. Он что-то сказал, она рассмеялась и игриво перебросила волосы через плечо. Рейес оглянулся и, заметив, что я за ними наблюдаю, сдвинулся так, чтобы закрыть от меня репортершу. Почувствовав себя оскорбленной до глубины души, я застыла.

— О да, мне нравится это место, — сказала Куки, отвечая на какой-то вопрос Джеммы. — Летом там восхитительно!

— Согласна, но мы, наверное, вряд ли успеем заказать его на это лето. Желающих пруд пруди.

— Ясненько, а какие еще у тебя есть варианты?

Пока Куки с Джеммой планировали мою свадьбу (а эту обязанность я с радостью переложила бы на кого угодно), я пристально следила за Рейесом, пытаюсь настроиться на его эмоции. Вот только в баре таким плотным слоем висела ничем не замутненная похоть, что я никак не могла сквозь нее пробиться. Черт бы побрал эту гадскую притягательность!

Я слышала смех и увидела, как журналистка снова запрокинула голову. Рейес явно давил на природное обаяние, но зачем? Может быть, дело в интервью? Его приглашали много раз, но он всегда всем отказывал. Даже «60 минут» хотели снять о нем репортаж, но перед ними, как и перед остальными, лишь захлопнули дверь. А теперь появляется эта женщина с сияющей улыбкой, и Рейес вдруг решает согласиться?

Совсем на него не похоже.

— Хочу соленый крендель, — заявила я, напрочь забыв о еде на столе.

Пока никто не успел ничего сказать, я поднялась с места и двинулась к бару, оказавшись на пару драгоценных метров ближе к счастливой парочке. Если Рейес когда-нибудь меня бросит, клянусь, я стану одной из тех бывших, что повсюду преследуют своих возлюбленных, крадут их трусы и прячутся в кустах за окном спальни. Как бы то ни было, мне наконец-то удалось получить прямой доступ к эмоциям Рейеса. Одна беда — я все равно его не чувствовала.

Он меня блокировал!

Этот фокус он проделывал и раньше, но ему нужно было хорошенько сосредоточиться. От того, что Рейес закрывался в ту самую минуту, когда с ним флиртowała красивая женщина, мне стало так обидно и больно, что он сам, почувствовав мои эмоции, глубоко вздохнул. О да, он заметил, как я отреагировала на то, как отреагировал он на мою реакцию при виде потаскушки, лапающей моего мужчину. Но все равно стоял ко мне спиной, не давая ни малейшего шанса понять, о чем они разговаривают.

Ну и фиг с ним. Выловив кренделек из миски на стойке, я тоже повернулась к Рейесу спиной. Раз ему так нравится блокировать от меня свои эмоции, я отплачу той же монетой.

Знать бы еще как. Твою дивизию! Мне срочно нужно «Пособие по ангелосмертству для дураков».

Возвращаясь к столу, я еще разок оглянулась и чуть не споткнулась о собственные ноги. Пальцы гадской репортерши как бы невзначай стискивали бицепс Рейеса, так и рвущийся наружу из-под рукава футболки. То есть я на самом деле споткнулась, но быстро выпрямилась и, схватив со стола тарелку с вилкой, заявила:

— Поем в офисе. У меня куча дел.

— Чарли, — решила отчитать меня Джемма, — надо разобраться с несколькими вопросами.

— Я целиком и полностью вам доверяю, — отозвалась я и помчалась в свою нору.

Если Рейесу так хочется открыто флиртовать с барышней, у которой на волосах такое количество лака, что озоновый слой наверняка стал тоньше на пару-тройку сантиметром, бога ради. У меня есть дела поинтереснее, чем сидеть и пялиться на эту парочку. Например, надо поставить песню «Джолин» на повтор и послушать ее раз тысячу. Там как раз Долли Партон умоляет Джолин не уводить у нее любимого. Я-то умолять не стану. Это точно не про меня. Хотя, конечно, странно получится, если репортершу действительно зовут Джолин.

Наверх я поднялась по внутренней лестнице, ни разу больше не оглянувшись, а когда поставила тарелку на стол у себя в кабинете, заметила в приемной священника. На нем были джинсы и куртка, но характерный воротничок ни с чем не спутаешь. Судя по всему, мы забыли запереть дверь. Как бы то ни было, за годы работы частным детективом священника в своем офисе я видела впервые. Подходя к нему, я подумала было перекреститься, но никак не могла вспомнить, как это делается — слева направо или справа налево. Да уж, туго у меня с правым и левым.

— Прошу прощения, — начала я, протягивая руку. Рука тряслась даже сильнее, чем утром. Трястись от переизбытка кофе — одно дело, а вот из-за его нехватки... Невероятные муки. Нечеловеческая пытка. Само собой, к этой тряске приложили руку Рейес со своей новой приятельницей. — Очень жаль, что вам пришлось ждать, — добавила я. — Меня зовут Чарли.

Гость встал и пожал мне руку. Выглядел он как один из тех веселых священников, которые проповедуют о проклятии и адских муках, но в конце проповеди заверяют своих прихожан, которым случится свернуть не на ту дорожку, что им будет достаточно всего лишь покаяться в грехах. Однажды я пыталась отмыться от грехов, но порошок кончился. Непростое, надо сказать, занятие.

— А я отец Гленн, — зычным голосом, видимо, по привычке, представился священник.

Волосы у него были песочного цвета и уже поредели на макушке. Над пухлыми щеками сидели очки в тонкой оправе.

— Не хотел отрывать вас от трапезы, — показал он на тарелку, которую прекрасно было видно через смежную дверь.

Обед стоял у меня на столе и плакал, требуя внимания. Образно выражаясь, разумеется. В животе заурчало, и я застенчиво улыбнулась:

— Ничего страшного. Поем попозже. Я ни капельки не голодна.

— Как это непочтительно! — заявил отец Гленн, когда я усаживалась на соседний стул.

— В смысле?

Он тоже сел, для удобства скрестил в щиколотках ноги и объяснил:

— Лукавите прямо на глазах у священника.

— А-а, вы об этом! — рассмеялась я и беззаботно махнула рукой. — Со мной такая фигня постоянно. Разве что клиенты — исключение, — тут же заверила я. — Им я не лгу.

— Тогда я надеюсь стать одним из них.

Что ж, он мне понравился.

— Чем я могу вам помочь?

— Видите ли, я предпочитаю думать, что мы можем помочь друг другу.

— Я не против.

Отец Гленн откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Что вы знаете об одержимости?

Понятно, сверхъестественные делишки. Любопытненько.

— К сожалению, больше, чем хотелось бы.

— А вы знаете, что существует три вида одержимости?

— Три?! Мне всегда казалось, что одержимость — это... ну, одержимость, и все. Некая сущность завладевает телом, и тело становится одержимым.

Каждую молекулу в воздухе пропитал аромат выращенного в Нью-Мексико чили, и мне оставалось только одно — вдыхать его полной грудью, ощущая, как рот наполняется слюной, а в животе с каждым вдохом урчит все громче и громче.

— В чем-то вы правы, — кивнул священник, вытаскивая из внутреннего кармана куртки конверт, — но это лишь один из видов. Встречается он реже остальных, но благодаря Голливуду о нем знают повсеместно. Я же надеялся, что, учитывая вашу подготовку, вы знаете намного больше.

— Какую еще подготовку?

Отец Гленн держал конверт обеими руками.

— Я говорю о вашем опыте.

Я поерзала.

— А что вам известно о моем опыте?

Понимаю, прозвучал вопрос так, будто я огрызаюсь, но мне и правда было очень любопытно.

— Скажем так, когда я кое-что узнал, — он постучал пальцем по конверту, — то стал искать о вас всю возможную информацию.

Великолепно! Резко захотелось объясниться по поводу инцидента в шахматном клубе. Воспоминания о той ночи у меня сохранились очень туманные, но в одном я была уверена на все сто: татуировку с изображением трансвестита Чед Акерман сделал вовсе не по моей вине. То есть я, конечно, посодействовала, но брать на себя всю ответственность точно не стану.

— Вы ходили в местную библиотеку? — поддразнила я священника.

— У Ватикана на вас весьма внушительное досье.

— Да ладно! — ахнула я, чувствуя себя польщенной и оскорбленной одновременно.

— Чистая правда. Вы представляете для них огромный интерес. Я подумал, вам не помешает об этом знать.

— Обалдеть! Спасибо, конечно, но разве вы не нарушаете какие-то свои клятвы или еще что?

— Все мои клятвы касаются лишь Отца Небесного и Церкви, а вовсе не папки из ватиканских архивов с наклейкой «Чарли Джин Дэвидсон».

— Они знают мое среднее имя? Молодцы какие!

— И не только. Информации у них много. Лично для меня переварить все сразу было довольно трудно. — Я кивнула, но отец Гленн пришил меня к месту всезнающим взглядом. — Поначалу.

— А сейчас уже переварили?

— Да. И должен сказать, что познакомиться с вами — большая честь.

— Вы так говорите, будто я святая.

— Ну что вы! Вы вовсе не святая. Вы скорее воин.

Я прямо-таки почувствовала, как у меня удлиняется от гордости позвоночник.

— Воин, значит. А что? Мне нравится. Но что конкретно вы узнали, чтобы в конце концов прийти ко мне?

— Я узнал о совершенно ином виде одержимости. — Черты лица священника смягчились. — В этой области я вроде как специалист.

— Ладно, проглочу наживку, но для начала... кофе не хотите? — Я махнула в сторону открытой двери, указывая на Бунна — драгоценность, которая живет на полочке у меня в кабинете. На другую драгоценность, которая проживает южнее моего пупка, я указывать не стала. Неловко бы получилось, ага.

— С удовольствием, — просиял отец Гленн.

Класс. Может быть, я и выживу в кофеиновом вакууме благодаря содействию католического священника. Хотя такие мысли по очевидным причинам посещали меня крайне редко. Оказавшись у себя в кабинете, я налила отцу Гленну чашку кофе, а потом спросила, какой он предпочитает. Вдруг повезет, и он любит такой же, как я? Я свой кофе называю «Звездой смерти». Огромная чашка, хранящая верность Темной стороне Силы и достаточно мощная, чтобы грохнуть целую планету.

— Немного сливок, если не затруднит, — тихо рассмеялся мой гость.

— Один кофе со сливочным кайфом. Будет через минуту! — крикнула я через открытую дверь. Что тут скажешь? Обожаю жаргончик придорожных забегаловок.

На аромат и сам акт наливания в чашку темного эликсира мой организм отреагировал, точь-в-точь как чихуахуа под носом у питбуля — неудержимо затрясся. Это у меня такой условный рефлекс, как у собаки Павлова. Каждый раз, когда я прохожу мимо кофе, прожив пару часов без единого глоточка, меня трясет. А сейчас с последнего глотка счастья прошло уже почти семнадцать часов. Естественно, я заметила, что трясусь уже довольно давно. Лишь бы это не вошло в привычку.

— Не могли бы вы объяснить, что это за разные виды одержимости, чтобы я тоже понимала, о чем речь? — попросила я, крайне неохотно отдавая отцу Гленну чашку.

— Разумеется. — Он сделал большой глоток с таким видом, будто в жизни ничего вкуснее не пил. Или так, или я принимаю желаемое за действительное. — Первый вид —

подселение. Относится в основном к помещениям.

— Вроде дома в «Полтергейсте»? — предположила я, пытаюсь придушить внутреннюю чихуахуа.

— Точно. Только драматизма поменьше.

— Ну ясное дело, — брякнула я, притворяясь, будто знаю больше, чем на самом деле.

— Следующий вид — угнетение. Тут демон сосредоточен на одном конкретном человеке.

— Вроде сталкера, только жути поменьше.

— Пусть так, — рассмеялся священник. — Третий вид самый известный. Собственно одержимость. В этом случае демон вселяется в человека.

Я кивнула:

— Назовем его моим любимым видом. И какой же вид привел вас ко мне?

— Подселение.

— Серьезно? Где-то в Альбукерке стоит одержимый дом?

— Очень может быть. Есть одна молодая семья. Совсем недавно эти люди купили свой первый дом, но боятся туда заходить. В итоге скитаются по родственникам.

— Это, конечно, ужасно, и я бы с радостью помогла, но я-то тут при чем?

Положив конверт на журнальный столик, заваленный всем, что нашлось в офисе, отец Гленн полез в другой внутренний карман за сотовым, открыл в телефоне какое-то меню и передал мне с хитрой ухмылочкой:

— Полистайте, а потом снова задайте мне тот же вопрос.

На первой же фотке почти ничего нельзя было разобрать.

— Это какая-то стена? — спросила я.

— Скорее всего. Смотрите дальше.

— Ладно.

Мне все еще было невдомек, к чему вся эта затея. На стене, изображенной на первом снимке, виднелись какие-то царапины, но камера не смогла четко их запечатлеть. Поэтому я стала листать фотографии. На следующей была кукла. Из тех, которые с жуткими мертвыми глазами, и которых любят снимать в фильмах ужасов. На пластмассовой коже тоже были царапины, но понять, что они означают, мне не удалось. Я пролистала еще несколько фоток. Какая-то бумажка. Поломанная игрушка. Фигурка рабочего из конструктора «Лего». Еще одна стена. Наконец я стала различать в царапинах буквы. Сначала увидела «Ч». Иногда попадались «Р» и «И». Вернувшись к первой фотографии, я начала заново, периодически при необходимости увеличивая изображения, пока не поняла, что на каждом снимке была одна и та же надпись. «Чарли Дэвидсон». Снова и снова. Не к добру это. Ой, не к добру.

— Так, по-вашему, этот демон пытался что-то вам сказать? — спросила я, стараясь не очень серьезно относиться к жутковатой ситуации. Ну не умею я по-другому.

Отец Гленн приподнял густую бровь:

— Точно не знаю. Но вы ему, похоже, нравитесь. Может быть, кто-то из старых поклонников?

— Может быть. Я встречалась со стремными товарищами, — я передала ему сотовый, — но никогда не принимала их за демонов. Перешлите мне снимки?

— Конечно.

Священник поставил чашку на стол и взял одну из моих визиток, чтобы узнать адрес электронки. Я поморщилась. Совсем недавно вменяемые визитки кончились, и пришлось

воспользоваться стопкой старых, которые навсегда останутся моей первой попыткой придать себе профессиональный вид. Слава богу, когда я наняла Куки, она уговорила меня заказать новые. Короче говоря, на той, которую взял отец Гленн, было написано:

«ЧАРЛИ ДЭВИДСОН, ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ.

НИКТО НЕ ЗАЛЕЗЕТ ГЛУБЖЕ В ВАШИ ЛИЧНЫЕ ДЕЛА».

Да уж, было дело.

Снова изогнув кустистую бровь, но так и не взглянув на меня, отец Гленн молча вбивал в телефон мой адрес. А я тем временем тоскливо уставилась на Стального Бунна. Господи, сколько же в нем обещаний! Сколько соблазнов! Аромат манил, как кофеиновый Казанова. Как Ромео под балконом. Можно как угодно назвать кофе, но...

— Мисс Дэвидсон?

Я вернулась в реальность и воззрилась на священника.

— С вами все в порядке?

— Лучше не бывает! — проорала я. Знать бы еще зачем.

Отец Гленн чуть-чуть отодвинулся.

Я откашлялась и попробовала заговорить нормальным голосом:

— Все в порядке, правда. Просто пытаюсь отказаться от кофеина. — Снова приподнялась та самая бровь, но на этот раз с любопытством. Пришлось объяснить: — У меня в духовке булочка.

— Понимаю, — кивнул отец Гленн. — Когда у меня в последний раз в духовке была булочка, пришлось отказаться от виски. Это были худшие двенадцать минут в моей жизни. Хорошо хоть полуфабрикатные плюшки пекутся быстро.

Я хихикнула и встала вслед за священником, который уже засунул сотовый обратно в карман.

— Когда вам будет удобно встретиться с нашим гостем? — спросил отец Гленн.

— Когда угодно. Я ужасно заинтригована!

— Тогда, может быть, в пятницу? Около девяти утра?

— Заметано. — Я записала время в ежедневнике, но только ради того, чтобы вырвать страницу, отдать Куки и попросить вовремя напомнить о назначенной встрече.

Пожав мне на прощание руку, отец Гленн двинулся к выходу.

— Вы забыли конверт! — вдруг спохватилась я и подошла к журнальному столику.

— Нет-нет, это вам. Считайте это авансом.

— Договорились.

Когда священник ушел, я открыла конверт. Там было около десятка ксерокопий страниц из досье, которое имелось на меня у Ватикана. Фотографии, даты странных событий, в которых я каким-то образом участвовала. Даже краткие описания того, в чем именно, по мнению работавшего над сбором информации детектива, заключалась моя роль в упомянутых событиях. В конце каждого описания стояла ремарка: «Рекомендовано продолжить расследование».

Какая интересная все-таки вырисовывается картинка!

Конечно же, я буду донором органов.

Неужто кто-то не захочет себе кусочек такой прелести?

Надпись на футболке

Я дала Куки задание найти все, что можно, на пропавших авторов предсмертных записок. Должна быть между ними какая-то связь. Пусть даже где-то в прошлом. А я тем временем поболтаю с их родственниками и друзьями. Но для начала нужно выяснить, живы наши жертвы или нет. Если их похитили, то дело может принять совсем другой оборот. Наверное, придется привлечь федералов, если, конечно, они уже не ведут собственное расследование.

Рейес все еще работал, так что я решила обойтись без него. Само собой, он взбесится, потому что явно не в восторге от мысли надолго оставить меня одну. И уж тем более ему не понравится, что я смылась тайком. Поэтому мне был нужен пассажир. То есть кто-то еще. Правда, если адские псы заметят меня в толпе, то от пассажира, которым я располагала в данный момент, толку в драке будет, мягко говоря, негусто.

Джессика опять ныла. На этот раз о том, что ее подруги сидят в баре и стелятся перед Рейесом, словно она, Джессика, и не умирала вовсе. Оказывается, она положила на него глаз, как только увидела, и теперь подружкам даже как будто нравилось, что она не стоит у них на пути. Я не стала напоминать Джессике, что, во-первых, я положила на Рейеса глаз гораздо раньше нее, а во-вторых, она так же мертва, как и жевательная конфета, которую я грызла, стараясь забыть о кофеиновой ломке. Жаль конфетку, но что поделаешь?

— Она так и сказала! — вопила Джессика. — На полном серьезе. Прямо в лицо Рейесу.

— Минуточку! О чем речь? — Я чуть было не ударила по тормозам, но вовремя вспомнила, что уже давя на педаль, потому что мы стоим перед светофором. — Кто и что сказал в лицо Рейесу?

— Боже мой! Ты меня вообще слушала?

— Не особенно. Так кто и что сказал?

— Она сказала, что ради интервью готова на все. На все!

Я повернулась к Джессике:

— То есть ты хочешь сказать, что слышала, о чем говорили Рейес и Джолин... то есть Рейес и та лахудра?

— Да, блин! Я так расстроилась из-за Джоани и остальных девочек, что решила уйти и уже направилась к выходу, а потом увидела, как эта... эта шалава едва не вешается на нашего мужчину!

Я как раз отхлебнула глоток воды, потому что Куки сказала, что вода полезна для булочки. Кто бы мог подумать? Так вот. Когда Джессика договорила, я так резко втянула в себя воздух, что вода попала не в то горло. Ясное дело, я вся обплевалась и закашлялась, пока сзади не начали сигналить. Я посигналила в ответ, потом утопила педаль в коврик с изображением кролика Багз Банни и свернула на главную дорогу.

— Во-первых, — начала я голосом, точь-в-точь как у Добби из «Гарри Поттера», — у тебя действительно есть подруга по имени Джоани?

Не обращая на меня внимания, Джессика надулась и сложила на груди руки.

— А во-вторых, я не ослышалась? «Наш» мужчина?

Джессика приподняла одно плечо:

— По-моему, я ему нравлюсь.

— Диву даюсь, почему ты все еще без пары.

— Вот и я о том же. Во мне ведь столько нерастраченной любви! Будь я жива, Рейес бы это понял.

— Ага, — фыркнула я, опять закашлявшись, — а потом бы бросился наутек.

— А вот это ты зря.

— Ты вообще помнишь, как относилась ко мне в школе? После того, как... Почему ты здесь? Почему просто... не уйдешь?

— Ты худший зазывала из всех, кого знала история. Из всех, понимаешь? Худший зазывала из всех зазывал от начала времен.

— Не поняла юмора. Повтори.

— Ты меня слышала. — На этот раз Джессика решила показать свое фи окну.

— Зазывала? По-твоему, я зазывала?!

Как-то быстро меня в должности понизили.

— Да. Ты зазываешь на ту сторону, — Джессика указала пальцем вверх.

Я объехала красный «корвет», чтобы добраться до своей цели хотя бы в этом веке. И почему мне никто не доплачивает за профессиональное вождение? Я же просто мастер!

— Чувиха, называть меня зазывалой — все равно что называть святого Петра билетером.

— Да без разницы. Куда едем? — сменила тему Джессика.

— Ну, если так хочешь знать, мне нужно поговорить с одним парнем. А он, между прочим, очень даже может оказаться демоном.

Я, конечно, могла бы попросить своего суженого поделиться информацией, но в данный момент он у меня находился в списке людей, связываться с которыми хотелось меньше всего на свете.

— Так я и знала! — злобно уставилась на меня Джессика. — Ты спелась с дьяволом!

— Ну, как бы, да. Я с ним помолвлена. Точнее с его сыном. Наверное, теперь можно сказать, что я с ним спелась. Но нельзя судить о человеке по родственникам его жены или мужа. Все эти родственнички поголовно чокнутые. И все об этом знают.

— Согласна, — пожала плечами Джессика. — Родственники мужа моей сестры уж точно не в своем уме.

— Правда? Уилла вышла замуж? А за кого?

— Даже не думай!

— Ты о чем? — спросила я, резко свернув направо.

— Даже не думай, что сможешь вот так запросто взять и сменить тему. К тому же Уилла тебе никогда не нравилась.

— Неправда. — До сих пор понятия не имею, с чего Джессика взяла, будто мне не нравилась ее сестра.

— Ты на нее плюнула.

А-а, да. Было дело. Ну, вроде того.

— Вообще-то, я не плевала конкретно на нее.

Пришлось еще раз резко свернуть направо, а потом почти сразу налево. И почему только, чем быстрее едешь, тем резче становятся эти дурацкие повороты?

— Из-за тебя мы перевернемся, — запротестовала Джессика.

— Я тебя умоляю! У меня все под контролем. И я не плевала на твою сестру. Я плюнула на землю перед ней. Это был жест.

— Жест чего? Ненависти?

— Скорее презрения, но так и быть, пусть будет жест и того, и другого сразу.

— Но почему?

Я изобразила невозмутимость:

— У тебя крайне избирательная память.

Чего я точно не собиралась делать, так это напоминать своей бывшей лучшей подруге, что я плюнула под ноги ее сестре разу после того, как оттащила упомянутую сестру от Джессики. Уилла напала на нее, как жаждущий крови берсерк. А все потому, что Джессика взяла без спроса ее носки.

Тогда я на веки вечные выучила один урок: никогда ни у кого и ни за что на свете не одалживай носки.

Мы почти приехали, и я начинала беспокоиться из-за Рейеса. Если он до сих пор не вычислил, где я, то вообще не знает, что меня нет, и думает, что я сижу в офисе и поглощаю свой обед.

В приступе отчаяния я вызвала Ангела — тринадцатилетнего гангстера, который погиб в девяностых, и, по совместительству, моего лучшего сыщика. Вот только он уже пару недель был, так сказать, в самоволке. Исчез сразу после того, как я выяснила, что он не тот, за кого себя выдает. С самой первой встречи он постоянно рассказывал мне о своей семье. О маме, которая была парикмахером и держала вместе с его тетей небольшую парикмахерскую. О племянницах и племянниках, дядях и тетях, двоюродных братьях и сестрах. И все это оказалось ложью. Он притворялся своим лучшим другом, который тоже погиб в ту роковую ночь, и делал вид, будто мама этого друга и вся семья на самом деле родные Ангела.

Но разве можно его за это винить? С рождения он был сам по себе и почему-то считал, что быть самим собой — парнишкой, которого я полюбила так же, как некоторые, кому набивание татуировок уже не причиняет боли, заново учатся их любить, — недостаточно. Как будто он мог как-то упасть в моих глазах. Ей-богу, он может быть самой здоровой занозой в моей лилейной заднице, но он всегда был, есть и будет членом моей семьи.

Короче говоря, я понимала, почему он поступил так, как поступил. И Ангел наверняка это знал, но ему все равно было стыдно, поэтому с тех пор он и не появлялся. Я бы не форсировала события, но мне позарез нужен был совет. И не помешала бы кое-какая ангелосмертская инфа.

Ангел нарисовался на заднем сиденье. Одна нога стояла на возвышении в полу посередине салона, локоть упирался в колено, а сам Ангел, надувшись, как и Джессика, пялился в окно. Многовато у меня сегодня недовольных мин. Так и подмывало ляпнуть что-то вроде «Кто много дуется, тот много волнуется», но я не могла придумать, как бы покрасивее вклеить это к месту.

— Ну здравствуй, мистер, — поздоровалась я, надеясь разогнать сгустившиеся в машине тучи.

— Че за барышня? — не глядя ни на меня, ни на Джессику, спросил в ответ Ангел.

Джессика обернулась, кипя от злости из-за проявленного к ней неуважения. На Ангеле, как всегда, была бандана, сегодня надвинутая почти на глаза. На юных скулах проглядывала пушистая щетина. Перед смертью он был на грани того, чтобы превратиться в мужчину.

Хотя нет. Он стал мужчиной, когда разбил машину, чтобы не дать своему лучшему другу расстрелять дом одного гада из банды. В ту ночь Ангел и его друг погибли.

Едва разглядев Ангела, Джессика тут же поостыла.

— Это невежливо, — сказала она и уставилась в лобовое стекло.

— Ну пардон.

— Давненько тебя не видела, — начала я, глядя на Ангела в зеркало заднего вида. — Неужто не станешь жаловаться, что я выдернула тебя со дня рождения племяшек или посреди кинсеньеры^[9]?

— Ты знаешь, что они мне не родные.

Я остановила Развалюху, хотя до нужного места оставалась еще пара кварталов, развернулась и смерила Ангела самым ласковым взглядом из арсенала гневных:

— Ты сам слышал, что сказала миссис Гарса. Для нее ты был, как сын, и она впустила тебя в свою жизнь с распростертыми объятиями.

Так оно и было. Миссис Гарса, которая надеялась, что ощущает присутствие сына, почти не расстроилась, узнав, что это был его лучший друг. Она любила Ангела. Уж я-то знаю. Но заставить его принять этот факт будет нелегко. Потому что Ангел — мелкий упрямый кусок какашки.

Еле слышно усмехнувшись, он прикусил губу и стал разглядывать обивку Развалюхи.

Развернувшись еще сильнее, я приподняла его лицо за подбородок:

— Ангел...

— Меня не так зовут.

— Так, солнце. Это твое среднее имя. И именно так тебя все называли, пока ты не погиб. — Поглаживая пальцем пушок вокруг его губ, я тихо попросила: — Ну давай, взгляни на меня.

Очень неохотно карие глаза посмотрели прямо в мои.

— Ничего не изменилось. Я по-прежнему тебя обожаю. И ты по-прежнему мой лучший сыщик.

— Я твой единственный сыщик.

— И это ни капельки не влияет на то, как ты мне дорог.

— Значит, мне можно увидеть тебя голой? — спросил Ангел, и его взгляд опустился гораздо южнее законной границы, то бишь шеи.

— Сюда смотри, приятель, — я двумя пальцами показала на лицо. — И нет, нельзя.

— Но мне же сразу полегчает!

— Он всегда такой озабоченный? — снова обернувшись, поинтересовалась Джессика.

Их взгляды встретились. В знак приветствия Ангел кивнул и с самым дерзким на свете видом подмигнул, а я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Кстати, я ведь тебя не просто так вызвала, — заметила я, пытаюсь вернуть себе его внимание.

— Понял. Кому упасть на хвост?

— На этот раз мне нужна только информация. Могу ли я сделать так, чтобы Рейес не ощущал мои эмоции?

— Я ж тебе уже сто раз говорил, *pendeja*^[10]. Ты можешь все, что в голову взбредет. — Ангел снова глянул на Джессику. — *Loca*^[11] она, скажи?

Только чудом мне удалось подавить естественное желание закатить глаза.

— Говорил, но все-таки как? Как именно мне такое провернуть?

— Просто скажи это вслух. Помнишь, как ты связала Рейязиэля и он не мог выходить из тела и шляться по округе?

— Ага, но тогда все вроде как сгоряча получилось. Я была в отчаянии.

— Ну так отчайся. Раз — и все.

— Раз — и все, — кивнула я и закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. — Ладненько, так и сделаем. Раз — и все.

— Слово вслух скажи, и все дела.

Легко ему говорить. А какое слово? На ум сразу несколько тысяч пришло. Так чего же конкретно мне надо? Скрыть свои чувства. В данный момент мне не хотелось, чтобы Рейес знал, что я уехала без него. Но это еще не все. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы каждый раз, оказываясь рядом, он чувствовал, как я плавлюсь изнутри от одного его присутствия. Или знал, что иногда все отделы моего сердца кровоточат от ядовитой ревности. Раньше у меня бы язык не повернулся назвать себя ревнивой, но сегодня из-за этой барышни из новостей я готова была сойти с ума и превратиться в психопатку, которая повсюду таскается за объектом своей любви. Из-за всего этого я кажусь слабой. Вот только совсем не хочется, чтобы Рейес считал меня слабой. Я могу быть сильной. Могу выдержать все, что он со мной сделает.

Само собой, если я на самом деле сумею заблокировать свои эмоции, Рейес не сможет почувствовать, когда я окажусь в беде. Слава богу, это случается не так уж часто. Если мне понадобится помощь Рейеса, я всегда смогу его призвать. И никаких проблем.

Убедив саму себя, я опустила голову, вдохнула полной грудью и произнесла первое, что пришло на ум:

— Occultate.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я сказала это шепотом, мысленно вложив в слово внутреннюю силу.

Я хотела скрыть свои чувства. Скрыть страхи и сомнения по поводу будущего материнства. Как мне растить ребенка в нашем мире? Тут и без демонов хватает маньяков. За каждым углом поджидает убийца или призрак, который примет меня за свою ненормальную мамашу и попытается зарезать. Какой мир я подарю булочке? Как мне уберечь ее от опасностей?

— А ты в курсе, — весело заметил Ангел, — что можешь говорить на каком угодно языке? Ты ж ангел смерти, так что любая фигня, которую ты ляпнешь, сработает.

— В курсе, — моргнув, отозвалась я. — Но почему-то кажется, что отдавать приказы надо на латыни. Ну или на арамейском. На худой конец, на мандаринском. На этих языках слова звучат как будто весомее. Кстати, что-то я изменений не ощущаю. Сработало или нет?

— Понятия не имею. Должно сработать, если ты веришь или знаешь, что сработает. Ты — средоточие собственной силы. Так что только тебе и решать, что сработает, а что нет. Кстати, ты закончила?

— Думаю, да. Но у меня к тебе еще один разговор. Судя по всему, в этот мир скоро нагрянут незваные гости.

— Ага, слышал. Дюжина.

— Ты что-то об этом знаешь?

— Немного, — пожал плечами Ангел. — Только то, что они типа адские псы и их кто-то призвал.

Я мигом наострила уши.

— То же самое мне говорили буквально сегодня. Что их призвали. То есть они не сами по себе сбежали и сунулись сюда по доброте душевной. Ты знаешь, кто их призвал?

— Не-а. Только сплетни всякие слышал. Иной раз покойнички хуже старушенций на скамейках.

Тот факт, что Ангелу почти ничего не было известно, ни разочаровал, ни удивил меня. Но ужасно хотелось узнать, кому, бога ради, на этой планете вздумалось вызвать псов из самого ада.

— Если что, солнце, будь очень осторожен. Я и представить не могу, на что эти твари способны и что тут могут натворить.

— Обо мне, что ли, беспокоишься? — ухмыльнулся он.

Я опять взяла его за подбородок, подтянула к себе и, ласково чмокнув в губы, отодвинулась.

— Я всегда о тебе беспокоюсь.

Ангел робко опустил голову.

— Дай знать, если еще что понадобится.

— А ты куда намылился?

— Миссис Гарса идет на концерт. Ее племянница стихи читать будет.

— То есть твоя племянница. Не забывай, все они и твои родные. Миссис Гарса хочет, чтобы ты называл ее мамой. А это неслабый показатель того, как она к тебе относится.

Пожав напоследок плечами еще раз, Ангел испарился. Он уже сделал первый шаг к тому, чтобы вернуться. Мы были не разлей вода больше десяти лет. Да, я узнала, что все это время он мне лгал, но это уж точно не помешает нам остаться друзьями. Ангел никогда не упускал шанса напомнить мне, что «технически» он старше, но в такие моменты, как сегодня, я чувствовала себя старшей сестрой. Может быть, потому, что он по-прежнему выглядел, как тринадцатилетний мальчик.

Снова взявшись за руль, я завела Развалюху и свернула на боковую улицу.

— Непростая у тебя жизнь, — задумчиво заметила Джессика.

— Вот прямо мечтала от тебя это услышать, — с ехидцей отозвалась я, останавливаясь перед заброшенной психушкой. Такие часто можно увидеть в клипах и ужастиках.

Глядя на дурдом, Джессика вздрогнула:

— Это логово демона?

— Не-а. Это логово моего друга. Заскочу по-быстрому и узнаю, живы или нет кое-какие люди. А вот следующая остановка — логово демона. Симпатичный такой домик недалеко от проспекта Вайоминг. Ладненький и вполне себе обыкновенный. Но я слышала, что стены там окрашены кровью девственниц. Или это все-таки терракотовая латексная краска из строительного магазина. Точно не знаю.

— Злая ты, — насупилась Джессика.

— Придумала бы что-то такое, что не орала бы мне в лицо мачеха каждый день с тех пор, как мне стукнуло два.

Взяв с заднего сиденья фонарик, я вышла из Развалюхи и оказалась лицом к лицу с цифровым замком на заборе из рабицы. Высокие ворота, как и весь забор, венчала колючая проволока. Выглядело симпатично, но, по моему глубокому убеждению, добавили ее зря. Для местных жителей колючая проволока не средство устрашения, а самый настоящий вызов, но Рейес считал, что нужно принять все возможные меры. Его забота о дурдоме согревала мне сердце. Он знал, как дороги мне Рокет и его сестра, и купил здание вместе с

прилегающей территорией, чтобы Рокет не лишился дома.

Сам Рокет — как огромный ребенок. Умер в пятидесятых в этой самой психушке. Он гений, поразительное создание, которому известны все имена на земле. И он может сказать, жив человек или уже нет. Его знаниями я пользовалась чаще, чем, наверное, стоило бы. Сестра Рокета умерла от пылевой пневмонии, когда ей было лет пять, а теперь тоже живет в лечебнице. Но вижу я ее редко. Она прелестная, как куколка, и ужасно стеснительная.

Короче говоря, я стояла перед забором и пыталась придумать, как мне вломиться в дурдом, недавно ставший моим. Лезть на забор с колючей проволокой — не вариант. А кодом от замка Рейес еще со мной не делился. Звонить и спрашивать я точно не собиралась — хуже только сразу признаться, что я смылась. Надо было сначала заскочить к даэве и уговорить его поехать сюда со мной. Он бы меня и защитил, случись что-то неприятное. Правда, если бы Рейес об этом узнал, точно бы взбесился. Вряд ли, конечно, полностью слетел бы с катушек, но даже в теории с этим нельзя не считаться.

Впрочем, раз уж на то пошло, я не идиотка. И на самом деле не собиралась рисковать жизнью. Если появится адский пес, я смогу вызвать Рейеса. Даже в нематериальном виде он может меня защитить. Тем более что псы тоже нематериальные. Но Рейес все равно сочтет мои поступки опрометчивыми и импульсивными.

И, может быть, будет прав. Я положила ладонь на живот. Теперь нужно было заботиться не только о собственной заднице. Согласно пророчеству, жизнь булочки в миллион раз важнее, чем моя. И все-таки меня ждала работа и неоплаченные счета. Не могу же я в самом деле рассчитывать, что Рейес до конца моих дней будет постоянно рядом. Хотя, надо признать, мысль очень заманчивая.

Шагнув к воротам, я решила испытать удачу. Ввела на табло замка день рождения Рейеса — без толку. Попробовала свой — с тем же успехом. Потом прикола ради вбила еще одну дату и с отвисшей челюстью увидела, как кнопочка на дисплее загорелась зеленым, а секунду спустя открылись ворота. Я застыла, пораженная тем, что Рейес помнит день, когда мы с ним впервые встретились, так сказать, во плоти. День, когда его избивал Уокер, и когда я его остановила, чуть не оказавшись по уши в неприятностях.

Но оно того стоило. Ради Рейеса я готова пройти любые испытания. Развернувшаяся тогда на моих глазах драка хоть и разбила мне сердце, но навсегда изменила мою жизнь.

Подойдя к металлической двери, я ввела тот же код, и он снова не подвел. Что и говорить, меры безопасности, принятые Рейесом, вполне могли остановить всякое хулиганье. Правда, в основном сюда захаживали любители потусоваться, которых резко посещает желание разгромить это место, как только уровень алкоголя в крови достигает уровня их интеллекта. Психлечебница — здание историческое, завораживающее и для многих по-настоящему жуткое. Одним словом, потрясающее.

И все-таки, по-моему, Рейес перестарался с количеством мер предосторожности, учитывая, что здание, которое бросили еще в пятидесятых, давным-давно обветшало. Хорошо хоть сигнализации не было, но вся эта электроника приводила в изумление. Я бы еще поняла, к чему вся эта защита, если бы Рейес складировал тут оружие массового поражения.

Войдя в вестибюль, я пошла темному коридору, то и дело наступая на мусор, оставленный здесь любителями напиться без свидетелей, и тихонько позвала:

— Рокет!

Большинство ободренных поверхностей благодаря надписям, которые делал Рокет, казались прекрасными, как осыпающиеся отголоски древнего абстрактного искусства.

Когда я видела Рокета в последний раз, он выцарапывал на стене мое имя. А имена он пишет только тех людей, которые уже умерли или вот-вот умрут. Так что, увидев на стене собственное имя, я, мягко говоря, не обрадовалась. Но это случилось еще до новостей о булочке. Теперь игра пошла по другим правилам, и умирать в ближайшем будущем я точно не собиралась. Моя дочь должна появиться на свет. Ее рождение предсказал один парень задолго до того, как изобрели нарезанный хлеб. Наверняка Рокет что-то напутал. Между прочим, не впервые. То есть технически он ни разу пока не ошибался. Он предсказал смерть Рейеса, и Рейес действительно умер на несколько секунд, но я вернула ему жизнь поцелуем. По крайней мере так утверждает мой жених. Выбора не было: приходилось верить, что записи Рокета точны, но рано или поздно они могут стать ошибочными. Будучи сверхъестественным существом, кое-чему я успела научиться. Всегда есть выход. Раз уж умирать я не планирую, то буду лгать, изворачиваться и красть, чтобы с булочкой ничего плохого не случилось. А чтобы обеспечить себе достаточно долгую жизнь, мне нужна информация.

К сожалению, вытащить ее из Рокета не так-то просто. Но он поделится со мной парочкой подробностей, даже если придется их из него выдавливать. В первую очередь, конечно, нужно узнать о жертвах. Надолго удержать внимание Рокета невозможно, поэтому, если придется выбирать между мной и жертвами, я выберу последних. Их могли похитить, а значит, они все еще живы и страдают. В такой ситуации их безопасность на первом месте. А потом, может быть, мне удастся убедить гения рассказать и о моей кончине. Кончины — это всегда хреново, а моя уж точно будет самой хреновой на свете. Особенно с моей колокольни. Хотя говорить наверняка еще рано.

Я дошла до лестницы в подвал, где с некоторых пор Рокет проводил много времени, потому что здесь было несколько чистых стен. Включила фонарик и стала спускаться вниз, все медленнее и медленнее с каждой ступенькой.

— Не могла выбрать место пострашнее? — спросила Джессика, появившись у меня за спиной с прижатыми к груди руками, словно боялась к чему-нибудь прикоснуться.

— Страшнее не бывает, — отозвалась я, мысленно радуясь, что смогла ее напугать. Даже чуть не заорала «Один — ноль в мою пользу!», но вовремя одумалась.

— У кого-то неприятности, — раздался в воздухе звонкий голосок.

Я узнала голос — это была Сахарная Слива (само собой, имя ненастоящее), которая утонула, когда ей было девять. Недавно она стала жить с Рокетом и Синей Незабудкой, его сестрой. Чему лично я радовалась безмерно. До того как обосноваться в дурдоме, СС имела дурацкую привычку повсюду таскаться за мной и требовать держаться подальше от ее брата, Дэвида Тафта, который служил офицером в участке дяди Боба. А еще она частенько предпринимала попытки выцарапать мне глаза. Не самое подкупающее поведение.

Поскольку мы с Тафтом едва выносили друг друга, обвинения Сливы были совершенно беспочвенны, но она все равно видела во мне угрозу, пока ее братец не начал «якшаться со шлюшками». Ее слова. После этого она решила, что я просто обязана с ним встречаться. Слава богу, Слива была слишком занята, строя из себя Крисси из «Трое — это компания», и не особенно давила на меня по этому поводу.

Мы с Джессикой обернулись. На СС, как всегда, была выдавшая виды розовая пижамка в сахарных сливах. Длинные светлые волосы свисали на спину спутанными прядями. Даже после смерти огромные голубые глаза мерцали серебром. Весь ее бестелесный, призрачный облик был сероватым, но для меня Слива была такой же плотной, как и местные стены.

Эта особая серость сразу выдавала призраков. Серость и холод. Но самая главная отличительная черта умерших — я не улавливаю от них эмоций, как от живых людей. И все-таки, кроме этих признаков, есть в покойниках нечто почти незаметное, почти неуловимое, на что все мои инстинкты дают однозначный ответ: эти люди больше не принадлежат миру живых. Когда я встречаю призрака, эта особенность каким-то чудом фиксируется краешком сознания, позволяя сразу понять, кого видят мои глаза. С самого своего рождения я знала, что есть два типа людей. Живые и мертвые.

Гораздо сложнее было привыкнуть к тому, что, оказывается, далеко не все видят покойников. В детстве это доставляло мне кучу проблем. Особенно с мачехой. Но это долгая история. Или точнее дюжина долгих историй. Так что как-нибудь в другой раз.

Слива ласково прижимала к груди ободранную куклу Барби, волосы на голове которой были обстрижены клоками. Ни капельки не жутко, правда? Бедняжка Барби! Ее друзья будут в ужасе. Тафт как-то говорил, что его сестра постоянно обрезала куклам волосы. Новость была почти пугающей. Я, видите ли, изредка вынуждена спать, а с мыслью о том, что мертвый ребенок, которому очень не помешал бы хороший врач, обстрижет мне во сне волосы, уснуть не так-то просто.

— И почему на этот раз у меня неприятности? — спросила я у Сливы, присев перед ней на корточки и стерев грязь с ее щеки.

Она была очень красивой девочкой. Сердце кровью обливалось, когда я представляла, какой она могла бы стать, будь у нее шанс. Ужасно несправедливо, когда отбирают такую юную жизнь.

— Потому что ты скоро умрешь.

Хотя, если подумать, может, оно и к лучшему, что она больше не ходит среди людей и разных острых предметов. Имелось у меня маленькое подозренье, что Слива могла стать серийной убийцей. Или телепродавцом. Что для меня почти одно и то же.

— Я все-таки надеюсь, что этого не случится.

— А я надеюсь, что случится. Ты можешь жить с нами.

— Она просто прелесть! — проворковала Джессика, присаживаясь рядом со мной. — Как тебя зовут?

Слива нахмурилась:

— Мне нельзя разговаривать с незнакомцами. Нельзя говорить им, что меня зовут Бекки, что мне девять лет и...

— Ты видела Рокета? — перебила я, иначе мы тут весь день проторчим.

— Кучу раз. Мы постоянно с ним видимся.

— А знаешь, где он сейчас?

— Может быть, — пожала плечиками СС. — Но сначала ты должна избавиться от злого дяди.

Я сдвинула брови:

— Какого еще злого дяди?

— Который спит в холодной комнате и ест кошачью еду пальцами прямо из банки.

Ей-богу, я чуть не поперхнулась.

— Солнышко, ты хочешь сказать, что здесь кто-то живет?

Она кивнула, все сильнее и сильнее наглаживая Барби по лысой голове.

Какого черта? Как сюда мог кто-то пробраться, учитывая все меры безопасности? Колючая проволока — это ерунда, но коды на дверях должны были помочь.

— Он вырезал дыру в заборе такой огромной шукувиной и пролезает сюда через окно в подвале. А еще постоянно приносит пакеты.

Ага, теперь понятно.

— Наверное, он бездомный.

— Ничего подобного. Дом у него есть.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он туда ходит, — ответила Слива и куда-то показала.

Знать бы еще куда. Внутри здания я плохо ориентировалась, где и что находится снаружи.

— Он постоянно ходит в тот уродливый дом, а потом возвращается сюда, — добавила СС.

То есть этот «дядя» вламывается в чей-то дом? Что ж, придется выяснять.

— Ну ладно. — Охнув, я взяла ее на руки. Призраки для меня не только плотные, но еще и тяжелые. Ума не приложу, как может быть тяжелым человек, который проходит сквозь стены. — Отведешь меня к нему?

Слива опять куда-то показала, и мы с Джессикой двинулись вперед, пока не пришли к открывающейся в обе стороны двери, ведущей в кухню.

Я прижалась к стене и шепотом спросила у Сливы:

— Он там?

С круглыми, как блюдца, глазами, она перестала жевать пластмассовую голову Барби и пожала плечами. Да уж. Этот парень пугал ее до чертиков.

Я повернулась к Джессике:

— Иди и посмотри, чисто ли на берегу.

— Я? — взвизгнула та. — Почему я? Сама иди и смотри, чисто ли на берегу.

— Джессика, — громко вздохнула я, — ты теперь призрак. Он тебя даже не увидит. Ты можешь просунуть голову сквозь стену, и никто не заметит.

— А мне плевать. — Стиснув зубы, Джессика демонстративно отвернулась.

Замечательно.

— Фиг с тобой, — прошептала я. — Тогда стой на стреме. Но если кто появится, сразу предупреди. Carisce^[12]?

Какой, черт возьми, толк от мертвых бывших подруг, если они отказываются шпионить, когда мне это позарез нужно? Наклонившись вбок, я попробовала заглянуть в круглое окно в двери, но помешали слои накопившейся за годы грязи и большое круглое лицо с застенчивой улыбкой.

— Рокет! — выдохнула я, а потом быстро прошептала: — Там кто-то есть?

Он продолжал улыбаться, и я уже было подумала, что он меня не понял, но потом все-таки оглянулся, снова повернулся ко мне и покачал головой. Пухлые черты все еще сияли от улыбки. Кстати, Рокет лысый. Чутьочку даже похож на Сливину Барби.

Покрепче прижав к себе Сливу, я вошла в кухню и, обняв Рокета свободной рукой, поздоровалась:

— Привет, Рокет.

— Мисс Шарлотта! Вы все еще живы!

— Ага, я в курсе, спасибо. Ты видел человека, который сюда приходит?

Он кивнул и показал на «холодную комнату». На самом деле когда-то это был здоровенный холодильник. Видимо, холодной комнатой Слива называла его вслед за

Рокетом, который жил и умер здесь в пятидесятых, потому что сейчас в этой комнате было так же тепло, как и во всех остальных.

Посадив СС на алюминиевую столешницу, я с фонариком в руке потихоньку приблизилась к темной комнате. Напрочь проигнорировав просьбу остаться снаружи и вцепившись в мой свитер, попятая шла Джессика. Дверь в бывший холодильник была приоткрыта. Я резко распахнула ее и увидела, что внутри никого нет, но недавно точно кто-то был. Повсюду валялись пакеты из «Макдональдса». В воздухе висел застарелый запах сигаретного дыма. Из самодельной пепельницы буквально вываливались окурки. У стены лежали пара одеял и грязная подушка. Рядом — фонарик и несколько порножурналов. Оставалось только надеяться, что Незабудка и Слива не видели ни обложки, ни самого мужика, пока он листал страницы. Хотя черт его знает, что можно рассмотреть в свете ультрафиолетового фонаря.

— У меня есть для тебя парочка имен, — сказала я Рокету, осматриваясь по сторонам.

Честно говоря, место не казалось похожим на обычное логово бомжа. Здесь вообще не было одежды и всего того, что обычно таскают с собой бездомные. Например, моя подруга Мэри возит в магазинной тележке уйму одеял и консервных банок. А тут — ничего такого.

Я быстренько оглянулась на Сливу. Она не сдвинулась с места и снова жевала голову Барби, то и дело беспокойно косясь по углам. С чего ей вдруг бояться живого человека? Если, конечно, речь именно об этом.

— Вы какая-то другая, мисс Шарлотта.

Я глянула на Рокета:

— В каком смысле?

— Внутри вас что-то есть, — ответил он, глядя на мой живот.

— Ага, есть, — тихонько рассмеялась я.

Поразительно, что он это понял. Булочка — самая большая новость в моей жизни. Да и забеременела я всего-то пару недель назад. Даже тест еще не делала. Но с самого начала ощущала тепло будущей дочери. И все-таки мне никогда не понять, как Рокет умудрился ее почувствовать. Она же даже до размеров пушистой ивовой почки не доросла! Кстати, можно ведь пока так ее и назвать: Пушистая Ивовая Почечка. ПИП. Или ради удобства — Пип.

— Как это произошло? — спросил Рокет, глядя на меня так, словно я отрастила вторую голову.

Ну уж нет, говорить с ним на эту тему я точно не стану. Ему прекрасно живется, образно выражаясь, и без анатомических подробностей, так что пусть еще поживет без лекции о тычинках и пестиках. Надеюсь найти хоть какую-то подсказку о захаживающем сюда человеке, я принялась копаться в куче, сложенной в углу, перебирая всякий мусор двумя пальцами, как будто он меня укусит. Но нашла только старые чеки из «Макдональдса», салфетки и окурки.

— Готов услышать имена?

Рокет наклонился ко мне, наблюдая за каждым движением:

— На старт, внимание, марш!

— Ладненько. Итак, Фабиана Мари Луна. Родилась в Белене.

Он выпрямился и закрыл глаза. Ресницы затрепетали, словно Рокет просматривал внутренние файлы. Представить не могу, каково это — держать в голове миллиарды миллиардов имен. Я временами имя собственной сестры забываю.

Рокет открыл глаза:

— Мертва.

— Черт!

Я шагнула к клочку бумаги, втиснутому между деревянными половицами.

— Нельзя нарушать правила, мисс Шарлотта.

— Извини, Рокет. — Кое-как мне удалось вытащить бумажку из щели. Ругаться — значит, нарушить правило. А у Рокета на тему всяких правил тот еще пунктик. — А как насчет Анны Мишель Гальегос?

— Сорок восемь мертвы. Двенадцать живы.

— Если она умерла, то совсем недавно. Родилась в Хьюстоне, но выросла здесь, в Нью-Мексико.

На этот раз ответ я получила быстрее:

— Мертва. Могу показать.

Рокет потащил меня из холодильника, но я остановила его, погладив по руке. Он хотел показать мне стену, где написал это имя.

— Я тебе верю, милый. Просто мне грустно. Я надеялась, они живы. И еще одно имя: Теодор Джеймс Чендлер. Из Альбукерке.

На этого парня я возлагала огромные надежды. Его жена нашла записку только сегодня утром. Может быть (только может быть!), он все еще жив.

— Не мертв, — отозвался Рокет и, стоило моим надеждам расцвести буйным цветом, начал что-то считать на пухлых пальцах.

— Значит, он еще жив? Ты знаешь, где он?

— Ни где, ни как, — продолжая медленно считать, ответил Рокет. — Только жив или мертв.

Я полезла в карман за телефоном, как вдруг у Рокета закончились пальцы.

— Мертв.

— Минуточку! Тед Чендлер умер? Он же был жив две секунды назад!

— Нет-нет-нет, уже мертв.

Я заморгала, глядя на Рокета.

— Наверное, он не оплатил счет за электричество, — приподняв брови, сказал гений, как будто это все объясняло.

Весть о смерти Теда капитально меня подкосила. Я тут, видите ли, разыгрывала из себя детектива (то есть я, конечно, и есть детектив, но все равно), копалась в мусоре и порножурналах со слипшимися страницами, а в это время где-то умирал человек.

Я написала дяде Бобу мрачное сообщение:

«Все трое мертвы».

И получила ответ:

«Твою мать. Они с тобой?»

«Нет. Видимо, уже перешли».

Дядя Боб точно не знает, как все происходит, но ему известно достаточно, чтобы верить всему, что я говорю. Даже если звучит это... странно. Когда-нибудь я ему расскажу, кто я такая на самом деле, а пока он просто верит мне на слово.

«Собираюсь поговорить с родственниками жертв», — написала я.

«Дай знать, если что-то выяснишь».

«Лады».

Тяжело вздохнув и пытаясь подавить завладевшую сердцем боль, я сосредоточилась на

текущей задаче — на бездомном извращенце из холодильника. На самом деле я понятия не имела, склеились страницы в журналах или нет, но выяснять однозначно не собиралась. Да уж, давно пора носить с собой резиновые перчатки. Правда, только этого мне в жизни и не хватает — стирать перчатки, водительское удостоверение и ключи от машины. Кто бы знал, сколько брелков я уже сменила!

— Сегодня он здесь был? — спросила я у Рокета, в десятый раз осматривая комнату в поисках хоть каких-нибудь подсказок, кем был этот мужик.

Не услышав ответа, я обернулась.

Никого не было. Ни Джессики. Ни Сливы. Ни Рокета.

Освещая лучом фонаря темные углы, я медленно пошла обратно в кухню, но так ничего и не увидела. Зато кое-что почувствовала. Холодную руку, грубо прижатую к моим губам.

*Моя жизнь похожа на «мыльную оперу»,
которую снимали в дурдоме.*

Надпись на футболке

Пока моя спина прижималась к скелетоподобному телу, к шее приставили что-то металлическое. Точно не нож, но что-то длинное и острое. Скорее всего отвертку. А в правильных руках даже обычная отвертка может причинить непоправимый вред. Мужик пользовался ею в качестве меры предосторожности, другой рукой пытаюсь поудобнее обхватить меня за ребра прямо под Угрозой и Уилл Робинсон.

Честно говоря, я и не собиралась особенно брыкаться. Рано. Ни к чему поднимать шум, пока я понятия не имею, чего этому гаду надо. Может быть, он всего лишь хотел, чтобы я ушла. Если так, то с радостью исполню желание. Как правило, с бомжами никаких проблем, пока не пытаешься влезть на территорию, которую они считают своей. А холодильник мне однозначно ни к чему. Хочет — пусть забирает его себе хоть навсегда.

— До фига трындишь, когда рядом ни души, — сказал мужик противным сиплым голосом.

Я глянула вниз, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть. По грязной руке было ясно, что мужчина белый. Возраст — приблизительно между тридцатью и сорока. Он оказался гораздо сильнее, чем можно было ожидать, потому что мои глаза видели только обтянутые кожей кости. На мгновение удалось заметить, что он держит в другой руке. Это действительно была отвертка, которую сжимали длинными костлявыми пальцами так сильно, что побелели суставы.

Фонарик я выронила, но, как бы ни было темно в комнате, остальных я бы все равно разглядела. Ума не приложу, почему они исчезли. Никакого вреда простой смертный причинить им точно не сможет. Так почему же они испарились, поджав хвосты? В тот самый миг до меня дошло, что затея скрыть эмоции сработала, иначе, как только подскочил уровень адреналина, Рейес был бы уже здесь. Появился бы прямо передо мной, а потом, перерубив мужику позвоночник, смерил бы меня сердитым взглядом и отчитал на чем свет стоит за то, что уехала одна.

Но ничего такого не произошло. Я стояла в обветшалом дурдоме, прижатая к бомжу. В горло упиралось острое ржавой отвертки. И почему я вляпываюсь в такие вот ситуации? Я ведь не ищу психов нарочно. Видимо, они сами меня находят.

— Послушай, — начала я и подняла руки в знак капитуляции, — если хочешь, забирай себе холодильник со всеми потрохами. Мне он все равно никогда особенно не нравился.

Несколько секунд мужик молчал и скрипуче дышал мне в затылок. А потом вдруг наклонился вперед и вытворил нечто из ряда вон: укусил меня за мочку уха. Сильно укусил. Как будто ему нравилось причинять людям боль.

Я дернулась, но в ответ рука лишь стиснула меня еще сильнее.

— По-твоему, я торчу в этой дыре, потому что мне так хочется? — спросил мужик, и я чуть не задохнулась от вони старых сигарет. — Только сюда ты заходишь без этого своего красавчика на хвосте.

По венам заструился леденящий душу страх, и я уже начала было вызывать Рейеса, но

остановилась на полпути, потому что мужик продолжал говорить:

— С ним я расправлюсь по-быстрому. Обещаю, он даже не смекнет, от чего окочурился. А у тебя будет шанс свалить. Если, конечно, получится. — Демонстрируя свои намерения, мужик подвигал пальцем прямо по Уилл Робинсон. — Ты его позовешь прямо сюда, но если успеешь как-то предупредить, я порешу его медленно, а тебя — еще медленнее. — Он уткнулся носом мне в волосы и сделал глубокий вдох.

— Почему? — спросила я, отчаянно оглядывая комнату в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Я все еще могла вызвать Рейеса. Если он будет в нематериальном виде, вряд ли костлявый гад сумеет ему как-то навредить. Вот только очень хотелось узнать, почему мужик охотится на моего жениха. Почему хочет убить его быстро. И почему вообще хочет убить. Что хорошего, если Рейес примчится сюда и покалечит этого козла до того, как мы получим ответы?

— Чем он тебе насолил?

Мужик громко и невесело хохотнул:

— А ниче он мне не делал. Пускай заплатит за то, кто он такой.

Какого, блин, черта? Неужели этот парень одержим? Или его послали убить Рейеса? И зачем устраивать на меня засаду? Судя по всему, чувак жил тут как минимум неделю.

— Кто тебя послал? — спросила я и расслабилась, надеясь, что в ответ он ослабит хватку.

Я уже заприметила под алюминиевым столом отвратительную на вид деревянную ложку. Не бог весть что, но если удастся упасть на пол и по инерции проехать вперед, то, может быть, получится добраться до ложки, сломать ее и использовать для самозащиты раньше, чем у гада появится шанс всадить отвертку мне в спину. Имелись у меня подозрения, что если он все-таки успеет, то приятного будет мало.

Так что же делать? Рискнуть и все-таки призвать Рейеса? Он точно будет рвать и метать, причем из-за меня. А этого я боялась почти так же, как и мужика с отверткой.

— Давай, зови его. И без глупостей, не то получишь в горлышко заточку и пискнуть не успеешь.

Что ж, приятного уже мало. Я полезла в передний карман, и рука сжалась еще сильнее.

— Я всего лишь хочу достать телефон. Но ты, видимо, плохо знаешь Рейеса, раз уж собрался расправиться с ним с помощью отвертки.

— И покруче валил, причем голыми руками, — поспешил заверить меня мужик.

— Ну конечно. Как я и сказала, ты плохо его знаешь.

Я уже вытащила телефон, но мужик вдруг задумчиво поинтересовался:

— О чем ты талдычишь?

— О том, что в первый день Рейеса в тюрьме на него натравили трех самых здоровых и самых крутых членов саут-сайдовской банды. Через тридцать секунд они валялись мертвыми на полу в столовой, а на Рейесе — ни царапинки. Немножко отдышался — и как новенький. А те трое, между прочим, были вооружены.

— Сукин сын! — пробормотал мужик себе под нос. — Так и знал, твою мать! Доллар, конченный кусок дерьма!

— Ничего не поняла, — отозвалась я, надеясь разговорить наркомана. Подвиг, который мне не по зубам и в лучшие дни. А сегодня явно был не лучший день.

Намотав на кулак мои волосы, мужик дернул меня назад. Словно дамбу прорвало, из

него повалили эмоции. На чем бы он ни сидел (скорее всего на мете), из-за наркотиков он стал непредсказуемым и еще более опасным. В мгновение ока садистское удовольствие превратилось в ослепительную ярость. В свое время его кто-то явно наколол, но я никак не могла понять, что именно происходит. Может быть, его послал за Рейесом некто по имени Доллар? И настоящее ли это имя вообще?

— А тебе надо понять только одно. Я вляпался по самые помидоры.

Мужик опять занялся моим ухом. Но на этот раз сначала прикусил хрящ, а потом уже мочку.

Я попыталась вырваться, но пальцы в волосах засели накрепко.

— Всандолить тебе, что ли, заточку в башку или...

Не выпуская из виду ложку, я ждала, когда озвучат второй вариант. Оставалось только надеяться, что он будет попривлекательнее первого. Если я сегодня не выживу, не выживет и Пип, а это вообще не вариант. Поэтому я решила дать торчку время хорошенько поднапрячь мозги и придумать предложение, от которого я не смогу отказаться. Пауза затянулась. Казалось, прошло целых несколько минут, как вдруг я услышала странный звук, словно что-то порвалось, а следом и неясное бульканье. Однако держали меня все так же крепко, даже когда по затылку за шиворот потекло что-то теплое.

Не на шутку офонарев, я опять попыталась вырваться на свободу, но получилось только повернуться к мужику лицом. Глаза у него превратились в блюдца. Сам он бешеными потоками изливал на меня шок и страх. Из горла фонтаном била кровь. В открытой рваной ране, словно там поработала лапа свирепого льва, виднелись пищевод и сухожилия. Я рванулась назад, но мужик держал меня за футболку. В такт его пульсу на меня брызгала теплая липкая кровь. Рот у мужика был открыт, как будто он хотел заорать от ужаса. А сам мужик бледнел на глазах, потому что жизнь покидала его тело.

Я отшатнулась, и чувак, все еще цепляясь за меня, завалился вперед. Вдвоем мы грохнулись на пол. За считанные секунды мои волосы и футболка промокли от крови.

Первым, кто пришел на ум, был Рейес. Но раньше он никогда ничего подобного не делал. Всегда действовал чисто и калечил изнутри. Какой организму нанесен вред, можно было определить только с помощью МРТ.

Голова мужика упала мне на плечо. Кровь текла уже медленнее. Одна беда — к грязному и теперь уже залитому кровью полу меня прижимало весом взрослого мужчины. Пока я пыталась понять, что произошло, раздался еще один звук. Глубокий, низкий, переполненный яростью, он пробирал до костей. От дикого страха я оцепенела на добрых пять секунд.

Не давая себе возможности вконец раскиснуть, я собралась и попыталась сбросить с себя мертвый груз, в который превратился напавший на меня наркоша. Почувствовала, как что-то тянет за левую руку, а секунду спустя в ней вспыхнула саднящая боль. Каким-то чудом мне все-таки удалось выбраться из-под мужика, и я тут же бросилась наутек, ни разу не оглянувшись. Потому что боялась. Сердце качало чистый адреналин, который нес меня вперед, как ракетное топливо. Я промчалась по лестнице, выскочила в вестибюль и, не замечая мусора под ногами, врезалась в дверь, как ядерная боеголовка. На улице меня ослепило дневным светом, но я продолжала бежать, однако, оказавшись у ворот, не смогла вспомнить код. Дико глядя по сторонам, я пыталась заметить злобную тварь до того, как ей удастся попить и на моей глотке. Сознание тонуло в панике, но все-таки понимало, что левая рука зверски болит, а сердце бьется, как сумасшедшее. Я попятилась к забору,

вцепилась пальцами в металлическую сетку и, ожидая самого страшного, не мигая уставилась на дверь в дурдом.

Им не выйти на солнце.

Им не выйти на солнце.

Им не выйти на солнце.

Легкие горели, но я снова и снова повторяла эту мантру, понятия не имея, правда это или нет. Даже Рейес не знал, на что способны адские псы. Есть ли у них на земле слабости или преимущества. Адские псы не демоны, но их создали в аду. Точнее создал сам Люцифер. Демоны не могут появляться при дневном свете без определенной защиты. Поэтому и вселяются в людей. Но адские псы — совсем другая история. Может быть, им так же хорошо на солнце, как и мне.

Эта мысль придала мне сил. Я повернулась к воротам, велела себе успокоиться и ввела дату на табло. Как только ворота открылись, я рванула к Развалюхе и вытащила телефон, уже заводя двигатель. Мне нужен был тот, кто ответит на мои вопросы и, может быть, знает, что делать.

На земле у меня было только двое знакомых, у которых могли быть ответы. Само собой, Рейес, а еще Дилер, даэва. Раб, который много веков назад сбежал из ада и теперь жил припеваючи в Альбукерке, устраивая нелегальные карточные игры и выманивая у людей души. Насчет последнего у нас была с ним договоренность. Ему разрешалось отбирать души только у очень плохих людей. И все-таки Дилер, казалось, знает намного больше о том, что происходит, чем любой из нас. Честно говоря, именно он предупредил нас о Дюжине. О том, что псы сбежали из тюрьмы в аду и отправились в наш мир. Дилер хотел помочь и защитить меня от псов, но Рейес наотрез отказывался от его участия. И мне начинало казаться, что он совершает серьезную ошибку.

Короче говоря, я могла отправиться либо к Рейесу, либо к Дилеру, но лишь у одного из них был повод на меня сердиться. Значит, оставался Дилер.

Только когда на экране появился его номер, до меня дошло, что я выскочила из психушки, с ног до головы покрытая чужой кровью, и помчалась вперед, как будто совершила убийство. Надеюсь, никто меня не видел и не вызвал полицию. Лично я бы так и сделала.

Кровь сворачивалась и высыхала, превращаясь в густой слой кошмарного клея. Ресницы слиплись. Пока телефон набирал номер Дилера, я рискнула взглянуть на себя в зеркало заднего вида и тут же об этом пожалела. Ни дать ни взять последняя жертва убийцы с топором из второсортного ужастика. А если уж мне суждено выглядеть, как последняя жертва убийцы с топором, то пусть хоть фильм будет лучше.

Дилер взял трубку:

— Наверное, случилось что-то важное, раз уж ты звонишь мне, распоследнему отбросу общества.

— Ты дома?

— Может быть.

— Скоро подъеду. Открой дверь.

— Какие же все-таки вы, беременные, требовательные люди! Могу я что-то сделать, пока ты в пути?

— Разве что материализоваться у меня в джипе, пока я топлю сто пятьдесят километров в час по улице с ограничением в сорок. Если тебе эти фокусы не по зубам, то сиди и жди.

Чтобы не ляпнуть лишнего, я повесила трубку и сосредоточилась на дороге.

Наверняка это был один из адских псов. Кто же еще? Если бы Рейес все-таки появился, смог бы он убить тварь? Или его нематериальной форме угрожала бы нешуточная опасность? Одно я знала точно: Рейес бы дрался и действительно попытался бы убить пса. Такой тактике он меня и учил. Дюжину нужно убивать по одному, постепенно ослабляя всю стаю. Рейес не из тех, кто будет сидеть сложа руки и ждать, когда на него нападут. Ему по душе охотиться. Нет, не просто по душе. Он этого жаждет. Однажды, когда мы дрались с целой ордой демонов, я ощущала его голод и ненасытный аппетит.

И все же мне не верилось, что ослепляющее заклинание, за неимением лучшего термина, сработало. Не верилось, что Рейес не появился в трудную минуту.

Я мчалась по дороге, объезжая все, что попадалось по пути. О да, если меня остановят за превышение скорости, когда я вся в крови, никаких подозрений, разумеется, ни у кого не возникнет. Но, видимо, ехать медленнее просто-напросто не получалось. Обогнав фургон доставки, я въехала на подъездную дорожку Дилера и остановилась под визг покрышек. Симпатичным дом находился в красивом и благополучном районе. Только бы никто из соседей сейчас не вышел на улицу!

Выскочив из Развалюхи, я двинулась к распахнутой настежь двери. Привалившись к косяку и сложив на груди руки, меня встречал молоденький парнишка. На игриво склоненной голове сидел цилиндр. На вид Дилеру было лет девятнадцать, но на самом деле его возраст исчислялся веками. Высокий и широкоплечий, с черными как смоль волосами, кончики которых лежали на ключицах, с поразительными бронзовыми глазами, каких я никогда в жизни не видела, он вечно ухмылялся. И ухмылка эта из самой очаровательной на свете за секунду могла превратиться в смертоносную. По сей день я не знала, как зовут даэву, зато знал Рейес. С первой же встречи он его узнал и сказал, что давным-давно в аду Дилер был кем-то вроде чемпиона. Из-за слов Рейеса в голове постоянно крутилась мысль о гладиаторе — рабе, который сражается, чтобы развлечь своих хозяев.

Короче говоря, если даэву и удивил мой внешний вид, он ничем этого не выдал.

Пролетев мимо него, я сразу направилась в ванную, но, поскольку понятия не имела, куда именно идти, пришлось открыть несколько дверей.

— Следующая справа, — подсказал Дилер, шагая за мной по коридору.

Войдя в ванную, я включила свет и уставилась на себя в зеркало.

— Ты же его не убила? Он нам пригодится, если мы хотим сохранить тебе жизнь.

Я недоуменно заморгала, и даэва изобразил одну из своих фирменных ухмылок. На этот раз ему явно хотелось меня поддразнить.

— Рейазиэль, — объяснил Дилер. — Он, конечно, тот еще подарочек, но...

— Они здесь, — перебила я и взяла с крючка полотенце, чтобы вытереть лицо.

Даэва медленно выпрямился. Одним мощным ударом в меня врезалась тревога, затопившая его по самую макушку.

— Прямо у меня на глазах они убили мужчину. То есть у меня за спиной. Я толком ничего не видела. — Я взглянула на полотенце. — Столько крови было...

Дилер шагнул ко мне и приподнял мою футболку:

— Твоя тут есть? Тебя ранили?

— Не думаю.

Несмотря на сопротивление, он все-таки стащил с меня футболку. Сил не осталось, как будто гравитация высосала все до последней капли. Внимательно меня осмотрев, Дилер

поднял мою левую руку. Вспыхнула обжигающая до костей боль, и внутри даэвы разлилась ярость.

— Где черти носят Рейазиэля?

В ответ я молча смирив его злым взглядом. Дилер шагнул ближе и, понизив тон, повторил:

— Где сейчас твой жених?

— В баре, — раздраженно ответила я.

Отобрав у меня полотенце, он вышел из ванной.

— Я принесу чистое и найду что-нибудь из одежды. Полежай в душ. В кухне есть бинты.

— Сначала надо позвонить моему дяде. Если кто-нибудь меня видел, наверняка решит, что я сбежала с места преступления. Нужно заполнить заявление... Минуточку! Зачем бинты?

Я устала на руку, пока Дилер, не горевший желанием делиться со мной своим именем, не вернулся с чистым полотенцем. Из раны текла кровь, и я вдруг вспомнила, как почувствовала боль, когда лежала на полу под мертвым мужиком.

— Меня укусили, — оступело промямлила я.

До сегодняшнего дня Дюжина была всего лишь теоретической, неопределенной угрозой. Одно дело — сбежать из ада, и совсем другое — пробраться в наш мир. Разум с трудом осознавал тот факт, что псам удалось и первое, и второе. Что они уже здесь с одной-единственной целью: закончить начатое.

Дилер внимательно изучил рану, наложил повязку, чтобы остановить кровотечение, и развернул меня к душе.

— Это не случайность, — сказала я, расстегивая лифчик и снимая с плеч бретельки. Накрыв Угрозу и Уилл ладонями, я послушно повернулась к даэве, который начал расстегивать на мне штаны, и добавила: — Их призвали.

Пальцы остановились. Бронзовые глаза мрачно уставились на меня, но взгляд вдруг стал недоверчивым.

— С чего ты взяла?

— Утром мне об этом сказала маленькая девочка.

— И ты ей поверила?

— Да.

Он отошел и уперся рукой в стену, словно нуждался в опоре.

— Кому вообще такое под силу?

Через несколько долгих секунд Дилер наконец ответил:

— Понятия не имею. В этом мире нет никого настолько могущественного. — Его взгляд снова остановился на мне: — Кроме тебя, разумеется.

Он меня в чем-то обвиняет?!

— Зачем мне вызывать из ада Дюжину? Совсем недавно я и знать не знала, что она существует.

— Никому другому подобное не по плечу, — гнул свое даэва.

Встряхнувшись, он вернулся к текущей задаче — к заляпанной кровью пуговице на моих джинсах.

— Но ведь это твой мир, — начала я. — Твоя специализация. Ты должен знать, кто призвал псов. Если кто-то их контролирует, то, может быть, остановив его, мы сумеем остановить и псов.

Давая понять, что ответа у него нет, Дилер покачал головой, а когда моя одежда упала, навсегда испоганив пушистый бежевый коврик, прошел мимо меня и включил воду в душе.

— Через минуту пойдет горячая. Тебе нужно согреться.

Только сейчас до меня дошло, что я трясусь с ног до головы.

— Скорее всего это потому, что я уже двадцать часов не пила кофе.

Странное все-таки дело. Я стояла перед Дилером в чем мать родила, но не испытывала ни стыда, ни чувства вины. А ведь он выглядел вдвое младше меня. Между нами определенно что-то было. Чистое и едва уловимое, но я почувствовала это в тот самый миг, когда увидела даэву. И речь не шла о каком-то там влечении. Нет, он, без сомнения, поразительно красив, но я ощущала нечто вроде... доверия. В глубине души я доверяла ему, несмотря на его происхождение, и знала, что могу доверить ему собственную жизнь. А может быть, даже больше. Во мне росла уверенность, что я могу доверить ему самое дорогое — то, что намного бесценнее моей жизни.

А вдруг именно поэтому я пришла к нему, а не к Рейесу? Или я просто боялась, что Рейес меня прибьет?

От страха накатила тошнота. А если добавить к ней всю эту кровь и воспоминания о разорванном горле мужика, неудивительно, что земля под ногами пошатнулась. Подхватив меня одной рукой, Дилер отодвинул занавеску и перенес меня через бортик в ванну, причем сам весь промок и испачкался в крови.

— Это уже точно не отстирается, — пробормотала я, имея в виду алые пятна на белоснежной рубашке.

Увидев бледное подобие фирменной ухмылки, я наконец задвинула занавеску и принялась оттирать каждый сантиметр кожи.

У мыла оказался приятный свежий аромат, почти скрывавший медный запах крови. Вокруг ног собиралась розовая вода и стекала в слив. Дальше тянуть нельзя. Нужно позвонить дяде Бобу. Вот только прямо сейчас я стояла под душем и смывала серьезные улики. Что подумает Диби? Даже ему не удастся скрыть, что по всей кухне в дурдоме остались отпечатки моих пальцев. А еще в пятне крови на полу, на стенах и на двери, через которую я выскочила на улицу.

На этот раз дядя Боб не сможет меня прикрыть. Как я объясню тот факт, что у человека волшебным образом появилась на горле зияющая дыра? Что я никак к этому не причастна? И что злобный зверь, сбежавший из адской тюрьмы, пытался меня убить, а вместо этого пострадал кто-то другой?

Даже я бы в такую дикость не поверила.

От воды болела рана. Оказалось, это были чистые порезы вдоль бицепса. Глубокие, но не настолько, чтобы понадобилось зашивать. Зато они до сих пор кровоточили. Придется потуже забинтовать и на какое-то время отказаться от клубники, потому что она разжижает кровь.

Немного успокоившись и перестав неудержимо трястись (теперь я тряслась намного меньше, как будто амплитуда колебаний зависела от меня самой), я выключила воду. Накопившееся в ванной тепло пропитывало меня с ног до головы. Успокаивало и придавало сил. Или мне так просто казалось. А потом я поняла, что согревал меня вовсе не пар, а нечто намного горячее. И опаснее.

Не тратя времени на размышления, я отодвинула занавеску и, чуть не споткнувшись о бортик, бросилась к Рейесу. Он был зол. От ярости рябил воздух, но Рейес все равно крепко

меня обнял, как будто я последний кусок еды на земле.

Почему-то мне и в голову не пришло, что из-за меня Рейес промокнет. На нем была синяя рубашка с закатанными по локти рукавами. Отодвинувшись, чтобы посмотреть, не испачкался ли он в моей крови, я заметила на его груди влажные пятна.

— У меня кровь идет, — сказала я и попыталась отойти.

Но Рейес не опустил руки, а еще крепче прижал меня к себе. Какое-то время мы молча стояли в обнимку и дрожали. Я — от смеси страха и облегчения. Он — от смеси ярости и... еще раз ярости.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила я прямо ему в плечо.

— Даэва позвонил.

— Ясненько.

Ничего другого я сказать не могла. А хотелось крикнуть во всю глотку «Предатель!». Надо было сразу догадаться, что Дилер позвонит Рейесу. Хотя поступок, честно говоря, храбрый, учитывая, что даэва видел меня голой. Не каждый после такого рискнет связаться с сыном Сатаны.

— Кстати, быстро ты приехал.

— Он сказал, ты в душе. Так что был стимул.

— Надо же... Понимаешь, к нему было ближе ехать, — поспешила объясниться я, — а я была вся в крови. На нашей улице плотное движение, и я побоялась, что кто-нибудь меня увидит.

Несмотря на все слова, Рейесу явно не понравилось мое решение. Я не пришла к нему, а отправилась за помощью к тому, кого он считал низшей формой жизни. К существу, которое при необходимости не могло бы меня защитить. Хотя я бы с этим поспорила. Да и вообще была не согласна с мнением Рейеса по поводу даэвы.

Еще несколько секунд спустя Рейес отодвинулся на расстояние вытянутой руки и нахмурился. Внимательно осмотрел меня и еще больше помрачнел.

И вдруг, как будто его осенило, ярость вспыхнула с новой силой. В этот самый миг я поняла, что он обо всем догадался. Клянусь, я собиралась вернуть все обратно перед тем, как мы поедем домой или в полицию, но забыла.

Рейес так сильно стиснул зубы, что заиграли желваки.

— Ты меня заблокировала.

Я опустила голову, признавая одновременно и вину, и собственные сомнения в его адрес.

Державшие меня руки сжались крепче. Иногда он не рассчитывает силу, потому что понятия не имеет, насколько силен. И сейчас я получила очередное тому доказательство. Одна рука Рейеса держала меня прямо под ранами, которые оставил адский пес, напавший на меня, как голодный тигр. От боли я поморщилась, но Рейес не заметил. Еще бы! Прямо сейчас внутри него бушевал пожар ослепительной ярости.

— Сначала ты уезжаешь одна, прекрасно зная, что нам угрожает, а потом блокируешь меня, чтобы я не мог ни почувствовать тебя, ни найти. — Я промолчала, и Рейес невесело усмехнулся: — Теперь понятно, почему я не ощущал твоей боли, когда позвонил даэва. Мне хватило ума подумать, что всему виной чрезмерное беспокойство, а оказывается...

— Я не хотела, чтобы ты знал, что я уехала. Ты... был занят.

— И что, на хрен, это значит?

Почему-то показалось, что тон его стал снисходительным, и меня тоже затопило

яростью. Неужели он забыл о своем свидании со знаменитой красоткой?

— Скажем так, — начала я, вырываясь из его рук, — ты от меня первый закрылся.

— Я никогда от тебя не закрывался. И уж точно никогда не делал того, что сделала ты. Время от времени я не даю тебе ощутить какие-то мои эмоции, но...

— Ты меня заблокировал физически, — перебила я и осмотрелась по сторонам в поисках своей одежды, но ее нигде не было.

Я уже собиралась позвать Дилера, однако тот уже стоял в дверях, и через секунду ко мне прямо над плечом Рейеса полетели джинсы, боксеры и футболка. Поймав их в полете, я стала ждать, когда Рейес повернется к даэве. Но не тут-то было. Мой жених был слишком занят тем, что испепелял меня взглядом.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

— Барышню в баре. Ты нарочно встал так, чтобы я ее не видела, пока вы миленько беседовали.

— На то была причина.

Я рывком натянула футболку.

— И какая же?

— Мне показалось, что она не в своем уме.

— Да неужели? И это твоё оправдание? Как думаешь, если я дам тебе больше времени, — я влезла в боксеры, которые подозрительно хорошо сидели, — ты сможешь придумать отговорку получше? Видишь ли, та, которую ты только что озвучил, хромает на все ноги! — Я сунула ногу в штанину и чуть не грохнулась. Рейес попытался меня поддержать, но я подняла руку: — Мне не нужна твоя помощь.

— Я не хотел, чтобы она тебя видела, Датч. Никаких других причин нет. С ней было что-то не так.

— А по-моему, она прекрасно себя чувствовала.

— Я говорю о её разуме.

В отличие от боксеров, штаны оказались размера на два больше. Решительно пройдя мимо своего мужчины, я крикнула Дилеру:

— Ремня не найдется?

— Нашел, — сказал тот, выходя из спальни, а потом кивнул и ухмыльнулся: — Что ж, неплохо. И кровотечение остановилось. Пойду за бинтами.

— Не нужно, все в порядке. Побросаешь мои шмотки в какой-нибудь пакет?

— Я их сожгу, — преспокойненько заявил Дилер, отдавая мне широкий черный ремень.

— Сожжешь?! — Так-так, я снова начинаю паниковать. — Мне нужно позвонить дяде. — Я продела ремень в первую петлю. — Он должен знать, что произошло. На территории нашей собственности, — я смерила злым взглядом того, кто молча стоял в коридоре и отвечал мне тем же, — лежит труп. Нельзя просто взять и оставить его там валяться. Я должна все рассказать, а вместо этого отмываюсь и сжигаю одежду. По-твоему, это никаких подозрений не вызовет?

Раздался звонок в дверь, и Дилер молча прошел мимо меня. Я двинулась следом.

— Когда ты сказал, что сожжешь шмотки, ты имел в виду, что сделаешь это потом? Они ведь не горят прямо сейчас?

— Извини, дорогуша, — ответил даэва и открыл дверь.

На пороге стоял Гаррет Своупс.

— А ты что здесь делаешь? — обалдела я.

— Я запасной план, — хитро улыбнулся Своупс.

Гаррет Своупс — талантливый сыщик, который разыскивает беглых преступников. Недавно он совершенно случайно умер. И я тут ни при чем. Ну разве что совсем капельку. Врачи вернули его к жизни, но за время пребывания по ту сторону Гаррет повидал немало всякой жути. В том числе и большую шишку из преисподней, то бишь папашу Рейеса.

— Запасной план? — Я повернулась к жениху. — Зачем нам запасной план?

Тем временем Дилер сунул мне в руки носки и мои ботинки:

— Почистил, как смог. Они все еще влажные, но обуви твоего размера у меня нет.

Пытаясь натянуть черный спортивный носок, я попрыгала за ним в кухню на одной ноге.

— Где мой телефон? Я должна позвонить дяде.

— Ничем не могу помочь, — отозвался даэва и достал из холодильника бутылку пива. Подмигнув, он опустошил ее тремя здоровенными глотками, выбросил в мусорную корзину и достал еще одну. — Для храбрости.

— Ты нужен мне трезвым, — резким тоном сказал Рейес.

— Видишь ли, так уж сложились обстоятельства, что твои нужды меня не интересуют. Единственное, что меня заботит, — это ангел смерти. И она должна остаться здесь.

— Я уже говорил, — начал Рейес, подходя ближе, пока я пыталась впрыгнуть во второй носок, — что присмотрю за ней. Ей не удастся снова от меня скрыться. К тому же псы в любой момент могут появиться здесь, когда нас с тобой не будет. И что тогда?

— Им сюда путь заказан, демонское отродье, или ты ничего не чувствуешь?

Рейес застыл, на секунду опустил голову и вдруг ухмыльнулся:

— Думаешь, одна короткая молитва и пара капель святой воды не дадут им войти?

— А у тебя есть план получше?

Рейес достал из-за спины отрез кожи и развернул его на ладони. Там оказался Зевс — единственный в мире кинжал, который одним ударом может убить любого демона.

— Ну и какой от него толк? — спросила я у Рейеса. — Ты же даже прикоснуться к нему не можешь.

— Могу, если он обернут кожей. — Он протянул мне кинжал. Кто бы мог подумать, что от простого клочка кожаной ткани столько пользы? — Но это не для меня, а для тебя. — Рейес вложил мне в ладонь резную рукоять. — Если на тебя нападут, используй его, не задумываясь ни на секунду.

Я начинала все больше и больше волноваться.

— В чем дело? Мы куда-то идем?

Рейес оглядел меня с ног до головы, и я почувствовала, как внутри него растет что-то очень похожее на гордость.

Я глянула вниз. Растянутая футболка с логотипом «Blue Öyster Cult»^[13], мешковатые джинсы на ремне и мои любимые коричневые ботинки.

— Мы должны вернуться, — сказал Рейес, и я окаменела.

— Рейес, мы должны позвонить дяде Бобу. Теперь там место преступления. Надо обо всем сообщить полиции.

Он кивнул, а потом заговорил:

— Допустим, ты позвонишь дяде, и он поедет туда. Что будет, если с ним случится то же самое?

Ужаснувшись собственной глупости, я привалилась спиной к стене.

— Как можно было об этом даже не задуматься? Господи, какая же я дура!

— Ничего подобного, — вмешался Гаррет. — Ты вовсе не дура. Только понять не могу, зачем нам туда возвращаться, если эти твари такие опасные?

— О тебе речи не было, — заявил Рейес и двинулся к выходу. — Туда пойдем мы с даэвой. А ты останешься под защитой солнечного света и будешь охранять мою невесту, даже если это будет стоить тебе жизни.

— Вот оно как, — протянул Гаррет. — Ну ладно, согласен.

— Но мы ведь не знаем точно, сработает ли солнечный свет! — Я бегом бросилась за Рейесом, чтобы не отставать. — Ты сам говорил, никто не знает, на что они способны. А вдруг они каждый день резвятся на солнышке? — Рейес продолжал молча идти, и я добавила: — Они напали как будто из ниоткуда, Рейес.

Он резко остановился, и я чуть не вписалась ему в спину, но жених успел развернуться и поддержать меня одной рукой.

— Ты не понимаешь, — продолжала увещевать я. — Я ни разу их не видела. Только слышала рычание. Видела разодранное горло того мужика. Чувствовала зубы. Но ни разу даже краем глаза их не видела. Мы понятия не имеем, что они могут натворить.

— Есть только один способ это выяснить, — отозвался Рейес, на секунду прижав меня к себе. — Просто смотри в оба и не выпускай из рук кинжал.

— Думаешь, Зевс сможет их убить? — спросила я дрожащим голосом.

— Нет. — Рейес коснулся пальцем моего подбородка. — Думаю, убить их сможешь ты.

*Примечание: с сегодняшнего дня
использовать не только для секса.*

Надпись на футболке

Обратно в лечебницу мы ехали на двух машинах. Водительское сиденье Развалюхи было заляпано кровью, поэтому мы с Рейесом отправились в его черной «плимут-куде»^[14], а Гаррет повез Дилера в своем пикапе, тоже черном. Смотрится, конечно, круто, однако черная тачка в Нью-Мексико не самое разумное решение. Что тут скажешь? Мальчишки!

Я подумывала вызвать на подмогу Ангела или даже Артемиду, но понятия не имела, смогут ли псы их убить. Рисковать желания не было. Артемиду приставили ко мне хранителем, но, если с ней что-нибудь случится, я умру. И скорее всего умру в буквальном смысле.

Когда мы приехали, Слива сидела на бордюре и рассеянно жевала голову Барби. Чтобы Рейес не успел меня остановить, я мигом выскочила из машины и, добежав до СС, присела рядом:

— Солнышко, ты как?

— Хорошо, — прошамкала та в ответ, не вынимая пластмассовую голову изо рта. — Не очень. Там ужасно много крови.

Надеясь, что никто из местных нас сейчас не видит, я взяла ее на руки. Наверняка со стороны обычному человеку это показалось бы странным. Судя по всему, мой побег из психушки остался незамеченным. Полицейских машин не было. По месту преступления не шныряли эксперты в поисках улик вроде отпечатков моих пальцев по всему зданию. Хвала небесам за маленькие подарки!

— Где Рокет и Незабудка?

В ответ Слива молча пожала плечиками. Я посадила ее обратно на бордюр, чтобы заглянуть в глаза.

— Золотце, ты их видела? Видела больших собак?

Она поникла:

— Нет. Только слышала.

— Мне очень-очень жаль. — Я снова ее обняла. — Ты туда пока не ходи, хорошо?

— Хорошо.

— Спасибо.

Я сидела на тротуаре и покачивала на руках Сливу. Вдруг на запястье с щелчком застегнулся холодный металлический круг. Я глянула на Гаррета. Вторая половина наручников была у него на руке.

- Какого черта? — спросила я, неуклюже поднимаясь на ноги. Натуральный акробатический трюк, учитывая, что свободной была только одна рука.

— Приказ босса, — кивнул Своупс в сторону Рейеса.

С отвисшей челюстью я уставилась на будущего мужа:

— Это еще зачем?

Ответить на мой вопрос Рейес не потрудился, зато наградил Гаррета тяжелым взглядом:

— Если она хотя бы попытается туда войти, останови ее во что бы то ни стало. Любым

удобным для тебя способом.

— Класс, — ухмыльнулся Своупс.

Бросив напоследок еще один мрачный взгляд, Рейес подошел к цифровому замку на воротах и, не оборачиваясь, спросил:

— Как ты узнала?

И без уточнений я поняла, что он имеет в виду. Как я узнала кодовую комбинацию? Раз уж он не собирался отвечать на мои вопросы, то я не собиралась отвечать на его. Демонстративно сложила на груди руки, но тут же опустила, потому что от этого жеста прикованная ко мне рука Гаррета оказалась в опасной близости к Уилл Робинсон.

Не дожидаясь ответа, Рейес ввел код и оставил ворота открытыми. На случай, если им с Дилером (клянусь, когда-нибудь я узнаю, как зовут этого пацана!) придется быстренько сматываться. Дойдя до входной двери, Рейес ввел тот же код, и они с даэвой вошли внутрь здания, которое для меня сейчас приравнивалось к геенне огненной.

— Я поищу Незабудку, — вдруг заявила Слива и исчезла до того, как я успела открыть рот и еще раз попросить ее не соваться в дурдом.

— Все это какой-то бред, — сказала я Гаррету, который проверял сообщения в телефоне.

Учитывая наручники, мне было, мягко говоря, неудобно.

— Не-а, — отозвался наконец он. — У нас есть шанс с пользой провести время.

С пользой? Не смещите мои тапочки!

Гаррет, конечно, мой друг, но высокий и сексапильный. Настолько, что вполне можно воспылать желанием завалить его в постель. То бишь организовать эдакую дружбу с бонусами. Временами мы с ним флиртовали, но так далеко никогда не заходили. И слава богу, иначе пришлось бы потом при встречах переминаться с ноги на ногу и до головной боли пытаться понять, о чем мы оба думаем. И все-таки Гаррет настолько привлекательный, что при знакомстве с ним я на пару секунд впала в ступор. Правда, это было еще во времена моих разгульных дней. До встречи с Рейесом. У Своупса кожа цвета мокко и серебристо-серые глаза. Сама видела, как при одном его появлении женщины едва не сворачивали шеи. Молчу уже об умопомрачительном прессе. Об него стирать можно, ей-богу.

— Ну ладно.

Я привалилась к пикапу. В некоторых культурах это могли счесть объявлением войны, но Гаррет, кажется, был не против. Наоборот, тоже привалился в машине и поинтересовался, продолжая пялиться в телефон:

— Так что там произошло?

Я потерла обиженное запястье.

— Скажем так, они уже нарисовались.

Своупс глубоко вздохнул:

— Я надеялся, что пророчества ошибаются.

— Этот твой коровий доктор не высылал новых переводов?

— Доктор фон Гольштейн^[15] никакого отношения к коровам не имеет.

Конечно же, я об этом знала. Но чувака, елки-палки, зовут доктор фон Гольштейн! Так и подмывает окрестить его коровьим доктором.

— Завтра он прилетит сюда.

От удивления я даже выпрямилась.

— Seriously?

— Да, — кивнул Гаррет. — Судя по всему, он перевел большой отрывок и теперь считает, что мы должны увидеть текст собственными глазами. Говорит, там не то, что мы думаем.

— То есть как это? Что значит «не то, что мы думаем»?

Своупс наконец опустил сотовый.

— По телефону не сказал. Ты мне ДНК достала, или как?

— Своупс, — я снова привалилась к грузовику, — как, бога ради, я достану ДНК твоей бывшей зазнобы и ее малыша?

Как-то мы с Гарретом заключили сделку, по условиям которой я должна была добыть образец ДНК его бывшей подружки. У нее был ребенок, и Своупс считал себя его отцом. Нs каким, простите, макарон можно получить чей-то образец ДНК, чтобы человек об этом даже не догадался?

— Я уже говорил, это не моя проблема.

— Знаешь что? Если хочешь узнать, кто отец ребенка, лучше пусть это станет твоей проблемой.

— Но ведь он на меня похож, так? — начал Гаррет. — Ты же сама видела. Разве можно сомнева...

— Видела, да. Мальчик действительно на тебя похож. И новый бойфренд твоей бывшей тоже.

— Очень похож?

Я снова выпрямилась и оглядела Своупса с ног до головы.

— Ну-у, он не такой... рельефный. И нос ему явно никогда не ломали.

Выражение его лица стало совершенно невыразительным, после чего он опять полез в телефон. На самом деле тот чувак и близко не был таким привлекательным, как Гаррет, но сходство все-таки имелось. Честно говоря, тут я была согласна со своим суровым другом-сыщиком: кажется, Марика действительно что-то скрывала. Например, тот факт, что планировала забеременеть от Гаррета.

Ни с того ни с сего я ляпнула:

— Сердце.

— Ты о той штуке, которой у тебя нет?

— У меня есть сердце! — оскорбленно ахнула я и, сгоряча треснув себя кулаком по груди, капельку поморщилась. — Ее зовут Бетти Уайт. И она всегда со мной. Плечом к плечу. Точнее желудочком к желудочку. В болезни и в здравии, изо дня в день. А будь по-другому, я была бы мертва.

— Так к чему ты ведешь?

— Сердце... в смысле «Heart» — это название группы. У них есть песня про барышню, которая цепляет парня и занимается с ним сексом. А потом он видит ее с ребенком, и у ребенка его глаза. Барышня объясняет бедолаге, что ей нужна была только его сперма. Другими, само собой, словами. В общем, ее муж не смог сделать ее беременчательной, поэтому она вышла, так сказать, на охоту и соблазнила первого встречного, только чтобы уложить его в постель. Может быть, с Марикой та же фигня?

Своупс затолкал сотовый в карман.

— Может быть.

— Ты же сам говорил, что она заявлялась по ночам секса ради, а потом уходила. Нормальных же отношений у вас не было?

В ответ Гаррет молча пожал плечами.

— Может быть, она всего лишь искала папашку для своего будущего ребеночка. — Начиная всерьез беспокоиться, я глянула на психушку. Рейес с Дилером уже давненько исчезли за дверью. — Позвони Рейесу.

Как только я это сказала, из дурдома послышался пронзительный визг. Я насторожилась и дернула наручники.

— В чем дело? — беспокойно спросил Гаррет. Он-то крика не слышал.

— Слива! — выдохнула я и рванула к воротам.

Дверь в здание лечебницы Рейес тоже оставил открытой, поэтому, едва оказавшись внутри, я помчалась вниз по лестнице прямиком в кухню и едва успела остановиться перед Рейесом, Дилером и Сливой. Пытаясь понять, что происходит, СС дико оглядывалась по сторонам. На ее личике застыл шок.

— Твою за ногу... Датч! — Ко мне метнулся Рейес с очень и очень недобрым выражением лица. — Какого черта тебя принесло?

Утопая в шоке и недоумении, я стояла и моргала, рассматривая комнату. Здесь было чисто. Даже стерильно. Ни крови, ни трупа. Ни одна пылинки не лежала не на своем месте.

— Что за фигня? — пробормотала я, поворачиваясь вокруг своей оси.

— Здесь пусто, — отозвался Дилер и кивнул на холодильник, — но пожитки того парня все еще валяются.

Рейес взял меня за руку, чтобы вывести на улицу, но я не сдвинулась с места.

— Куда он делся? И где вся кровь?

— Ее нет, но запах стоит. — Дилер втянул носом воздух. — Я чую кровь. Много крови.

Рейес дернул меня за руку:

— Что ты здесь делаешь?

— Я слышала, как кричит Слива.

Естественно, Гаррет меня нашел. Ворвался в кухню и оказался лицом к лицу с разъяренным демоном. Мгновенно отпустив меня, Рейес стиснул Своупсу шею. Одно крошечное усилие, и Гаррет задохнется.

Изо всех сил я вцепилась в руку Рейеса, но ярость, которую он излучал, буквально обжигала. Однако отступать я не собиралась. Коснулась его щеки и заговорила тихим, но решительным тоном:

— Рейес, отпусти.

И в этот самый миг меня осенило. Ситуация складывалась какая-то нереальная. Гаррет был в шоке. Но вовсе не потому, что испугался или разозлился, когда пальцы Рейеса сдавили ему горло. Вид у Своупса был... изумленный. И смотрел он только на меня, как будто и не замечал, что его душит сын Сатаны.

— Evade, — сказала я Рейесу.

«Отойди».

Захваченный врасплох, он отпустил Гаррета и, стора от злости, повернулся ко мне.

Но мое внимание целиком и полностью поглощало недоумение Своупса. Я глянула на руку. Никаких наручников.

— Сломались, что ли? — спросила я у Гаррета, который кашлял и хрипел, пытаясь сделать полноценный вдох. Да уж, с людьми такое частенько, когда я оказываюсь поблизости.

— Нет, — сипло ответил Своупс и пару секунд поморгал. — Ты вроде как прошла

насквозь.

Он поднял руку, на которой все еще висели наручники. Пустая половинка по-прежнему была застегнута под размер моего запястья.

— Рука даже не болит, — сказала я, потирая кожу. — Даже не знаю, как они соскользнули.

Гаррет глянул на Рейеса, который все еще пытался подавить гнев, и повторил:

— Она прошла насквозь. Рука... рука как будто просочилась сквозь наручники.

— Ничего не понимаю, — буркнула я себе под нос.

— Тебе и не нужно ничего понимать. — Рейес обнял меня за талию и подтолкнул к выходу. — Я велел тебе сюда не соваться.

Как по щелчку, во мне вспыхнул гнев.

— Я уже сказала, что слышала крик Сливы. — Вспомнив об этом, я присела перед СС. — Солнышко, с тобой все в порядке?

— Куда все подевалось? — удивленно спросила она. — И где тот дядя?

— Хотелось бы мне знать. — Я осмотрелась по сторонам и глянула на Дилера. — Как это могло случиться?

Тот покачал головой, как будто не мог подобрать нужных слов.

— Уведи ее, — велел Рейес Своупсу.

Гаррет потянул меня за руку, но я должна была кое о чем напомнить Сливе.

— Солнце, мне нужно, чтобы ты ушла и какое-то время сюда не заходила. Договорились?

— Я же искала Незабудку и Рокета.

— Хорошо, но поискать можно и снаружи. Выйди на улицу и позови их, идет?

Слива кивнула и, опять сунув голову Барби в рот, исчезла. Я все еще сидела на корточках и вдруг, взглянув в сторону холодильника, увидела что-то между половицами. Кажется, это было водительское удостоверение. Я поднялась на ноги, зашла в холодильник, вытащила из щели документ и уже собиралась хорошенько его рассмотреть, как вдруг Рейес опять схватил меня за руку и холодно сказал Гаррету:

— Я сказал, уведи ее, или остаток дней будешь есть через соломинку.

Вырвавшись из цепких пальцев, я затолкала удостоверение в задний карман, уперлась руками в бока и развернулась к Рейесу. И почему ему так нравится запугивать людей?

— Ну все, с меня хватит, — начала я и ткнула ему пальцем в грудь. Пусть знает, как разбрасываться угрозами направо и налево.

Уже открыв рот, чтобы продолжить свою тираду, я вдруг что-то заметила за спиной у жениха. Что-то темное и гладкое, как пантера, только раз в пять больше. Разглядеть зверя целиком не удалось. мех то появлялся, то исчезал, а под ним, словно поддающийся контролю дым, перекачивались мощные мышцы. Потом я увидела янтарные глаза, но стоило на них сосредоточиться, как они исчезли, а вместо них появилось торчащее вверх и заостренное на конце ухо. Или это был рог?

Все произошло так быстро, что я едва успела сделать вдох. Воздух рассекла огромная лапа. В тот же миг, словно из ниоткуда, сбоку выскочил второй зверь, окутанный черным дымом, а долю секунды спустя открылась чудовищная пасть и вцепилась в плечо Рейесу.

Никто из нас не успел толком отреагировать, как вдруг появился третий монстр и дернул меня зубами за щиколотку. Я кулем шмякнулась на бетон, и пес, не теряя времени даром, потащил меня по полу. Но мои глаза видели только Рейеса, который упал на колени и

пытался сбросить с себя зверя.

Дилер бросился вперед и потянул меня за обе руки. Боль была адская. Казалось, нога вот-вот оторвется, но пес почему-то расцепил зубы и размытой мозаикой то появляющихся, то исчезающих гладких черных мускулов набросился на даэву. Дилер попытался отскочить, но не успел. На груди появились пять длинных полос, тут же пропитавших ткань рубашки кровью. Я потянулась за Зевсом, которого спрятала сзади за поясом джинсов, но успела заметить, как за головой Дилера открылась огромная пасть с белоснежными зубами.

От стен эхом отразился хруст костей. Тварь перекусила Дилеру шею. Он осел на пол, а я метнулась вперед и наугад всадила кинжал в теперь уже невидимого адского пса. Но Зевс свое дело сделал. Зверь взвыл, на долю секунды появился весь, целиком, и сразу же исчез. Добрых пять секунд я сидела на полу и не могла пошевелиться. Тварь была огромная, размером со слона, и чернее беззвездного неба. Гладкий мех блестел, как пролитые чернила.

— Уведи ее! — крикнул Рейес, возвращая меня в реальность.

Не медля ни секунды, Гаррет послушался. Обхватил меня руками, прикрывая от угрозы, и поволок по полу, пока я брыкалась и орала во всю глотку.

— Нет!!! — завизжала я под конец и попыталась ухватиться за Рейеса.

Из раны у него на плече лилась кровь. Я и не знала, что она может течь так быстро. Голова закружилась. От страха накатила тошнота.

Рейес уперся ладонями в пол, и я увидела рану на спине. Зверь не просто ударил Рейеса лапой. Он буквально вспорол его, оставив месиво из крови и кожи.

Снова и снова я била кинжалом воздух, надеясь попасть в невидимую цель, а у выхода из кухни задержалась сильнее, но Гаррет не поддавался. Он хотел выбраться отсюда и явно не собирался меня бросать. Откуда ни возьмись в комнате появилась Артемида и зарычала на пустое место. Похоже, там был невидимый для меня пес, которого прекрасно видела ротвейлерша. А значит, у меня появилась цель.

— Гаррет, подожди! — крикнула я, но он продолжал меня крепко держать.

А потом вдруг отпустил.

Его руки исчезли, и я полетела вперед, похабно распластав руки и ноги. Зевс выпал и закатился под стол. Я оглянулась и увидела, как Гаррет вписался спиной в стену и без сознания рухнул на пол.

Меня с головой накрыло отупляющей волной страха. Чудом очнувшись, я заставила себя сосредоточиться и четко произнесла:

— Quiesce.

Время остановилось, но в краткий миг между его течением и полной остановкой они материализовались. Эту жуткую схватку, эту кровавую баню устроили всего три адских пса.

Они опять исчезли, но на этот раз я успела хорошенько их рассмотреть. Никогда в жизни мне не доводилось видеть ничего и близко похожего на этих тварей. Это были огромные звери, что-то среднее между пантерой и доберманом, но размером с небольшого слона на мощных стероидах. Звуки они издавали низкие, утробные, похожие на рев льва и гориллы одновременно. И от этого яростного рычания шел мороз по коже. Хотя псы и стали невидимыми, я все равно замечала гладкие движения мышц. Поначалу звери двигались медленно, как будто приходили в себя и приспосабливались к изменениям во времени. Но уже через пару секунд полностью вернули себе силу и ловкость. Я в ужасе смотрела, как по краям невидимых тел словно серебрится пыль, подсказывая, где находятся псы. И вдруг все трое одновременно повернулись ко мне.

Я застыла, силясь рассмотреть, с какой стороны придет смерть. Сердце в груди замерло от страха. Один удар огромной лапы, один укус блестящих зубов — и мне конец. До потери пульса бесила мысль, что Сатана победит. Получит то, чего хотел. А я умру, так и не получив шанса встретиться с ним лицом к лицу. Потому что именно это я и собиралась сделать, как только Пип родится и окажется в безопасности. Но, видимо, Сатана все-таки убьет одним махом нас обеих и обеспечит себе шанс на выживание на долгие-долгие тысячелетия. Пророчества утверждали, что сокрушу Сатану вовсе не я, а бесценная жизнь, растущая в моем чреве.

Серебристо-черная пыль закружилась — один из псов двинулся ко мне. Не раздумывая, я метнулась под рабочий стол и, еле-еле помещаясь, заелозила руками и ногами по грязному полу, надеясь отыскать хоть какое-то укрытие. Потому что не могла позволить Сатане победить. К сожалению, дотянуться отсюда до Зевса было невозможно, поэтому я схватила деревянную ложку, которую заметила в прошлый раз.

Пес прохаживался мимо стола и рычал так, что вибрировали кости. Время о времени появлялась то одна, то другая лапа. Один коготь — как вся моя ладонь, и на каждой лапе таких было по пять штук. Наверняка только конечности псины весили вдвое больше меня. То и дело зверь вставал на стол, как будто пробовал его на прочность. Когти царапали металлическую столешницу, и от одного этого звука умножался дикий ужас.

На задворках сознания возникла мысль, что Артемида все еще лает. На нее тоже никогда не влияли мои манипуляции со временем, но я точно знала, что долго удерживать его не смогу. Максимум еще пару секунд, а потом Рейес все равно истечет кровью.

Я посмотрела вбок. Рейес лежал в огромной луже собственной крови, пока я дрожала под столом, как напуганная школьница. По спине пополз ледяной страх. Зрение затуманилось. Я закрыла глаза, и по щекам потекли слезы. Повернуть голову не получалось, потому что полка, под которой я лежала, была очень низкой. Ни Дилера, ни Гаррета я не видела, зато чувствовала Зевса. Он валялся где-то рядом с правой ногой. Если бы только удалось его как-то подтолкнуть! Но если я сдвинусь хоть на сантиметр, псы сразу заметят.

Выбора не было. Я должна была вытолкать кинжал из-под стола и попытаться схватить его до того, как кошмарные когти вонзятся в свою добычу. Время ощутимо ускользало. Обычно, когда оно останавливается, то возвращается потом с силой сошедшего с рельс поезда, врезавшегося в здание вокзала, выбивает из меня воздух и полностью дезориентирует.

Как раз это мне и нужно.

Сделав глубокий вдох и подвинув ногу к Зевсу, я медленно выдохнула, посчитала от пяти до одного, сосредоточилась на цели и отпустила время. Оно налетело на меня ударной волной, но я все-таки сумела выбить кинжал из-под стола и поползла за ним, вписавшись макушкой в лапу адского пса. Но тот только приспособливался к очередным изменениям, что давало мне драгоценные секунды. Одна беда — мне приходилось бороться еще и с гравитацией, словно у времени было свое силовое поле. Пусть медленно, но я изо всех сил проталкивалась сквозь этот барьер.

Выбравшись из-под стола, я бросилась к Зевсу и, обхватив рукоять одной рукой, со всей дури всадила кинжал в лапу зверя. Псы приспособились ко времени даже быстрее, чем в прошлый раз. Послышался оглушительный рев, но громче всех выл тот, которого я только что ранила. Пытаясь добраться до Рейеса, я била кинжалом направо и налево и разок все-таки попала. В бешеных звуках вернувшегося на свое место времени раздался еще один

воплъ.

Было ясно, что мои ничтожные удары почти не причиняют зверям вреда. И уж тем более не убивают. Но, видимо, раны все-таки болели. Я молилась, чтобы этого было достаточно. Чтобы псы все-таки передумали и отступили. Вперед, бешено рыча, выступил третий зверь, и я с размаху всадила в него Зевса. По-моему, лезвие попало в плечо твари и выходить никак не хотело. Я схватилась за рукоять обеими руками и потянула, крича псу убираться или сдохнуть.

И вдруг они исчезли.

Я вертела головой туда-сюда, но даже серебристой пыли не замечала. Куда они делись? И надолго ли? Кухня находилась в подвальном помещении, поэтому окна прорубили под самым потолком. Сейчас они были покрыты какой-то коричневой бумагой. То ли картоном, то ли еще чем.

Мы все еще не знали, влияет ли на псов дневной свет, но попытка не пытка. Я влезла на столешницу в дальнем углу и начала срывать бумагу. В некоторых местах она приклеилась к окнам, поэтому, недолго думая, я стала выбивать стекла из рам рукоятью Зевса, пока в комнату наконец не проник солнечный свет.

Услышав стон, я оглянулась. Гаррет пытался встать. Я прыгнула на пол и побежала на помощь.

— Все путем, — выдавил Своупс, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Надо вытащить их отсюда, — сказала я, показывая на Дилера и Рейеса.

Однако Дилер уже стоял на ногах, опустив голову и сжав кулаки. Из-под темных ресниц сияли бронзовые глаза.

Рейес говорил, что этот «парнишка» был чемпионом. Можно легко догадаться, что в аду драки идут не на жизнь, а на смерть. Даэва, демон-раб, был самым быстрым и самым сильным бойцом в жестоких адских играх не только среди рабов, но и среди других демонов. Он был чемпионом и получал дары, каких не получали другие рабы. В конце концов это и привело к тому, что даэва сбежал из ада на много веков раньше, чем Рейес.

Сразу стало ясно, что Дилер в своей стихии. С разодранной на куски спиной, истекая кровью, он стоял посреди кухни молча и совершенно неподвижно. Даэва наблюдал. Изучал. Это был его дар. Неподвижность и абсолютное спокойствие. Способность дожидаться подходящего момента. Дать противнику шанс нанести первый удар, чтобы определить его сильные и слабые стороны. Потому что, когда нападает чемпион, сопернику долго не жить.

Я в прямом смысле слова ощущала, как Дилер подавляет гнев, чтобы правильно оценить ситуацию.

— Твою мать! — выдохнул Гаррет и бросился к Рейесу.

Я — следом. Выронив Зевса, я упала на колени, глядя, как Рейес пытается встать с пола, схватившись за столешницу. Своупс помог ему подняться, и в ту же секунду я встала с другой стороны.

— Надо уходить, — сказал Дилер, продолжая осматриваться по сторонам. — Сейчас же.

Кому-кому, а мне дважды повторять не надо. Мы с Гарретом повели Рейеса к двери. Я поскользнулась в луже крови своего жениха, но вовремя успела восстановить равновесие, чтобы не устроить катастрофу еще ужаснее.

— Кинжал, — напомнил Дилер.

Я знала, что к ничем не прикрытому Зевсу даэва прикоснуться не сможет. Никому из демонов такой фокус не по зубам. Но оставлять Рейеса не собиралась и только кивнула в

сторону лежавшего на полу кинжала:

— Он там.

Ждать Дилера мы не стали и, как можно скорее добравшись до двери, повели то и дело спотыкающегося Рейеса вверх по лестнице. Точнее Гаррет его вел, а я чувствовала, что скорее мешаю, чем помогаю.

Без сомнения, Рейес принял на себя самый мощный удар. Разодрана была не только спина. Ему буквально чуть не вырвали плечо. Видимо, чудовищным челюстям и не такое под силу. От одной только мысли меня передернуло, но мы наконец-то выбрались на улицу под лучи сияющего солнца.

Впервые за все это время почувствовав себя в безопасности, я подняла голову к свету. Если нам удастся добраться до машин и никто нас не заметит, это будет третье чудо за день. Два я уже использовала. Первое — когда бежала вся в крови к Развалюхе и никто меня не увидел. Второе — когда после ужасной схватки с псами на мне не оказалось практически ни царапинки. Зато Рейесу досталось капитально.

Уже за воротами я двинулась к «куде», но Гаррет потащил Рейеса в другую сторону. За нами, беспомощно поскуливая, шла Артемида. Ох, как я ее понимала!

— В мой грузовик, — сказал Своупс. — Ему надо лечь.

— На этот раз возем его больницу. Он потерял много крови.

— Нет. — Нас догнал Дилер, проскакал мимо и опустил задний борт пикапа.

Я заметила, как он поморщился, когда взялся за ручку.

— Слушай, ты, Дилер, даэва или как там тебя, — начала я, когда мы с Рейесом обошли машину.

Гаррет запрыгнул в кузов и, сунув руки под спину моего мужчины, втащил его внутрь. Голова Рейеса запрокинулась, и Своупс очень осторожно опустил его на металлический поддон.

На этот раз поморщилась я. Плечо Рейеса превратилось в месиво из плоти и костей, и я всерьез беспокоилась, что его рука просто-напросто оторвется по пути. В глазах потемнело. Я чуть не грохнулась в обморок, но Дилер поддержал меня, обняв за талию.

Я его оттолкнула:

— Мы должны отвезти его в больницу. Только посмотри на его плечо!

Смерив спокойным взглядом потерявшего сознание Рейеса, даэва повернулся ко мне:

— Моток скотча, случайно, нигде не завалялся?

*Для меня «готовить» значит
плавить сыр на всякой ерунде.*

Надпись на футболке

Кое-как нам удалось затащить Рейеса вверх по лестнице ко мне в квартиру. Он очнулся на полпути и потребовал везти его домой, а не к Дилеру. Даэва сидел за рулем пикапа Гаррета, поскольку мог о себе позаботиться, появившись вдруг адские псы, а «куду» вел Своупс. Показаться на федеральном шоссе мы не рискнули и поехали ко мне через жилые районы, где движение не такое плотное. Никому не хотелось, чтобы кто-нибудь вызвал полицию, заметив в кузове грузовика меня и Рейеса, с ног до головы покрытых кровью.

— Все в порядке, миссис Аллен, — заверила я пожилую соседку, которая выглядывала из щели в приоткрытой двери. — Мы пьесу репетируем.

— В жизни не слышал отмазки фиговоее, — пыхтя от усталости, заметил Гаррет.

Дилер с виду вел себя, как обычно, но я чувствовала, что с каждым движением он излучает боль. Раны у него на спине были нешуточные.

— Я в курсе, — отозвалась я, признавая, как глупо прозвучало придуманное оправдание тому, что мы все в крови. — Но ничего другого в голову не пришло.

Меня все еще трясло от пережитого и от страха за жизнь Рейеса.

— Здесь мы абсолютно не защищены, — заявил Дилер, помогая Гаррету с Рейесом на втором лестничном пролете. Ей-богу, нам тут позарез нужен лифт. — Мы совершаем огромную ошибку. У меня дома намного безопаснее.

— Им сюда путь заказан, ничтожный демон-раб, — сквозь стиснутые зубы процедил Рейес, повторяя недавние слова Дилера, — или ты ничего не чувствуешь?

Даэва застыл, сосредоточился, чтобы ощутить нечто, чего однозначно не ощущала я, а потом кивнул:

— Сойдет.

— Что сойдет? — Я пробежала вперед, чтобы открыть дверь в квартиру.

— Всю территорию благословили. Не святая земля, конечно, но на первое время хватит.

— Благословили? — переспросила я у Рейеса, сгорая от желания помочь, но не зная, как к нему прикоснуться, чтобы не причинить еще больше страданий.

— После того, что случилось в подвале.

— А-а, поняла.

Однажды у нас в подвале обосновалась целая толпа демонов. Мне и в голову не приходило благословить дом, чтобы им помешать. И вдруг меня осенило:

— А ведь чувак, который травил жуков, показался мне знакомым! Он был каким-то священником, да?

Рейес попытался кивнуть, но получилось только поморщиться от боли.

Видимо, в канистре с распылителем у парня был не инсектицид, а святая вода.

— Теперь понятно, откуда в доме столько пауков.

Святая вода защищала от демонов, но на пауков никак не действовала. Я решила как можно скорее вызвать настоящего специалиста по насекомым. Нет, ничего против пауков я не имею. Как соседи они меня вполне устраивают. Хотя... все-таки нет, не устраивают.

Спустя тонны усилий, споров и суеты с моей стороны мы наконец отмыли Дилера и Рейеса, обмотали скотчем и стали ждать, когда они поправятся. На раны Рейеса невозможно было смотреть. Впрочем, как и на раны Дилера. Содранная кожа глаза не радует, и от одного только взгляда приступами накатывала тошнота.

Рейеса мы устроили на моей кровати, которая стояла изголовьем вплотную к изголовью его кровати. Когда-то там была стена, пока кое-кто не удумал заняться, так сказать, ремонтом. Рядом, положив голову на ногу Рейесу, свернулась в клубок Артемида. Дилер занял диван, а Гаррет развалился в удобном кресле, которое в мою квартиру перекочевало прямым из квартиры Рейеса.

Почти сразу все трое уснули. Своупс ничем не выдавал, что ему больно, но я готова была поставить последний доллар на то, что одно-два ребра у него сломаны. Гаррета тоже исцарапали, но он считал, что не имеет права жаловаться, поскольку его раны не шли ни в какое сравнение с ранами Рейеса и Дилера.

Поздоровавшись наконец с мистером Вонгом, мертвым азиатом, который парит в углу моей гостиной, я уселась за обеденный стол и стала прислушиваться к дыханию исцеляющихся мужчин. Перед глазами неустанно всплывали образы адских псов. Никогда в жизни я так сильно не боялась того, что едва могла разглядеть. В отчаянной попытке выбросить зверей из головы я взяла телефон, позвонила Куки в офис, но не выдержала и разревелась, пока она не повесила трубку. Заперев все замки, Кук примчалась послушать историю целиком, едва не расплескав из аквариума всю воду вместе с Бельведером.

Пока мужчины спали, я позвонила еще и дяде Бобу. Сейчас мы втроем сидели за столом, глядя на рыбы танцы Бельведера, а я тихонько, но быстро рассказывала все, что с нами произошло. То и дело заливаясь слезами, я говорила о мужике, который на меня напал, о его ужасной смерти и даже о том, что поехала не домой, а к Дилеру. Рассказала, что, пытаясь меня защитить, он сжег мою одежду. А потом мы вернулись в дурдом, и на нас снова напали. О Дюжине я тоже рассказала. Куки и Диби имели право знать. Если я втянула их в свою жизнь, то они имеют право знать все подробности. Я даже подумывала ввести в курс дела капитана, раз уж с некоторых пор ему известно больше, чем многим другим, но решила оставить это дяде Бобу. В рассказе я сделала акцент на самом главном. У нас на руках был труп. Который, правда, куда-то исчез, но явно не ожил.

— А могли... могли тело забрать псы из Дюжины? — с мрачным выражением лица спросила Куки, держа меня за руку.

— Понятия не имею. — Я рыдала в бумажное полотенце, потому что кончились салфетки. Что тут скажешь? Бытовые покупки явно не мое. — Извините. — Я высморкалась в пятнадцатый раз. — Наверное, гормоны разгулялись.

— Суицидальные наклонности у тебя разгулялись! — начиная сердиться, полусшепотом рявкнул Диби. — Какого черта этот ублюдок потащил тебя обратно в дурдом после того, что там произошло?

— Поверь мне, дядя Боб, меньше всего на свете Рейес хотел, чтобы я заходила в психушку. Просто он немножечко разозлился. Но имей в виду, тебе туда нельзя, — добавила я и передала ему водительское удостоверение, которое нашла в холодильнике. — На меня напал вот этот мужик. Но вообще-то ему был нужен Рейес. В любом случае, не ходи туда. Пообещай.

— Милая, но там же теперь место преступления!

— Нет, если ты никому ничего не скажешь.

Дядя Боб выругался себе под нос.

— Диби, — я наклонилась вперед, умоляя его прислушаться к моим словам, — тебе туда нельзя. И нельзя никого туда посылать. Очень может быть, что любой, кто туда войдет, встретит свою смерть. Рейес и Дилер живы только благодаря своему наследию.

— Ты называешь это наследием?

— Дядя Боб, я не шучу. Эти звери... ничего подобного я в жизни не видела, а ты сам знаешь, что повидала я немало.

Несколько секунд он раздумывал, а потом тяжело вздохнул:

— Я покопаюсь в прошлом этого парня. Если что-нибудь найду, дам тебе знать.

— Спасибо. Капитану будешь рассказывать?

— Пока не знаю. Надо подумать.

— Извини, что поставила тебя в такое положение.

— Милая, — он взял меня за руку, — ты не должна себя винить. Ты не такая, как мы, и мы все это знаем. Я рад уже тому, что могу быть рядом, когда тебе это нужно.

Меня так тронули его слова, что слезы опять потекли в три ручья. Я подалась вперед и крепко обняла Диби.

— Большое тебе спасибо.

— А мне он нравится, — заявила Куки, кивнув в сторону пацана, спящего на Софи, то бишь на моем диване.

Чмокнув в щеку, я отпустила дядю Боба.

— Тебе все дети нравятся.

— Только не мои собственные, — поддразнила подруга.

— Я все слышу. — Это была Эмбер, отпрыск Куки.

Оказывается, она успела зайти и уже стояла у меня за спиной.

— Ну надо же! Я и не знала, что ты здесь. — Кук подмигнула мне, а Эмбер принялась копать по ящикам. — Как дела в школе?

— Бывают дни, когда ужасно хочется, чтобы земля разверзлась и разом поглотила всех учителей, — начала Эмбер, но вдруг заметила спящую красавицу, растянувшуюся на диване.

По декоративной подушке рассыпались черные волосы до плеч. Половину лица прикрывала рука, но это вовсе не мешало понять, что парнишка потрясюще красив. Эмбер перевела взгляд на вторую спящую красавицу, оккупировавшую кресло. Потом приподнялась на цыпочки и увидела третью, дрыхнущую в спальне.

— Что случилось с Рейесом? — взволнованно прошептала Эмбер, но я ощущала, как вместе с беспокойством в ней растет волна любопытства.

— Все будет в порядке, — ответила я.

— Солнышко, может, пороешься в наших ящиках? Еда у тети Чарли опасна для жизни. На ней везде зеленый пушок.

— На жевательных конфетах ни пушинки! — огрызнулась я.

— Ну ладно. — Эмбер снова уставилась на Дилера. — Может быть, вам что-нибудь принести? Крекеры? Кокосовую воду? Жвачку?

Я бы рассмеялась, но ступор прошел не до конца. Мало того, я уже три раза стояла под душем, но сбитые с толку мысли и эмоции никак не хотели возвращаться к привычному состоянию. Иными словами, к СДВ крайней степени.

— Ничего не нужно, солнце, — отозвалась Куки. — Беги уже.

— Хорошо. Только про ярмарку не забудьте. Вы все должны прийти.

— Ни за что не пропущу, — заявила я, когда Эмбер обняла меня на прощание. Как только за ней закрылась, я уставилась на Куки. — Она в цирке, что ли, работает? Почему мне никто не сказал?

— Нет никакого цирка. И не переживай. Тебе необязательно туда ходить.

— Еще как обязательно! Я живу только ради ярмарок. Ради ярмарок и шоколадного печенья. Хотя, наверное, не в таком порядке.

Само собой, я не жила ни ради того, ни ради другого, но мне так хотелось пить, что язык начинал нести бред. Большая чашка мокко латте исправила бы ситуацию, но не-е-е-ет. Мне надо выносить Пип. Клянусь, эту беременчателность я не переживу.

— Ну что ж, пойду-ка я копать в прошлом этого парня, — сказал Дибби и встал из-за стола.

Куки последовала его примеру.

— Ладно, — протянула я, заново утопая в чувстве вины.

У Дибби и без того куча дел, а я подкидываю ему задачку, которая не по плечу даже офицеру полиции. «Видишь ли, дорогой мой дядя, где-то на территории моей же частной собственности валяется труп, но ты никому не говори и не смей ничего расследовать. Ах да! Я вся заляпалась кровью и сожгла свою одежду. Это же ни капельки не подозрительно, правда?» Да уж. Племянница из меня хуже некуда.

— Через час приедет твоя сестра, — напомнила Куки.

Я шлепнула себя по лбу:

— Совсем забыла! Она меня прибьет.

— Она всего лишь волнуется из-за свадьбы и ребенка. Я ей позвоню.

— Спасибо, Кук.

— Скоро принесу ужин, а ты пока присмотри за мальчиками.

— Будет сделано.

Когда Дибби с Куки ушли, я направилась в спальню взглянуть на жениха. Он лежал на спине, прикрыв здоровой рукой лоб. Я наклонилась и посмотрела на раны. Те, что виднелись из-под скотча, начинали заживать. Клетки Рейеса восстанавливались невероятно быстро. Оставалось только молиться, что внутренние повреждения плеча заняты тем же.

Ужасно хотелось лечь рядом и обнять Рейеса, но я боялась его разбудить. Поэтому вернулась в гостиную и присела на журнальный столик перед диваном, чтобы проверить, как дела у Дилера. Он лежал в той же позе, что и Рейес. Честно говоря, меня это поражало. Спины у обоих были изодраны в клочья. Ума не приложу, как можно спать на таких ранах. Сильная, почти как у Рейеса, рука прикрывала лоб, но я знала, что даэва не спит.

— Как тебя зовут? — спросила я, отпив из чашки воды.

— Я не могу назвать тебе свое настоящее имя, — ответил Дилер, не меняя позы.

— Почему?

— Узнав настоящее имя демона, обретаешь над ним власть. До сих пор удивляюсь, что тебе известно истинное имя Рейазиэля.

Уже второй раз за день я слышала эти слова. Священник говорил то же самое.

— Мы все-таки помолвлены.

Опустив наконец руку, Дилер положил ее на подлокотник Софи. В приглушенном свете сияли внимательные бронзовые глаза. Не знаю почему, но меня тянуло к Дилеру, как магнитом. Ничего интимного в этом притяжении не было. Только доверие. Откуда оно взялось, в голове не укладывается, но с самой первой встречи я поняла, что могу ему

доверять.

— И все же, — снова заговорил даэва, глядя на меня таким же взглядом, каким я смотрела на него, — Рейазиэль никогда не называл тебе твоего настоящего имени. И у кого же, позволь спросить, больше власти?

— У меня, — тут же ляпнула я, прекрасно понимая, что вру напропалую.

Один уголок его губ приподнялся.

— Хорошо. Скоро тебе понадобится эта уверенность. — Его взгляд опустился на мой живот. — Можно?

Я отшатнулась.

— Можно — что?

— Прикоснуться к ней.

Взглянув на Пип, я несколько секунд раздумывала, а потом кивнула, гадая, что именно Дилер имел в виду.

Поморщившись от боли, даэва поднял руку и осторожно положил ладонь мне на живот. Понятия не имею, что он мог там почувствовать. Сейчас Пип была всего лишь крошечным сгустком клеток. Ее сердце даже еще не начало биться. Но ее тепло с первых дней ощущалось как пульсирующий внутри меня лучик света.

Веки Дилера опустились, как будто то, что он делал, успокаивало его, облегчало боль.

— Как ее зовут? — спросил он, не открывая глаз.

Я оглянулась узнать, не проснулся ли Гаррет. Он действительно проснулся и молча смотрел, как даэва, демон-раб из ада, у которого нет ни единой причины нам помогать и который, тем не менее, рискует ради нас собственной жизнью, каким-то образом ощущает связь с моей дочерью.

— Я первая спросила, — отозвалась я.

Ухмыльнувшись, Дилер сдвинул ладонь, и его пальцы оказались очень близко к Вирджинии, моей главной отличительной девичьей черте. Очевидно, Пип была гораздо ниже, чем я думала.

— Если я скажу, как меня можно называть, мы договоримся?

— Ага. Как-то я копалась в твоём, так сказать, грязном белье, но все, что нашла, записано на имя парня, которого ты взял напрокат. До сих пор не могу поверить, что столько сил потратила, а ничегошеньки о тебе самом не узнала.

— Я хожу по земле гораздо дольше, чем ты, дорогуша. Пришлось научиться быть осторожным.

— Ладно, съем наживку. Так как тебя можно называть?

Наконец его глаза открылись, и болезненно засияли бронзовые омуты.

— Ош. Можешь называть меня Ош.

— Ош, — повторила я, пытаюсь связать имя с демоном, который лежал у меня на диване и выглядел, как совсем юный пацан. По-моему, чересчур скромное имя для очень опасного мальчика. — Мне нравится. А фамилия есть?

— Это не истинное имя демона, если ты об этом.

— Вовсе нет. — Я взяла сотовый. — Просто хочу знать, как подписать твой номер. Если кто-нибудь увидит у меня в телефоне слово «Дилер», мне точно светят неприятности.

Даэва широко улыбнулся:

— Виллионе. Так меня называли много веков назад, когда я впервые оказался на земле. На секунду я застыла, а потом напечатала имя и фамилию в телефоне.

— Происходит слово от того, что я думаю^[16]?

— Ты имеешь в виду жизнь, наполненную пьянством и развратом?

— Типа того, ага.

— Да, Шарлотта, — ответил он гладким и бархатистым, как шикарный виски, голосом. — Когда-то я был очень-очень плохим мальчиком.

— Ну ладно, — кивнула я, — пока сойдет и так. А Рейес знает твоё настоящее имя?

— Знает. — Кажется, в голосе Дилера прозвучали сожаления. — Хотя в аду он им никогда не пользовался.

— Тогда его и спрошу. А пока будешь Ошем.

— Ну и как же её зовут? — напомнил он.

— Ещё не придумала. Пока что называю её Пип.

Тихо рассмеявшись, Ош погладил мой живот и убрал руку.

— Не знаю почему, но ей подходит.

— Спасибо. Я тоже так думаю.

Снова ложась на спину, он вздрогнул от боли.

— Почему вы с Рейесом спите на спине? Раны ужасные. Разве не удобнее было бы на животе?

Ош потер лицо. Как бы он ни старался не подавать виду, глаза у него слипались.

— Ты уже знаешь кое-что о том, откуда мы пришли. Так что скажу просто: на животе становишься более уязвимым. Ни один достойный своего звания демон не станет спать на животе.

— Вот оно как...

Да уж, такого ответа я точно не ожидала. Значит, всё дело в инстинкте выживания. Любопытненько.

— Я бы посоветовал тебе задаться другим вопросом, — вдруг сказал даэва, кивнув на парящего в углу мистера Вонга. — Например, почему у тебя в квартире висит безбожно могущественное существо.

***

Весь вечер мы просидели дома. Большую часть времени я только и делала, что присматривалась к своему молчаливому мертвому соседу. Мне и раньше говорили, что мистер Вонг так и сочтётся мощной силой, вот только он висел в углу с тех пор, как я впервые зашла в эту квартиру. То есть он был тут с самого начала, а вовсе не появился с бухты-барахты, чтобы портить мне жизнь. Хотя вопрос остаётся: с чего вдруг кому-то настолько мощному парить в углу квартиры посреди Альбукерке? Разве не должно у него быть дел поинтереснее?

Мне хотелось порасспрашивать Оша, но его глаза снова закрылись, как будто он больше не мог бороться со сном. Так что я решила пока отложить этот разговор. Впрочем, сколько бы я ни пялилась на мистера Вонга, ничего нового не видела, хотя не могла отделаться от мысли, что всё это как-то связано. Мистер Вонг. Дюжина. Даже одержимый дом. Может быть, демон обосновался там именно потому, что на землю явились адские псы? Как бы то ни было, скоро я всё выясню. Через пару дней у меня назначена встреча с отцом Гленном.

Надеюсь, удастся найти хоть какие-то ответы. А может быть, отыщется и демон, которому так нравится повсюду малевать мое имя.

Ужин принесли Куки с Эмбер. Пришел и дядя Боб, которого мучили миллионы вопросов, вот только у меня не было ни сил, ни желания на них отвечать. На мне осталась всего пара царапин, а чувствовала я себя как выжатый лимон. Представить не могу, что сейчас переживали три моих спутника.

Рейес едва пошевелился, чтобы поест, но Ош все объяснил: чем глубже сон, тем быстрее происходит исцеление. Оказывается, Рейес вообще мог впасть в кому и в считанные часы вылечиться от смертельных ран.

— Мы все так умеем, — добавил даэва, пристально глядя на меня. — Ему досталось больше всех, поэтому одному из нас придется постоять на страже.

— Значит, ты не сможешь вылечиться так же быстро, как он?

— Нет. Но смогу, когда он проснется. Впаду в состояние сродни стазису и через день буду как новенький. — Задумавшись, он глянул в потолок. — Максимум через два. Кстати, потрясающе, — сказал он Куки и Эмбер, накручивая на вилку спагетти.

Эмбер, мелкая бесстыдница, тут же зарделась. Между прочим, она была по уши влюблена в Квентина, нашего общего глухого друга, но я понимала, почему ее так восхищает Ош. Блин, надо привыкнуть к тому, что чувака зовут Ош. Почему-то казалось, что имя совсем ему не подходит. Может быть, чем чаще я буду повторять его вслух, тем быстрее привыкну. Ош Виллионе. Интересно, а он разрешит мне называть его Ош Чертил-Чертеж? Сомневаюсь.

— Короче говоря, — начал Дибби, настороженно поглядывая на Оша, — парень, который на тебя сегодня напал, сидел с Рейесом в тюрьме.

Я кивнула:

— Вел он себя чуточку грубовато, так что неудивительно. Когда его освободили?

— В том-то и дело. Никто его не освобождал.

Я отложила вилку.

— То есть как это?

— В тюремных записях сказано, что он умер две недели назад.

— Чего?! — офонарела я. — Быть того не может! Уж кто-кто, а я могу отличить живого человека от мертвого.

— Ты еще самого интересного не знаешь.

— Ладно. И что же самое интересное в этой истории?

— Он умер от инфаркта. Ему было давно за шестьдесят.

— Да ладно! У чувака, конечно, имелись проблемы, но сомневаюсь, что в список входили сердечно-сосудистые заболевания.

— Мы продолжаем копать, милая. Наверняка здесь какая-то бюрократическая ошибка.

— Вот-вот, копайте глубже. И, раз пошла такая пьянка... — Я прикусила губу, не зная, какой хочу услышать ответ. — Ты с капитаном разговаривал?

— Разговаривал. Извини, милая, но я не знал, что еще можно сделать.

— Нет-нет, все в порядке. И что он сказал?

— Согласился со мной. Сейчас мы вполне можем замять это дело. Человек, который на тебя напал, по документам уже мертв. Зная, что там опасно, послать туда наших ребят мы не можем. Да и как нам все объяснить?

Я заметно расслабилась. Мне удалось прожить еще один день и не оказаться в наручниках за убийство или сокрытие улик. А значит, день выдался удачный.

— Но он хочет задать тебе несколько вопросов, — добавил дядя Боб.

— Еще бы не хотел! Кстати, я говорила с Рокетом. Все, кто писал записки, мертвы. Но один из них, о котором вы узнали утром, прожил до полудня. Когда нашли записку?

— Его жена сказала, что увидела записку в кухне, когда проснулась. Все было на своих местах, ничего не пропало. Кроме ее мужа.

— А он успел переодеться? Взять телефон? Может, даже чашечку кофе выпил?

— Нет, нет и нет. Судя по словам жены, он исчез посреди ночи.

— Завтра я поеду к ней. А потом заскочу и к семьям первых двух жертв.

— Есть и четвертая, — вдруг вмешалась Куки, удивив нас обоих.

— Ты о чем, дорогая? — спросил Дибби.

Дорогая. Миленько. И чуточку стремно.

— Вот, смотрите. — Куки взяла стопку бумажек, которые принесла раньше.

Тогда я не обратила на них внимания, но сейчас сгорала от любопытства.

— Итак, — начала Кук, — в «Лос-Анджелес Таймс» появилась статья о женщине по имени Фиби Дюрант, которая пропала без вести два месяца назад. Она оставила записку, в которой написала, что собирается прыгнуть с моста Золотые Ворота^[17], вот только ничего с собой не взяла. Ни сумочки, ни телефона, ни ключей от машины, ни саму машину. Полиция Лос-Анджелеса обнаружила дома у женщины кое-какие свидетельства, которые можно принять за следы борьбы, но сделать однозначные выводы никак нельзя. В ванной нашли разбитую чашку, на стенах — несколько неопределенных царапин. Такие отметины на стенах могли остаться от обуви, если кого-то волочили из дома против воли. Но это вполне могли быть и обычные бытовые повреждения. — Куки передала нам статью и показала пальцем на отсканированную копию предсмертной записки. — Взгляните на записку. Почерк совпадает с почерком женщины, но...

— Слова, — перебила я, прочитав текст. — Сколько людей используют слово «славный» в предсмертных записках?

— Вот именно.

— Умница, — похвалил Куки дядя Боб.

Та застенчиво улыбнулась.

— Как ты умудрилась это достать? — спросила я, помахивая копией записки.

— Прислал один милый молодой человек из архива. Пришлось пообещать, что я найду его, если когда-нибудь окажусь в Городе Ангелов. — Кук подмигнула Дибби. — Ему понравился мой голос.

— Мам! — ошалело воскликнула Эмбер. — Ты воспользовалась женскими хитростями, чтобы манипулировать человеком, с которым даже не знакома!

Куки улыбнулась:

— Для того они и нужны. Ешь свой салат.

Эмбер сморщила нос, а сыщик Гаррет, который сгонял в ад и обратно, и демон Ош, который из этого самого ада слинял, в унисон закашляли, пытаясь скрыть смех.

Господи, до чего странная у меня жизнь!

После того как Куки, Эмбер и Дибби ушли, я спросила у Оша, не надо ли ему сменить скотч. Клянусь, вопрос прозвучал странно даже для меня.

— Скотч нельзя снимать, пока все не заживет, — отозвался даэва. — Ты хоть представляешь, каково это — отдирать липкую ленту от открытой раны?

Меня передернуло. Нет, блин, не представляю, и, как ни странно, пробовать на себе желанием не горю.

— Значит, ты сам поймешь, когда все заживет?

На этот раз он занял кресло, а Гаррет улегся на Софи.

— Пойму, — усаживаясь поудобнее, ответил Ош.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила я у Своупса.

— Пятки мне не потрешь?

Я бросила в него подушку. Зачем еще нужны декоративные подушки? Он сунул ее себе под голову и, улыбаясь, закрыл глаза. Представить не могу, с чего Гаррету улыбаться. После знакомства со мной вся его жизнь перевернулась с ног на голову. Видимо, я нечто вроде маленькой, но все-таки доставучей чумы, которая не дает покоя человечеству. И как я до такого докатилась?!

За дальнейшими инструкциями обращаться к владельцу.

Рекламный слоган последней новинки в области нижнего белья

Чмокнув мистера Вонга в щеку (точнее в челюсть прямо под ухом, потому что он, как всегда, торчал носом в угол), я осторожно залезла в постель к Рейесу. Будить его не хотелось. Стазис, или как там это называл Ош, очень смахивал на кому, и, бог свидетель, Рейес этот отдых заслужил. Тревожить его тоже было страшно — спине и плечу досталось капитально. Когда Ош с Гарретом помогали Рейесу отмыться, смотреть на раны без боли было невозможно. Дюжина пришла за мной, а я оказалась единственной, кто вышел из психушки с парой несчастных царапин.

Заснуть не получалось, поэтому я просто тихонько лежала и грелась в тепле Рейеса. Ей-богу, рядом с ним можно легко экономить на отоплении. И все же, чем дольше я лежала, тем успешнее доводила себя до паники. Речь уже шла не только обо мне. Я задумчиво погладила живот. Может быть, меня в уравнении и вовсе никогда не было. Согласно пророчествам, я всего лишь сосуд, задача которого — привести в мир истинную героиню нашей истории. Пип. Честное слово, ей нужно имя получше. Героини, которые спасают мир от злых сил, заслуживают носить обалденные имена. Надо будет хорошенько об этом подумать, но для меня она навсегда останется Пип.

Так уж вышло, что мир нуждается в моей дочери. Сегодня я не умерла, а значит, выкупила себе еще несколько часов жизни, отложила предсказанную Рокетом смерть. Чисто технически он никогда не ошибался, поэтому, если мне удастся прожить достаточно долго, чтобы подарить миру Пип, я смогу умереть счастливой.

Повернувшись, я стала всматриваться в профиль Рейеса. Как и Ош, он прикрыл лицо здоровой рукой. Как знать, может быть, это какая-то демонская фишка.

— Ты чересчур серьезна, — охрипшим спросонок голосом сказал Рейес.

— Рейес... — начала я, приподнимаясь на локте. Ужасно хотелось его обнять, но было страшно причинить боль. Я взяла с тумбочки бутылку воды, которую принесла с собой. — Уже теплая. Могу принести холодную из холодильника.

— Сойдет и эта. — Сделав один глоток, он вернул мне бутылку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше всех.

— Надо сказать Ошу, что ты проснулся.

Рейес глянул через открытую дверь в гостиную.

— Как только я очнулся, он впал в стазис. К утру будет как новенький.

— Значит, ты поэтому исцеляешься намного быстрее меня? Впадаешь в какое-то особенное целительное состояние, как монах или ниндзя?

— Вроде того. Ты, кстати, тоже. Сам видел, после такого как над тобой поиздевался Эрл Уокер.

Я поежилась. Воспоминания о той ночи в список моих любимых не входили.

— Ты глубоко заснула, и твои раны почти полностью зажили за одну ночь.

— А вот мне не показалось, что все это произошло очень уж быстро, — фыркнула я.

— Датч, сколько ты знаешь людей, которые могли бы пройти через то же самое, а на следующий день проснуться и продолжать вести привычную жизнь?

— Ну ладно, ты прав. Но все равно было больно, как после Джона Диккенса.

— Какого еще Джона?

— Я с ним училась в школе. Он вечно мне руки выкручивал, чтобы сделать «крапивку». Рейес снова накрыл рукой лоб.

— Я могу разрубить ему позвоночник.

— Да все в порядке, — тихо рассмеялась я. — Говорят, теперь он торгует страховкой прямо из своего «бьюика». Значит, до сих пор расплачивается за то, что был редкостным гадом. В общем... у меня к тебе вопрос. Ты все еще на меня злишься?

— Да.

— Ладно. — Я немного помолчала, но потом снова спросила: — А ты знаешь, сколько будешь на меня злиться?

— Нет.

— Ясненько.

— Почему ты заблокировала свои эмоции? Почему уехала без меня после всех наших разговоров?

— Не знаю. Я собиралась к Рокету и... и... не хотела, чтобы ты считал меня каким-то нежным мороженым, которое нужно оберегать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Я хочу уметь за себя постоять. Хочу, чтобы ты знал, что я могу о себе позаботиться.

— Конечно, можешь. И мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. Когда ты обретишь полную силу, тебе вообще не будет равных, но до тех пор... Что плохого в том, чтобы я был рядом?

— В смысле? — ошалела я. — Что ты имеешь в виду?

— Такое ощущение, будто ты пока просто-напросто не придумала, как от меня избавиться.

— Дело вовсе не в этом, Рейес. Честное слово.

— Разумеется.

— Да блин! Я рассердилась, ясно? Ты болтал с той женщиной и первый меня заблокировал.

Несколько секунд Рейес молчал, а потом тихо проговорил:

— Я тебя не чувствую. Поэтому понятия не имею, врешь ты или нет.

Зато я его чувствовала прекрасно. Мой поступок причинил ему боль, и теперь меня просто пожирало чувство вины. Мне и в голову не приходило, что он примет это так близко к сердцу.

Убрав со лба жениха темный локон, я сказала одно-единственное слово:

— *Aperite*, — и снова обнажила свои чувства.

Видимо, эмоции зашкаливали, потому что в тот же миг Рейес сделал резкий вдох.

— Мне не хотелось, чтобы ты знал, как я ревную, — смущенно пробормотала я. — Та дамочка из новостей явно неровно к тебе дышала.

— Датч, — Рейес обнял меня одной рукой, — все женщины, которые приходят в бар, неровно ко мне дышат.

Я чуть не рассмеялась. От скромности он точно не умрет.

— Вернее им так кажется. — Его голос стал резче от зарождающегося гнева. — Они меня даже не знают, Датч. Их эмоции изматывают.

Честное слово, я понимала, о чем он говорит. Не по собственному, само собой, опыту. Я людей скорее отталкиваю, чем притягиваю. Но все эти женщины и мужчины из бара... Рейес для них как пламя, на которое слетаются мошки со всей округи с надеждой погасить крылышками бушующий в нем огонь.

— Я их понимаю. Сама такая же. Я хотела тебя с самой первой нашей встречи. И до сих пор хочу. Я твоя самая большая фанатка.

Рейес коснулся пальцами моей щеки и губ.

— Ничего подобного. Ты совершенно другая. С тобой я вообще ни в чем не был уверен.

— Значит, — фыркнула я, — ты неверно истолковал мой интерес.

— Глупости. Ты совсем не похожа на остальных. Жаль, что ты не чувствуешь того, что чувствую я. Ты удивительная. Хочешь — верь, хочешь — нет, но только тебе одной решать, будем ли мы вместе. В любой момент ты можешь меня бросить и дальше жить своей жизнью.

Я покачала головой:

— Нет, Рейазиэль, не могу.

— Мне нравится, что ты в это веришь.

— Никто не может соперничать с мужчиной, который защитил меня от адского пса.

Рука Рейеса упала, и я почувствовала от него волну стыда.

— Этот мужчина пытался тебя защитить, но проиграл.

— Чего?! — громко взвизгнула я и зажмурилась, боясь, что разбудила дрыхнувших в гостиной. Они всего лишь перевернулись на другой бок, и я перешла на шепот: — Какого черта? Ради меня ты дрался с адским псом. Точнее даже с тремя. Разве могу я ожидать чего-то большего от своего жениха? И кстати, извини, что я все-таки туда заявила.

— Если бы не ты, нас бы могло здесь не быть. — Рейес кивнул на Оша. — Псы вывели нас из строя раньше, чем я успел отреагировать. Не ожидал, что они настолько быстрые. — Он улыбнулся мне, и в свете, льющемся из ванной, замерцали темные глаза. Когда я уже лампочки сменю? — Но ты была быстрее.

— Шутишь? Да я тормозила, как никогда. Остановила время и вместо того, чтобы сделать что-нибудь полезное, довела себя едва ли не до истерики.

— Ошибаешься, — возразил Рейес. — Я все видел. Твоя скорость и ловкость дали бы фору гепарду. У псов не было ни единого шанса.

— Только благодаря Зевсу. Он свое дело сделал.

— Бог?

— Кинжал.

— Зевс, значит?

— Ну, я подумывала назвать его Рейесом, но побоялась, что люди начнут путаться. И я в том числе.

— А как насчет вот этого? — Он глянул на булочку. — У нее уже есть имя?

— Пока что называю ее Пип.

— Пип? — весело переспросил Рейес.

— Сокращенно от Пушистая Ивовая Почка. До таких размеров она еще не доросла, но скоро дорастет.

— Лучше не придумаешь.

— На первое время сойдет. Но мы должны выбрать для нее суперское имя, — добавила я и, задумавшись, легла на спину. — Такое, чтобы само по себе кричало «Я сровняю с землей».

все зло в этом мире!»).

— Согласен. — Все еще обмотанный скотчем, он повернулся ко мне, и кожа заметно натянулась вокруг ленты. — Будь что-то не так, ты бы мне сказала?

— В смысле? Естественно, сказала бы.

— Значит, если ты узнаешь, что с тобой может что-нибудь случиться, ты мне сообщишь. К чему он ведет?

— Да. И ничего со мной не случится. То есть, конечно, если до меня не доберется Дюжина. А так все будет путем.

Рейес задумчиво кивнул.

— Рейес, в чем дело?

— Мне кажется, у тебя есть от меня секреты.

— У тебя тоже, — поддразнила я. — Так что все по-честному.

Он наклонился вперед и прикусил мне ухо.

— У кого могут быть секреты, а у кого нет, обсудим позже. А сейчас... не хочешь заняться этим?

— Рейес! — ахнула я. — Тебе же чуть руку не отгрызли!

А кроме того, я едва сдерживала смех. Взрослый мужчина только что предложил мне «заниматься этим». Держите меня семеро!

— Мы все равно можем это сделать.

— Нет, не можем, — захихикала я.

— Мой рот способен на многое.

— Уж я-то знаю.

— Сядь на меня. Поближе к лицу.

Тут я уже рассмеялась вовсю:

— Не буду я на тебя садиться. Господи...

— Сядь, говорю. Я исполню все твои мечты.

— Клянусь, тебе надо поучиться где-нибудь скромности.

— Скромность сильно переоценивают.

— К тому же, — пришлось слегка его оттолкнуть, потому что он придвинулся ближе, — мы тут не одни.

Рейес глянул на Артемиду, чей купированный хвостик метался из стороны в сторону со скоростью сто километров в минуту. Видя, что наш любимый пришел в себя, она была почти так же счастлива, как и я.

— Ну, красавица, а у тебя как дела? — спросил он и почесал ее за ухом.

Я же была поражена до глубины души тем, что его рука вообще двигалась.

— Принеси шарик, — добавил Рейес и притворился, будто бросил мячик.

Соскочив с кровати, Артемида нырнула прямо в стену. Несколько секунд я смотрела на жениха с отвисшей челюстью, а потом укоризненно проговорила:

— Это было подло.

— Почему? — спросил он, снова придвигаясь ближе. — Ей нравится играть со всякими шарами. Тебе, насколько я помню, тоже.

— Ты не исправим. Как там твое плечо?

— Для этого оно мне не понадобится.

Секунду спустя рука Рейеса оказалась спереди под моими пижамными штанами, на которых было написано «Грехи можно смыть языком». Пальцы отыскивали самое важное и

погрузились внутрь. От восхитительного удовольствия я глубоко вздохнула.

— А спина?

— Изю всех сил постараюсь ее надорвать. Обещаю.

— Нет, Рейес. — Я снова его оттолкнула. — Я серьезно. Тебя чуть на куски не разорвали, а тебе внезапно полегчало настолько, чтобы заняться сексом?

— Датч, — начал он, слегка сжав внутреннюю поверхность моего бедра, — если бы я не был готов заняться сексом, стал бы я делать так?

Пальцы раздвинули складки у меня между ног и стали ласкать самое чувствительное, самое нежное местечко. Взяв за затылок свободной рукой, Рейес притянул меня ближе и поцеловал.

Пережив первую вспышку наслаждения и дрожа от желания, я оторвалась от горячих губ и выдохнула:

— Ладно, ты победил.

Рейес склонился надо мной и прошептал на ухо:

— Датч, я победил уже тогда, когда ты легла в постель.

Блин, ему просто позарез надо поработать над самооценкой.

Я обхватила пальцами твердый член и в награду услышала, как Рейес резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Пригвоздив меня всем весом к постели, он сжал оба моих запястья у меня над головой, чтобы я не мешала ему делать все, что душе угодно. По-моему, это несправедливо. Мне хотелось исследовать холмы и долины его тела не меньше, чем ему хотелось исследовать меня. Мало того, его тело намного зрелищнее и интереснее всего, что я могу предложить, вместе взятого. Твердые и гладкие, крепкие и в то же время гибкие мышцы перекачивались под моими ладонями, сжимались от поцелуев.

Чтобы получить доступ к Угрозе и Уилл, Рейес задрал пижамную майку мне за голову. Уделяя каждой одинаковое внимание, он посасывал заострившиеся вершинки, обводил их языком, медленно сводя меня с ума. И вдруг я поняла, что мои штаны уже на щиколотках. А говорят, мужчины не могут заниматься несколькими делами одновременно.

Пока я нетерпеливо стаскивала штаны до конца, Рейес встал с кровати. От холода, вызванного его отсутствием, я тут же покрылась мурашками. Закрыв дверь, Рейес повернулся ко мне во всей своей обнаженной красе. В приглушенном свете его кожа как будто сияла. Я застыла и дала себе время полюбоваться. Он взял что-то с комода, и послышался треск. Походкой готового к атаке хищника Рейес двинулся ко мне.

Под его весом кровать просела, а мгновение спустя он уже сидел на мне, укрывая своим жаром, как самым теплым одеялом на свете. Что-то холодное и липкое обернулось вокруг запястья.

С губ сорвался смех, и я все-таки уточнила:

— Скотч?

— Молчи, — отозвался Рейес, сосредоточенно сдвинув брови. Разве может быть что-то прекраснее? — Эта процедура требует максимум внимания.

Оторвав еще один кусок скотча, он связал мне руки.

От предвкушения все внутри затрепетало. Участился пульс. Натянулась кожа. Член лежал прямо между Урозой и Уилл. Мне так хотелось почувствовать его на вкус, ощутить, как вдоль языка течет и пульсирует кровь, что рот наполнился слюной. Но Рейес явно не собирался разрешать мне ни подняться, ни воспользоваться руками. Он снова встал и на этот раз взял меня за щиколотку. Пальцы прошлись по подъему, и по ноге рассыпались искры

поразительно острого удовольствия. Казалось, у Рейеса кончается терпение. Оторвав еще один кусок скотча, он привязал меня к изножью кровати, осыпал легкими и горячими поцелуями колени и лодыжку и принялся за вторую ногу. Когда он закончил, я бы уже при всем желании не смогла сдвинуть ноги.

Рейес выпрямился и посмотрел на меня, как король, который осматривает только что завоеванные земли. А я лежала открытая, выставленная напоказ. Никогда в жизни меня не мучила застенчивость, но сейчас я засомневалась в себе. Однако выражение лица Рейеса было таким напряженным, таким притягательным, что все сомнения мигом испарились.

Того, что случилось дальше, я не могла и вообразить.

Рейес начал с щиколоток. Сначала гладил пальцами, покрывал кожу короткими поцелуями, потом стал слегка покусывать. А долю секунды спустя на мне сомкнулись зубы. Не смертельно, но достаточно сильно, чтобы причинить немножко боли.

От неожиданности я резко вдохнула почти в тот же момент, что и Рейес. А потом поняла. Почувствовала его реакцию на мою боль. Ощутила, как она отразилась в нем и рикошетом вернулась ко мне, сосредоточившись там, где росло наслаждение. Вторую ногу ждало то же самое. Каждый укус разбивался молнией под кожей и заставлял меня снова и снова корчиться и изгибаться от неописуемого удовольствия. Рейес лизал, посасывал и кусал, словно пил текилу с моих ног. Я окунулась в восхитительное безумие, прошедшее сквозь ощущения Рейеса и вернувшееся обратно ко мне, и не сумела сдержать тихий стон. Но Рейесу этого было достаточно.

Он снова сел сверху, оторвал еще один кусок скотча и заклеил мне рот. А потом опустился к Угрозе и Уилл. На затвердевшем соске сомкнулись зубы, подарив еще одну вспышку, еще один укол боли, еще одно эхо.

Запрокинув голову, я беспомощно ерзала, переживая атаку за атакой. Рейес не пропустил ничего. Даже обмотанные скотчем запястья постигла та же участь. Здесь Рейес всего-навсего кусал сильнее, чтобы добиться желаемой реакции, а потом на мгновение замирал, давая боли шанс отразиться от него и вернуться ко мне.

Ни слова не говоря, он спустился ниже и еще шире раздвинул мне ноги. Теплые губы и горячий язык нежно ласкали чувствительные складки, все ближе и ближе подводя меня к краю пропасти. В животе разгорался пожар, и я умудрилась вдохнуть прямо сквозь скотч. Под обжигающими прикосновениями я плавилась, горела и еще раз не сдержала стон, потому что где-то глубоко-глубоко внутри вспыхнула первая искра оргазма, который рос и набирал силу, как летний прилив. Во мне оказались пальцы, и я чуть не разрыдалась, готовая умолять Рейеса подарить мне разрядку.

И вдруг на нежных складках сжались зубы. От острой боли я взлетела еще выше, и там, на самом пике волны взорвался горько-сладкими искрами и из каждой поры пролился опаляющим океаном ослепительный экстаз.

Я все еще плыла на этой волне, когда Рейес лег сверху, схватил меня за волосы, чтобы не дергалась, и одним быстрым движением оказался внутри на всю длину. Я стиснула зубы и выгнулась, чувствуя, как оргазм, вместо того чтобы пойти на спад, разгорается заново. Рейес начал двигаться. Сначала мучительно медленно, а потом все быстрее и сильнее, словно уже дошел до крайней точки отчаяния и больше не мог сдерживать дикий голод. Меня затрясло от очередной вспышки удовольствия, когда я ощутила, как в Рейесе тоже нарастает, пульсирует оргазм.

Снова и снова он врывался в меня с отчаянной страстью на грани жестокости, пока

напряжение внутри него не достигло апогея и не рассыпалось мелкими осколками, омыв кости неземным восторгом. Секунду спустя я кончила во второй раз, испытав настолько чистое и всепоглощающее удовольствие, что напрочь забыла, как дышать, но все еще чувствовала, как отголоски оргазма Рейеса падают мне на кожу раскаленными добела искрами. А в это время пытался прийти в себя окружающий нас мир.

Только ради тебя я встаю по утрам.

Ну и чтобы в туалет сгонять.

Открытка

На следующее утро я проснулась рано. С липкими запястьями и дикой головной болью. Казалось, будто Барбара, то бишь мой мозг, взорвалась и превратилась в жидкую слизь. Слава богу, Фред, череп, не давал ей вытечь наружу. Осторожно, чтобы не разбудить жениха, я вылезла из постели и поковыляла в ванную. Болела не только голова, но и все, что к ней прилагается. Волосы, ресницы. Хотя больше всего, кажется, брови. Болели даже мочки ушей. Наверное, из-за последнего оргазма у меня случился микроинсульт. Я даже глянула в зеркало узнать, не перекосило ли рот.

Ничего особенного не заметив, я нанесла визит фаянсовому другу и почистила зубы. Не одновременно, само собой, хотя второпях могу исполнить и не такие трюки. Беда в том, что расческа осталась в ванной Рейеса. Чтобы попасть в его квартиру, пришлось пройти через две спальни, превращенные в одну. Но до ванной я так и не дошла. В дверь тихонько постучали, а потом задержалась ручка, словно кто-то ее проверял.

Нахмурившись, я подошла ближе и, поскольку была в одной ночной рубашке, чуть-чуть приоткрыла дверь, чтобы выглянуть в тускло освещенный коридор. На пороге стояла женщина с длинными темными волосами. Похоже, она удивилась мне не меньше, чем я — ей. От неожиданности она отскочила, а секунду спустя сообразила, в чем дело. Вспышка ревности, предельно ясно отразившаяся на ее лице, полоснула меня по и так взъерошенным нервам.

— Я ищу Рейеса Фэрроу, — тихо сказала женщина, как будто не хотела будить соседей. — Меня зовут Сильвия Старр.

Я ее узнала, но какого черта она приперлась к Рейесу в такую рань? Что ж, отличный повод напомнить ей о манерах.

— Адресом вы не ошиблись, но еще слишком рано принимать гостей.

Сильвия ошеломленно моргнула, но я не знала точно почему. То ли из-за моего тона, то ли из-за того, что в квартире потенциального ухажера торчала другая девица.

Она протянула мне визитку:

— Не могли бы вы попросить его мне позвонить? Я готовлю интервью для семичасовых новостей, но мы еще не договорились о времени.

Визитку я не взяла, и ее рука так и осталась висеть в воздухе.

— По-моему, мисс Старр, он ясно дал понять, что не заинтересован ни в каком интервью.

Сильвию захлестнуло горячей волной гнева.

— А вы, собственно, кто?

Я не смогла удержаться. Вряд ли Рейес хотел бы, чтобы мы сцепились, но я и в лучшие дни с трудом выношу подражательниц Барбары Уолтерс [\[18\]](#). Ответила я без злорадства, но четко проговаривая каждый слог:

— Его невеста.

Тихо ахнув, Сильвия отшатнулась. Пару секунд спустя она отбросила назад упавшие на

плечи волосы и с ехидцей проговорила:

— Забавно. Когда я предложила ему поужинать, он о вас даже не упомянул.

— Это потому, мисс Старр, что ужинать с вами у него не было ни малейшего желания.

Так что и говорить обо мне не было нужды. Кстати, не рановато вы для ужина?

— Передайте ему, что я заходила, — бросила напоследок Сильвия, развернулась и ушла.

Исходившие от нее эмоции менялись в мгновение ока. Рейес был прав. С головой она не дружит.

До расчески я все-таки добралась, но толково расчесаться не получилось. Было больно. Поэтому я тихонько прошла в гостиную, чтобы узнать, как там наши гости. Ош дрых в той же позе, в какой я видела его в последний раз, зато Гаррет уже просыпался. Глянув влево, я поняла почему. В кухне готовила завтрак Куки. Святая женщина!

— Привет, Кук, — поздоровалась я, кивнув Гаррету. Тот потянулся в кресле и тут же сморщился от боли. О да, я понимала, каково ему сейчас. Меня с головы до ног пронзило болью от одного-единственного кивка. Все, больше никому не киваю. — Не поверишь, кто пару минут назад появился к Рейесу.

Прекратив свои занятия, Куки взглянула на красивые наручные часы.

— В такую рань?

— Ага. И не кто-нибудь, а сама Сильвия Старр.

— Да ладно!

— Серьезно. Пришла взять интервью, представляешь? Хотя в напористости ей не откажешь.

— Если не отстанет от нашего мальчика, я ей фонарь под глазом нарисую.

Я подняла вверх большие пальцы, а потом вдруг поняла, что в уголке рта стало мокро. Куки сварила кофе, и я пустила слюнки. В прямом смысле. Блин, надо срочно найти салфетку.

— Держи, — сказала Куки и вручила мне полную до краев чашку, которую только что достала из шкафчика.

— Кук, ты же знаешь, в каком я сейчас состоянии. К тому же голова раскалывается.

— Как будто твой мозг объяло бушующее пламя?

— Ага.

— Как будто извергся вулкан, и все внутри черепа взорвалось?

Господи, а она молодец!

— В яблочко.

— Это кофеиновая ломка. А я тебе говорила, что так оно и будет.

От очередной вспышки боли меня зашатало, я вписалась лбом в открытую дверцу шкафчика и схватилась за голову обеими руками. Между прочим, это ни капельки не помогло.

— Какого, блин, черта? Я думала, ты преувеличиваешь.

— Ничего подобного. Тебе всего лишь нужно перетерпеть. Но не переживай. Я решила составить тебе компанию.

К этому времени я уже во все глаза пялилась на столешницу, где рядом с яйцами стояла банка кофе. Зеленая банка. Цвет дьявола!

— Это еще что такое? — взвизгнула я, глядя, как походкой сонного сексапильно зомби к нам идет Гаррет.

Он зевнул и полез за чашкой в шкафчик у нас над головами.

— Если тебе предстоит страдать, — заявила Куки, — я буду страдать вместе с тобой. Поэтому тоже отказываюсь от кофеина.

Я подозрительно покосилась на чашку у нее в руке:

— И что ты теперь пьешь?

— То, что мы обе будем пить следующие восемь месяцев. Мы переходим на кофе без кофеина.

Накатили ужас и дикий страх с намеком на тошноту. На целых три, а может, даже четыре секунды я лишилась дара речи. А потом поставила чашку на стол, скрестила пальцы и заорала:

— Скорее умру, чем буду пить кофе без кофеина!

Гаррет молча наполнил свою чашку. Дурачок.

— Прекращай. — Куки попыталась вернуть мне зелье. — Хотя бы попробуй.

— Не могу. Это все равно что просить меня изменить Рейесу с Гарретом.

Сдабривая дьявольскую кровь сахаром и сливками, Своупс нахмурился.

— Как знаешь, — сказала Кук и начала пить. Долго и без передышки.

Прошло несколько секунд агонии, и аромат начал действовать. Я чуть не сломалась. Из-за запаха, а не из-за кофейного порно, в котором активно участвовала моя подруга. Ну кто так присасывается к чашке? Куки слизнула скатившуюся с краешка каплю и застонала от удовольствия. Я не выдержала и подалась ближе. Извращение какое-то! И в то же время как будто так и надо.

— Пахнет, как обычный кофе, — удивленно заметила я, глядя на Гаррета, который только что сделал первый глоток.

Реакция у него была почти такая же, как у Куки. Правда, он ничего не лизал и не стонал, но спектакль Кук его явно раззадорил. Удивительно, что она еще не начала обхаживать мистера Кофе в темпе вальса. Может, десятку ей под лифчик засунуть?

— Неужели ты никогда не пробовала кофе без кофеина? — спросила Кук, подвигая ко мне чашку.

Все свои подозрения я постаралась выразить одним взглядом. Но она только терпеливо приподняла брови, явно не собираясь отступать, пока я не рискну.

— Фиг с тобой, попробую. Только не жалуйся потом, если я все выплуну. Или меня вырвет. Или голова начнет вращаться вокруг своей оси.

— Меня такие вещи не трогают.

— Ну ладненько. Я тебя предупредила.

Осторожно, как будто в чашке плавал смертельный вирус, я поднесла ее к губам и немножко отпила. Теплая, богатая, хоть и поддельная, жидкость разлилась на языке и опустилась по пищеводу, искупав вкусовые рецепторы в натуральном экстазе. У меня так сильно закатились глаза, что чуть удар не хватил.

— Боже мой! — выдохнула я и отпила еще глоток. — Потрясающе!

— Я же говорила, — состроила Куки довольную мину и снова принялась взбивать яйца. Видимо, потому, что яйца редко взбиваются сами.

— Минуточку! — воскликнула я, и от очередной вспышки боли скрючились пальцы на руках и ногах. — А кофе без кофеина утомит головную боль?

— Нет, — не глядя на меня, ответила Куки.

— Черт. А знаешь, ты вовсе не обязана ради меня отказываться от кофеина.

— Шутишь, что ли? Ради тебя я пойду на все. Правда, без кофеина будет тяжело. Я бы

лучше продала своего первенца.

— Заметано.

— Не поможешь со скотчем? — В кухне появился Рейес. В одних пижамных штанах.

Есть ли на свете что-то более сексуальное, чем полуголый мужчина в пижамных штанах? Пусть даже обмотанный скотчем? Очень сомневаюсь.

— Ты уверен, что уже можно? — забеспокоилась я, косясь на Куки, которая успела что-то уронить.

Лично я была уверена, что среди прочего на пол грохнулась пара яиц. И что-то шлепнулось с чавкающим звуком. Скорее всего бекон.

— Быстро поднятое не считается упавшим! — тут же ляпнула я, не оборачиваясь.

Нет-нет, мне вовсе не хотелось привлекать к ней внимание. Зачем лишний раз смущать лучшую подругу?

Весело ей подмигнув, Рейес ответил:

— Уверен, как никогда.

Только представив, каково будет снимать с кожи липкую ленту, я пережила еще один болевой шок. Приходить в себя пришлось долго, но в конце концов мы с Рейесом оказались в гостиной, он сел на журнальный столик, а я принялась за работу. Скотч я отдираала невозможно медленно, боясь, что сниму с костей плоть. Но под лентой меня ждал невероятный сюрприз. В местах ран кожа была слегка розовой, но совершенно здоровой. Ни единой царапинки не осталось.

— А что с мышцами и сухожилиями? — спросила я, мысленно рисуя себе вчерашние кошмарные травмы.

Рейес приподнял локоть и покрутил плечом. Под зажившей гладкой кожей бугрились мышцы, как у профессионального пловца.

— Кажется, все в рабочем состоянии. Только немного побаливает.

— Ума не приложу с чего бы. В жизни ничего подобного не видела.

Я провела пальцами по новой коже. Но еще удивительнее было то, что татуировки, за неимением более подходящего слова, то бишь отметины, с которыми Рейес родился, и которые складывались в карту, ведущую к вратам ада, полностью восстановились и были идеально симметричны к тем, что остались с неповрежденной стороны. Ни одна линия не прерывалась и не изменила формы. А ведь с Рейеса, на секундочку, буквально живьем содрали кожу и разворотили все, что было под ней. Клянусь, этот ужас я не забуду никогда.

— Теперь ясно, как тебе удалось так быстро исцелиться после пули.

— Тогда все было так же.

Рейес встал, проверил состояние спины и только потом повернулся к облюбовавшему кресло гостю.

— Завтрак будет через десять минут, — объявила Куки. — И не простой, а обогащенный парочкой питательных веществ с пола.

— Молодец, — отозвалась я. — Такому добру пропадать нельзя.

Рейес смотрел на Оша, чье имя у меня до сих пор никак не ассоциировалось с сопящим в кресле даэвой. Обыкновенному парнишке оно подходило гораздо больше, чем тысячелетнему демону. Я решила так о нем и думать. Тем более что выглядел он действительно как пацан. Черные волосы до плеч совсем спутались. На юных щеках веером лежали ресницы. У Оша был идеально ровный нос. Полные губы словно застыли между детством и зрелостью. Постоянно приходилось напоминать себе, кто он такой на самом деле

и на что способен.

— Пусть поспит, — сказала я Рейесу.

— Он уже выходит из стазиса.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Как только он очнется, задам ему парочку вопросов.

— Каких еще вопросов? — спросила я, беспокоясь о том, как все может обернуться.

— По поводу его скрытых мотивов. А они у него есть.

— Теперь это не имеет значения. Вчера он сражался с нами плечом к плечу. — Едва договорив, я задумалась. Ош легко мог драться и ради благородной цели, и ради чего-то, что нужно только ему. Так или иначе, лучше все-таки узнать правду. — Ладно, но на всякий случай, — добавила я, пока даэва окончательно не пришел в себя, — как его зовут на самом деле?

— Какое имя он тебе назвал?

— Ош. Ош Виллионе.

Рейес кивнул:

— Виллионе слышу впервые, но его действительно зовут Ош. Для краткости от Ошекиэль.

— Ошекиэль, значит. Получается, теперь у меня есть над ним власть?

— Да. Как и надо мной.

Я усмехнулась, потому что никогда не верила, будто у меня есть какая-то власть над мужчиной по имени Рейес Александр Фэрроу. Тем более над отпрыском Сатаны по имени Рейазиэль.

— Чем сегодня займешься? — спросила я у него.

Он смерил меня тяжелым взглядом с ног до головы, и в утреннем свете замерцали темные глаза.

— Тобой.

— Может, мне уйти? — спросил с дивана Гаррет.

Мы с Рейесом ответили одновременно «да» и «нет». Угадайте с трех раз, кто что сказал. Пожав плечами, Своупс продолжил читать новости в сотовом.

— Нет, — повторила я Рейесу. — У меня полно дел. Надо съездить по нескольким адресам. А если ты не будешь повсюду кататься со мной, то нам надо сверить наши расписания.

— Мне кажется, сейчас не самое подходящее время выходить из дома.

— Еще какое подходящее! На дворе день. А моя работа сама себя не сделает, Рейес.

— Так я и думал, поэтому на сегодня дел у меня нет. Я весь твой.

— Класс! — игриво подмигнула я.

Рейес поцеловал меня в ухо и шепнул:

— Он очнулся.

А долю секунды спустя оттолкнул меня с дороги и за горло поднял Оша с кресла. Я споткнулась, но Гаррет меня подхватил и сгреб в охапку, в то время как Рейес швырнул Оша через всю гостиную прямо в стену, за которой находилась спальня.

Я проорала нечто нечленораздельное, глядя, как Ош, будто какое-то животное, приземлился на пол на руки и ноги. Ему хватило времени только злобно зыркнуть исподлобья, когда Рейес врезался в него и, высоко пригвоздив к стене, резким тоном спросил:

— Кто их призвал?

Ош улыбнулся, как будто давно соскучился по веселью, а уже через мгновение освободился и бросился в атаку.

То, что произошло дальше, не поддавалось никаким законам физики. Борясь за первенство, оба двигались так быстро, что я ничего не могла разглядеть. Только уловила удар, сотрясший фундамент дома, и бросок, чуть не снесший мою западную стену. Я кричала им, требовала прекратить, но все без толку.

Гаррет отскочил в сторону. Послышался крик Куки, но я не могла отвести взгляд от разворачивающейся передо мной сцены домашнего насилия.

Рассмотреть удавалось только звериные движения, быстрые, четкие и грациозные, но все же жестокие и смертоносные, как у матерого хищника. Дерущиеся то появлялись, то в мгновение ока исчезали, превращаясь в размытые пятна.

Выбора не оставалось. Наполнив легкие воздухом до отказа и напрочь позабыв о латыни, я громко произнесла:

— Стоп!

Время замедлилось, и драка предстала перед глазами, как один из боев между представителями смешанных боевых искусств, которые я не раз видела по телевизору. Дрались по-прежнему быстро, но теперь была возможность рассмотреть подробности. Все вокруг застыло, кроме двух бойцов, которые практически в щепки разносили мне гостиную. Двигались они почти с нормальной скоростью, но все-таки двигались. Значит, нужно было замедлить время еще сильнее.

Я сосредоточилась на внутренней силе, дала ей накопиться в один большой сгусток и мощной волной отправила на волю, приказав:

— Quiesce.

На этот раз застыли и чемпионы соревнований.

Правда, пройдет всего несколько секунд, и оба, сообразив, что я сделала, окажутся вместе со мной в новом «часовом поясе». Собравшись с духом, я подошла к застывшей сцене. Ош лежал на полу. В паре сантиметров от его лица застыл кулак Рейеса. Ош все еще улыбался, и я быстро поняла почему. Его локоть уже метил Рейесу в левый глаз.

Зря я влезла. Клянусь, если бы не квартира, считавшаяся моим личным священным местом, я бы дала им разорвать друг друга в клочья.

То ли время начинало ускользать, то ли дерущиеся уже приспосабливались, но драка явно была готова продолжиться в любой момент. А я не могла такого допустить. Поэтому присела рядом, положила ладонь на грудь Рейеса и сказала:

— Рейазиэль, suffosa. — Потом другой рукой коснулась головы Оша: — Ошекиэль, dormi.

Или все получится, или мне крышка. Всеми фибрами души я надеялась на первый вариант, потому что люблю жизнь во всех ее проявлениях.

Прикусив губу, я тихонько приказала времени вернуться:

— Redi.

И оно послушалось. Время всегда возвращается, наваливаясь на меня сокрушительной волной и сбивая с толку. Но на этот раз я зашла дальше, поэтому время вернулось одним мощным рывком, словно приложив меня о кирпичную стену. Из всех сил я пыталась устоять на ногах. Если я действительно такая сильная, как твердят со всех сторон, то через пару секунд передо мной будут два готовых сотрудничать парня. Если же нет, то из меня

выбьют все кишки. Очень сомневаюсь, что настолько быстрые удары можно остановить на полпути.

Кирпичная стена начала рассыпаться. Между двумя состояниями времени на мгновение показалось, что мир разлетелся на миллионы осколков, и у каждого из них была своя сила притяжения, которая тянула меня в разные стороны, как будто намереваясь разобрать по частям. Собравшись с духом, я одним махом рухнула в настоящее, где между двумя мужчинами бушевала драка не на жизнь, а на смерть.

Закрыв глаза, я приготовилась к удару, который, без сомнения, положит конец моей жизни. Или как минимум испортит мне прическу. Судя по всему, у двух демонов было достаточно сил, чтобы не просто принимать такие удары, а еще и спокойненько продолжать драться. Но я была абсолютно уверена, что моя скромная задница рассыплется в пыль от первого же пинка.

Я ждала, стиснув зубы. Ничего не происходило. То есть происходило много чего, но меня так никто и не стукнул. В ушах, как боевой клич, взорвался крик Куки. Мужчина слева обмяк на полу, так и не завершив удар, а второй, чьим отцом был падший ангел, согнулся пополам, хватая ртом воздух.

Я дала ему еще чуть-чуть помучиться, пока его лицо не покраснелось то ли от недостатка кислорода, то ли от дикой ярости, и только потом сказала, снова позволив ему дышать:

— Anhela.

Рейес упал на колени, уперся в пол руками и шумно наполнил легкие воздухом, а я чуть не грохнулась рядом, когда в мыслях всплыла картинка из прошлого. Бросившись к нему, я обняла его за голову, заново переживая одно воспоминание за другим.

Впервые я увидела Рейеса ночью в переулке, когда ему удалось сбежать от Эрла Уокера. Рейес стоял на руках и коленях на замерзшей земле за мусорным контейнером и пытался отдышаться, насытить воздухом избитое тело.

Как я могла сделать с ним то же самое, что когда-то делал Уокер? Как могла причинить ему боль? Запретить дышать?

— Прости меня, — отчаянно зашептала я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. — Прости, я не хотела...

Рейес отстранился, чтобы взглянуть на меня, и вымученно улыбнулся:

— Молодец. — Внутри него росла гордость, и это поразило меня до глубины души. — С каждым днем ты становишься все сильнее и сильнее. Как я и говорил.

— Мне очень-очень жаль, Рейес. Я не хотела ничего такого...

— Прекрати, — сказал он, откашлявшись в сторону. — Именно этому ты и должна научиться, чтобы выжить. Ты поступила правильно.

Крик Куки потихоньку угасал и наконец совсем стих, закончившись еле слышным писком. Мы с Рейесом оглянулись на спящую красавицу, распластавшуюся на полу.

— Он не призывал Дюжину, Рейес, — сказала я.

— Датч, — начал он, но я подняла руку, не дав договорить.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Он единственный, кто мог это сделать. Но на земле могут быть и другие, о которых мы ничего не знаем. Даже твой отец может быть тут. Он вполне способен отпустить псов и пройти за ними через ворота.

Рейес застыл.

— Вообще-то, послать за нами Дюжину было бы как раз в его духе. Псы часто делали за

него грязную работу. Ради этого он их и создал. И чтобы поразвлечься.

— Вот видишь? Ош тут ни при чем. Я чувствую, что он хочет нам помочь. Уверена, ты тоже это чувствуешь. Он хочет, чтобы мы победили. И назвать его поклонником твоего отца язык не повернется. Почему ты вообще на него набросился?

Все еще без футболки, Рейес сел, прислонившись широкими плечами к Софи и положив руку на согнутое колено. Я подползла к Ошу, коснулась его щеки. Он был похож на ангела. На ребенка.

— Не знаю, — ответил Рейес. — Я начинаю отчаиваться. Если мы не выясним, кто их призвал и кто дергает за ниточки, мы можем не победить в этой борьбе.

— Мы должны победить, — весело сказала я. — Ради Пип, Рейес, мы должны победить.

— Знаю. — Он кивнул на Оша: — Почему ты так ему доверяешь?

— Понятия не имею. Просто чувствую, что он... важен для нас. Вот и все.

— Если бы ты видела его в аду...

— То же самое, Рейазиэль, можно сказать и о тебе.

— Намек понят. Кстати, — Рейес осмотрелся в хаосе, которым сам и натворил, — как, черт возьми, тебе удалось вывести из строя двух сильнейших демонов за всю историю существования адских огней?

Я пожала плечами:

— Это все латынь. Всегда срабатывает. А вместе с ней английский, арамейский и фарси. И, наверное, любой из тысяч языков, которые мы знаем. Понятия не имею, почему мне нравится латынь. Может, потому, что она кажется более подходящей. Кстати, ты же понимаешь, что, когда я его разбужу, он будет в бешенстве?

На красивых губах заиграла самая дьявольская улыбка из всех, что мне доводилось видеть.

— Я на это очень рассчитываю.

Куки опять пискнула. Что ж, тут я была с ней согласна на все сто.

***

Оказывается, когда просыпаются разозленные демоны, они сразу готовы крушить все, что под руку попадет. Я была уверена, что где-то о таком слышала. Может быть, в раннем детстве, когда ходила в церковь, или в школе, когда девочка по имени Рэйчел Данн устроила мистический сеанс, утверждая, что в семь лет заключила сделку с дьяволом и теперь они играют в одной лиге. Только потому, что она была совсем маленькой, мне всегда казалось, что речь идет о малой лиге, где все играют на маленьком детском поле. Хотя речь вполне могла идти о лиге юниоров. А может, Рэйчел и вовсе была в группе поддержки.

Ош Чертил-Чертеж был так зол, что пришлось его успокаивать. В процессе я выяснила, что это прозвище настроения ему не поднимает. В конце концов он выскочил из квартиры, все еще сгорая от гнева. Мало того, обвинения Рейеса его оскорбили. Хотя на само нападение он ни капельки не обиделся. Казалось, жестокость приводит Оша в восторг, но такую же реакцию я ощущала и от Рейеса. Ей-богу, прямо как мальчишки, которые толкаются на заднем дворе под названием «Квартира Чарли».

— Хороша забава, пока кому-то не выбьют глаз, — напомнила я обоим, когда они в прямом смысле слова стали друг на друга рычать. — Или яичко не оторвут, — добавила я и встала посередине, заметив, что вот-вот начнется второй раунд. — Не злите меня.

И Ош ушел. То ли не хотел опять бросать мне вызов, то ли из уважения.

— Кому оmlета? — нервно спросила Куки из кухни.

На звуки Третьей мировой, раздававшиеся из моей квартиры, прибежала Эмбер. В который раз я поразилась, что никто не натравил на нас фараонов. Блин, как же я люблю называть копов фараонами! Что тут скажешь? Бывают в жизни маленькие радости.

Слава богу, самую насыщенную и жестокую часть утра Эмбер пропустила, зато видела вылетающего в коридор Оша и решила взять на себя миссию весь завтрак обстреливать меня гневными взглядами. Меня! Любимую, хоть и единственную и не очень родную, тетю! Было бы преуменьшением сказать, что напряжение за столом можно резать ножом. Обычный нож с таким бы не справился. Мачете — может быть, но очень-очень острый. Вроде самурайского меча из «Убить Билла».

Весь испереживавшийся Гаррет тоже скоро ушел. У него на носу маячило свиданьице с беглецом, за которого обещали отвалить целых пять штук. Рейес ушел в гости к Джорджу, прелестному сексапильному душу, а я налила себе вторую чашку дьявольской крови и решила просмотреть список дел на сегодня. Судя по онлайн-расписанию, которым я никогда не пользовалась, важных дел у меня не было. Значит, при желании я могла бы хоть весь день проплевать в потолок. К сожалению, такой вариант сразу отпадал. Несмотря на жуткую головную боль, мне все-таки нужно было кое-что сделать и кое с кем повидаться. Я как раз собиралась нанести визит собственному душу (Роман, конечно, не такой красавчик, как Джордж, но пользы от него не меньше), однако ворвавшаяся в квартиру Куки испортила все планы.

— Включи Седьмой канал, — велела она, взяла пульт и включила телик на Седьмом канале.

Вопрос: зачем она вообще просила меня сделать это за нее?

Телевизор ожил, и мои уши закровоточили, пока Куки не убавила звук.

— Рейес Фэрроу отказался давать комментарии, — сказала в камеру репортерша, та самая, которая разговаривала с Рейесом в баре, — но заверил, что его адвокаты уже занимаются подготовкой необходимых документов. Слово тебе, Том.

— О чем она говорит? — спросила я у Куки.

— О Роберте. Она сказала, что Рейес и его адвокаты собираются подать иск не только на городские власти, но и на Роберта, поскольку именно он вел дело десять лет назад.

— Рейес собирается подать иск на дядю Боба? — ошалела я.

— Рейес ни на кого не собирается подавать иск.

Я обернулась к Рейесу, который появился в гостиной в одном полотенце.

— Но она не только об этом говорила, — сказала Куки, беспокойно глянув на моего жениха. Надо отдать ей должное — на полотенце она покосилась всего один раз. Ну, может, два. — Похоже, ей многое о тебе известно. Даже о том, каким ты был в тюрьме и как вел себя во время суда.

— Да неужели? — Я наградила Рейеса осуждающим взглядом. — Видимо, вчера ты много чего ей наговорил.

Он пожал плечами:

— Я говорил ей только «Без комментариев» и «Прекратите щипать меня за задницу».

Блин! Вот зачем он это сказал? Знает же, как я реагирую на женщин, которые щипают его за задницу. Как правило, это даже весело. У меня-то доступ к упомянутой заднице круглосуточный. Но Бетти Уайт явно не пришлась по вкусу мысль о том, что барышня из новостей трогала своими пальцами стальные ягодицы нашего жениха. Правый желудочек Бетти сжался от ядовитой ревности.

Ощувив ее реакцию, Рейес резко втянул сквозь зубы воздух. Я хорошо знала, как действует на него такая ревность. Словно тысячи микроскопических лезвий режут кожу. Больно, но в то же время соблазнительно. Добавим сюда полотенце, и я вполне могу вообще не выползать из дома.

— Она заходила сегодня утром. Хотела взять у тебя интервью.

Рейес нахмурился, и внутри него вспыхнул гнев. Теперь я точно знала, что он ее не приглашал.

— Что ты ей сказала?

— Дала от ворот поворот. — Перестав наконец пялиться на Рейеса, я повернулась к Куки. — Что конкретно она говорила по телику?

Куки выключила утренние новости и положила пульт обратно на журнальный столик.

— Что Рейес спас кому-то жизнь, когда его держали в строгой изоляции, и расправился с тремя наемниками, которых послали его убить в первый же день в общем крыле, или как там оно называется.

— Нил Госсет! — процедила я, пытаюсь отыскать сотовый. — А называется это колония общего режима.

— Заместитель начальника тюрьмы? — уточнил Рейес. — Он бы не стал молотить языком.

— Уж точно ему не стоило этого делать.

Найдя номер Нила, я нажала кнопку вызова. Слава богу, вызывать его надо было по телефону, а не из камеры. В камерах телефонов нет. Хотя вряд ли Нил хоть когда-нибудь сидел за решеткой.

— Неужели мне звонит сама Чарли Дэвидсон? — бодрым тоном сказал в трубку Госсет, явно пребывая в прекрасном расположении духа. Если он видел новости, то наверняка в курсе, почему я звоню.

— Привет, Нил, — так же бодро отозвалась я.

Куки подалась ко мне и прошептала:

— Я в офис. Заскочи перед тем, как нагородить кучу проблем.

Я ткнула себя пальцем в грудь, наградив подругу ошарашенным взглядом.

— Как поживаешь, красавица?

О да, Нил знал, почему я звоню. Иначе не стал бы так любезничать. Мы вместе учились в школе, и любезным со мной он был лишь однажды — когда хотел встречаться с Джеммой.

— Значит, так. Для начала, мы с Рейесом помолвлены. И у нас в духовке уже печется булочка. Ее зовут Пип.

— Не каждый день услышишь такое имя.

После школы мы с Нилом не виделись десять лет, и следующая наша встреча произошла только благодаря Рейесу. Нил работал заместителем начальника тюрьмы в Санта-Фе, где и сидел Рейес. Но сегодняшний день откроет новую эру нашей с Нилом типа-дружбы. Потому что я уж точно собираюсь надрать его кобелиный зад.

— Раз уж мы подняли эту тему, ты, случайно, не успел на днях вывалить все нутро перед

симпатичной лахудрой из новостей, которая таскалась по округе с расспросами об отце Пип?

— В твоих устах это звучит пошло.

— Нил, — совсем обалдела я, — разве это не противоречит правилам?

— Технически — да. Но она меня умаслила.

— То есть напоила до зеленых чертей, и ты выложил ей все свое распутное нутро?

— Вроде того.

— Какой же ты все-таки кобель!

— Согласен, еще какой. Но перед ней невозможно было устоять.

— О да, могу себе представить.

— Хотя ни к чему это не привело. Она флиртовала напропалую, сыпала и сыпала намеками, а потом заявила, что хранит себя для Супермена. Думаю, она совсем рехнулась. И это уже начинает доставать.

— Что именно? Что женщины мечтают о Супермене?

— Нет. Что мне попадаютсся сплошные психопатки.

— А я тебя предупреждала. Ты из тех мужиков, кому подавай леди на публике и шлюху в постели.

— Как и всем остальным мужикам на планете.

— Тоже верно. Прошу пардона. Ну что ж, смотри, не подцепи чего-нибудь в поисках счастья.

— Ты за этим позвонила? Устроить мне головомойку?

— Да, блин!

Я повесила трубку. По крайней мере теперь мы знали, как барышня из новостей получила информацию. Пользы от этих сведений, конечно, никакой, зато Бетти Уайт перестала страдать от жгучего любопытства.

— Вина, пожалуйста.

— Мэм, это «Макдональдс».

— Тогда, будьте добры, МакВина.

«МакДрайв», 02:00

Засунув раскалывающуюся голову под обжигающе горячую воду из душа, я попутно уворачивалась от резвящейся мертвой псины. Хотя, по-моему, она только наполовину ротвейлерша, а на вторую половину — водоплавающая птица. Я вовсе не считаю, что принимать душ в компании пятидесятикилограммовой собачки, пусть даже и нематериальной, — это верх чистоплотности. К тому же существует ряд опасностей. Всегда можно поскользнуться и сломать что-нибудь жизненно важное.

Увы, Артемиде было наплевать. С приподнятыми ушами она плюхнулась на дно ванны, подняв кучу брызг, и зарычала на струю. Естественно, остановить поток ей не удалось, потому что вода текла со всех сторон, требуя немедленного внимания. Струи, разумеется, проходили сквозь Артемиду, но она этого как будто и не замечала, а продолжала снова и снова нападать и рычать на воду. Блин, надо срочно установить новое правило: никаких плесканий!

Боль хоть и оставалась мучительной, но постепенно притуплялась, как вдруг в воздухе раздался дикий крик, полоснувший несчастную Барбару по всем нейронам:

— Кто-то украл мое тело!

Боже мой! Я зажмурилась и от боли стиснула зубы. Артемиде тоже перепугалась. Ну как щенок-переросток, ей-богу.

Сквозь душевую занавеску просунулась женская голова.

— Его нет! Вы должны его найти!!!

Я потерла лицо и выключила воду. Все ясно. День предстоял самый обыкновенный. Лихорадочный и с причудами.

— Ты помнишь, где видела его в последний раз? — спросила я, пытаюсь дотянуться до полотенца.

Молоденькая девушка, лет, может быть, шестнадцати, с выкрашенными в приглушенный черный цвет волосами до плеч, шагнула назад, давая мне возможность хотя бы обтереться. Но, как только я отодвинула занавеску, тут же зататорила:

— Вы должны его найти. Думаю, его спер мой бывший парень. У него были реальные заскоки.

На девушке была вполне себе современная одежда в темных тонах. Да и по речи можно было предположить, что умерла моя гостья совсем недавно.

— Ладно-ладно. Но ты все-таки скажи, где было твое тело, когда его украли.

Она недоуменно заморгала:

— В могиле на кладбище. Где же еще?

— А-а! Так мне не надо раскрывать твое нераскрытое убийство или еще что?

Опустив голову и ссутулившись, гостья протянула мне руки. На запястьях зияло несколько порезов. Некоторые из них были очень глубокие. На ладонях остались следы стекавшей крови.

— Если это хоть что-нибудь значит, то мне очень жаль. Я понятия не имела, как на это отреагируют мои родственники.

Я завернулась в полотенце.

— Теперь я попаду в ад?

— Нет, солнце. Если бы ты должна была попасть в ад, то уже была бы там. И, бога ради, давай не будем поднимать тему обреченности самоубийц на адскую сковородку. Потому что это бред. Лазейки есть везде. Так сказать, смягчающие обстоятельства.

— Может, вы и правы. Меня удочерили. О биологических родителях я ничего не знаю, но думаю, они тоже были сумасшедшими.

— Ты считаешь себя сумасшедшей?

— Ага. Но не из тех, что закатывают истерики по поводу и без. А в буквальном смысле. Вечно с головой было что-то не так, понимаете? Постоянно все забывалось. Когда я была маленькой, училась по специальной программе для детей с ограниченными способностями. Некоторые девочки называли меня тупой.

Как по мне, она до сих пор была маленькой, но вслух я решила об этом не упоминать.

— Даже мои лучшие подруги со временем стали надо мной смеяться.

О да, я знаю, каково оказаться на ее месте.

— Может быть, мама принимала наркотики, когда была мной беременна. В общем, потому я и наложила на себя руки. В голове была каша. А моя мама... — Спрятавшись за волосами, девочка вытерла глаза тыльной стороной ладони. — Моя приемная мама... Я и не догадывалась, как много для нее значу.

— Мне очень-очень жаль, солнышко.

— Если бы я только могла перед ней извиниться...

И тут я сдалась. Обняла девочку и пробормотала:

— Мы что-нибудь придумаем, договорились? Она обязательно узнает, как сильно ты ее любила. А пока давай разберемся с твоим телом. Куда, говоришь, оно делось?

— Оно исчезло! — опять завизжала гостя.

Раскаленный добела нож вонзился в хрупкий череп и перемешал уже взорвавшиеся мозги. Бедная Барбара! Интересно, сколько еще она может выдержать? Честно говоря, на нее и в лучшие дни не очень-то можно положиться.

— Да-да, — сказала я и схватилась за голову, боясь, что она отвалится. — Это я и с первого раза поняла.

***

Одевалась я впопыхах, чтобы успеть заскочить с Рейесом в бар перед тем, как отправиться к родственникам жертв с предсмертными записками. Плюс надо было смотаться узнать, что стряслось с телом Лэйси Бэнкс. Однако выйти на улицу из освященного дома, где была хоть какая-то защита от адских псов, оказалось не так-то просто.

— Можем вернуться, — соблазнительно улыбнулся Рейес, остановившись у меня за спиной.

— И чем будем заниматься?

Я начинала всерьез расстраиваться. Меня ждала работа. Не могу же я, в самом деле, съезжиться у каждого угла от страха, что сейчас выскочит адский зверь и начнет отделять мою плоть от костей.

— Ты еще спрашиваешь? — поддразнил Рейес.

— Я тебя умоляю! Я точно знаю, чем займешься ты.

— И чем же?

Перед тем как ответить, я изобразила на лице полнейшую невозмутимость:

— Вызовешь Оша стоять на страже, а сам двинешь на поиски Дюжины. И даже не отнекивайся.

Рейес спокойно осмотрелся по сторонам, но я-то знала, что он поражен до глубины души.

— Ты права, я пошел бы искать псов. Но я не верю ни тебе, ни ему.

— Тогда принимаемся за работу.

Усилиями воли я заставила себя сдвинуть ногу за порог и стала ждать, когда ее оторвут. Ничего не произошло, и я осторожно вышла на улицу, всеми фибрами души надеясь, что мы были правы по поводу солнечного света. Через несколько шагов я почувствовала уверенность. Пока Рейес разбирался с делами внизу, я поднялась в офис повидаться с Куки. Сегодня утром она стала свидетельницей настоящей жестокости, а не каждому дано справиться с таким зрелищем без побочных эффектов. Я бы не удивилась, если бы ей стали сниться жуткие кошмары по ночам или вдруг задергалось веко. Редкостное гадство.

Однако на вид с Куки все было в порядке. Разве что она слегка была ошарашена демонским обменом любезностями и репортершей, утверждавшей, будто Рейес предъявит иск сладкому медвежонку, в котором Кук души не чаяла.

Пробежавшись по списку дел на сегодня, я дала подруге задание поискать связь между жертвами с записками.

— А еще хочу знать как можно больше о барышне из новостей. Накопай на нее чего-нибудь погрознее.

— Намечается шантаж? — спросила Куки в тот самый момент, когда в офис вошел Рейес.

Я улыбнулась, рассмеялась и махнула рукой, а потом объяснила жениху:

— Я никогда в жизни никого не шантажировала.

— А как насчет того раза, когда...

— Это был не шантаж, Кук, — перебила я, — а взаимовыгодная договоренность. И еще. Продолжай, пожалуйста, дозваниваться папе. Он все трубку не берет.

— Может быть, твоя мачеха свихнулась, и он на самом деле вышел под парусом в открытое море.

— Никаких «может быть». Моя мачеха чокнутая, и это факт. Но дело не в этом. Папа всегда оставался на связи. А сейчас... в общем, это совсем не в его духе.

Из моего кабинета раздался женский голос:

— Мне сказали, что вы здесь.

Мы втроем обернулись. Женщина прошла через мою дверь. То есть через ту самую, которая вела к лестнице, которая вела в бар, которым управлял Рейес. Посетительница была на десятисантиметровых шпильках и плыла к нам с таким видом, словно все здание принадлежит ей и только ей.

— А вас трудно застать, — пропела она, кивком указав на Рейеса. Он не ответил, и она

повернулась ко мне. А потом женщина, чью спину наглаживал мой жених, протянула мне руку. — Рада снова вас видеть.

— На этот раз хоть в нормальной одежде, — отозвалась я, все еще мысленно вздрагивая от того, что в нашу первую встречу я была в ночном наряде, да еще и украшенная колтунами на голове.

Барышня обвила пальцами мою ладонь, словно ждала, что я поцелую ей руку:

— Ну разве вы не прелесть?

Нет-нет, надменностью тут и не пахнет.

— Спасибо. Кажется, мой жених того же мнения.

Я влипла в плечо Рейеса, и он тут же чмокнул меня в макушку. Прямо в темечко. Больновато получилось, потому что Барбара уже превратилась в желе от недостатка кофеина, но я мужественно стерпела.

Куки тоскливо вздохнула, а вот эмоции Сильвии Старр сильно напоминали эмоции социопата. Они буквально бурлили, а мгновение спустя на меня кипятком пролилась горячая ненависть. Зато внешне Сильвия оставалась абсолютно спокойной. Улыбка суперзвезды не дрогнула ни на миллиметр. Жутковато.

Ощувив то же самое, Рейес обнял меня за талию одной рукой и еще крепче прижал к себе. Как ей вообще удалось пробраться внутрь? На часах восемь утра. Бар еще даже не открылся. Однако Нил был прав. Стелила она мягко. Видимо, она из тех, кто может умаслить кого угодно и попасть куда угодно. Ну или выйти откуда угодно.

— Я Куки, — представилась моя верная помощница и встала из-за стола, протягивая руку. — Постоянно смотрю вас по телевизору.

— Спасибо.

Уж не знаю, где Сильвия увидела тут комплимент, ну да ладно. От ее медового голоса болели зубы, но она повернулась к Рейесу и заговорила снова:

— Может быть, сейчас подходящее время для интервью?

Внутри него вспыхнул гнев, и мне пришлось вмешаться:

— Видите ли, нам и самим нужно опросить нескольких людей. Прямо сейчас мы работаем над одним делом, но спасибо за предложение.

— Над делом? — переспросила репортерша.

Причем не у меня. До сих пор напрямую со мной она ни разу не заговорила. Поразительно, но все ее слова, к кому бы они ни относились, адресовались Рейесу. Как будто он должен был отвечать за нас, несмышленных девчат.

— Над делом, — повторила я, указывая на входную дверь, которой пренебрегла Сильвия, и на которой висела табличка с моим именем.

— Ах да! Вы, должно быть, и есть та самая Дэвидсон из «Детективного агентства Дэвидсон».

Боже правый! Говоря все это, она вообще ни разу на меня не взглянула. Честно говоря, ее взгляд как будто собирался остановиться на мне, но никак не мог оторваться от Рейеса.

— Так что, если вы не против... — Я указала на дверь. На ту, что с табличкой.

— Значит, в другой раз, — проговорила Сильвия и вышла тем же путем, каким пришла.

Я ошеломленно застыла. Ненадолго, но все-таки.

— По-моему, она совсем спятила. Дальше просто некуда.

Рейес молчал, но в его глазах горела ярость.

— Ну что ж, — сказала я Куки, — это было весело.

— А мне она понравилась. Если, конечно, не считать того, как убийственно она липла к твоему суженому.

— Так ты все-таки заметила? А я думала, не заметишь, учитывая, как сильно ты занята.

— Угу, — прогудела Кук и уставилась в монитор, с головой погрузившись в пасьянс «Паук».

Я потрепала ее по щеке:

— Ну ладненько. Пойду необратимо разрушать жизни.

— Удачи, — отозвалась Куки, не поднимая головы.

Наверное, рассеянной она стала из-за нехватки кофеина.

— Ты хоть чуть-чуть поработай. Я не собираюсь выплачивать тебе прожиточный минимум за пасьянс.

— Так точно, босс.

Господи, какая же она у меня умница!

***

— Я надеялся, мы до такого не докатимся, — заметил Рейес, когда мы подходили к Развалюхе.

Вчера вечером дядя Боб попросил Нони заглянуть в ее внутренности и убрать кровь, которую я размазала по сиденьям и коврикам. Наверное, выбегая из дурдома в первый раз, я сильно смахивала на Кэрри^[19]. Да и во второй тоже. А красный, между прочим, мне не идет. Слава всем богам, Диби взвалил заботы о Развалюхе на себя. Кипящая под солнцем Нью-Мексико кровь не самый лучший выбор аромата для салона автомобиля. Я предпочитаю сосну. Ну или тропические растения. Но больше всего люблю тот аромат, который витал в Развалюхе прямо сейчас. Моккачино. Странно, конечно, что запах кофе вдруг стал освежителем воздуха. Благодаря ему моя машинка словно превратилась в маленькую кофейню на колесах. К сожалению, кофе в этой кофейне подавали без кофеина.

Первым делом мы решили заехать к вдове вчерашней жертвы. Правда, женщина еще не знала, что стала вдовой. Придется потщательнее выбирать слова.

— Раз уж ты собираешься таскаться за мной целый день, я решила притвориться, будто ты мой телохранитель, — сказала я Рейесу, который шел за мной по дорожке к дому вдовы. — А я — очень-очень состоятельная женщина. Настолько, что без телохранителя не обойтись.

— Я и есть твой телохранитель, — отозвался мой жених, сканируя окрестности на предмет следов Дюжины. — А ты действительно очень-очень состоятельная женщина.

— Ничего подобного. Если кто и состоятельный, то это ты. И тебе нельзя быть моим телохранителем. Потому что мы помолвлены. — Я нажала кнопку дверного звонка. Чендлеры жили на северо-востоке Хайтс в скромном домике с аккуратно постриженным газоном и кучей неведомых мне цветов. — Женихи не могут быть телохранителями своих лучших половинок, — объясняла я, пока мы ждали, когда нам откроют. — Телохранители должны сохранять дистанцию. Им нельзя сближаться со своими объектами.

— С объектами?

— С телами, которые они охраняют. У них должна быть ясная голова, чтобы эмоции не

затмевали объективность суждений. Поэтому я всего лишь при-тво-ря-юсь, что ты мой телохранитель. Блин, мне срочно нужна чихуахуа с бриллиантовым ошейником.

Я посмотрела на свою блузку на пуговицах, на мягкий кожаный жилет, свисавший аж до колен, и на ботинки. Надо было обуть высокие сапоги, чтобы спрятать Зевса. Когда я ношу его в открытую, люди бросаются прочь и набивают себе нешуточные шишки.

— Я ни капельки не похожа на женщину, которой нужен телохранитель. Скорее на представительницу богемы.

— А мне богема нравится.

Я взглянула на Рейеса:

— С тобой точно все путем? Вчера тебя чуть на куски не разорвали, а сегодня... ты как будто вообще об этом забыл.

Он осмотрелся по сторонам.

— Просто я считаю, что мы должны видеть общую картину.

— А именно? — уточнила я, когда дверь начала открываться.

— Мы имеем дело с Дюжиной адских псов, которые больше всего на свете хотят перегрызть тебе глотку и напиться твоей же крови.

Слава богу, между нами и миссис Чендлер была еще и стеклянная дверь, а Рейес все это сказал еле-еле слышно.

Когда открылась стеклянная дверь, я изобразила сочувствующую улыбку. Женщина оказалась симпатичной. Пятьдесят с небольшим, короткие каштановые волосы. Не удивлюсь, если каждую неделю она бывает в кабинете косметолога. Достав удостоверение частного детектива, я объяснила, кто мы такие, представив Рейес своим напарником мистером Фэрроу, и рассказала, зачем мы приехали. Хотя сомневаюсь, что миссис Чендлер услышала хоть слово.

Она впустила нас в дом. Ей так хотелось найти мужа, что в душе поселилось отчаяние. Не заметив никого из органов, я поразилась. Почему-то казалось, что мы наверняка увидим здесь хоть одного копа или агента ФБР. Сморгнувшись в салфетку, хозяйка дома проводила нас в опрятную гостиную.

— Мне очень жаль, миссис Чендлер, — начала я, когда мы расселись и женщина еще раз шмыгнула носом. — Вы узнали в записке почерк мужа?

— Нет, — гордо подняв голову, ответила она. — Я уже говорила полиции, что таким почерком он писал только пьяным.

— Ваш муж выпивал?

Миссис Чендлер встала, покопалась в ящике, а потом вернулась и показала нам какую-то монету. Нет. Значок. За трезвость из Клуба анонимных алкоголиков.

— Это значок за девять лет. Тот, что ему дали за десять, он повсюду носил с собой. И он ни глотка не сделал, с тех пор как... — Она отвернулась, чтобы взять себя в руки. А когда снова повернулась к нам, на ее лице была написана страстная решительность. — За все это время он ни капли не попробовал. А потом вдруг снова запил и решил наложить на себя руки? Ни с того ни с сего?

— Миссис Чендлер, вам знаком кто-нибудь из этих людей?

Я показала ей три фотографии из папки, которую принесла с собой. Это были три другие жертвы с предсмертными записками. Если нам удастся найти между ними связь, то мы поймем, кто это делает и почему.

Но была у меня и другая, более важная цель для приезда сюда. Если хоть чуточку

повезет, то призрак покойной жертвы задержится в любимом месте. Я осмотрелась, но никого не увидела. Хотя краем глаза заметила чучело ши-тцу на книжной полке. А чучела животных пугают меня до чертиков.

— Никого не узнаю, хотя вот это фото кажется знакомым, — сказала миссис Чендлер, отдавая мне снимки и указывая на Анну Гальегос. — Они как-то связаны с исчезновением моего мужа?

— Нет. Не совсем. Кто-то из полиции говорил вам, что предсмертная записка вашего мужа не первая из найденных?

— Да, об этом упоминали. Мне сказали, что пропали еще двое, мужчина и женщина. Почему никто ничего не делает? — Миссис Чендлер начинала паниковать. — Почему их не ищут?

— Их ищут, миссис Чендлер. Поэтому мы и приехали. Мы тоже работаем над этим делом.

— Причем тут частный детектив? — удивилась она.

— Я работаю по совместительству консультантом полиции. В последнее время у вашего мужа были с кем-нибудь конфликты? Ссоры с коллегами или...

— Он бухгалтер в юридической фирме. И ему постоянно приходится ругаться с адвокатами и следователями, которые считают, что должны получить больше, чем отработали на самом деле. Но ничего такого, что могло бы объяснить происходящее.

Я кивнула и задала еще несколько вопросов в том же духе, однако начинала ощущать, что миссис Чендлер нервничает из-за Рейеса. Он ходил по дому, осматривал коридоры, заглянул в кухню, отодвинул занавеску и посмотрел в окно.

— Если что-нибудь вспомните, — сказала я по пути к выходу и вручила хозяйке визитку, — позвоните, пожалуйста.

— Позвоню. Только прошу вас, найдите его! — Ее голос надломился, и из глаз опять брызнули слезы.

К дому подъехал «бьюик» с орегонскими номерами. Миссис Чендлер бросилась вперед и обняла женщину, вышедшую из машины. Они выглядели, как сестры, но я решила больше не вмешиваться и пошла вместе с Рейесом к Развалюхе.

— Все прошло бы намного лучше, если бы ты не был так напряжен.

— Все прошло бы намного лучше, если бы стая адских псов не гонялась за моей невестой.

Что ж, тут он прав.

***

Дальше мы поехали в начальную школу, где работала учительницей в третьем классе сестра одной из жертв. Ужасно не хотелось прерывать занятия, но я должна была с ней поговорить. Рейеса кое-как удалось уболтать подождать на улице. Ничего ведь стремного нет в том, что у школы ошивается взрослый мужчина. Но я боялась рисковать. Вдруг, если приведу его с собой, учительница тоже начнет нервничать?

После проверки всех воздухопроводящих отверстий, сканирования сетчатки глаза и взятия образцовой ДНК, мне позволили пройти мимо целых двух дверей по коридору до

класса Мари Гальегос.

Мисс Гальегос оказалась крошечной латиноамериканкой с коротким каре и симпатичным личиком. И она была в таком же раздразе, как и миссис Чендлер. Стоя в классе у ее стола, я задала ей те же вопросы и показала те же фотографии, но все без толку. Дети тихонько выполняли задания. Те, что посмелее, искоса поглядывали на нас из любопытства узнать, о чем мы разговариваем. А самые смелые смотрели в открытую. Но, чем дольше мы разговаривали, тем беспокойнее становились ученики. Я всерьез опасалась, что, если останусь подольше, мы будем иметь дело с натуральным мятежом. Ну или Рейеса арестуют за то, что он шляется по школьному двору.

Я решила не доводить третьеклассников до кровопролития и напоследок сказала их учительнице:

— Если вдруг что-то вспомните, позвоните, пожалуйста.

— Спасибо. Позвоню.

Убрав фотографии, я пошла обратно в комнату пыток. Оставалось только надеяться, что не придется повторно проходить проверку. Моя задница больше не выдержит. Да и Рейес заревнует.

— Мисс Дэвидсон! — прошептала выглянувшая в коридор Мари, когда я уже дошла до нужной двери.

Я поплелась обратно к ней, скрестив пальцы.

— За день до исчезновения Анна кое о чем упоминала. Я вспомнила буквально только что.

— Помочь может любая деталь, — подбодрила я, стараясь не очень высоко взлетать на крыльях надежды, чтобы потом не пришлось больно падать.

— Она говорила, что с ней связалась какая-то женщина, якобы старая подруга, и приглашала выпить по чашечке кофе. Но потом Анна сказала нечто очень странное.

— И что именно?

— Что она знала эту женщину, но они никогда не были подругами. Более того, Анне когда-то казалось, что женщина ей угрожает. Похоже, сестру не на шутку взволновал тот звонок, но она говорила об этом, как о забавном случае.

И могла дорого заплатить за эту ошибку.

— Анна ходила на встречу?

— Не знаю. Знаю только, что не хотела, но моя сестра из тех, кто любит угождать людям.

Ага, знавала я таких. Сама раз или два была в этом замечена. Достав блокнот, я сделала себе пометку просмотреть телефонные записи Анны.

— Имя она не называла?

— Называла, но я забыла. Извините. — Мари с головой захлестнуло чувство вины.

— Пожалуйста, не стоит извиняться. Ваша сестра, случайно, не упоминала о Фиби Дюрант?

— Не помню. — Мари уставилась себе под ноги, и я ощутила ее боль так, словно меня приложило стеной из сплошного горя.

Я чуть не сложилась пополам под грузом разбивающего сердце отчаяния. И, как назло, ничем не могла помочь.

— Она не вернется, да?

Я тоже опустила голову и ответила как можно туманнее:

— Мне бы очень хотелось сказать, что вернется.
Мари кивнула и закрыла между нами дверь.

***

В общем, утро закончилось полным фиаско, а головная боль уже начинала капитально доставать. Никто из родственников жертв ничего не помнил ни о каком звонке от старого друга или подруги. Они не узнавали ни других жертв, ни их имен. И не могли сказать наверняка, были ли у их пропавших без вести родных какие-нибудь проблемы на работе или в личной жизни.

Дядя Боб поднял телефонные записи Анны Гальегос, но там не оказалось ничего необычного. Звонили ей только родственники и близкие друзья.

— Может быть, та женщина звонила ей на работу, — сказала я в телефон, одновременно заказав в местной кофейне любимый мокко латте, но без кофеина. Женщина за барной стойкой смотрела на меня так, словно я свела глаза к носу и показала ей язык. Не обращая на нее внимания, я спросила у Диби: — Достать эти записи сможешь?

— Само собой. И кстати, она работала в «Мире растений». Это питомник на улице Канделарии.

— Спасибо. Звони, если что-то еще накопаешь.

— Чуть не забыл! — добавил Диби. — Зик Шнайдер, мужик, который на тебя напал, действительно сидел, но в Крусесе. Его выпустили пару месяцев назад. А тот, который умер в Санта-Фе, был его отцом. Зик Шнайдер-старший.

— Чую, та еще семейка.

— Вот именно. Видимо, когда в документы вносили данные о смерти старшего, была допущена ошибка, и записали не того Шнайдера. И угадай, на кого работал младший Шнайдер, когда вышел на волю.

— На бога? — Он же сказал угадать.

— На Бруно Наварру.

— Это который криминальный авторитет?

— Криминальный авторитет, который сидел в тюрьме с Рейесом.

Я оглянулась и посмотрела сквозь зеркальное стекло на своего суженого. Он стоял на улице, прислонившись к столбу, и не спускал глаз с горизонта. Да уж. К обязанностям телохранителя Рейес относился очень серьезно. Не хватало только темного костюмчика и «авиаторов». Потому что без них он выглядел, как парень с подиума, решивший погреться на солнышке. Бедняга.

— Спасибо, Диби. Буду на связи.

— Ужин в силе? — поинтересовался дядя Боб.

— А еда подразумевается?

— Чертовски надеюсь, что да.

— Тогда я за. — Понятия не имела, что в ближайшем будущем мне предстоит ужин. И уж тем более не знала, по какому поводу. Но кто откажется от халявной еды? — Свидимся, братан.

Повесив трубку, я развернулась и осмотрела посетителей. Все вроде как были

нормальными. В смысле живыми. Но я четко знала, что где-то поблизости призрак. Чувствовала прохладу и мягкую вибрацию, которая тихонько гудела прямо внутри меня, как это всегда бывало, когда рядом оказывался кто-то из покойников. Плюс я уловила едва заметный намек на запах, который не ощущала уже давным-давно. «Уайт Шоулдерс»^[20]. Аромат, который в детстве был одним из моих любимых.

Так и не заметив ничего необычного, я во второй раз за день набрала номер Нила Госсета.

— Если опять собираешься обзывать меня кобелем, побереги силы. Я давно в курсе.

— Погоди-ка! Она тебе перезванивала? — опешила я. — Ты же не собираешься с ней на свидание?

— Нет и еще раз нет, — разочарованно ответил Нил.

— Ну, тогда ладно. Я звоню по другому поводу. — Я почти шептала в трубку, хотя Рейес был на улице. Но на всякий случай... — Не было ли каких-нибудь стычек между Рейесом и криминальным авторитетом по имени...

— Бруно Наварра. Он же Бугор.

— М-мм, да. «Пятерка» за догадку.

— Помнишь, я рассказывал о трех бугаях, которых натравили на Фэрроу в его первый день на общем режиме, и с которыми он расправился меньше, чем за полминуты?

Еще бы я не помнила! Нил тогда только начал работать охранником, и то, что сделал Рейес, оставило глубокий след в его душе.

— Помню, конечно.

— Так вот, то были люди Бугра.

— Не может быть!

— Серьезно. Ты уж прости, что приходится это говорить, но Бугор не самый приятный парень на земле.

— А с ним был знаком человек по имени Зик Шнайдер-старший?

— Был, а что?

К сожалению, рассказать Нилу больше я не могла. И так уже пошла на риск. Если кто-нибудь узнает, что я видела Зика Шнайдера-младшего, меня легко могут обвинить в его убийстве.

— Скажем так, мужик производит впечатление.

— Значит, ты больше на меня не злишься?

— Нет, Госсет, я на тебя не злюсь. Буквально сегодня виделась с этой дамочкой. Красноречия ей не занимать, так что я тебя понимаю.

— Говорил же! А она обо мне упоминала? — с надеждой спросил Нил.

— Все-таки ты конченный кобель!

Хочу, чтобы вы запомнили этот момент навсегда.

Так что где-то через недельку обязательно придумаю ответную шуточку поскабрзнее.

Надпись на футболке

По пути в питомник, где работала Анна Гальегос, я позвонила папе и оставила очередное сообщение. Однако в «Мире растений» нас ждали все те же ответы. Никто ничего не знал. Даже ближайший коллега Анны, которого все называли Галлахером^[21] из-за сходства с известным комиком, о телефонном звонке слышал впервые. Судя по всему, этим Анна с ним не поделилась.

Иными словами, мы опять оказались в тупике.

— Чувствую себя салатом, — пожаловалась я, забираясь в Развалюху.

— А по виду и не скажешь, — возразил Рейес.

— Может быть, все дело в том, что мы в питомнике и повсюду куча растений и прочего гадства. Наверное, тебе стоит добавить меня в свой знаменитый салат-так^[22] с тушеным в зеленом чили цыпленком, который поливается сверху гуакамоле и сметаной.

На щеке появилась притягательная ямочка.

— У меня есть знаменитый салат?

— Теперь есть. Назови его «Чарли Дэвидсон».

Тихо рассмеявшись, Рейес пристегнул ремень безопасности.

— На прошлой неделе ты просила назвать в твою честь буррито.

— И что с того?

— А на позапрошлой неделе это был бургер с красным и зеленым чили.

— Ага, точно. Который в рождественском стиле, прямо как я. Я ведь разноцветная и блестящая, как Рождество. Кстати, не пойму, к чему ты клонишь.

Я вела Развалюху на юг по проспекту Вайоминг, направляясь обратно в бар. Рейес сидел на пассажирском сиденье, чуть раздвинув колени и рассеянно поглаживая длинными пальцами рычаг переключения передач. Перед тем как рассказать жениху, что напавший на меня мужик работал на Бугра, я решила побольше разузнать об упомянутом криминальном авторитете. Большинство людей не станут никого убивать, если их разозлить. Вот только криминальные шишки к большинству не относятся.

Глядя в окно, Рейес как будто находился мыслями далеко-далеко, но вдруг заявил:

— Будешь и дальше так на меня смотреть — до бара не доедем.

— Просто поражаюсь, как быстро на тебе все заживает.

Он повернулся ко мне:

— На тебе тоже, только ты должна понять, как это делается.

— Надеюсь, не придется.

— Я тоже на это надеюсь. Твой дядя еще что-нибудь говорил?

— О чем? — насторожилась я. — Ничего он не говорил.

Несколько долгих секунд Рейес молчал, а потом уточнил:

— О жертвах с записками.

Я облегченно выдохнула:

— А-а! Ну, не так уж много. Все еще не выяснили, какая между ними связь. Зацепок практически нет. А записки отошлют в лабораторию. Вдруг остались какие-то улики.

Рейес молча кивнул.

И вообще целый день был какой-то неразговорчивый, так что я не выдержала и поинтересовалась:

— Как ты себя чувствуешь?

— А что? Выгляжу как-то не так?

— Не знаю. — Остановившись на светофоре, я смерила Рейеса подозрительным взглядом. — Ты сегодня как будто где-то не здесь.

Он снова отвернулся к окну.

— Я бы чувствовал себя гораздо лучше, если бы ты мне не лгала.

Черт. Так и знала, что он все поймет.

— Ничего серьезного я не скрываю.

— Тогда зачем врать?

— Затем, — тут же отозвалась я, так и не придумав вменяемого оправдания. Хотя, вообще-то, я спец по выдумыванию оправданий с лету. На языке крутилось что-то вроде «Затем, что ты капризная девчонка, а я нет», но даже на мой взгляд это звучало бы по-идиотски. — Перед тем как все объяснить, я хочу кое-что выяснить.

В баре плюнуть было негде. Рейес сразу двинул в кухню, а я поскакала в дамскую комнату, чтобы облегчиться в десятитысячный раз за утро. То ли кофе без кофеина куда более мочегонный напиток, чем обычный кофе, то ли Пип уже давит на мочевой пузырь.

— Это все гормоны, — заявила Куки, которая вышла из угловой кабинки.

— Ого! Не ожидала встретить тебя здесь.

— Спустилась пообедать, а свободных столиков нет.

— Я заметила. Погоди-ка! Так это из-за гормонов я писаю каждые пять минут?

— Ага. Поначалу из-за них. В третьем триместре уже совсем другая история. Сама все поймешь, когда ребенок начнет играть в футбол твоим мочевым забавы ради.

— Звучит весело.

— Выяснила что-нибудь? — спросила Кук.

Пока мы мыли руки, я рассказала ей о том, чего мы не узнали, и поделилась мизером, который нам все-таки удалось узнать.

— Дядя Боб достанет записи звонков на рабочий телефон Анны. Будем надеяться, что узнаем, кто ей звонил. Может быть, тогда все и прояснится.

— Супер. Я перепроверю все имена и узнаю у сестры Анны, упоминала ли сама Анна какие-нибудь из них.

— Замечательная идея.

В зале нас встретил приглушенный гул толпы.

— Я возьму обед в офис. Если хочешь, присоединяйся, — предложила Куки и вдруг резко остановилась.

За баром с меню в руках сидел дядя Боб.

— Может, и присоединюсь, — ответила я, пока подруга пожирала взглядом моего сурового дядюшку. — Я солгала Рейесу, и он меня отчитал. Так что, наверное, лучше сейчас на глаза ему не попадаться.

— И о чем ты солгала на этот раз? — поинтересовалась Кук, продолжая пялиться на

Диби.

Я нахмурилась:

— Ты так говоришь, будто я каждый день вру.

— А ты каждый день и врешь. Я точно знаю, потому что врать ты вообще не умеешь.

— Почему мне постоянно об этом говорят? Да я спец по вранью! Легко могла бы стать адвокатом по уголовным делам.

Куки погладила меня по голове. Было больно.

— О чем ты солгала?

Мы стояли у стойки для еды на вынос. Ждали, когда принесут заказ Куки. Я осмотрелась, не маячит ли где-нибудь поблизости Рейес.

— Я думаю, что чувака, который на меня напал, послал Бруно Наварра.

Подруга тут же повернулась ко мне:

— Криминальный авторитет?

— Единственный и неповторимый. Помнишь, как к Рейесу в казенном доме подослали трех наемников?

— Помню.

— Их послал Бугор.

— Не может быть! — ахнула Куки.

— Может.

— Серьезно?

— Серьезнее некуда. Зик Шнайдер-старший работал на Бугра, а Шнайдер-младший стал работать на него, как только откинулся.

— А Бугор все еще сидит?

— Понятия не имею. Даже не подумала узнать. Поэтому и хочу сначала покопаться, а потом уже все расскажу Рейесу.

— Ладненько, я все выясню и дам тебе знать.

— Спасибо, Кук! Господи, обожаю всякие копания! Особенно когда этим занимаешься ты.

Но подруга уже опять повернулась к Диби.

Я тихонько хихикнула:

— Беги. Я дождусь твоего заказа. Вы ж не виделись уже, — я глянула на невидимые наручные часы, — несколько часов.

Куки провела руками по волосам (не знаю зачем, потому что они постоянно торчат во все стороны), разгладила одежду и поплыла к объекту своего обожания. Надо было видеть выражение лица Диби, когда он наконец заметил Кук! На такую взаимную любовь было больно смотреть. И я не шучу. Голова раскалывалась. А от вида влюбленной парочки боль становилась почему-то сильнее. Еще и подташнивало.

— Чем могу помочь? — спросил Рейес, внезапно появившись у стойки.

— Я бы хотела знаменитый салат-такو Рейеса Фэрроу.

— Не припоминаю, чтобы у Рейеса Фэрроу был какой-нибудь знаменитый салат.

Как всегда, когда он выходил в зал, шум вокруг стих.

— Держу пари, он сумеет что-нибудь сообразить на скорую руку.

— Салат-такو в меню есть, но не уверен, что его можно назвать знаменитым.

— Беру.

Рейес притворился, будто достал блокнот левой рукой, а правой выудил из-за уха

невидимую ручку, чтобы записать мой заказ. Я улыбнулась, поставила локти на стойку и уперлась подбородком в сложенные ладони, не сводя глаз с жениха. По мне волнами неслись похотливые взгляды в сторону Рейеса. Оставалось только надеяться, что он сможет их игнорировать. Сегодня он был сам не свой, и меньше всего на свете мне хотелось, чтобы что-то его донимало. Видимо, у исцеления длиной в одну ночь имеются последствия. Наверняка Рейес все еще выздоравливал.

Отложив невидимую ручку, он вырвал невидимую страницу и передал Сэмми, который сегодня был за шефа. Сэмми нахмурился, но подыграл:

— Ты неправильно написал «анчоусы».

— Нет, — вмешалась я, — там должно быть написано «салат-тако».

— Тогда с орфографией у него совсем туго, — подмигнул мне Сэмми.

Рейес скопировал мою позу. Поставил локти на стойку, уперся подбородком в ладони, наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— Что ты от меня скрываешь?

Щеку обдало теплым дыханием, и я повернулась к нему, чтобы всей грудью вдохнуть земной аромат. Рейес всегда пах грозой на закате, а в последнее время еще и сандалом, потому что так пахло его любимое мыло.

— Сначала покажи свое, а потом я покажу свое.

— Что бы ты ни думала, у меня от тебя секретов нет. Хотя бы потому, что мне больше нечего скрывать.

— Позволю себе не согласиться. Как меня зовут?

Рейес отстранился и смерил меня внимательным взглядом.

— Если скажу, то сразу тебя потеряю.

Я положила ладони ему на щеки:

— Это невозможно.

— Потеряю, причем навсегда, — печально улыбнулся он, а потом развернулся и ушел в кухню готовить нам обед.

Вспомнить не могу, когда видела его таким грустным. Что же такое он знает, и какие, по его мнению, секреты я таю?

***

Поскольку свободных столиков не было, мы с Рейесом ели в кухне, не проронив ни слова. Он знал, что я солгала, но упомянул еще и о каком-то секрете, который я якобы храню со вчерашнего дня. Что вчера было такого, из-за чего он решил, будто я скрываю нечто очень важное?

Я изумленно покачала раскалывающейся головой.

— Куда дальше? — спросил Рейес, забирая миску из-под моего салата.

— Надо заскочить на кладбище «Сансет» и взглянуть на одну могилу.

— Буду готов через пять минут.

Я побежала в офис умыться после обеда и узнать, как дела у Куки. Она уже успела найти инфу на Бугра Наварру. К нашему удивлению, все адреса находились в самом сердце Альбукерке. Ему принадлежала сеть небольших торговых центров, а главный офис

располагался в здании на проспекте Менделеева, хотя я очень сомневалась, что Бруно проводил там много времени. Еще Куки откопала домашний адрес и адрес, на который отправлялась львиная доля почты. Последний был как-то связан с бизнесом, но ни к какому названию из рабочих не относился. Любопытно.

— Молодчина! — похвалила я Кук. — Осталось только придумать, как избавиться от жениха, чтобы по душам потолковать с Бугром.

Куки так резко развернулась на своем кресле, что за драматичность заслужила как минимум «Оскар».

— Ты же шутишь, да? Забыла, что случилось в последний раз?

— Да помню я, помню. Гадкие адские псы. Если и дальше так пойдет, то они мне перегадят все планы на долгую и счастливую жизнь.

— «Гадкие»? «Перегадят»? С чего вдруг ты отказываешься от словечек покрепче?

— С того, что не хочу ругаться на глазах у Пип. — Я решила посоревноваться с подружкой в драматичности и резко развернулась на пятках, чтобы уйти. Но дверь была приоткрыта. Само собой, я вписалась в нее лбом и, схватившись за Барбару, переживающую сильнейший удар, рявкнула: — Твою мать! Ну вот, все-таки выругалась. Черт бы меня побрал! Я стану худшей на свете матерью.

Все еще держась за голову, я встретила с Рейесом у Развалюхи. Он приподнял брови, но я так злобно зыркнула в ответ, что не стал ни о чем спрашивать. Вот и молодец.

По пути на кладбище «Сансет» я достала сотовый и набрала Диби. Его куда-то вызвали, и поговорить в баре нам не удалось.

— Привет, милая. Что стряслось? — спросил он в трубку. Голос прозвучал как-то рассеянно. А может, даже чуть-чуть расстроено.

— Дядя Боб, я никак не могу понять. Зачем забирать тела? Если кто-то убивает людей, то почему бы не обставить все, как самоубийство?

— Потому что это не так легко, как кажется. Может быть, убийца просто-напросто боится, что судмедэксперты все выяснят.

— Тогда зачем вообще заморачиваться с предсмертными записками? Так все выглядит еще подозрительнее и чуднее.

— Может быть, кое-кто надеется, что, не найдя тел, мы бросим искать и удовлетворимся одними записками.

— А мне так не кажется, — задумчиво возразила я. Хотя думать не самое безопасное для меня занятие. — У меня есть теория.

Кажется, я его заинтриговала.

— Выкладывай.

— Я думаю, что для убийцы это что-то очень личное. Кто бы это ни был, по-моему, он пытается сделать заявление. Хочет, чтобы все знали, что люди, якобы написавшие те записки, не заслуживали своей жизни.

— Растешь на глазах.

— Да я всегда такой была! — обалдела я.

— Это одна из наших рабочих версий. А ты определенно на правильном пути. Мотивы должны быть очень личными. И, как только мы выясним, что объединяет всех этих людей, выйдем на убийцу. В этом я не сомневаюсь.

— Ясенько. Ну, тогда дай знать, если что-то выяснишь.

— Заметано. Ты тоже звони, если что. Вечером увидимся.

Нажав «отбой», я повернула к кладбищу. На «Сансете» все было пропитано смертью, но местные призраки здесь не тусовались. Наоборот. У большинства покойников нет причин оставаться в таком безжизненном, угнетающем месте. И это прекрасно объясняет, почему я так люблю кладбища. Мало живых, еще меньше мертвых. Даже в детстве зеленым пышным паркам я предпочитала меланхоличную атмосферу древних захоронений. На кладбищах люди умирают редко. Зато парки притягивают трагедии, как магниты. И убийцы, которые отнимают жизни в парках, как правило, самые жестокие. Как будто невинные прохожие каким-то образом подпитывают зло. Именно поэтому кладбища — одни из моих самых любимых мест на земле.

Девочка из душа, Лэйси Бэнкс, стояла у могилы и, увидев меня, помахала в знак приветствия.

— Вы приехали! — воскликнула она, как только я вылезла из Развалюхи.

— Само собой. Это ты? — спросила я, но Лэйси уже заметила Рейеса, и у нее отвисла челюсть.

Отойдя на несколько метров от джипа, он стал осматриваться по сторонам.

Я помахала рукой под носом у девочки:

— Лэйси...

Она пришла в себя.

— Извините. Просто... он такой... такой...

— Понимаю. Так это ты?

— Ага. Дом, милый дом.

Походив вокруг могилы, я озвучила очевидное:

— Ну что ж, на вид землю никто не трогал. Ни единого следа, что кто-то тут копался. Почему ты решила, что твоего тела там нет?

— Потому что в гробу пусто.

— Чего?! — Ее слова застали меня врасплох. Уж не знаю почему. — Ты можешь заглянуть в свой гроб?

— Ну, как бы, да. Если спущусь вниз.

Мне такое и в голову не приходило.

— А зачем тебе туда спускаться?

Лэйси подбоченилась.

— Я постепенно разлагаюсь. Это так круто! Хочется увидеть все подробности. Вот я и поглядываю время от времени, как выгляжу. К сожалению, жидкость для бальзамирования катастрофически замедляет процесс.

— Да уж, печально, — отозвалась я, поддев землю носком ботинка.

Трава на могиле поддалась легче, чем можно было ожидать. Землю действительно тревожили, просто на первый взгляд ничего нельзя было заподозрить.

— Кстати, я обшарила дом бывшего. Никакой Лэйси там нет. Может, это и не он.

— Если он, я узнаю. — Я снова набрала номер Дибби и крикнула, как только он поднял трубку: — Извини!

— Ничего страшного. Что у тебя?

— Можно как-то заполучить ордер на раскапывание могилы?

— С каждым разом у тебя вопросы все страннее и страннее, — рассмеялся дядя Боб. — И нет. Для этого нужны очень веские причины. Эксгумация тела — это тебе не шуточки.

— Блин, в том-то и проблема. Тела там нет.

— Пропали еще три, — внезапно поделилась Лэйси.

— Как это?

— Что там такое? — спросил Диби.

— погоди минутку, — сказала я ему и повернулась к Лэйси. — Говоришь, есть еще три пустых могилы?

— Ага, — кивнула она, — я проверяла. Могу показать. Все три — девушки. Похоронены в течение последних пяти лет.

— Фу, блин, — выдохнула я, уже жалея, что спросила. — Фу, и все тут. Короче, дядя Боб, у нас, похоже, объявился расхититель гробниц. Но на вид все тут нетронутое.

— Я поговорю с капитаном. Но повторяю: эксгумация — дело серьезное. Мне будут нужны хоть какие-то доказательства того, что над могилой надругались, а не просто на ней подебоширили.

— Лады, — громко вздохнула я, — что-нибудь придумаю.

— Вина сегодня принести?

— М-мм, неси. — Я все еще понятия не имела, о чем, черт возьми, речь. — А мне виноградного сока с газом прихвати.

— Договорились.

Мы разъединились, и я стала искать глазами Рейеса, но нигде его не увидела. Меня с ног до головы обдало тревогой. Дюжина!

— Не может быть, — пробормотала я и побежала туда, где видела его в последний раз. — Это же освященная земля. Им сюда не пробраться.

— Ищите парня, который с вами приехал? — спросила Лэйси и показала на склеп: — Он там.

Переживая из-за Дюжины, я помчалась в сторону склепа и увидела, как Рейес с кем-то разговаривает. Резко притормозив, я спряталась за деревом. Рейес разговаривал с женщиной. С красивой и высокой женщиной, у которой волосы были цвета натурального меда. Летящее белое вечернее платье, улыбка на миллион баксов... И женщина была мертвой.

Ветерок донес до меня легкий аромат «Уайт Шоулдерс». Как в кофейне. Я же тогда почувствовала присутствие призрака. Наверняка это была она.

Женщина повернулась и сказала что-то Рейесу, указав на меня изящной рукой и широко улыбнувшись. Но он не обернулся ко мне, а, наоборот, отвернулся еще больше, и ко мне хлынула волна горячего гнева.

— Пора ехать, — сказала я Лэйси и со всех ног бросилась к Развалюхе.

Само собой, Рейес придет в бешенство от того, что я его вот так бросила, но в данный момент моей целью номер один было уберечь его от тюрьмы. Имелось у меня подозрение, что в кофейне эта женщина за мной шпионила. И наверняка подслушала весь разговор с дядей Бобом. Но я знала то, чего не знал Диби. Где живет Бугор Наварра и где обстрипывает свои делишки.

Сначала съезжу по деловым адресам и попытаюсь добиться объяснений. Понятия не имею, что может сделать с Бруно Рейес, но несдержанность может привести моего жениха обратно в тюрьму. Он и так провел уйму времени за решеткой за преступление, которого не совершал. А если Рейес хотя бы заподозрит, что Зика натравил на меня Бугор, то все наверняка закончится камерой два на три.

— А с телом-то моим что? — спросила Лэйси.

— Даже не переживай, солнце. — Я постучала Барбару пальцем по виску. — У меня

есть план.

— А-а, ну ладно. Значит, мне просто тут подождать?

— Ага. Замечательная идея. Так и поступим.

Прыгнув в Развалюху, я тут же вставила ключ в замок зажигания, а мгновение спустя распахнулась водительская дверь. Тот, кто ее открыл, был, мягко говоря, раздражен.

— Привет, — безмятежно улыбнулась я. — А я тут машинку прогреваю.

Рейес опустил голову и смерил меня сердитым взглядом. Да как он посмел?!

— Ты знала, — раздался глубокий голос с обвиняющими нотками.

Все ясно. Загадка разгадана. Но у меня тоже имелись поводы пораздразжаться.

— Ты послал ту женщину за мной шпионить.

Рейес наклонился еще ближе, и вокруг меня вспышками заискрил его гнев.

— После твоей вчерашней выходки я отправил ее за тобой приглядывать.

— И шпионить, — добавила я.

— Ты знала, на кого работал Шнайдер, и ничего мне не сказала.

Я выключила двигатель.

— Потому что, кроме прочего, знала, что ты будешь делать.

— Ты не имеешь права скрывать от меня такие вещи.

— Я собиралась все тебе рассказать. Сразу после того, как поговорю с ним.

Рейес пригвоздил меня к месту таким резким скептическим взглядом, что объяснений не требовалось. Он считал меня идиоткой. А чтобы уж совсем не оставалось сомнений, еще и расхохотался.

— Ты хоть представляешь, что бы он с тобой сделал, зайти ты к нему в темпе вальса с вопросом, на кой он послал своего человека тебя убить?

Чтобы ответить, пришлось бороться с горькой обидой.

— Он никого не посылал меня убить. Он велел убить тебя, или ты уже забыл?

— Охренеть! — Рейес оттолкнулся от Развалюхи и отошел. — Вот интересно, наступит ли когда-нибудь момент, когда ты начнешь серьезно относиться к такому дерьму?

— Уже наступил, придурок, — процедила я, снова заводя двигатель. — А ты можешь смело прогуляться.

Я захлопнула дверь и утопила педаль газа в пол, подняв столб пыли, а выезжая на дорогу, рискнула глянуть в зеркало заднего вида. Рейес смотрел мне вслед, сжав кулаки и сгорая от злости. Что ж, у меня еще оставался шанс добраться до Бугра раньше, чем женишок узнает, где его искать.

На всякий случай я звякнула Куки и попросила никому ничего не говорить о Бруно, а его адреса прислать мне эсэмэской.

— Какая муха тебя укусила? — раздался с пассажирского сиденья женский голос.

Надо же! Джессика решила-таки появиться. Класс.

— Иди отсюда, — рявкнула я. — Я не в настроении.

— Он всего лишь пытается тебя защитить, — печально продолжала она. — Ради меня никто ничего подобного не делал. А ты злишься каждый раз, когда он хочет помочь.

— Неправда. Он ведет себя, как законченный гад. Еще и шпиона ко мне приставил. Шпиона!

Внутри кипел гнев. Мнение Рейеса о том, что я целиком и полностью некомпетентна, причиняло больше боли, чем любые слова, сказанные мне в глаза. И дело даже не в шпионке. Он искренне считал, что я не могу ходить и одновременно жевать жвачку. Что доказывала

его реакция.

Мне хотелось заплакать. По-настоящему, от души разреветься. Я и не подозревала, что Рейес считает меня ни на что не годной. А ведь я, между прочим, далеко не дура. Достав сотовый, я набрала номер одного из своих корешей.

— Здорово, Чарльз. Я немножко занят, — сказал Гаррет.

— Рейес думает, что я ни на что не годна.

В трубке раздался звук удара и звон разбитого стекла.

— Очень сомневаюсь. Ты где?

— А ты где? Мне нужно подкрепление.

— У меня тут самый разгар хаоса. Дай мне час.

— Нет у меня часа. Но все путем. Позвоню Ошу.

— Тогда до вечера?

— Ага.

Да что такое планируется на вечер? Похоже, соберутся все мои знакомые.

Я позвонила Ошу, но он не взял трубку. Видимо, все еще злился на одного отъявленного придурка, которого все знают как моего жениха. А жених, если хочет, пусть торчит себе посреди кладбища и сколько угодно пыхтит от злости. Сама с Бугром разберусь. Хотя в глаза его, наверное, так называть не буду.

Первым делом я заехала к нему домой, потому что так было ближе и почти по пути. Дверь открыла домработница, которая сказала, что Бруно дома нет. Поэтому я поехала по адресу без названия. Оставив Развалюху на стоянке в переулке, я обошла здание, чтобы выйти к боковому входу, и увидела чуть-чуть приоткрытую дверь, из которой доносилась музыка.

Собрав нервы в кулак, я вошла внутрь и, как только глаза привыкли к тусклому освещению, поняла, что здесь нечто вроде бильярдной. В помещении играла музыка. То тут, то там стояли мужики с бокалами пива. Напитки разносили женщины в коротких шортах и топиках. Причем шпильки у них на ногах были выше уровня интеллекта Дениз. Самым интересным в моем появлении было то, что все взгляды одновременно обратились ко мне.

Я застенчиво помахала:

— Приветик. Я ищу мистера Бруно Наварру.

— И зачем он тебе понадобился? — спросил непонятно кто. Наверное, все-таки бармен.

— У меня для него деловое предложение.

Стоявшая ближе всех ко мне женщина рассмеялась:

— Для этого, дорогуша, на тебе многовато одежды.

Пока она оглядывала меня с ног до головы, все присутствующие без зазрения совести надо мной смеялись.

— Видишь ли, он предпочитает побольше кожи и поменьше гонора.

Я покачалась на пятках, пока всем не надоел этот цирк. А потом послышался мужской голос:

— Какое конкретно предложение?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Куки прислала мне фотку Бугра, поэтому я узнала его за столом среди играющих в карты, подошла чуть ближе и тихо проговорила:

— Хочу спасти вам сегодня жизнь.

Опять грянул смех, но Бугор поднял руку, и все разом стихли.

— И кто же угрожает моей жизни?

— Полагаю, вам знакомо имя Рейеса Фэрроу.

Бугор замер, а несколько секунд спустя осмотрелся по сторонам, будто ждал, что Рейес вот-вот появится.

— Ну и как поживает Фэрроу? — спросил он наконец.

Его тон стал совершенно другим, и все это почувствовали, поэтому разумно решили больше не смеяться.

— Хорошо, не считая того, что он зол как черт.

Бруно кивнул:

— Идем ко мне в кабинет.

У меня в ботинке лежал Зевс. Оставалось только надеяться, что с его помощью я сумею себя защитить, если придется.

— Может быть, чего-нибудь выпьешь? — предложил Бруно, провожая меня в захламленный кабинет в задней части здания.

— Спасибо, обойдусь.

— Итак, насколько мне известно, старых счетов у нас с Фэрроу нет. Откуда вдруг возник ко мне интерес?

В кабинете, где не было кучи народа, мне представился шанс поточнее прочесть Бруно Наварру. И единственное слово, которым я могла бы его описать прямо сейчас, было «напуган». Из Бугра волнами лился чистейший страх. Если он боится Рейеса, зачем приказал его убить?

— Зик Шнайдер, — ответила я, и Наварра опустил голову.

— Один из лучших моих людей. Нам его будет очень не хватать.

— Не этот, а другой.

Но ответить Бруно не успел. В кабинет вихрем ворвался Рейес, и я чуть не утонула в обжигающей ярости. Едва взглянув на Бруно, он обрушил всю силу своего гнева на меня.

Когда появился Рейес, я спокойно стояла, но теперь поняла, что потихоньку отступаю. Не потому, что я его боялась. Наоборот. Мне все еще было обидно. Я все еще злилась.

— Фэрроу, — начал Наварра, нервничая все больше и больше с каждой секундой, — я понятия не имею, о чем говорит эта женщина.

Рейес повернулся к Бруно, дав мне передышку:

— Ты послал за мной своего человека, — и шагнул ближе к столу криминального авторитета. — Но он сначала нашел мою невесту.

Наварра в ужасе замотал головой.

— А учитывая нашу историю, — Рейес показал на стену за спиной у Бруно, — я удивлен.

— Уберите пушки, мальчики, — сказал Наварра, подняв руки.

Из-за липовой стены вышли двое мужчин и положили оружие на стол.

— Так лучше? — спросил у Рейеса Бугор. — И я прекрасно помню наше прошлое. Сам знаешь, я не стал бы никого посылать ни за тобой, ни за твоей невестой. — Он не лгал. — Так к чему все это представление?

— Зик Шнайдер, — напомнила я и, пока Бруно не сказал, что чувак мертв, уточнила: — Младший.

— Сукин сын! — процедил Наварра, снова садясь за стол, и с расстроенным видом вытер ладонью рот. — Мелкий кусок дерьма! Он жив только потому, что я уважал его

старика.

— Зачем ему на меня охотиться? — спросил Рейес.

Бруно вздохнул:

— Он хотел работать с нами. Я отказал. Видимо, отец рассказывал ему о тебе, и ублюдок решил, что я его приму, если он тебя прикончит. — Бугор покачал головой. — Этот пацан создает проблемы на ровном месте, еще и стучит. Я не принял бы его, даже отдай он мне своего первенца.

— Он был стукачом? — переспросила я, начиная волноваться. — Чьим-то осведомителем?

— Я ничего такого не знаю. Но в тюрьме стучал направо и налево. Сосал каждому, от кого мог получить информацию. Спутался с одним из охранников. Его отцу, упокой Господь его душу, было стыдно, что они носили одинаковые имена.

Я заметила, что о младшем Шнайдере Наварра говорит в настоящем времени. А значит, ничего не знал о планах Зика.

— Вот видишь? — Я повернулась к Рейесу и ткнула пальцем в сторону Бруно. — Во всем разобрались. И никаких тебе смертей и перерубленных позвончиков.

— Благодаря мне.

— В отличие от некоторых, Наварра вел себя, как истинный джентльмен. И мне ничего не угрожало, как бы плохо ты обо мне ни думал.

— Плохо? И что, на хрен, это зна...

— Ты считаешь меня ни на что не годной, но это ничего, — сказала я, даже не думая верить собственным словам. — Вот только...

— Ни на что не годной? — изумленно переспросил Рейес. — И в мыслях не было.

— Я тебя умоляю! Я чувствую эмоции не хуже тебя. И там, на кладбище, я ощутила твою реакцию. Самую первую.

Рейес стиснул зубы.

— Если уж считаешь мои эмоции, то делай это правильно. Я не считаю тебя ни на что не годной. Наоборот. Меня поразила твоя настойчивость во что бы то ни стало заниматься расследованием дела суицидников, твоя непоколебимая решимость прискакать на кладбище, чтобы взглянуть на могилу...

— Прискакать?

— ... И стопроцентная готовность в одиночку разобраться с боссом преступной группировки. Причем все это время ты знала то, что знаешь.

— Ты сказал «прискакать»? Минуточку! Что я знаю? Нет, не так. Что, по-твоему, я знаю?

— Я знаю о стене.

— О какой еще стене? — совершенно растерялась я.

Рейес шагнул ко мне и оказался опасно близко. Ну что ж, теперь-то я знала, что при необходимости могу уложить его на лопатки. И именно так и поступлю, если он начнет мне угрожать.

— Я видел стену. — До меня все еще не доходило, поэтому Рейес очень тихо объяснил: — Стену Рокета. И твое имя на ней.

По позвончику поползли мурашки, когда я наконец поняла, о чем речь, и пробормотала:

— Так все из-за этого?

— Из-за чего же еще? Рокет никогда не ошибается. Всегда есть причина. И ты знаешь, что твое имя написано на той стене. Знаешь, что он видел твою смерть, и все равно бросаешься сломя голову во всякую опасную хреноту, которая тебя так и манит. — Рейес отвернулся, как будто один мой вид вызывал отвращение.

— Там и твое имя было, — сказала я, задрал нос.

Рейес так быстро развернулся, что сразу стало ясно, как удивили его мои слова.

— Лазейки есть везде, Рейес. И с тобой я такую нашла. Ты должен был умереть, но не умер.

Если бы я сказала, что он поражен, то сильно бы приукрасила действительность. Совершенно ошеломленный, Рейес смотрел на меня, а внутри у него бушевал такой ураган, что на мгновение на глаза навернулись слезы.

— Значит, я должен был умереть, а ты зря рисковала жизнью.

— Чего-чего?! — Обалдев до глубины души, что он вообще мог о таком подумать, я решительно потопала к Рейесу.

— Ты рисковала ради меня жизнью. — Он взял меня за плечи. — Когда ты уже наконец поймешь, Датч? Нет ничего важнее тебя и ребенка. А ты по-прежнему рискуешь жизнью, — он махнул одной рукой, показывая на то, что нас окружает, и шагнул еще ближе, — ради ничего не значащих мелочей. Ради каких-то самоубийц, ради сумасшедших девчонок с кладбища и... — Рейес замолчал и в упор посмотрел на меня горячим взглядом. А потом его голос надломился, и следующие слова прозвучали почти шепотом: — Я не могу тебя потерять.

— А я, по-твоему, тебя потерять могу?! — едва ли не закричала я.

Рейес опустил голову, уцепился за переносицу и озвучил то, чего боялся, наверное, больше всего на свете:

— Я не знаю, как победить. И понятия не имею, как убить Дюжину. А когда увидел на стене твое имя... — Он не договорил, потому что больно сдавило грудь. Глаза цвета кофе снова остановились на мне. — Если ты умрешь, — с отчаянной решимостью продолжил Рейес, — я пойду напрямик в ад и перебую там всех демонов. Или сдохну, пока буду их убивать.

Я взяла его за голову и заставила посмотреть мне в глаза.

— Я не собираюсь умирать, Рейес. Сам подумай. Пророчества утверждают, что наша дочь, — я положила ладонь на живот, — его уничтожит. Значит, я не могу умереть. Где-то наверняка есть лазейка, просто я ее пока не нашла.

— Пророчества можно неправильно понять, неправильно перевести. И основываются они на самом понятии судьбы и на тех событиях, которые происходили, когда писались пророчества. С тех пор могло случиться что угодно. Все могло измениться.

— Не в этот раз, — покачала головой я и положила себе на живот ладонь Рейеса. — Я со всем разберусь. И никуда не денусь.

Рейес глянул вниз:

— Я ее чувствую. Она со мной говорила.

— Серьезно? — Смахнув его руку, я положила на живот свою. — А со мной — никогда. Какого черта, Пип? Поговори со мной, детка!

Рейес тихо рассмеялся:

— Говоришь, ни на что не годна?

— Так мне показалось, — засмузилась я.

— Значит, ты совершенно не разбираешься в чувствах других людей.

— Нетушки, только в твоих. — Я заглянула жениху в глаза. — Ты меня сбиваешь с толку.

На его щеках появились очаровательные ямочки.

— Тогда ты прекрасно понимаешь, каково оказаться на моем месте. И все-таки ты в одиночку заявила с визитом к криминальному авторитету. — Рейес снова повернулся к Наварре.

— Спокойно! — Бруно тут же поднял руки в знак капитуляции. — У меня с тобой никаких терок нет, Фэрроу. И ты это знаешь.

— Выходит, мы пришли к взаимопониманию. А на случай, если тебе припечет все повторить, или в голову придет шальная мысль попытаться прижать меня через нее... — Рейес выгнул бровь и наградил Бруно тяжелым взглядом. — Ты хорошо помнишь, какой я быстрый на расправу?

Ни секунды не колеблясь, Наварра кивнул.

Рейес наклонился к нему и прикрыл рукой рот, словно собирался поделиться каким-то секретом:

— Так вот. Она быстрее.

*Помоги тому, кто в беде, и он вспомнит о тебе,
когда опять попадет в неприятности.*

Печенье с предсказанием

Из клуба Наварры мы вышли с бутылкой отменного виски и виноградным соком с газом в придачу.

— Наварра такой милый, — поделилась я, и Рейес рассмеялся.

— Мы с тобой очень по-разному смотрим на людей.

— Согласна. Ну так как? Можно мне сегодня еще разок рискнуть жизнью?

Он приподнял бровь:

— И куда на этот раз?

Подойдя к водительской двери, я повернулась к жениху:

— Я подумала, что после обеда мы могли бы повеселиться. Съездить в лазертаг или еще куда-нибудь.

— В лазертаг?

— Минуточку! — Я смотрелась по сторонам. — Как ты сюда добрался?

— Бегом.

Я полезла к нему в карман, вытащила телефон и пролистала меню.

— Ты вызвал такси.

— Но до самой машины, когда такси приехало на кладбище, бежал.

Представив себе эту картину, я хихикнула.

— А как узнал, где искать Наварру?

— Я слежу за всеми, кто когда-либо пытался меня убить.

— Ясненько. Хорошая привычка.

— Я тоже так думаю. Так с чего вдруг лазертаг?

Объясниться я не успела — затрезвонил мой сотовый. Фишка не в самом лазертаге и даже не в процессе игры, а в крутых костюмах и темных углах.

— Это Своупс, — сказала я, а потом ответила на вызов: — Че надо?

— Она здесь.

— Ой, чувак, сочувствую. Передавай от меня привет.

Я чуть не нажала «отбой», чтобы еще немного позаигрывать с женихом, как вдруг Гаррет опять заговорил:

— Марика. Сидит прямо перед моим домом.

— Так пойди и поговори с ней.

— Не могу. У нее есть бойфренд.

— Боже мой! Ты прямо как девчонка! Хочешь, чтобы я передала ей записку, когда пойду на урок физкультуры?

— Тащись сюда и сделай свое дело.

— Издеваешься? Мы с Рейесом собирались полдня играть в лазертаг.

— Неужели в него кто-то еще играет?

— Видимо, да.

— Темные углы так и манят?

— Знать бы, что в них такого. А ты, случайно, не в курсе?

— Нет, но там же жуть. Повсюду дети. Так что нечего тебе там делать. Приезжай и выясни, чего хочет Марика. Это твой шанс подобраться к ней поближе. Прикинешься давно забытой подругой и узнаешь, что к чему.

— Прямо под твоим домом? А тебе не кажется, что это слишком очевидно?

— Да ладно тебе, Чарльз! Я ради тебя что только ни делал. Пора оказать ответную услугу.

Когда из-за меня Гаррета подстрелили, он загремел в ад. Если подумать, я действительно его должница.

— Фиг с тобой, — сдалась я. — Но с Рейесом будешь сам разбираться. Его сердце плачет по лазертагу.

Впрочем, Рейеса, похоже, ни капельки не расстроило, что лазертаг нам не светит. И он был не против, чтобы я рисковала жизнью, разыгрывая из себя буфер между Своупсом и его бывшей подружкой по сексу. Вечно у людей проблемы с общением. А мне, видите ли, приходится копать в нижнем белье и промывать захламленные мозги. Ну, вроде того. Правда, если судить по взгляду, которым наградил меня Рейес, темный угол нам все-таки придется искать. И поскорее. Господи! Под взглядом этого мужчины и умереть не жалко.

Я набрала Куки:

— Ты ничего не находила на ту женщину, с которой когда-то кувыркался Своупс, и у которой может быть от него ребенок?

В трубке раздался громкий вздох.

— Ты записку мою видела?

— Какую еще записку? Неужто мы теперь записки друг другу пишем?

— Я оставила ее тебе еще неделю назад. И вообще оставляю записки каждую неделю, а в них даю список всего, что удалось узнать, плюс добавляю заметки по каждому текущему делу.

Святой ежик! И как я умудрилась такое проворонить?

— Так вот ты о каких записках!

— Ты ведь их даже не читаешь, да?

— Я думала, это по желанию.

Напоминание самой себе: перестать делать самолетики из записок Куки.

— Ты делаешь из них самолетики, верно?

— Ничего подобного! Просто последнюю пропустила. — Точнее запустила прямо на вентилятор на потолке. Это был истребитель «Стелс» — самый лучший из тех, что пока творили мои руки. Правда, я хотела сделать Ф-14, но... — Так что там говорилось о Марике?

Пока Куки рассказывала мне новости, я постепенно впадала в абсолютный восторг.

— Это наш-то Гаррет? Seriously?

— Серьезнее некуда. Оказывается, в некоторых уголках мира его сочли бы членом королевской семьи. Представляешь? Если то, что я думаю о ребенке, правда, то мы можем даже книгу написать!

— Чувиха, круче я в жизни ничего не слышала! — воскликнула я, уже направляясь к дому Гаррета.

— И не говори! А теперь серьезно. Может, будешь записывать? Хочу знать все подробности.

— Заметано. — Я повесила трубку и широко улыбнулась. — Порой мир по-настоящему

крутое местечко.

— Без адских псов было бы круче, — заметил Рейес.

— И то правда. А ты зануда.

— Называю вещи своими именами, — усмехнулся он. — Это его дом?

— Ага.

Рейес изогнул бровь не то одобрительно, не то с отвращением. Никогда толком не понимала, что хотят сказать его брови, потому что говорят они неразборчиво. Дом Гаррета ничем особенным не выделялся, но был уютным и удобным. С кучей растительности снаружи и такой же кучей пива внутри.

— Весьма заурядное жилище, — заявила я, когда мы подошли к двери.

— Заурядное?

— Надо использовать слова посложнее. У Пип скоро слух появится, так что самое время разнообразить словарный запас. Не помешает почаще использовать слово «заурядный».

Рейес тихо рассмеялся, и тут Своупс открыл дверь и завертел головой:

— Она еще здесь?

Поскольку рубашка на нем была расстегнута, первым делом я порадовала глаза, разглядывая мужественную грудь и рельефный пресс. Судя по всему, Своупс берется за пуговицы, как только возвращается домой. Потому что каждый раз, когда заявляюсь я, они расстегнуты, и в глаза так и лезет пачка кубиков.

Наконец я обернулась взглянуть, куда смотрит Гаррет. В половине квартала отсюда стоял бордовый седан.

— Уверен, что это она?

— На все сто. Ее тут месяцами не было. Зачем приезжать сейчас?

— Может, хочет познакомить тебя с сыном?

Впустив нас в дом, Гаррет двинул за пивом, не забыв прихватить вторую бутылку для Рейеса. За последние несколько недель они каким-то чудом умудрились подружиться. Лично я только за. Хотя, может, все дело в Оше, а Своупс просто меньшее из двух зол. Без разницы.

— И что ты собираешься предпринять? — спросила я, когда Гаррет вручил мне банку диетической апельсиновой газировки, которую хранит в холодильнике специально для меня.

— Я — ничего. А вот ты пойдешь и поговоришь с ней.

— Ну почему я? Меня она даже не знает. Кстати, ты пытался выяснить, замужем она за тем парнем, с которым я ее видала, или нет?

— Нет. Я думал, они женаты, но оказалось, что нет.

— Он очень на тебя похож, — сказала я. — Говорю тебе, это даже странно.

До рассказа Куки я продолжала думать, что Марика всего лишь хотела сделаться беременчательной. Но Гаррету я ничего рассказывать не стану. Пусть сама во всем сознается.

Я уселась в кресло. Как и в прошлый мой визит, здесь повсюду валялись старые книги и документы.

— Все еще работаешь над пророчеством?

— Само собой. Потому-то и приезжает доктор фон Гольштейн. Вообще-то, он уже должен быть здесь. — Гаррет глянул на часы. — Когда приземлится самолет, он напишет мне сообщение, а я заберу его из аэропорта.

— Класс. Все это было бы крайне заурядно, если бы не огромное количество тайн.

Улыбнувшись, Рейес сел и стал просматривать стопку каких-то бумаг.

— Итак, что будем делать? — снова спросила я.

Своупс глотнул пива и подошел к окну.

— Пойди и поговори с ней.

— Ты же понимаешь, что будет очень странно, если я вот так запросто подойду к машине и постучу в окошко?

— Понимаю, но не хочу, чтобы ее бойфренд видел нас вместе.

— Ладно, блин. Скоро вернусь.

Чтобы вылезти из кресла, пришлось раскачаться. Да уж, кресло что надо.

Набрав наконец нормальную скорость, я вышла на улицу и направилась напрямик к машине Марики. Рейес проводил меня до входной двери, но дальше отпустил одну. Топать пришлось немало. Полквартала, как-никак. Походка у меня была так себе, потому что чувствовала я себя крайне неловко. Особенно после того, как Марика меня заметила. Что же делать? Сразу дать понять, что я иду именно к ней, или сделать вид, что просто прогуливаюсь, а потом огорошить ее в последний момент? Так много вариантов! Я уже начала конкретно напрягаться, как вдруг взгляд Марики, словно боеголовка с лазерным наведением, остановился прямо на мне. У Марики были русые волосы и красивые светлые глаза, которые по мере моего приближения становились все шире и шире.

Я помахала и постучала в окно. Она настроенно опустила стекло.

— Пойдемте в дом, — сходу сказала я. — Нам надо поговорить.

— Не могу, — ответила Марика. — Я с ребенком.

Учитывая ее прошлое, легкий французский акцент звучал очень уместно. На заднем сиденье спал сын Марики, и у меня в груди тихонько екнула Бетти Уайт.

— Прелестный малыш. Подъезжайте ближе к дому и возьмите сына с собой. Все будет хорошо.

— Лучше не стоит.

— Марика, — начала я, и она удивилась, что я знаю ее имя, — он меня с ума сводит. И, кажется, я понимаю, почему вы так поступили. — Она вопросительно приподняла брови, и я объяснила: — Я знаю о вашем происхождении. И о происхождении Своупса тоже.

Марика согласно кивнула и завела двигатель. Я потрусила следом, жалея, что не попросила меня подвезти. Полквартала — это все-таки полквартала, а неделя выдалась утомительная.

Когда Марика взяла ребенка и сумку с подгузниками, которую я тут же отобрала, мы вместе дошли до двери. Слава богу, Гаррет застегнул рубашку и даже заправил в штаны.

— Здравствуй, Марика, — поздоровался он и кивнул для проформы.

— Это Рейес, — добавила я, — а меня зовут Чарли.

— А это Заир.

Я улыбнулась, прекрасно зная, откуда взялось это имя. От Куки ничего не утаишь. Плюс Марика вела блог, оказавшийся весьма кстати. Заир потихоньку просыпался в переноске, которую Марика поставила на пол у предложенного Гарретом кресла. Я присела рядом с ребенком. Дождаться не могу, когда у меня появится свой собственный! Есть в детках что-то такое, перед чем могут устоять лишь немногие из женщин. А ведь я никогда в жизни не представляла себя матерью, пока не пришел момент, когда не осталось выбора. Сама поражаюсь.

Гаррет сел напротив Марики. Едва его задница устроилась, он мигом позабыл о том, что не может поговорить с этой женщиной, и сразу перешел к делу:

— Он мой?

Марика опустила голову и ответила не сразу, но, когда заговорила, голос ее звучал еле слышно:

— Да. Но все совсем не так, как тебе кажется.

Гаррет глотнул пива.

— То есть ты мне не врала, когда сказала, что принимаешь таблетки?

— Ну и ну, Своупс! — обалдела я. — И ты на такое купился? Когда уже мужики хоть чему-то научатся?

Я снова повернулась к Заиру и принялась над ним кудахтать, попутно удивляясь наивности мужчин со времен рассвета человечества.

— Ты прав, — отозвалась Марика, — я тебе солгала.

Гаррет разразился ругательствами, от которых у любой монахини заложило бы уши, но, слава богу, слишком далеко не зашел.

— Наш сын, — перебила его Марика, — будет очень могущественным.

— В смысле?

Я кивнула, подбадривая мать Заира, потому что знала, о чем пойдет речь дальше.

— Ты потомок очень влиятельной и скорее всего самой известной в истории королевы вуду, Мари Лаво.

— Ага, я в курсе, — рявкнул Своупс и залпом осушил бутылку.

— А я из рода Сефу Заира — хунгана, жреца гаитянского вуду. Гаитянское вуду отличается от традиционного, но у них много общего. Обе религии родились в страшных условиях рабства. Обе уходят корнями в традиции африканской диаспоры. В мировоззрения и ритуалы обеих вплетены христианские элементы и символы. Разница, конечно же, есть, но я считаю, что у обеих религий все же больше общих черт, чем отличий.

— Ладно, — развел руками Гаррет. — Я-то тут при чем?

— И твои, и мои предки были очень могущественными. В нашем сыне течет кровь и тех, и других. Я думаю, он станет таким же сильным, как они. Если не сильнее.

— И все? — спросил Гаррет. — В этом все дело?

— Да.

— Чушь собачья. Дерьмовая чушь.

Я подскочила на месте и прикрыла Заиру уши.

— Следи за языком, Своупс. Я и отсюда могу тебя по ноге пнуть.

Гаррету было больно. В симфонии не моих эмоций он звучал, как плачущая скрипка. Я понимала его горечь, но ведь это он, а не кто-то еще, занимался незащищенным сексом. Впрочем, не мне его учить. Вместо этого я решила, пока есть шанс, всерьез поговорить с Заиром:

— Ну-ка, малыш, можешь сказать «ЗППП»?

— Весь мой род — сплошные мошенники, — горько сказал Гаррет, — большинство из которых полжизни провели в тюрьме.

— Гаррет, — вставила я самым поучительным тоном из своего арсенала, — мы тут о религиях говорим, а не о преступниках.

— Ну да. — Он встал, чтобы взять еще пива. — Какой я невоспитанный! Итак, исключительно чтобы подвести итог: чего мне это будет стоить?

— Я приехала не ради денег. Не знаю, как объяснить, но... я почувствовала, что не смогу построить нормальных отношений с Бонди, пока во всем тебе не признаюсь.

— Его зовут Бонди? — переспросил Своупс, возвращаясь с очередной бутылкой.

— С ума сойти, — вставил Рейес, который все это время молча слушал и изучал какой-то манускрипт.

— Вот-вот.

— Я не об этом. Похоже, вы неверно истолковали пророчества.

Мы все повернулись к Рейесу. Он держал в руках копию древнего документа. Видимо, это была часть пророчества, в котором, предположительно, идет речь о вашей покорной слуге.

— Ты о чем? — спросила я. — Ты понимаешь, что там написано?

— Не совсем, но некоторые слова узнаю. Согласно этому тексту, дочь света уничтожит вовсе не Дюжина, а Тринадцатый воин.

— То есть меня порешит Антонио Бандерас? Что ж, я прямо-таки лопаюсь от незаурядного нетерпения.

***

Поскольку из всего текста Рейес понимал только сущие крохи, я решила, что вряд ли Антонио Бандерас действительно планирует меня убить. Хотя с радостью приняла бы его попытки.

Ответы, которых жаждал Своупс, мы получили, а он все равно сидел мрачнее тучи. Вечно ему мало! Мы оставили родителей Заира поговорить без свидетелей. А поговорить этим двоим явно было о чем. Впрочем, Своупс только лаял, но кусаться не собирался. Каждый раз, когда его взгляд останавливался на Заире, в Гаррете росла гордость. Кто бы не гордился таким вот маленьким карапузом?

Мы с Рейесом вернулись домой, и я пообещала никуда не выходить, пока он будет проверять, как идут дела в баре. Попав к себе в квартиру, я планировала поискать информацию о жертвах с предсмертными записками, но этим уже занималась Куки. Если она не найдет между ними связь, то я тем более. Поэтому в итоге я решила поискать информацию другого характера. После знакомства с Заиром меня капитально зациклило на всем, что связано с детьми, вот я и подумала, что было бы неплохо узнать, как это происходит.

Конечно, основные моменты, как и всем остальным, мне были известны, но хотелось разузнать поподробнее. И это стало самой большой моей ошибкой за долгие годы. Если не считать катастрофы с оранжевым свитером на меху.

В полном ужасе, разбавленном капелькой любопытства, я сидела, приклеившись к монитору, когда пришла Куки.

— Как дела? — спросила она, включая кофеварку.

— Видимо, сегодня я успела разозлить всех, кто попался под руку. Вместе с их собаками.

— Ну, ты умеешь разворошить осиное гнездо.

Я промолчала. Видео, которое я смотрела, только-только стало интересным.

— Они из разных частей страны, — сказала Кук, споласкивая пару чашек. — В смысле жертвы с записками. Двое родились в Нью-Мексико, а другие двое — нет. Но я нашла кое-

что любопытное. — Она подошла ко мне и вручила статью из газеты. — Помнишь похожее дело в Лос-Анджелесе два месяца назад? Еще одна записка. Тело не найдено.

Я попыталась кивнуть, но не получилось. Что, бога ради, они творят с этой женщиной?!

Куки вернулась в кухню.

— Ее звали Фиби Дюрант. И угадай, откуда она.

— Эм-м...

— Точно! Из Альбукерке. И угадай, что я сделала. Ну же!

— М-мм...

— Вот именно! Перед тем, как забрать Эмбер из школы, я съездила к тете этой Фиби.

Тут она меня зацепила.

— Что-что ты сделала?

— Ну, было почти по пути, вот я и подумала: почему бы и нет? Тетя до сих пор живет здесь. Работает в доме престарелых. Кстати, познакомилась там с премилым старичком. Он просил меня тайком принести ему джин, а его соседу по комнате — «Виагру». Сказал, мы могли бы организовать собственную шайку контрабандистов. Обещал мне двадцать пять процентов. Что скажешь?

— Предельно законный план. Значит, ты сама допрашивала свидетеля?

Кук наградила меня широченной улыбкой:

— Я ведь знала, что ты занята. Что тебя вот-вот прикончит шишка-преступник, и что ты играешь роль адвоката по вопросам опеки. Вот и подумала: почему бы и нет?

— Прямо-таки задумала ты эту мысль до дыр. Но только посмотри на себя! Ты уже как настоящий частный детектив! Плюс теперь тебе можно иметь при себе оружие. Наверное, надо купить тебе шляпу, плащ и все, что причитается частному сыщику.

— Да ерунда это все, — застенчиво пожала плечами Куки. — В смысле ничего особенного. Женщина ничего не знала. Они с племянницей были близки, но тетя сказала, что мало общалась с Фиби после переезда той в Калифорн-ю-ю. Вот прямо так и сказала. Что за фигню ты смотришь?

Я снова повернулась к монитору и, уже не глядя на подругу, проямлила:

— Она беременна.

— Думаешь? Будешь и дальше смотреть такие штуки — заработаешь кошмары.... — Кук наклонилась ближе. — В чем это она сидит?

— Тс-с! — рассеянно отмахнулась я. — Все почти закончилось.

— Это что, детский надувной бассейн? Прямо посреди гостиной?

— Ну тише, Кук! Она рождает. Смотри.

— А что «там» делает этот мужик?

Я покачала головой:

— Похоже, дамочку не очень радует процесс.

— Не вижу ни единой причины для того, чтобы его рука занималась тем, чем занимается.

— Наверное, он ее массирует.

— Что конкретно? Ее влагалище?

— Смотри! Смотри! — Я вся скукожилась прямо на стуле. — Выходит.

Мы одновременно склонили набок головы, пытаюсь рассмотреть появление ребенка. А потом, все так же одновременно, вскрикнули от ужаса.

Я прикрыла ладонью рот и прошамкала прямо из-за руки:

— Так и должно быть?

Куки пришла в себя первой:

— А теперь серьезно. Для чего появился этот новый чувак? И зачем ему лопаточка?

— Что смотрим? — спросил откуда-то сзади дядя Боб, но мы не могли оторваться от монитора.

— Это вообще законно? — ахнула Куки. — Выглядит как пытка.

— Кажется, снимали в Мексике.

— Какого хрена творит этот мужик? — спросил дядя Боб, свесившись над моим плечом и так же, как и мы, склонив набок голову. — Опять, что ли, смотрите южноамериканскую порнуху?

— Вот блин. — Куки выпрямилась. — Ты уже пришел.

— Ага, — с гордым видом кивнул Дибби.

— Надо подготовиться к ужину. Позвоню в службу доставки итальянского ресторана.

— Идет, — согласился дядя Боб и двинул в кухню за чашечкой дьявольской крови.

Я развернулась на стуле и встала.

— О каком таком ужине говорят все, кому не лень?

— О том самом.

— Все равно не догоняю, Кук.

Она поджала губы.

— Об этом было написано в прошлонедельной записке.

Ах да... Крутой «Конкорд», которого ждал страшный конец прямо на Сентрал. У меня было открыто окно.

— Доктор фон Гольштейн, — намекнула Куки.

— Коровий доктор придет к нам на ужин?

— Он придет поговорить с тобой. Гаррет должен был забрать его из аэропорта и привезти сюда на ужин. Умоляю, скажи, что Гаррет не забыл!

— Он немного занят со своей бывшей.

— Нет, не занят, — заявил только что вошедший Своупс.

Видимо, никто в мою дверь больше не стучит. Странно.

Куки взволнованно нахмурилась:

— Он не придет?

Гаррет нажал «отбой» на телефоне.

— Док скончался два дня назад от сердечного приступа. Только что говорил с его секретаршей.

— Не может быть! — Я опять плюхнулась на стул. — Мне очень жаль, Гаррет.

— Мне тоже. Теперь понятно, почему он не звонил. — Своупс покачал головой и осмотрелся по сторонам. — Я подумал, может, у тебя получится... Ну знаешь... — Он пошевелил пальцами.

— Шевелить пальцами я умею, спасибо, что спросил. Но причем тут коровий доктор? Звякнул мой сотовый. Я взяла его со стола и прочла новое сообщение.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал Гаррет.

— Как прошло с бывшей?

— Вообще-то, она мне не бывшая. Ничего серьезного у нас никогда не было.

— Еще как было.

Сообщение пришло от Оша. Он спрашивал, можно ли ему прийти. Я написала в ответ

«Само собой».

— У вас есть ребенок. А это куда важнее чего-то там серьезного.

— Наверное.

Куки обняла Своупса. Он обнял ее в ответ, как будто она не женщина, а колючий кактус. Явно все еще не свыкся с мыслью об отцовстве.

— Плевать, как это случилось, — сказала Кук. — Новость все равно замечательная. Поздравляю!

Она отошла на шаг, и Гаррет потер пальцами рот.

— Спасибо.

— Мальчик прелесть, Кук. Его зовут Заир, и по поводу всего этого вуду ты была абсолютно права.

Своупс тут же устоял на Куки:

— Как ты узнала?

Та усмехнулась и пошла в кухню.

— Марика ведет блог. Странно, что ты его не нашел.

— Офигеть. Даже и не думал копать в этом направлении.

Дядя Боб пожал Своупсу руку:

— Поздравляю. Дал бы ценный совет, но сам никогда женат не был.

— Гаррет тоже, — озвучила очевидное я. — Он просто шлюшка.

Куки рассмеялась:

— Обожаю, когда ты называешь мужчин шлюшками.

Я тоже захихикала:

— И я. Веселее альтернативы.

Это слово я ненавидела, когда речь заходила о женщинах, зато в адрес мужчин использовала с удовольствием. Может быть, все дело в существовавших веками двойных стандартах. Видите ли, женщина, которая наслаждается сексом, обязательно шлюха, а наслаждающийся сексом мужик просто-напросто жеребец. Мне такое положение вещей никогда не нравилось.

Постепенно у меня нарастало ощущение, будто что-то не так. Я огляделась, наклонилась над аквариумом, вот только Бельведера там не было. Его похитили!

— Куки, — начала я, выпрямившись и развернувшись к подруге. — Это не моя рыба.

— Ты о чем? — спросила Кук, так и сочась чувством вины.

— Куки! — совсем обалдела я. — Зачем ты похитила Бельведера?!

Она грустно вздохнула:

— Как, бога ради, ты догадалась? Это ведь всего лишь рыбка. Они все на одно лицо.

— У Бельведера на боку было белое пятнышко, а у этого... самозванца нет.

— Не обращай внимания, — сказала Кук рыбе и положила на аквариум ладони, как если бы прикрывала уши маленькому ребенку, — она у нас очень чувствительная. Бельведер умер, солнце. А это миссис Тибодо.

— Как же так? Он у меня всего день прожил.

— Я знаю. — Подруга хлопнула меня по плечу. — Видимо, пришло его время.

Я рухнула на стул за кухонным столом.

— Я его убила. Так и знала! Из меня получится ужасная мать. Как со мной выживет ребенок, если даже рыбка не выжила?

— Чарли, твои родительские навыки тут ни при чем. Случиться могло что угодно.

Я фыркнула и глянула на миссис Тибодо.

— Он не страдал?

— Нет. — Куки снова похлопала меня по плечу. — Я нашла его брюхом кверху, но его личико озаряла улыбка.

— Миссис Тибодо очень симпатичная.

— Так и есть.

— Ну так как? Попробуешь? — спросил Гаррет и опять зашевелил пальцами, как вдруг кто-то наконец решил постучать.

Печально вздохнув, я встала и открыла дверь ужасно смущенному парнишке по имени Ош. Войти он не спешил, поэтому я встала на цыпочки и обняла его за шею.

— Тебе здесь всегда рады, Ош. Я знаю, что ты их не призывал. И Рейес тоже это знает.

Ош не возражал против того, чтобы я его обнимала, но сам обнимать меня не стал. Если, конечно, не считать легких похлопываний по спине.

Когда я наконец расцепила руки, он сказал:

— Рейазиэль прав. В этом мире есть всего несколько созданий, способных призвать Дюжину.

— Заходи давай.

В конце концов он все-таки зашел в квартиру, а я пошла налить и себе чашечку крови его хозяина.

— Кофе будешь?

Ош покачал головой, потом напряженно кивнул Куки и Гаррету, которые были свидетелями утренней Третьей мировой войны. Кук бросилась к новоприбывшему и крепко его обняла, едва-едва обхватив руками широкие плечи. Он наклонился, чтобы ей было легче. Такой милый жест!

— Как себя чувствуешь, дорогой?

Красивый рот сложился в очаровательную улыбку.

— Замечательно. Я ведь древний-предревный демон. Бывало и хуже.

Кук отпустила его и отступила на шаг.

— Все равно ты очень милый мальчик. И каждого, кто рискует ради Чарли жизнью, я считаю родным.

Слова Куки тронули даэву. Имелось у меня подозрение, что подобные комплименты он слышит нечасто.

— Благодарю, мэм.

— Итак, никто не против итальянской еды? — спросила Кук и, когда все согласно закивали, помчалась к себе, чтобы звякнуть в службу доставки и проверить, как дела у ее отпрыска, который должен был сделать уроки, перед тем как присоединиться к нам.

Дядя Боб включил телевизор, а Ош подошел ко мне, когда я опять уселась за компьютером.

— Утром ты отменно надрала мне зад, — сказал даэва, явно до сих пор под впечатлением.

— Ага, и прошу за это прощения. Взбесился ты не по-детски.

— Есть такое дело. Прими и мои извинения.

— Да ерунда. Тем более что виноват во всем Рейес. Который, кстати, будет с минуты на минуту.

— Что происходит с этой женщиной?

Я поставила видео на паузу:

— Блин, ты не поверишь, — и начала его заново.

Увиденное повергло Оша в шок.

— Я проживал век за веком, но такого еще не видел.

Вернулся Рейес, но вместо того, чтобы извиниться перед нашим гостем, которого чуть не забил до смерти, сразу направился в душ у себя в квартире. Оша это явно устраивало. Он спокойно смотрел с Дибби по телику какую-то игру, пока Куки расчищала место для доставленной еды. Господи, да ей цены нет! Мне бы трех таких, как она...

В какой-то момент она побежала домой за столовыми приборами. И чем ей пластмассовые вилки не нравятся? Меньше потом посуды мыть.

— Я для тебя шутку придумала, — заявила вплывшая по-королевски в мою квартиру Эмбер. На спину свободно свисали длинные темные локоны.

— Внимательно слушаю, — тут же отозвалась я.

Она встала возле меня и глотнула газировки из банки.

— Ты же в курсе, что про тебя можно сказать, будто у тебя в духовке печется булочка?

Каким-то чудом мне все же удалось подавить рвущийся наружу смех:

— В курсе, ага.

— А Рейес горячий и все такое...

— Согласна, — кивнула я, гадая, к чему это все приведет.

— Так вот. Ты не духовка. Ты — жаровня! — рассмеялась Эмбер. — Поняла?

— Поняла, — захихикала я.

— На ярмарку придешь?

— Без вариантов!

— Ты понятия не имеешь, о чем речь, да? — поразилась Эмбер.

— Еще как имею. — Кажется, я действительно что-то помнила о какой-то ярмарке. То ли Куки упоминала, то ли об этом было написано в «Боинге-747», который потерпел крушение в унитазе. Так или иначе, я на эту удочку не попадусь. — Забыла только, когда она состоится.

— Класс! Завтра вечером.

— Так я и думала.

Эмбер опять хихикнула:

— Лгунья из тебя никакая.

Боже мой! Все, во что бы то ни стало запишусь на какие-нибудь занятия по лжи.

— Пойдем в спальню, — сказала я. — Мне надо переодеться.

Она пожала плечами и улыбнулась, услышав, как пикнуло в сотовом сообщении.

— От Квентина? — спросила я, утаскивая Эмбер к себе в комнату.

Покосившись на Оша, который в знак приветствия просто кивнул, она ответила:

— Ага. Он сегодня вляпался в неприятности.

— Вот блин. И что натворил?

— Сделал для меня сердце из дерева, а учитель сказал, что на сердце это не похоже. Понятия не имею, на что оно было похоже, но Квентину запретили уезжать до конца недели.

— Хм-м, так и быть. Утром позвоню в Санта-Фе, узнаю, что да как.

— О'кей.

— Ну а вообще, как у вас с ним?

Похоже, у Эмбер развилась стойкая симпатия к Ошу. Но я ведь тоже заразилась этой

болячкой. А какая девочка-подросток не заразилась бы?

С мечтательным выражением лица Эмбер села на мою кровать.

— Замечательно.

— Очень за вас рада. — Я взяла белый свитер, но отложила. Белый цвет не всегда сочетается с итальянской едой. Выбрав мягкий черный свитерок, я сняла жилет и бросила его на стул в углу, а потом стала расстегивать блузку. — Не смотри. А то еще травмируешься на всю жизнь.

— Ладно, — усмехнулась Эмбер. — Кстати, у меня к тебе вопрос.

— Валяй.

— Ты когда-нибудь проводила эксперименты с девочками?

— Разок в старших классах. Нам задали препарировать лягушку, и мне в партнеры по лабораторке досталась еще одна девочка.

— Я не о таких экспериментах. О других.

Об этих «других» я и беспокоилась.

— Ну что ж... Однажды в колледже было дело. Мне тогда казалось, что я обязана попробовать.

— Понравилось?

— Уж точно не было отвратительно. Зато я выяснила наверняка, что не лесбиянка. И все же двадцать баксов — это двадцать баксов.

— Наверное. Мисти Роули говорит, если я захочу попробовать, то она за. Но мне, кажется, нравятся только мальчики. Понимаешь?

— Она на тебя давит? — занервничала я.

— Что ты! Нет. Просто, если что, предлагает свою кандидатуру.

— Тогда я бы на твоём месте доверилась своим чувствам.

— Угу... У нее вообще вся семья странная. Мисти говорит, у ее мамы есть strapon по имени Горизонт Событий.

Едва успев скрыть смех за кашлем, я поинтересовалась:

— Ты знаешь, что такое strapon?

Эмбер смерила меня скептическим взглядом.

— Конечно, знаю. Бретельки да застёжки. Лифчик такой. А что такое лифчик, мне объяснять не надо.

— Точно. — Я похлопала ее по плечу. — Некоторые люди дают своим лифчикам имена. Хотя лично мне эта практика кажется странноватой.

— Ты же всему подряд имена даешь! — расхохоталась Эмбер.

— Но не лифчикам же. Кем надо быть, чтобы придумать имя бюстгальтеру?

Я решила не говорить ей, что она не совсем правильно понимает слово « strapon », и что прямо сейчас на мне лифчик по имени Пенелопа.

Эмбер пожала плечами, а потом сказала:

— У меня еще один вопрос, но этот посложнее.

— Спрашивай о чем угодно, только считать не заставляй. По статистике три человека из четырех в математике полные лопухи.

Прежде чем продолжить, несколько секунд Эмбер, видимо, подбирала слова:

— Ни слова о математике. Мне хотелось узнать, у всех ли парней... то есть все ли они так же... «упакованы», как Рейес.

Застыв от стыда, я крепко зажмурилась. Уже и думать забыла о том, как однажды Рейес

ворвался ко мне в квартиру в чем мать родила, а Эмбер появилась буквально через секунду и узрела собственными глазами весь, так сказать, комплект.

Делать было нечего. Я решила удариться в личную интерпретацию «Придурка» — одного из моих любимых фильмов:

— Ты о его великом предназначении?

— Нет. Я о его члене.

Я метнулась к Эмбер и зажала ей рот рукой.

— Тебе же всего двенадцать! Откуда ты вообще это слово знаешь?! Когда мне было двенадцать, я таких слов не знала. То есть знала, конечно, где-то примерно с самого рождения, но точно не употребляла их в двенадцать лет!

Эмбер подвигала губами под моей ладонью и кое-как произнесла:

— Мне тринадцать. Уже целую неделю.

— Ну да, точно. — Я ее отпустила. — Значит, так, с сегодняшнего дня называем это дело предназначением, лады?

— Я видела «Придурка». Ну так как?

— Блин, ну и вопросы! Наверное, придется сказать, что вряд ли. То бишь точно не все. Рейес... ну... несколько больше, чем среднестатистические мужчины.

— Ясно, — расстроилась Эмбер.

— Но анатомически у всех все одинаково. В смысле у всех одни и те же части тела.

— Поняла.

Кажется, мои заверения подняли ей настроение. Я наконец-то нашла свитер, натянула на себя и села рядом с Эмбер.

— А почему ты спрашиваешь, солнце? Что-то случилось?

На красивом личике засияла хитрая ухмылка.

— Да нет. Просто тогда я подумала, что он очень хорош. То есть на него приятно смотреть.

Придушив в зародыше смех, я кивнула:

— Полностью согласна.

Появилась Куки с вопросительно приподнятыми бровями:

— О чем болтаете?

— О предназначении, — мигом отозвалась Эмбер.

— О том, что у Рейеса во всех смыслах поразительное предназначение. — Едва договорив, я закрыла глаза.

Куки подошла к Эмбер и положила руку ей на плечо.

— Милая моя, у всех нас есть предназначение. У некоторых оно больше, у некоторых меньше. Однажды свое предназначение появится и у тебя.

Еще чуть-чуть, и Эмбер разразилась бы хохотом. Не зная, сколько еще выдержит, она встала, покраснев до корней волос:

— Спасибо, мамочка. Жду не дождусь, когда оно у меня появится.

С этими словами она вышла из спальни, а я уронила лицо в ладони.

Куки испустила нарочито долгий и громкий вздох:

— Словечко из «Придурка»?

— Ага, оттуда.

— Ну почему меня так легко обвести вокруг пальца?

— Потому что ты — это ты, — ответила я и в знак поддержки крепко обняла подругу.

Когда я расстроена, обнимите меня и скажите, что я красивая.

Когда я злюсь, отойдите на безопасное расстояние

и начинайте бросаться в меня шоколадками.

Самый лучший на свете совет

Остаток вечера прошел тихо и спокойно. Хотя со спокойствием я, наверное, переборщила. Гаррет рассказывал о своих беседах с доктором фон Гольштейном, и все истории оказались суперскими. Видимо, док вовсе не был таким объемистым и простоватым, как я себе представляла из-за фамилии. И все же два присутствующих иномирных существа (не считая мистера Вонга, которому, похоже, все на свете было по барабану) так и лучились напряжением. Судя по всему, Ош решил остаться во что бы ни стало и лично проследить, чтобы со мной все было путем. И это под постоянными гневными взглядами Рейеса. Усугублялось все еще и тем, что каждый раз, когда Рейес смотрел на Оша, последний нагло улыбался. Ей-богу, эти двое начинали меня доставать. Как будто им дорогу перебежала черная кошка с пустым ведром. Тем не менее, ужин обошелся без драк и синяков, а значит, вечер прошел хорошо. Из чего следовало, что я начинала нервничать.

Постелив Ошу на Софи, я зашла в спальню. Рейеса отнюдь не радовала наша импровизированная вечеринка с ночевкой, но Ош беспокоился и хотел быть рядом, чтобы при необходимости оказать нам помощь. Ничего страшного я в этом не видела, так что Рейесу пришлось смириться.

Наши кровати все еще стояли изголовьями друг к другу — пару недель назад Рейес снес стену между нашими комнатами. Едва шагнув за порог спальни, я обалдела от развернувшейся перед глазами картины. Сразу на обеих кроватях, подсунув под спину несколько подушек, лежал Рейес. Босиком, по пояс голый, в темных пижамных штанах. В одной руке он держал бокал, а в другой — книгу. Видела я такие фотки в журналах. Из оперы «кинозвезда в домашней обстановке».

Я чуть не кончила не отходя от кассы. В жизни ничего сексуальнее не видела. Неужели я когда-нибудь привыкну, что он рядом? Привыкну к возможности смотреть на него в любое время, зная, что он только мой? Что мне не нужно его ни с кем делить? Ну разве что с возрастом я совсем одичаю и мне приспичит организовать тройничок. Впрочем, сомневаюсь, что мне когда-нибудь захочется делиться этим мужчиной. Бога ради! Сегодня я приревновала его к покойнице! Правда, покойница была восхитительной, но все-таки.

— Полегче, Бетти Уайт, — пробормотала я.

— Чего? — не отрываясь от книги, спросил Рейес, и уголок его рта игриво приподнялся.

Я подошла к кровати.

— Ты читаешь. Наверное, это самое сексуальное, что вообще может делать мужчина.

Широко улыбнувшись, Рейес наконец посмотрел на меня, закрыл книгу и отложил в сторону.

— Ты еще не видела, как я танцую на пилоне.

Сдержаться не получилось — я расхохоталась вслух.

— По-моему, вам с пилоном лучше давать частные выступления. Потому что звучит это дело крайне интимно.

— Наверное, ты права.

По мне с головы до ног прошелся взгляд темных глаз, и я тут же пожалела, что не надела на ночь футболку с надписью «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ».

Еле-еле выбравшись из транса, я дерзко заявила:

— Между прочим, я на тебя злюсь.

Рейес согнул ногу в колене и положил на него руку.

— Серьезно?

— Серьезнее некуда. Не думай, что я забуду, как ты за мной шпионил.

— Не смел и мечтать.

— Кто она? — спросила я, залезла на кровать и уселась в изножье, чтобы Рейес не смог до меня дотянуться.

— С чего ты взяла, что она у меня одна?

Офонарев, я приподняла брови.

— Та, которую я видела, была очень красива.

— Кажется, она утонула во время какой-то вечеринки.

— Тогда понятно, почему на ней вечернее платье.

— У нее рамазан макияж.

— Но тебе ведь такое даже нравится.

— Только на тебе, — усмехнулся Рейес и все-таки протянул ко мне руку.

Спрыгнув с кровати, я обошла его, чтобы собрать грязную одежду и сложить ее в корзину для стирки.

— Так сколько их у тебя?

— Что ты хочешь услышать?

Неужели, блин, я задала такой сложный вопрос?

— Предпочла бы правду.

— Тогда армия. На такой ответ ты рассчитывала?

Я подошла к комоду и принялась копаться в ящиках.

— Если это правда, то да. Только хочу уточнить. Армия — это сколько конкретно?

— Несколько, — уступил Рейес. — Штук семь, плюс-минус. Ты становишься сильнее.

Она поняла, что в кофейне ты ее вычислила.

— Почувствовала аромат ее духов. Раньше с призраками у меня такого не получалось.

— Твои чувства и ощущения становятся острее. Молодец.

— Чем именно занимается твоя армия шпионов? Я не люблю, когда за мной следят.

— Значит, я зря тебе все рассказал.

Я понятия не имела, как к этому относиться.

— Датч, я не стану рисковать тобой только потому, что тебе не нравится, когда за тобой приглядывают. Как ты сама и говорила, теперь речь идет не только о тебе.

Что ж, тут он прав.

— Покажи мне, на что ты способна.

— Ты прекрасно знаешь, на что я способна. Да и вообще, кажется, не знаю этого только я. И, насколько я понимаю, если ты назовешь мне мое настоящее, неземное имя, я сразу пойму, что к чему и что надо делать.

— Верно, но тогда все изменится. Нам нельзя пользоваться этим козырем без крайней необходимости.

— Ни черта не понимаю. Ты можешь объяснить, в чем, собственно, дело?

Рейес опустил глаза.

— Я точно не знаю, не станешь ли ты стопроцентным ангелом смерти, узнав свое имя.

— То есть ты боишься, что мое физическое тело перестанет существовать? Что я стану ангелом смерти и...

— Забудешь обо мне. У тебя будет работа. Ангелы смерти не славятся своими социальными навыками. Они всего-навсего выполняют свой долг, и больше ничего. Как бы это сказать? Они становятся... нет, лишаются всяческих эмоций.

Я знала, что это всерьез беспокоит Рейеса, но в глубине души не сомневалась: что бы ни произошло, что бы я ни узнала, я никогда его не забуду. Это так же немыслимо, как и думать о том, что мир превратится в пыль. Но пока я решила не ковыряться в этой теме.

— Ладно. Пусть это будет нашим тузом в рукаве.

— Вот и хорошо. А теперь давай посмотрим, на что ты способна. — Он сложил руки на широкой груди. Над ушами вились густые темные волосы, блестящие даже в тусклом свете. — Просто подыграй.

— О'кей. Что делать?

Рейес опустил голову, посмотрел на меня из-под длинных ресниц и сказал тихим бархатным голосом:

— Представь, что я один из Дюжины.

— Один из Дюжины. Лады.

— А теперь уделай меня.

— Уделать тебя.

— Как сегодня утром.

— Ну уж нетушки! — заартачилась я. — Утром я поступила ужасно. Ты не мог дышать.

— Блестящее решение.

— Опрометчивое решение.

— Датч, — с нажимом произнес Рейес.

— Ладно-ладно! — Я закрыла глаза и начала мысленно превращаться в крутую, непобедимую боевую машину. Представила себя кофеваркой. Было сложно, но у меня получилось. Я открыла глаза и в упор посмотрела на Рейеса. — Значит, так. Ты — болезнь, а я — противовирусный препарат, который защищает клетки организма и не дает вирусу плодиться во все стороны.

С явным трудом поборов улыбку, Рейес поинтересовался:

— Где ты этого нахваталась?

— По большей части, из рекламы терафлю.

— Датч, — услышала я тот же предупреждающий тон, — или ты меня победишь, или пожалеешь, что не смогла.

В этом я ни капельки не сомневалась, хотя понятия не имела, что такого он может сделать, чтобы я пожалела. Глубоко вздохнув, я сосредоточилась и приказала себе победить Рейеса, который, между прочим, продолжал сверлить меня взглядом, дав последнее предупреждение:

— Датч.

Вот только я не знала, что делать. Не хотела причинять ему боль. Не хотела, чтобы из-за меня он снова переживал то, что пережил утром.

Я моргнула, и в этот самый миг Рейес напал. Схватил за горло и поднял меня над кроватью, как будто собирался с размаха впечатать меня в матрас. Не задумываясь, я

замедлила время, приспособила его к скорости движений Рейеса, а потом и вовсе остановила. У меня появилось преимущество. Теперь я могла освободиться, развернуться и точно так же схватить за горло Рейеса, чтобы потом отпустить время и, используя силу возврата, перебросить Рейеса через плечо прямо на пол.

Отпуская время, рев которого эхом отдавался от стен, я произнесла вслух одно простое слово, только чтобы убедиться, что преимущество останется за мной еще на несколько секунд:

— *Excruci*.

Как только боль врезалась в Рейеса, его спина выгнулась. Он запрокинул голову и зарычал сквозь стиснутые зубы. Мышцы напряглись, словно его с ног до головы свело судорогой. Пока время успокаивалось на положенном ему месте, я наблюдала за происходящим и думала: если я могу причинить боль, то могу ли сделать и наоборот? Могу ли вызвать наслаждение?

— *Laetitia sine poena non habet*, — сказала я. «Без боли не бывает удовольствия». Выпустив из легких весь воздух, я посмотрела на лежавшего у моих ног Рейеса и тихо добавила: — *Voluptas*.

Сделав шумный вдох, он снова запрокинул голову, и я ощутила, как от него исходит чистейшее, по-настоящему неземное наслаждение. Как только я присела рядом, он схватил меня за ногу. Другая рука слепо искала хоть какую-то опору, но нашла только одеяло на кровати и сжала его в кулаке, пока Рейеса волна за волной атаковало невообразимое удовольствие. Я должна была остановиться, должна была отпустить его, но меня несло тем же течением. Все, что испытывал Рейес, эхом отдавалось во мне. Наслаждение билось во мне так же, как и в нем, пульсировало внутри меня, разливалось между ног, заостряло соски, пока я громко не ахнула от того, как натянулась моя кожа.

И все же я не могла отвести взгляд от Рейеса. Корчась от смеси боли и удовольствия, каких я в жизни не испытывала, он был невероятно красивым. Под натиском созданной мной же силой мои ноги раздвинулись, и эта сила ударила в живот, разрослась там и потекла раскаленной лавой, сжигая меня изнутри. Направив ее глубже, в порыве чистой, примитивной похоти я залезла Рейесу в штаны и сжала в руке твердый, как камень, член. Под пальцами бушевала кровь, а наполнявшая меня власть была слаще всего на свете.

— Датч, — выдохнул Рейес, переживая текущий по венам и сжигающий нервы мучительный экстаз.

Нам обоим было больно, но эта боль была сладкой, как только что сорванная с ветки спелая ягода.

Однако мне этого было мало. Стянув с Рейеса штаны, я взяла его в рот до самого основания. Из его груди вырвался стон. Схватив за волосы, он попытался меня остановить или хотя бы замедлить, но мне хватило одной лишь мысли, чтобы пресечь любые попытки. Совершенно беспомощный, он накрыл ладонями лицо. Мы оба знали, что оргазм вот-вот заявит свои права.

— Датч, пожалуйста, — взмолился Рейес сквозь стиснутые зубы, и я засомневалась, знает ли он сам, о чем просит. Положить конец пытке удовольствием или чтобы оно, наоборот, длилось бесконечно?

Ощувив на языке солоноватую каплю, я поняла, что финал близок. Легко провела зубами по члену и мысленно приказала Рейесу кончить.

— Черт! — шумно выдохнул он, взорвавшись прямо у меня во рту, и одним рывком

оказался еще глубже.

В этот самый момент огромной, сметающей все на своем пути волной поднялся мой собственный экстаз, заполнил меня до краев и пролился наружу ослепительно белым светом. Не помня себя, я цеплялась ногтями за Рейеса. В каждой клеточке пульсировала саднящая, но приятная боль, пока наконец сердце не забилося медленнее, а остатки света не согрели меня до самых костей.

Я рухнула на Рейеса. Никогда в жизни мне не приходилось испытывать такого удовлетворения. И никогда в жизни я не ощущала себя настолько могущественной.

— Ну и как тебе? — спросила я, искренне желая услышать, как Рейес оценивает мое выступление.

Наверное, больше любых слов говорил его взгляд. В основном о том, что Рейес в шоке.

— Ничего подобного никогда не испытывал.

— Я тоже, — сказала я, уткнувшись носом в широкую грудь.

— Датч, — Рейес приподнял мою голову и заглянул в глаза, — я серьезно. Представить не мог, что подобное существует на самом деле. Я знал, что силы в тебе хоть отбавляй, но ты умудрилась вывести меня из строя одной только мыслью и воспользовалась временем как вспомогательным средством. Иными словам, использовала весь свой арсенал, чтобы вырубить противника. Ты воин. Самая настоящая вэл-итх.

Я приподнялась на локте.

— А что такое вэл-итх?

Все еще ошеломленный, Рейес провел ладонью по лицу.

— Помнишь, я говорил тебе, что даже среди своего народа ты была особенной?

— Ага. Ты сказал, я вроде как королевских кровей.

— Но теперь ясно, что это еще не все. Ты вэл-итх. Еще до сотворения Земли и даже вашего солнца существовало всего лишь двенадцать вэл-итх. Каждые несколько миллионов лет один из них рождался в вашем мире. Получается, что ты тринадцатая.

— Тринадцатая? — переспросила я. — То есть тринадцатый воин, о котором ты прочитал в пророчестве?

— Точно не знаю. Интерпретировать пророчества однозначно практически невозможно, но...

— Выходит, я сама себя прикончу? А Антонио Бандерас ни при чем? — Да уж, сильнее разочароваться было бы трудно.

Рейес снова приподнял мою голову.

— Ты хоть к чему-нибудь относишься серьезно?

— Не-а.

Он лег на спину и задумчиво сдвинул брови.

— Почему тебе позволили стать ангелом смерти? Это же... — Рейес помолчал, подбирая подходящие слова. — Это же ниже твоего достоинства. Намного ниже. Тебе суждено быть их лидером миллионы лет. Суждено быть богом. Ни черта не понимаю.

— А может, они знали о пророчествах. О том, что наша дочь будет крутой до мозга костей и прикончит твоего папашу.

— Я поражен их жертвой. Через кто его знает сколько миллионов лет у них наконец появилась еще одна вэл-итх, а они отправляют ее в это измерение?

— В любом случае, я рада, что они так поступили.

Рейес покачал головой и посмотрел на меня горячим взглядом:

— Ничего такого они бы не сделали и никогда бы не послали тебя сюда. Никогда. Значит, ты должна была вызваться сама. Должна была настаивать. На трон к тому времени ты еще не взошла, но, уверен, любое твое слово чтили как закон. Так что наверняка это было твоим решением.

— Круто. Похоже на то, как я присоединилась к Корпусу мира. Добровольное согласие на временную работу, чтобы стать лучше и помогать людям, нуждающимся в помощи.

На щеках Рейеса появились ямочки.

— Прямо-таки одно и то же, — сказал он, приправив голос внушительной дозой сарказма.

— Ну ладно. Вернемся к тому, что я умею. Очевидно, я могу тебя уделать, когда ты в теле из плоти и крови. Но что, если я столкнусь с чем-то нематериальным, вроде адского пса?

— Это, дорогая моя, вопрос на миллион долларов.

Я подарила ему ослепительную улыбку, придвинулась еще ближе, не обращая внимания на врезавшийся в спину угол комода, и тихонько хихикнула. Он назвал меня «дорогая».

***

Я сладко спала в объятиях Рейеса, когда вдруг ощутила прохладное прикосновение. Вот только после «тренировочки», которая выжала из меня все соки, не было ни малейшего желания кому-то там отвечать. Мне нужно было больше практиковаться, чтобы научиться себя контролировать и не насиловать собственного жениха всякий раз, когда удастся взять верх. Но Рейес в уязвимом положении — это что-то невообразимо соблазнительное. Устоять практически невозможно, а я и без того не обладаю железным терпением.

Прикосновение повторилось, но на это раз вместе с тихим голосом:

— Мисс Дэвидсон, вы спите?

Различив незнакомый акцент, я открыла один глаз. Всего один. Второй пусть еще немножко поспит. В комнате царила кромешная тьма, но отсутствие света никогда не мешало мне разглядеть призраков, которые словно находились на сцене в луче прожектора.

Передо мной стоял мужчина. Пухленький, но хорошо одетый. Выглядел он так, будто явился сюда прямо из сороковых. На лице я заметила очки в круглой оправе и тоненькие усики, которые смахивали на насекомое прямо над губой.

— Мисс Дэвидсон, прежде чем уйти, я должен был с вами повидаться. Даже вообразить не мог, что все это по-настоящему. Если бы... если бы знал, пришел бы раньше.

Немецкий! Акцент был немецкий, и до меня наконец дошло, кто пожаловал в гости. В тот же самый момент я поняла, что гость у меня не один. За спиной у призрака стоял Ош и прожигал взглядом мужчину, застывшего у моей кровати.

Я села и потеряла закрытый глаз, молча уговаривая его открыться и составить компанию второму.

— Ош, блин, ты что здесь делаешь?

— Пометь его для меня.

— Ош, — сказала я, зевая, — я не стану помечать душу этого человека только потому, что ты голоден.

— Чего тебе надо? — спросил Ош у призрака, схватив его за воротник.

Мужчина вздрогнул, и на его лице отразился чистый страх.

— Мне нужно поговорить с мисс Дэвидсон. Она же та самая, разве нет? Дочь света из пророчеств.

Ош покосился на меня, потом снова посмотрел на призрака.

— Допустим. Тебе-то что?

— Я... я их переводил. Документы. Видимо, я умер до того, как успел с вами увидеться.

— Мне очень жаль, доктор фон Гольштейн, — сказала я. — Вы скончались два дня назад.

— Не может быть. — Док присел на край кровати. — Это произошло всего секунду назад.

Я подалась вперед и положила руку ему на плечо.

— Там время течет по-другому.

— Видимо, да. — Он снял очки и протер стекла рубашкой.

— Можете рассказать мне, что вам удалось узнать?

Глубоко вздохнув, он встряхнулся, как будто сбрасывал с себя ступор.

— Я и представить себе не мог, что все это возможно. Но если вы та, кто я думаю, то я могу ведь вам все показать, ja^[23]?

— Конечно, — заверила я.

Снова надев очки, доктор фон Гольштейн подался ко мне и перешел. Я наклонилась вперед, упершись руками в колени. Сущность доктора медленно скользила сквозь меня и наполняла мысли его воспоминаниями. Меня вихрем пронесло по его детству в Западном Берлине. Вся жизнь его семьи была одной сплошной борьбой за выживание. Родители отправили его в Америку студентом по обмену, но потом он сам вернулся сюда, чтобы доучиться в университете. Он любил обе страны, и эта любовь причиняла ему немало страданий. Ужасно скучая по родине, доктор фон Гольштейн, тем не менее, остался в Штатах и стал преподавателем. Я промотала воспоминания вперед, пока не увидела, как с доктором связался некто с запада по имени Гаррет Своупс и рассказал о найденных древних текстах. Я так и не выяснила, каким образом Гаррет обнаружил эти тексты, и как ему удалось найти Зевса, хотя подозревала, что это как-то связано с поездкой в ад и обратно, организованной мистером Рейесом Фэрроу.

В конце концов я увидела прорыв доктора. Он нашел ключик к расшифровке хаоса. Работал он с копиями, а значит, оригиналы все еще хранились у Гаррета в каком-то безопасном месте. Доктор фон Гольштейн нашел нечто, что помогло ему обнаружить серьезную ошибку в предыдущих переводах.

Существовала Дюжина, о чем мы, конечно же, знали, но это еще не все. Строчка из текста звучала приблизительно так: «Двенадцать послали и двенадцать призвали». Мы считали, что именно вторая, хорошая, Дюжина станет армией Пип. Что Пип сама выберет двенадцать защитников, которые помогут ей в борьбе с падшими, когда они восстанут из ада. Но оказывается, армия не относилась ни к одной из Дюжин.

«Двенадцать послали и двенадцать призвали».

Доктору было трудно разобраться, что именно все это значит. Тексты были написаны едва ли не загадками, как катрены Нострадамуса, но фон Гольштейн начинал подозревать, что армия, которую выберет себе Пип, будет дополнять хорошую Дюжину. И только тринадцатый воин сможет решить, на чьей стороне будут шансы на победу. Итог войны,

способной разрушить планету или, наоборот, принести мир на тысячи лет, будет решен в считанные секунды.

Но я никогда не пойду против собственной дочери, а значит, не я тринадцатый воин в этой ситуации. Может быть, это и вовсе сама Пип, но доктор Фон нашел в текстах множество намеков на то, что тринадцатый воин — мужчина. И этот тринадцатый воин, рожденный во тьме, покачнет весы либо в одну, либо в другую сторону.

Информации от доктора я получила столько, что было сложно переварить все сразу. Открыв глаза, я увидела на стуле в углу Оша, который сидел и терпеливо ждал, но встал, едва заметив, что я на него смотрю.

— Ну?

— Расскажи ему, — сказал Рейес. — Он отказывался уходить, пока ты не придешь в себя.

— В смысле? А сколько я была в отключке?

Ош взглянул на часы на прикроватной тумбочке.

— Три часа.

— Три часа?! — Я тоже уставилась на цифры. — Такого никогда раньше не было.

Рейес погладил меня по спине.

— Тебе пришлось многое узнать.

— Это да, но сомневаюсь, что новая информация поможет нам справиться с тем, что сейчас происходит.

Я позвонила заспанному Гаррету и рассказала всем о том, что передал мне доктор Фон. Он оказался хорошим парнем, и меня до ужаса бесило, что он умер от сердечного приступа сразу после того, как обнаружил свой личный Святой Грааль. Док хотел опубликовать тексты и сделать пророка Клеозария таким же известным, как Нострадамус. Я всерьез сомневалась, что подобное возможно, но доктор действительно нашел немало совпадений в пророчествах с историческими событиями. Впрочем, наверняка то же самое когда-то говорили о Нострадамусе и других пророках. Но сама идея была классной.

До утра я так и не заснула. Все думала и думала о том, что узнала и что рассказал мне Рейес, но в итоге решила сосредоточиться на текущих проблемах. Как нам с Рейесом победить Дюжину и спасти нашу дочь? Ничего важнее в данный момент не было.

Разве что я еще должна была раскрыть три или даже четыре убийства, найти пропавшее тело и начинала не на шутку беспокоиться о папе. Короче говоря, в безбожную рань я сидела за компьютером, слушала дыхание сопящей под ногами Артемиды и шерстила все базы данных, к которым у нас был доступ на законных и не очень основаниях. Искала я хоть какую-нибудь связь между жертвами с предсмертными записками, потому что ничего другого до рассвета сделать не могла.

В какой-то момент подошел Рейес и размял мне плечи.

— Хочешь папочкиной крови? — спросила я, предлагая ему сделать глоток кофе без кофеина, но Рейес только поцеловал меня в макушку и вернулся в постель.

Ош валялся на Софи, хотя я подозревала, что ему тоже не до сна. В конце концов, пережив самый долгий за всю историю существования мира рассвет, я нашла телефон и позвонила своей мачехе Дениз. Я прекрасно знала, что она еще спит, но когда-то она сама велела мне не звонить, пока не взойдет солнце. Ну что ж, солнце взошло.

— Здорово! — рявкнула я в трубку так бодро, как только сумела.

Артемида проснулась, поворчала в знак протеста и потрусила дрыхнуть к Рейесу.

— Чарли? — сиплым спросонок голосом спросила Дениз.

— Единственная и неповторимая. От папы новости есть?

— Нет, — уже бодрее ответила мачеха. — А у тебя?

— Ничегошеньки. Хочу узнать, где он остановился, когда съехал от тебя.

— Мне-то почему знать?

— Дениз, я натравлю на тебя батальон призраков, которые целую вечность не дадут тебе покоя.

И здесь начинался наш привычный танец, в народе известный под названием «тиранический тустеп». Добрых пять минут Дениз меня отчитывала, утверждая, что я и только я виновата в том, что папа ушел. Если бы я поступила так, а не иначе, сделала бы то и се, придвинула бы луну и совершила еще какой-нибудь подвиг, они бы не расстались. Но я, видите ли, вместо того чтобы помочь, превратила жизнь собственного отца в сущий ад.

И Дениз тут вообще ни при чем.

Когда мы пересекли пятиминутную отметку, я решила наконец ее перебить:

— Знатно ты мозги промываешь. У тебя, случайно, не осталось твоего суперпорошочка? У меня, видишь ли, стрики накопилось немеряно.

— Твой отец пропал, а ты только и делаешь, что дерзишь.

— Это же моя специальность.

— Совесть у тебя есть?

С каждой секундой все больше и больше раздражаясь, я ответила:

— Была, пока ее начисто не выклевала стервятница в дешевых шмотках.

Мне явно удалось шокировать Дениз, потому что несколько долгих секунд она молчала, но наконец сдалась:

— Он остановился в отеле «Ла Квинта». В том, что ближе к тебе, возле аэропорта.

Больше сказать мне было нечего, поэтому я молча повесила трубку и уже через час в «Ла Квинте» на Гибсон пыталась договориться с суперпристойного вида мужчинкой, у которого минуту назад развилось стойкое уважение к моей крутизне. Ну или к моей же крутой заднице.

— Но я же частный детектив, — увещевала я портье, который явно ненавидел свою работу.

— А я рукоположенный священнослужитель, — сказал чувак с густым индейским акцентом. — Но это не значит, что я могу ходить по номерам в отеле, когда мне вздумается, только потому, что у меня при себе имеется какая-то бумажка.

— Какая-то бумажка? — Я помахала у него под носом удостоверением. — Чтоб вы знали, она заламинирована.

Слава богу, позвонила Куки, а то я уже всерьез намеревалась отвл-итхить его задницу. Глубоко вздохнув, я поклялась себе пользоваться силой исключительно во благо и сказала в трубку:

— Дом съедобных красок Чарли.

— Его лодка до сих пор в доках в Южном Техасе, — затараторила Куки, и по голосу было ясно, что она начинает паниковать. — Офицер береговой охраны целую вечность это подтверждал. Я звоню Роберту.

— Не переживай. Я сама ему позвоню. Все равно мне нужен ордер на доступ в папин номер, потому что кое-кто, — я смерила портье злобным взглядом, — явно встал сегодня не с той стороны Альбукерке.

Через час после этой стычки появился дядя Боб с ордером. Причем успел подать заявление об исчезновении папы и разослать ориентировки на его машину. Господи, обожаю Диби! Когда он показал ордер портье, я ухмыльнулась. Задрав нос, чувак с чванливым видом повел нас в номер.

— Может, и вам свою бумажку заламинировать? — предложила я ему, перед тем как он ушел.

Знаю, вела себя, как ребенок. Но, как только я вошла в папин номер, все ребячество мигом выветрилось. Сделав несколько шагов, я с отвисшей челюстью покрутилась вокруг своей оси.

Из комнаты словно высосали весь воздух. Голова пошла кругом.

Стены были обклеены страницами, фотографиями и вырезками из газет, которые составляли причудливый коллаж, посвященный... мне. Начиналось все с южной стены, отражавшей мое детство. Сотни фотографий, большинство из которых я вообще никогда не видела. Статьи, письма, школьные работы, интервью — все обо мне и только обо мне. Были здесь даже фотки из Уганды, когда я работала в Корпусе мира.

Глянув на дядю Боба, я изобразила вопросительный жест.

— Не знаю, что и сказать, милая. В последнее время он задавал о тебе много вопросов, но не о том, о чем ты можешь подумать.

— То есть? Дядя Боб, что все это значит? Только посмотри на эту комнату!

— Он спрашивал, не заметил ли я, чтобы кто-нибудь за тобой следил.

Взглянув на Рейеса, я поняла, о чем он думает. Что папа имел в виду его.

— Он спрашивал о Рейесе? Но почему? Они же знакомы. Рейес купил у него бар.

— Дело не во мне, — вдруг задумчиво сказал Рейес, изучая фотографии. — Когда мы впервые встретились, он задал мне несколько вопросов, но намерения у него были самые благородные. Он очень тебя любит. Здесь что-то другое... Посмотри. — Он показал на одну фотографию, и мы с Диби шагнули ближе. — На этом снимке твой отец, а сам снимок...

— Как будто сделан тем, кто за ним следил, — закончил дядя Боб.

— И этот тоже.

Мы подошли к другой стене.

— А на этих фотографиях тебя вообще нет, зато есть какой-то мужчина. Узнаешь его?

Мужик был среднего роста, среднего телосложения, но рассмотреть что-то еще не удалось.

— Никогда его не видела. — Диби покачал головой, а я подошла ближе и сощурилась. — Но вот это... это же мой дом! — Потом показала на другое фото и завизжала: — А это моя пожарная лестница! Он заглядывает ко мне в окно!!! И, когда это снимали, камера была в режиме ночного видения.

Рейес взял меня за руку. Я так разозлилась, что задрожала земля. Совсем чуть-чуть. Диби отошел и схватился за настольную лампу. Уж не знаю зачем.

— Это землетрясение? — ошеломленно спросил он.

— Наверное, — ответил Рейес и, приподняв мою голову, заглянул мне в глаза. — Порядок?

Я глубоко вздохнула:

— Да. Пардон.

— Мы со злостью хорошо знакомы.

Грустно улыбнувшись жениху, я повернулась к дяде Бобу:

— Значит, папа следит за этим мужиком? Поэтому на звонки не отвечает?

— Думаю, да. Но я бы не волновался. Он говорил мне, что ведет какое-то расследование и некоторое время может быть недоступен.

— Почему ты ничего мне не рассказал?

— Потому что он об этом попросил, — пожал плечами Дибби. — Теперь я понимаю почему.

— Но зачем этому чуваку за мной следить?

— Мало того, — добавил Рейес, — судя по этим материалам, слежкой он занимался очень-очень долго. — На его щеке появилась ямочка, и красивые губы тронул намек на улыбку. — Хотя понять его можно.

— Ага, — усмехнулась я, — но у тебя-то была причина.

— У этого парня, похоже, тоже есть.

— Или ему так кажется, — вставил дядя Боб, который уже звонил капитану. — Не знаю, милая, что здесь можно сделать. Это расследование твое отца. Наверное, нам стоит пока оставить все как есть и дожждаться, когда он сам все расскажет.

— Согласна, но сейчас я хочу знать, зачем папе сдался этот мужик.

Я села за стол и опять попыталась дозвониться, но на этот раз телефон папы был выключен. Может быть, села батарея, а это значит, что мы лишились возможности отследить его по сотовому.

— Мы можем запеленговать его по старым звонкам, милая. Хотя бы узнаем, где его носило.

Я кивнула и начала просматривать бумажки.

— Ну ладно, — сказал Дибби, повесив трубку. — Мне надо в центр. Только ничего отсюда не забирай.

— Езжай, мы справимся, — заверила я его. — Огромное тебе спасибо, дядя Боб.

Он подошел и чмокнул меня в висок.

— Всегда пожалуйста. И не наезжай на портье. Он всего лишь делал свою работу.

— Знаю, но ведь весело было. Минуточку! — Я заметила знакомую фотку. — А вот эту я видела.

Дибби с Рейесом посмотрели на снимок. На нем была изображена я в Уганде. Мы помогали беженцам добраться до организованного нами лагеря с пресной водой. На фотографии я несла на руках маленькую девочку, чья голова лежала у меня на плече. Воспоминание было одним из самых ярких, и я знала, почему этим заинтересовался Ватикан. На поселенцев то и дело нападал лев, и вскоре по всей округи пошел слух, что лев якобы меня боится и не появляется там, где появляюсь я. Понятия не имею, как вообще родился этот слух. Правды в нем не было ни грамма, но с той поры в наш лагерь каждый день прибывали новые беженцы.

Однако кое-чего до сегодняшнего дня я не знала. Фотографу удалось сфоткать меня так, что в кустах справа отчетливо было видно притаившегося льва. На маленькой черно-белой копии из конверта отца Гленна я этого не заметила, но теперь на большой цветной фотографии рассмотрела даже янтарные глаза, пылающие в свете заходящего солнца.

Даже от одного взгляда на снимок замирало сердце. Лев был так близко, что легко мог в один прыжок вырвать мне глотку раньше, чем я бы поняла, что вообще происходит. Угандийцы наверняка сочли это чудом. Неудивительно, что им казалось, будто меня что-то защищает.

— Где ты ее видела? — спросил Рейес.

— В досье, которое на меня собрали в Ватикане.

Дибби уставился на нас обоих.

— У Ватикана есть на тебя досье?

— А я не говорила?

— Речь о настоящем Ватикане, который в Италии?

— Нет, дядя Боб, о липовом из Пукипси. О настоящем, само собой.

Дибби почесал лицо.

— Ну и что это значит?

— А то, что у кого-то в Италии слишком много свободного времени. Иди уже. Мы разберемся.

Рассеянно кивнув, Дибби закрыл за собой дверь.

Пару часов мы с Рейесом изучали собранные папой материалы. Я надеялась наткнуться на какое-нибудь имя или адрес, но ничего такого найти не удалось. Только странные документы, чеки и вырванные из бухгалтерской книги страницы.

В конце концов под кучей чеков из фастфудов Рейес нашел карточку фирмы, предоставляющей в аренду склады.

— «Безопасность и сохранность», отсек 17-А.

— Надо проверить. Как думаешь?

— В обычных обстоятельствах я бы сказал, что это может подождать. Но не отвечать на звонки и вообще ни с кем не связываться совсем не в духе твоего отца.

— Вот именно. Но нам опять понадобится ордер. Черта с два нас пустят туда просто так. Хотя... — Я замолчала, выдерживая интригу.

Рейес усадил меня к себе на колени.

— Давай так. Сначала перекусим, а потом позвоним твоему дяде. Если он не достанет ордер, попробуем пробраться туда по-твоему. Что бы ты там ни задумала.

— Договорились. Дибби как мой личный выдаватель ордеров. Видимо, какой-то судья у него в долгу. Жаль, конечно, что он не смог достать мне ордер на раскапывание той могилы, но у меня есть план.

Мы встали и пошли к двери.

— Ты хоть знаешь, как страшно это звучит из твоих уст?

— Знаю. Правда, знаю.

Но уточнить я не успела. Слева раздался оглушительный вопль:

— Чарли!

Клянусь, я подскочила на километр, не меньше. Размахивая руками, ко мне бежала Джессика.

— Мой племянник! Бежим!

Она схватила меня за запястье и куда-то потянула.

— Подожди, Джессика, — сказала я, косясь на Рейеса, который прислонился к колонне в коридоре и сложил на груди руки. — Серьезно, хорош меня тащить! — С трудом, но мне все-таки удалось освободить руку. Я потеряла запястье. Ей-богу, у Джессики смертоносные ногти. — В чем дело?

— Вчера вечером моего племянника сбила машина. Я не знала. До сих пор не знала. Прошу тебя, помоги ему!

— Помочь? — переспросила я, качая головой. — Джессика, я не умею спасать людей. И

не могу ничем помочь, если только ему не нужна помощь с домашним заданием, в котором я, наверное, все-таки смогу разобраться, раз уж он еще маленький.

— Пожалуйста, Чарли. — По ее лицу текли слезы. — Он в критическом состоянии. Никто не верит, что он выживет. Кроме него, у моей сестры никого нет.

— Я не знала, что у Уиллы есть дети.

— Только один-единственный сын. Врачи старались, но... Прошу тебя, хотя бы попытайся ему помочь.

Я глянула на Рейеса, изо всех сил стараясь приподнять брови так, чтобы вроде как извиниться и не выглядеть при этом слишком наглой.

— Ты не против?

— Это твой мир, Датч.

Мы понятия не имели, сколько времени это займет, поэтому по пути в больницу прихватили в «Мачо Тако» напитки и, собственно, тако. Меня беспокоило, как легко Рейес согласился. И почему хотел присутствовать? Казалось, ему было любопытно. Наконец до меня дошло: он хотел узнать, смогу ли я как-нибудь помочь ребенку. Уже несколько дней он меня испытывал. И сегодня мне предстояло пройти очередной тест на способности.

К сожалению, я была уверена, что всех разочарую. Не я вылечила папу от рака, а значит, не смогу залечить раны мальчика. Вот только Джессика была уверена, что такие чудеса мне по зубам. Учитывая, сколько лет она надо мной издевалась и насмеялась, поразительно, что я вообще решила ей помочь. Впрочем, дело вовсе не в ней. Уилла могла быть милой, когда сама того хотела. Мы с ней неплохо ладили, не считая той драки не на жизнь, а на смерть, когда мне пришлось разнимать сестер.

— Джессика, если он в реанимации, меня к нему не пустят. Я же не родственница.

— Ну так скажи, что ты родственница! — отчаянно завизжала Джессика. — Притворись, будто ты моя двоюродная сестра Кристи из Луисвилля.

— А если попросят удостоверение личности?

— Ты же постоянно врешь! Неужели ничего не придумаешь?

Лифт открылся, и Джессика принялась толкать меня в конец коридора, где нас от пациентов отделяла пугающего вида дверь. Рейес неторопливо шел за нами. Я нажала на кнопку звонка.

— Да? — отозвалась какая-то женщина.

— Меня зовут Кристи. Я пришла навестить...

— Дастина! — гаркнула мне в ухо Джессика.

— Дастина.

— Третья палата, — сказал тот же голос, когда огромная металлическая дверь открылась. — Советую поторопиться, милая.

Изменившись в лице, Джессика рванула вперед, и я потеряла ее из виду.

— Скоро вернусь, — сказала я Рейесу и шагнула за порог.

— Где-то здесь я видел учебник по домоводству. Так и просится в руки.

Я кивнула и пошла искать палату номер три. Обойдя сестринский пост, увидела стеклянную комнату с огромной «тройкой» на двери и остановилась. У палаты и внутри стояло человек десять как минимум. Значит, Дастину оставалось совсем чуть-чуть. Пускали к его кровати по два человека. Плохи дела.

— Ну давай же! — подтолкнула меня вперед Джессика.

— Джессика, я не могу туда пойти. Там твоя семья.

— Но ты должна! Должна к нему прикоснуться или что ты там делаешь.

— Ничего такого я не делаю, солнце. Я не исцеляю людей. Извини. Не стоило мне приезжать.

Разговаривая с Джессикой, я заметила на стуле у входа в палату испуганного и растерянного маленького мальчика и поняла, что это Дастин. Джессика испарилась обратно в палату, поэтому я подошла и присела рядом с ним.

— Привет.

Он на меня даже не взглянул.

— Я Чарли. А ты, должно быть, Дастин.

Меня не беспокоило, что могут подумать люди. Все вокруг были чем-то заняты. Медсестры на посту работали, посетители навещали пациентов или даже друг друга. Поэтому трюк с телефоном я решила отложить на потом. Плюс к палатам мало кого пускали, что было мне только на руку.

— Твоя тетя Джессика очень за тебя переживает, — сказала я, заглянув в палату. — Все переживают.

— Я умер? — спросил мальчик.

Я вытянула шею, чтобы увидеть монитор.

— Не похоже. Твое сердечко все еще бьется, а это хороший знак.

Наконец Дастин посмотрел на меня:

— Но я все равно умру, да?

Черт. Я не знала, что ему ответить. Мне еще никогда не приходилось разговаривать с человеком прямо перед тем, как он умрет.

— Не знаю, солнышко. Надеюсь, что нет.

— Я тоже надеюсь, что нет. Мама такая грустная...

— Мне очень жаль, что с тобой такое приключилось.

Дастин пожал маленькими плечами:

— Ничего. Сам виноват. Я ехал на велосипеде и упал прямо посреди улицы. Стэн Фойер говорит, я увалень. Наверное, так и есть.

— Стэн Фойер вонючая какашка.

Мальчик снова взглянул на меня и засмеялся:

— Правда?

— Еще бы.

Мы хлопнулись ладонями, и Дастин снова посерьезнел.

— Почему ты такая яркая?

— Это часть моей работы. Я помогаю таким, как ты.

Голубые глаза вспыхнули от восторга.

— Как ангел?

— Вроде того, только не совсем. Я скорее на другом конце радуги.

— А можешь помочь моей маме? — спросил он. — Она очень расстроится, когда я умру.

Сердце болезненно сжалось. Я ощутила присутствие Рейеса. Наверное, он пришел сюда в нематериальном виде. Осмотревшись, я его заметила. Он кивнул, подбадривая меня зайти в палату и узнать, могу ли я хоть чем-нибудь помочь. Что ж, ради этого храброго мальчика так и сделаю.

— Надо действовать быстро, — пробормотала я, тайком забирая чей-то стетоскоп с

сестринского поста.

Одета я была, конечно, не к месту, но надеялась, что стетоскоп откроет передо мной нужные двери.

— Ты к ней прикоснешься, да? — спросил Дастин, когда я вернулась. — Я не хочу, чтобы она грустила. Со мной все будет в порядке.

В глазах запекло от слез. Пришлось отвернуться. Взяв себя в руки, я снова присела перед мальчиком.

— Все верно, милый. Я к ней прикоснусь. И с ней тоже все будет в порядке.

— Значит, мне уже можно уйти?

Начиная волноваться, я посмотрела на монитор в палате.

— Может быть, на минутку задержишься? Просто чтобы убедиться, что все сработало?

— Хорошо.

Поднявшись, я вошла в палату и двинулась напрямик к монитору. Родные Дастина уступали дорогу. Они шмыгали носами, гладили его по рукам, ждали неизбежного. На грудь огромным булыжником навалилось их горе. Легкие перестали работать. Я попыталась отгородиться от чужих эмоций, но они были слишком сильны.

Борясь с удушьем, я притворилась, будто нажимаю на какие-то кнопки, хотя на самом деле боялась вообще к чему-нибудь прикоснуться. Потом повернулась к бледному мальчику. На огромной кровати он казался совсем крошечным и ужасно хрупким. Голова была перебинтована. Лицо с ссадинами так опухло, что я едва узнавала в нем того, с кем только что разговаривала в коридоре.

Я взяла его за запястье, как будто хотела проверить пульс. Наверняка присутствующие в палате поняли, насколько бесполезны мои действия. Все знали о том, какой ужас здесь происходит. Подняв голову, я увидела Уиллу, которая рыдала на плече у матери, вцепившись пальцами в ее фиолетовую блузку. Мне всегда нравилась мама Джессики.

Решив, что сейчас никто не обращает на меня особого внимания, я закрыла глаза и легонько сжала пальцами тонкое запястье Дастина.

Я таким не занималась — не исцеляла больных, поэтому понятия не имела, что делать. Но я знала латынь, а она, похоже, работала как магическое заклинание.

— Resarci, — прошептала я, мысленно попросив Босса наверху простить меня, если в попытках спасти мальчика я переступила какую-то черту.

Однако закончив, ничего не почувствовала. Во мне не закружилась сила. Из пальцев не вылетели молнии. Передо мной не расступились моря. Не то чтобы в Нью-Мексико на каждом шагу встретишь по морю, но все-таки...

Ничего не получилось.

Я перестала сдерживаться, и по моим щекам потекли слезы. Какой смысл теперь что-то скрывать? Приподняв израненную руку мальчика, я поцеловала его в ладонь, чем, к сожалению, привлекла к себе внимание. Я положила его руку обратно и двинулась к выходу. Только к этому моменту в палате было полно скобящих родственников, и добраться до двери оказалось труднее, чем я думала.

Я не прошла и полпути, как вдруг монитор запикал чаще и громче. А через секунду Дастин издал неясный звук и помотал головой. Даже я застыла, благоговейно глядя, как он медленно открывает глаза. Веки приподнялись совсем капельку. Мальчику явно не нравилось яркое освещение — он прищурился и снова закрыл глаза, но к нему уже бросилась Уилла:

— Дастин! — Очень осторожно она нависла над хрупким тельцем и стала ласково гладить пальцами лицо сына, аккуратно убрав со лба каштановый локон. — Дастин... Господи, пожалуйста...

Мальчик снова попытался открыть глаза. В палату, с трудом проталкиваясь сквозь толпу, уже примчались две медсестры проверять жизненные показатели. Дастин попробовал сосредоточиться на матери, но веки опускались сами по себе. Он попытался еще раз, и его радужки хаотично забегали, пока наконец не нашли другой объект, на котором могли остановиться. Меня.

На его лице отразилось узнавание, и я быстренько кивнула и улыбнулась. Потом подмигнула и как можно незаметнее прижала палец к губам. Дастин тоже кивнул, вздрогнув от боли, но, видимо, не смог подавить лукавую улыбку.

Грудь сдавило, и теперь я уже редела в три ручья. Неужели я это сделала? Неужели действительно спасла жизнь ребенку?

Пока никто не начал задавать вопросы, я пошла к двери. Медсестры, в таком же шоке, как и все остальные, принялись выгонять из маленькой квадратной комнаты всех, кроме мамы и бабушки, так что мне удалось слиться с толпой, которой владела уже вовсе не скорбь, а светлая надежда.

Проходя мимо стула, на котором сидел Дастин, я еще раз порадовалась тому, что его там больше нет. Что произошло, я толком не знала, да и не хотела докапываться. Пока нас вели к огромной металлической двери, с моих губ не сходила широкая улыбка.

Внезапно я услышала мягкий женский голос:

— Чарли?

Все продолжали идти, но я остановилась, повернулась и печально улыбнулась Уилле:

— Привет. Я... ну... навещала старого друга, а потом увидела тебя. Извини, что...

— Перестань, — перебила она меня надломившимся голосом. Ее щеки покраснелись. — Это была ты. Мама видела, как ты подняла руку Дастина. Видела, что ты сделала.

— То есть? — отшатнулась я. — Я ничего не сделала.

Уилла схватила меня за плечи.

— Я знаю, кто ты. В тот вечер, когда ты разговаривала с Джессикой, я все слышала. — При мысли о погибшей сестре печаль вернулась. — Она испугалась, Чарли. Потому что была... ну не знаю, глупой девчонкой.

— Тогда я всего лишь пошутила, Уилла. Ты же знаешь, как детям нравится выдумывать всякие забавные истории на такие темы.

— Пять минут назад я бы тебе поверила. — Она положила ладонь мне на щеку и заглянула в глаза с непереносимым восхищением и благодарностью. — Но точно не сейчас. Я знаю, что ты сделала. Как же мне тебя отблагодарить?

На моем плече оказалась холодная рука Джессики.

— Скажи ей, что я ее люблю. Пожалуйста, Чарли. Я больше никогда и ни о чем тебя не попрошу. Когда я умерла, мы с сестрой были в ссоре. Я всего лишь хочу, чтобы она знала, как я ее люблю.

Я скрестила руки и положила ладони на руки Уиллы.

— А знаешь, сюда меня послала Джессика. Так что это она спасла Дастина. Если бы не она, я бы ни о чем не узнала.

Стройное тело Уиллы сотряслось от рыданий, и она накрыла рот обеими руками. С

короткими каштановыми волосами и огромными карими глазами она была похожа на эльфа и всегда казалась мне поразительно красивой.

— Боже мой! — с надрывом прошептала Уилла.

— Она хочет, чтобы ты знала: несмотря ни на что, она любила тебя всем сердцем. Всегда.

Уилла рухнула прямо на меня, цепляясь за мои руки, словно от этого зависела ее жизнь. К нам подошла ее мама и обняла дочь за дрожащие плечи. Наконец Уилла отстранилась.

— Я никогда этого не забуду. — Поцеловав меня в щеку, она принялась целовать мне руки. — Никогда. Пожалуйста, скажи ей, что я тоже ее люблю.

— Ты сама только что сказала.

Джессика рыдала у меня за спиной, уткнувшись лбом мне в плечо.

— И маме, Чарли. Пожалуйста, и ей скажи.

— Вас она тоже очень любит, миссис Гуинн.

У мамы Джессики на каждом выдохе вырывались рыдания, поэтому она смогла только кивнуть. А потом, сжав плечо Уиллы, еле-еле выдавила:

— Он тебя зовет.

Уилла кивнула, обняла меня напоследок еще раз и побежала к сыну. Джессика помчалась следом.

За дверь я вышла, утопая в шоке и замешательстве, и сразу же увидела Рейеса.

— Все это произошло на самом деле?

— Ты вэл-итх, — напомнил он мне. — В своем измерении ты бог. Я же говорил, тебе что угодно по плечу.

— Это там. А здесь? В этом измерении? В этом мире? На случай, если ты вдруг забыл здесь уже есть Бог. Как думаешь, он расстроится из-за того, что я натворила? Из-за того, что влезла на его территорию?

— Я думаю, он рад, что ты здесь. Только не советовал бы превращать это в привычку.

Выйдя из больницы и направляясь к Развалюхе, я почувствовала в ботинке камешек. Прислонилась к стене и подняла ногу. Рейес оглядывал окрестности, а я закрыла глаза и, положив ладонь на кирпичное здание, решила попрактиковаться в латыни.

— Наперегонки! — закончив, крикнула я и промчалась мимо Рейеса, не имея ни малейшего желания давать ему фору.

Восторг от того, что я первая, приправленный сладким вкусом приближающейся победы, продлился приблизительно ноль целых семь десятых секунды. Зуб даю, все дело в ботинках. Ну и в том, что у Рейеса прыть и сила долбаной пантеры.

В конце концов мы добрались до офиса. Рейес пошел проверить, как идут дела в баре, а я сразу двинула вверх повидаться со своей строптивой помощницей. Люблю иногда застать ее врасплох. Чтобы, так сказать, не расслаблялась. Платить ей за пасьянс «Паук» я точно не стану. Если только сама не буду в него играть. Тогда все путем.

Я медленно открыла дверь, ведущую в мой кабинет. Куки сидела за своим столом, поэтому я на цыпочках стала подбираться ближе.

— Ненавижу тебя всеми фибрами, — заявила Кук, а ведь я ее даже не напугала!

— Сегодня-то за что?

Только сейчас я заметила, что она прижимает к голове упаковку со льдом.

— Она пришла. Кофеиновая ломка. Думаю, мне нужна капельница с морфием.

— Странное дело, — отозвалась я, взяв со стола степлер. Степлер Куки был в сто раз

круче моего. — У меня голова сегодня вообще не болит.

Повернувшись ко мне, Куки начала раскачиваться из стороны в сторону от боли.

— Я не ослышалась? — спросила она, испепеляя меня взглядом убийственно ярких голубых глаз.

— Не-а. Вообще не болит. Кажется, ты говорила, что ломка продлится недели две.

— Говорила. Это все твоя сверхъестественная фигня! — Она ткнула в мою сторону указательным пальцем. — И зачем мне это сдалось? С сегодняшнего дня ты мне даже не нравишься.

— Еще как нравлюсь, — чуточку бодрее, чем надо, возразила я. — Я же как наркотик. Люди не хотят ко мне привязываться, но, разок попробовав, всегда возвращаются за добавкой.

Куки умудрилась простонать носом.

— Ну почему я не могу тебя бросить?

— Вот никогда ты меня не слушаешь. Говорю же, я как наркотик. — Она снова простонала, и я рассмеялась. — Кук, я же тебе говорила не бросать из-за меня кофеин. По отношению к тебе это ужасно несправедливо. К тому же мы можем купить вторую кофеварку. Мистер Кофе постоянно талдычет, что хочет обзавестись подружкой. Хотя лично мне кажется, — заговорщицки подмигнула я, — что ему просто охота открыть профиль на сайте знакомств.

— Или, — начала Кук, подскочив, но не вставая с кресла, чтобы показать мне свежую распечатку, — мы можем купить какую-нибудь из этих новомодных кофеварок на одну чашку. Потом только покупай разный кофе, и все дела. Есть всякие ароматизированные и кто знает какие еще.

Я отобрала у нее лист бумаги.

— Это же бешено гениально!

— Оказывается, их продают уже несколько лет.

— Блестяще! Ничего более блестящего отродясь не видела.

— Нет, — сказала Куки, помахав перед собой рукой, — я справлюсь. Всего две недели. А что такое две недели в масштабах истории? — Откинувшись на спинку кресла, она снова приложила к голове лед.

— Вообще-то, это очень даже много, если есть работа. Нашла что-нибудь новенькое?

— Нет. И отойди, пожалуйста. Если у меня взорвется голова, не хочу забрызгать мозгами твои дольчегаббанчики.

Куки любила мои балетки от «Dolce&Gabbana». Жаль ее, конечно, но я их любила больше.

— Бли-и-ин, ты такая заботливая!

— Такое ощущение, что у меня самое страшное в жизни похмелье.

— Это вряд ли. Самое страшное было, когда ты семь часов провисела над моим унитазом, напевая припевы из застольных песен.

— А-а, да, было дело. Чертова текила.

— Вот-вот. В общем, сегодня я вроде как исцелила ребенка.

Куки опять выпрямилась.

— Серьезно?!

— Ага. Поразительно классно знать, что он будет жить. Никогда еще не чувствовала себя такой полезной.

— Ты всерьез кого-то исцелила? В смысле... ты такое умеешь?

— Видимо, да, — пожала плечами я.

— Тогда какого черта ты ждешь? Возложи на меня целительные руки, детка. — Куки откинулась на спинку кресла и открыла мне свои объятия.

— Сомневаюсь, что это работает на ком попало.

— Так я же не кто попало. Давай, рискни.

Глядя на подругу, я рассмеялась. Она наградила меня своим фирменным материнским укоризненным взглядом, и выбора не осталось. Я наклонилась над ней и ткнула ее пальцем в лоб:

— Resarci.

Оставалось только подождать.

Куки моргнула, покачала головой и тут же со стоном вцепилась ногтями в виски.

— Ты даже не стараешься! А ну-ка давай на этот раз изо всех сил.

Она снова развалилась в кресле.

— Мне кажется, все равно не сработает. Видимо, болезнь должна быть серьезной.

Поставив локти на стол, Кук постучала себя пальцем по макушке:

— По-твоему, это несерьезно? То есть мои мозги — расходный материал?

— Ничего такого я не говорила.

Со всем драматизмом распластавшись по столу, она прижала пакет со льдом к затылку.

— Есть еще на сегодня дела? — поинтересовалась я.

— Жертвы с предсмертными записками никуда не делись. Но Роберт сказал, что им, кажется, удалось что-то найти.

— Правда? А мне не говорил.

— Сказал, что на сегодня, пока они разрабатывают новую зацепку, мы можем это дело отложить.

— М-мм, ну ладно. Еще что-нибудь?

— Через пару часов ярмарка Эмбер. Больше до завтрашнего утра у тебя никаких дел нет. А завтра встреча со священником в доме из Амитивилля.

— Ага, помню. Одержимый дом, который знает, как меня зовут. Но два часа свободного времени — это как-то стремно. У меня никогда не бывает свободного времени.

Куки поднялась, снова поставив локти на стол.

— Нетушки. Это у меня никогда не бывает свободного времени. А у тебя — все свободное время в мире. Иначе не делала бы из моих записок самолетики!

— Хорошо сказала. И это еще одна причина, чтобы ты занялась делом. Шевелись, подружка! Того, что я тебе плачу, едва хватает сводить концы с концами. А значит, в пакет твоих услуг не входит несчастная Куки, пускающая слюни на собственный стол.

И не введи меня в искушение...

Лучше иди за мной! Я знаю короткую дорогу!

Надпись на футболке

Через два часа Куки, Рейес, Ош и я бродили по украшенным к ярмарке школьным коридорам. Каждый год школа проводила мероприятия по сбору средств на библиотечные книги и образовательные экскурсии. Цель, конечно, благородная, но лично я могла бы обойтись и без постоянных стонов, которые издавала моя лучшая подруга. Видимо, дефицит кофеина стал для нее серьезным испытанием. А вот я, наоборот, уже пристрастилась к дьявольской крови. Чутьочку сливок, капелька сахарозаменителя, и вуаля — липовый кофеек. Думаю, смогу продержаться на таком еще месяцев восемь, пока Пип не решит явить себя миру.

— Я, конечно, не собираюсь винить Пип в том, что испортится фигура, — сказала я Куки, которая из-за мучений слушала вполуха, — но серьезно, ты задницу мою видела?

— Чарли! — крикнула Эмбер, махая нам из другого конца коридора.

На ней была голубая накидка со свисавшими по краю золотистыми кисточками. Глаза Эмбер густо накрасила подводкой и для пущего эффекта разрисовала щеки яркими румянами.

Рядом с ней стоял Квентин — высокий, красивый, светловолосый и голубоглазый дьяволенок, из-за которого сердце Эмбер трепетало, как птичка в клетке. Я познакомилась с ним, когда один гадский демон решил походить в его теле, потому что Квентин видит то, чего не видят другие. Иными словами, мой свет. К счастью, Артемида разобралась с демоном, а Квентин стал для нас хорошим другом.

— Привет, дружище, — показала я и крепко его обняла. — Не знала, что ты придеешь.

— Я его пригласила. Хотела, чтобы он познакомился с Ошем, — сказала Эмбер, не забывая одновременно показывать слова жестами, потому что прекрасно знала правила культуры глухих.

День ото дня ее амслен^[24] становился все лучше и лучше. Я ею гордилась.

— Он вышел на улицу, осматривает окрестности, — отозвалась я, тоже дублируя себя жестами.

— Ну ладно. Мам, хочешь быть первой? — предложила Эмбер.

Квентин робко улыбнулся Куки, когда та его обняла, а потом, поразив меня до глубины души, протянул ладонь Рейесу.

Одобрительно улыбнувшись, Рейес пожал ему руку.

Это был серьезный шаг. С самого начала Квентин дико боялся Рейеса. Призраков парень видел почти так же ясно, как и я, но и тьму, окружавшую Рейеса, тоже видел. Пару раз и я ее видела. Клянусь, не зная я Рейеса, тоже бы перепугалась не на шутку. Вот почему тот факт, что Квентин принял его как одного из хороших парней, много для меня значил.

— Или ты, тетя Чарли, — добавила Эмбер.

— С радостью, — ответила я, понятия не имея, на что подписываюсь.

Куки показала на табличку на полу, разрисованную яркими синими и желтыми красками. «МАДАМ ЭМБЕР, ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА СУДЬБЫ».

— Ты «мадам»? — обалдела я. — По-твоему, на школьной ярмарке такое уместно?

Да уж, видимо, дети нынче и правда быстро взрослеют.

— Не в том смысле, — проворчала Куки.

— Ну или дядя Рейес, — пролепетала Эмбер, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Рейес наградил ее удивленным взглядом.

— Не надо было так тебя называть, — тут же смутилась она. — Просто подумала, раз уж я теряю дядю Боба...

— Как это? — спросила я. — Он опять при смерти? Солнце, ты же знаешь, он так говорит, только чтобы ему посочувствовали.

— Да нет же. В общем... они ведь с мамой встречаются, поэтому называть его дядей как-то странно. Вот я и подумала, раз ты женишься на тете Чарли, то, может быть...

Взяв ее за руку, Рейес по-джентельменски поклонился и запечатлел на ее костяшках легкий поцелуй.

— Я польщен.

Просияв, Эмбер бросилась ему на шею и поцеловала в щеку, оставив ярко-красный отпечаток помады в форме сердца. Похоже, у гадалок и хозяек борделей много общего. В том числе и цветовая гамма в макияже.

— Как хотите, но первой пойду я, — заявила я со всем возможным энтузиазмом. Терпеть не могу стоять в очередях. — Вопросов о будущем у меня уйма, так что готовься.

Взволнованно хлопнув в ладоши, Эмбер отодвинула завесу шатра, который очень смахивал на покрывало Куки.

— Пожелай мне удачи, — сказала я Квентину.

— Она супер, вот увидишь, — пообещал он.

Показав ему большие пальцы, я подмигнула Рейесу и наконец уселась за маленьким столом. Завеса упала, и Эмбер села напротив меня, мигом превратившись в мадам Эмбер, предсказательницу судьбы. Она начала раскладывать на столе карты Таро, по одной за раз. Видимо, они открывали ей мое убогое будущее. Или такое же убогое прошлое. Присмотревшись, я взяла в руки одну из карт.

— Эмбер, красота-то такая!

— Спасибо. Я их сделала на уроках рисования.

— Сама?! — поразилась я. Карты были красочными, со слегка помятыми уголками. — Минуточку! Тебе разрешили сделать карты Таро на уроках рисования?

— Ага. Наша учительница слегка помешана на нью-эйдж.

— Ясненько. Ну что ж, карты — чудо.

Эмбер довольно улыбнулась, а я решила, что сейчас самое время поднять животрепещущую тему. Дать ей, так сказать, потрепетать на свободе.

— Значит, ты не против, что дядя Боб встречается с твоей мамой?

— Шутишь? Да я обожаю Дибби! Он как герой и чудаковатый дядюшка одновременно.

— Это точно.

— А еще он готовит потрясающие спагетти.

Боже мой! Какой замечательный ребенок! Надеюсь, Пип будет такой же. Отзывчивой и спокойно принимающей любые жизненные обстоятельства. Без всякой ненужной театральщины.

— Мамочки! Совсем забыла про фотки! — Подняв руку над светящимся хрустальным шаром, Эмбер сфоткала его на телефон, чтобы потом выложить снимок во всех своих

соцсетях.

Пришлось напомнить себе, что я сделала то же самое, когда однажды поскользнулась в ванной на мыльной насадке для ершика и сломала палец на ноге.

— Итак, ты готова?

— Сгораю от нетерпения. Порази меня, о мудрейшая!

Хихикнув, Эмбер провела рукой над картами, а потом прикоснулась к одной из них.

— Смерть, — сказала она, и я ни капельки не удивилась.

Всякий раз, когда я оказываюсь перед гадалками на Таро, им тут же выпадает карта смерти. Считая сегодня, разов было аж целых два.

— Новое начало, — добавила Эмбер. Одну руку она положила на карту, а второй сжала мою ладонь. Потом выпрямила пальцы, пока не оказалось, что моя рука лежит на ее, закрыла глаза и, как только я почувствовала покалывание между нашими ладонями, продолжила: — Двенадцать призвали и двенадцать послали.

Поначалу я обалдела от того, что она знает о Дюжине, а потом вспомнила, что через коридор между нашими квартирами все слышно. К тому же Эмбер умная девочка. И все-таки с ровной спиной и закрытыми глазами выглядела она впечатляюще, словно действительно находилась в трансе.

— Их глаза незримы, но повсюду. Они слепы, но видят все. Двенадцать зверей таятся в тенях. Еще двенадцать — в людских сердцах. Они медлят, ибо ждут начала восстания. Ждут, когда дочь призрачного бога ступит в одиночестве на скалу и внемлет выбору тринадцатого. Узнает, поддержит он ее или выступит против нее. От выбора его не зависит ничего, ибо создана она ради этого дня — дня смерти и славы. С ним или без него она почувствует победный вкус крови врага своего.

О-хре-неть.

Я ошеломленно застыла. Все это как-то чересчур близко к истине. Много ли могла услышать Эмбер вчера вечером? Я ведь сама только-только об этом узнала, и она никак не могла подслушать наш разговор с Куки, потому что была уже в школе. Так как же она узнала о тринадцатом воине и о том, что он может решить исход восстания Сатаны и вторжения его армии в этот мир?

Словно по щелчку вернувшись в реальность, Эмбер протянула мне руку:

— С тебя три доллара.

С трудом вернув на место отвисшую челюсть, я покопалась в сумке. Или Эмбер самая классная актриса из всех, что мне доводилось видеть, или только что переплюнула самого Эдгара Кейси^[25].

— Солнце, а ты, случайно, не слышала вчера, как мы разговаривали с Рейесом?

— Пф-ф! Нет. Я была в отключке, как уличный фонарь.

Ох уж эти дети и их невнятные метафоры! Вручив ей пять баксов, я сказала оставить сдачу себе.

— Класс, — обрадовалась Эмбер и засунула деньги в чашку, стоявшую на столе, а потом крикнула, выпроваживая меня на все четыре стороны: — Следующий!

Выйдя из шатра, я увидела Диби и, все еще находясь под впечатлением от мадам Эмбер, завалила его вопросами:

— Что ты здесь делаешь? Выяснили что-нибудь новое? Или речь о папе? Ты его нашел?

Диби приподнял брови и стал молча ждать, пока я замечу, что он держит Куки за руку.

— Ой, — стушевалась я, — значит, ты тут не по работе.

— Да, милая. Удивлен, что после всей своей суеты с целью свести нас ты так легко забыла, что мы с Куки вместе.

Куки премиленько зарделась.

— Следующий! — опять крикнула из покрывального шатра Эмбер. Вот ведь нетерпеливая!

— Ну, я пошла, — сказала Кук. — Эмбер тренировалась на мне, так что все пройдет быстро и классно.

Квентин внимательно следил за двумя мальчишками, которые пытались управиться с самурайскими мечами. Мальчики из средних классов и самурайские мечи... Или у них очень храбрые родители, или крутая медицинская страховка.

Подкравшись к Рейесу, я тихонько спросила:

— Ты хоть что-нибудь слышал?

— Слышал. И могу сказать только одно: какого хрена?

— Вот и я о том же. А знаешь, в некоторых строчках из пророчеств говорится, что тех, кто сможет служить дочери и защищать ее, так или иначе притянет ко мне. Может быть, с самого начала все это было частью какого-то большого плана. Все: мой переезд, знакомство с Ошем, а еще с Квентином и Пари, которые тоже видят призраков, теперь вот Эмбер. Вдруг это было что-то типа сбора личной системы безопасности Пип?

— Любопытно. Я начинаю всерьез задумываться о том, кто такой тринадцатый воин. Если его решение может как-то повлиять на исход битвы и тем более может оказаться не на пользу нашей дочери в тот момент, когда ей особенно будет нужна помощь, то, может быть, нам стоит подумать о том, чтобы он не дожил до того времени, когда придется делать выбор.

— Любопытно. Но как мы узнаем, кто он?

— Следующий! — раздался настойчивый крик Эмбер.

— Твоя очередь. Может быть, она прольет на эту ситуацию еще чуточку света.

Рейес кивнул и очень-очень низко наклонился, чтобы пробраться в шатер. Я подошла поближе и стала прислушиваться, но для Рейеса Эмбер ничего поразительного не приберегла и выдавала самые обычные штампованные фразочки. Никаких тебе трансов и пророчеств, только девичьи хихиканья и полнейшее обожание моего жениха, что лично мне казалось очаровательным.

Расплатившись, чтобы не нарваться на гнев Ошеломительной Эмбер, Рейес вынырнул из шатра. Непростая задачка для человека ростом метр девяносто четыре.

Поиграв во все игры, которые здесь предлагали за сумасшедшие деньги, мы с Рейесом и Ошем наконец собрались уходить. Куки обещала помочь с уборкой после ярмарки.

Напоследок я как можно незаметнее подкралась к ней:

— Не забудь про сегодняшний план.

— Как я могу забыть про план? — закатила глаза Кук. — Тем более про такой дурацкий.

— Если все получится, то он вовсе не дурацкий. А все точно получится.

— Ладно-ладно! Но у меня даже лопаты нет.

— Зато у меня целых две. Не переживай.

— Я ведь об этом пожалею, да? — спросила Куки, как будто существовал хоть какой-то шанс, что я развею ее подозрения.

— Даже не сомневайся.

Дома, перед тем как лечь спать, я села покопаться в интернете. Ош опять расположился на Софи, примостив голову на подлокотник, пока я вбивала в строчку поисковика все, что только могла придумать от Дюжины и адских псов до тринадцатого воина. Компьютер выдавал миллионы фотографий Антонио, так что было даже весело. Но ничего, хоть отдаленного связанного с моими нынешними и будущими затруднениями, найти не удалось.

Чуть раньше мы с Куки сверили часы, поэтому у меня она появилась вовремя и прошептала:

— Готова?

— Как пьяная девственница на выпускном.

Я пошла в спальню. Судя по мерному дыханию, Рейес крепко спал. Будить его ужасно не хотелось. Зато с Ошем у меня таких проблем не было. В свое время он неплохо попиrowал на душах отчаявшихся людей, так что заслужил недоспать несколько блаженных часов. Кто-то должен был с нами поехать. Ни за какие коврижки я не собиралась выходить из дома ночью без подкрепления. Там, в ночи, прятались звери. Точнее сразу двенадцать зверей. На кладбище, то есть на освященной земле, мы будем в безопасности. Но туда еще надо добраться. А единственное время, когда можно надеяться незаметно раскопать могилу, — это ночь.

Короче говоря, я на цыпочках подошла к Ошу, зажала ему рукой рот и, наклонившись к самому уху, толкнула коленом в бедро.

— Ош, проснись.

— Я не сплю, — отозвался он из-под моей ладони.

Я тут же ее убрала:

— Извини.

— Значит, будем копать могилу?

— Как ты догадался? — обалдела я, напрочь забыв, что в другой руке держу лопату.

— Ну что ж, — начала я, останавливаясь у кладбища и косясь на явно шокированную Куки, — неплохо доехали.

— Ты три раза промчалась на красный свет.

— Ну и что? Два часа ночи. Вокруг ни души. К тому же я не собираюсь становиться легкой добычей для какого-нибудь случайно подвернувшегося адского пса.

— И ты проехала по университетскому кампусу, где дороги нет вообще.

— Зато полно тротуаров.

Забрав из машины лопаты, Ош шел за нами к могиле Лэйси.

— Привет, народ, — поздоровалась Лэйси, на всякий случай еще и махнув нам рукой. — А это что за красавчик?

Ош ухмыльнулся. Если бы призраки могли краснеть, она бы залилась краской вместе с ушами.

— Блин, извини. Не знала, что ты меня слышишь.

— Ничего страшного. Где могила?

— Вон там.

Лэйси повела Оша к могиле, а мы с Куки немножко отстали. Во-первых, так у меня была возможность кое о чем ее спросить, а во-вторых, мы честно надеялись, что всю работу возьмет на себя Ош.

Не зная, как бы помягче поднять тему случившегося на ярмарке, я поинтересовалась:

— Ты, случайно, ничего странного за дочерью не замечала?

— Странного? В единственном числе? — уточнила Кук.

Рассмеявшись, я как на духу рассказала ей все, что сегодня произошло. Судя по виду, Куки была ошеломлена.

— Знаю-знаю, сама офонарела, — добавила я и, остановив подругу, положила руку ей на плечо. — Она особенная, Кук. И не в каком-то там банальном смысле. Я думаю, что нам суждено было встретиться, и Эмбер так или иначе станет ключевым игроком в жизни моей дочери.

Куки села на ближайшее надгробие. В обычных обстоятельствах это было бы кошунством, но я понимала, почему ей вдруг срочно понадобилось присесть.

— Не знаю, что и сказать.

— Я тоже. Она меня наповал сразила, Кук! И она удивительная. А карты ты видела? Где она этому научилась?

— Я тоже спрашивала.

— И?

— Видимо, в тюрьме.

— Да уж, за словом в карман не полезет.

— И не говори.

Я вызвала Ангела и велела им с Лэйси постоять на стреме.

— И никакого флирта. Мне нужны глаза и уши, а не целовашки и обнимашки. Усекли?

— Остынь, *pendeja*, — отозвался Ангел, а потом сказал Лэйси, ткнув в мою сторону большим пальцем: — Любит она покомандовать.

Когда они отходили, Лэйси опять чуть не покраснела.

К счастью, она была права. Над землей тут явно поработали, так что копать было легче, чем я ожидала. Впрочем, все равно это оказалось самым тяжелым и изнуряющим занятием из всех, с которыми мне доводилось сталкиваться. В Уганде я частенько орудовала лопатой, но, похоже, тогда была в лучшей форме.

Ош сидел на надгробии и оглядывал окрестности, а мы с Куки копали. Что ж, я сама виновата. Надо было чем-нибудь его пошантажировать, чтобы помог, потому как имелось у меня подозрение, что «Шоу Куки и Чарли» доставляло ему нешуточное удовольствие.

Как бы то ни было, нам с Куки удалось даже выработать некий ритм. Через два часа она хрипела и стонала всякий раз, когда втыкала лопату в землю. Как теннисистка, попадающая ракеткой по мячу. А я только вспотела с ног до головы, как полузащитник во время Суперкубка. Изредка я совершенно случайно вываливала землю на голову Куки. Кажется, ее это сильно расстраивало. Обид Куки не прощала, поэтому так же совершенно случайно изредка вываливала землю на голову мне.

— Как думаешь, — спросила я, подливая масла в огонь, — будет очень обидно, если мы столько трудились, а тело Лэйси окажется на месте?

— Типун тебе на язык.

— Я все слышу! — крикнула откуда-то Лэйси.

Блин, слух у призраков просто супер.

К нам подошел Ош. Он пожевывал травинку, словно времени у нас вагон и маленькая тележка. Очень скоро Рейес поймет, что меня нет дома, и устроит мне натуральный ад. Очень вероятно, в буквально смысле.

— Итак, вы ковыряетесь здесь уже два часа...

— Собака! — заорала Лэйси. Не в первый раз. Ей было до смерти страшно, что в любой момент может появиться один из адских псов.

— ... А сняли только верхний слой земли.

Я уставилась на Оша с отвисшей челюстью:

— Намного больше, чем верхний слой. Как минимум, — я подняла руку и прикинула на пальцах, — сантиметров одиннадцать.

— Вон отсюда.

Из могилы мы с Куки еле-еле выбрались. Хотя было не так уж сложно, раз раскопали мы всего одиннадцать сантиметров.

Ош взял обе лопаты, сравнил их вес и балансировку, в итоге выбрал одну и принялся за работу.

Через час Куки, Лэйси и я сидели на кладбище и наблюдали за тем, как голый по пояс демон-раб, который выглядит, как девятнадцатилетний парень с впечатляющим, надо добавить, телосложением, копает могилу. В лунном свете поблескивали широкие плечи.

— В аду мне самое место, — вздохнула Куки, не в силах оторвать от Оша взгляд.

— Я хочу от него демонов, — в тон отозвалась Лэйси.

Где-то сзади фыркнул Ангел. Честно говоря, делом, кроме Оша, занимался только он.

Мгновение спустя мы услышали глухой стук, и Ош выглянул из могилы:

— Нашел.

Мы бросились к нему. Он счистил грязь с гроба и открыл крышку. Само собой, тела внутри не оказалось.

— Я же говорила, — подбоченилась Лэйси. — А знаете, чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что это все-таки Джошуа, мой бывший. Видимо, мое тело он где-то припрятал. Пока я была жива, он на нем явно помешался. Можно я его попреследую?

— Можно, конечно. Я бы даже посоветовала именно так и поступить. Лишним точно не будет, да и эффект, можно сказать, терапевтический. Вот только я сомневаюсь, что это он.

— Вы о чем? — спросила Лэйси, когда Ош выпрыгнул из могилы.

Выпрыгнул в прямом смысле. Чертовы демоны.

— Ты говорила, есть еще могилы без тел, так?

— Ага, могу показать.

Она показала нам две могилы, и я записала имена, даты и еще кучу цифр.

— По-моему, как только мы найдем твое тело, то найдем и остальные. Причем эти двое тут уже давненько. Думаю, тела крадет тот, кто здесь работает.

— Но зачем дожидаться, пока их не похоронят? — спросила Куки. — Разве не проще украсть труп из морга?

— Если мои предположения верны, а так чаще всего и бывает, то это должен быть тот, у кого есть доступ к инструментам, и кто знает расписание. Украсть труп из морга гораздо сложнее, чем можно подумать. Лучше дождаться, когда тело окажется в земле и никто не

заметит, что оно пропало. Меньше шансов загреть за решетку.

— Тоже верно. Ненормально, но верно.

***

Нам предстояла еще одна поездка по Альбукерке в крошечной тьме, только на этот раз мы заскочили по пути в супермаркет, где, как я знала, камеры видеонаблюдения не работают. Оттуда мы позвонили в полицию и сообщили, что кто-то раскапывает могилу на кладбище «Сансет». На всякий случай попросили поторопиться. Потом я с сотового позвонила Дибби и объяснила, что произошло. Предупредила, что скоро ему доложат о расхищении некой могилы, и подсказала, что детективу, которому поручат это дело, стоит хорошенько присмотреться к сотрудникам кладбища, особенно к смотрителям, которые ухаживают за землей и деревьями. А когда преступника вычислят, изучить вдоль и поперек всю принадлежащую ему недвижимость. Может быть, именно там и найдут пропавшие тела.

Когда мы остановились на стоянке у дома, горизонт только-только начал светлеть. Чуть ли не бегом мы помчались домой, и мне пришлось с боем вырывать у Оша право первой принять душ. Бой был настоящим, но очень-очень тихим, чтобы не разбудить спящего в соседней комнате демона. В итоге я схватила Оша за волосы. Знаю, грязный прием, но ведь я грязная девчонка. А в данной ситуации целиком и полностью в буквальном смысле. Грязь у меня была в таких местах, о существовании которых я даже не подозревала.

Одержав наконец победу, я заперла за собой дверь в ванную, врубил свет и отодвинула занавеску, чтобы включить воду. Там, прислонившись плечом к кафелю и сложив на груди руки, стоял Рейес. По выражению его лица невозможно было понять абсолютно ничего.

— Приветтики, — во все зубы улыбнулась я. — Как раз тебя искала. — Не услышав в ответ ни слова, я продолжила: — Ты не поверишь, что произошло, пока я выносила мусор. — Переиграв немножко с фырканьем, я показала на свои волосы. — Гадость. Даже сказать больше нечего.

— Расхищение могил — федеральное преступление.

— Чего? — ахнула я. — Да я бы никогда... Ничего мы не расхищали, а просто раскапывали. Между прочим, физические упражнения полезны для Пип. Ты за мной следил, что ли?

— На каждом шагу.

У меня отвисла челюсть.

— Моему возмущению нет предела. Я же всего лишь хотела, чтобы ты отдохнул!

— Ну конечно.

— А раз ты там был, то почему не помог нам копать?

— Потому что было слишком весело наблюдать за вами. — Рейес переступил через бортик ванны и пошел на меня, пока я не вписалась спиной в стену. — И ты ушла без меня. Ночью. Когда по земле разгуливают адские псы и едят на завтрак маленьких девочек.

— Я взяла с собой Оша. — Почему-то в голове была только одна мысль: наверное, видок у меня хуже некуда.

— Ты ушла. Ночью.

— Опять двадцать пять! Говорю же: я взяла с собой Оша.

— Почему? — спросил Рейес, и мне показалось, что он искренне изумлен. — Почему ты рискуешь жизнью ради какого-то трупа?

Я попыталась его обойти, но не получилось.

— Потому что это моя работа, Рейес. Кто-то украл тело замечательной девочки.

— Она наложила на себя руки.

— У нее были проблемы со здоровьем, — сердито сказала я. — Она чувствовала себя растерянной и нигде не видела ни проблеска надежды. Нельзя ее за это винить.

— А обо мне ты подумала? — спросил он и придвинулся ближе. Не для того, чтобы соблазнить. А чтобы напугать. Его рука медленно, но уверенно легла мне на горло. Фирменный жест. — Знаешь, что со мной будет, если Дюжина до тебя доберется? О растерянности и безнадежности даже говорить не приходится.

— Рейес, какой-то гад крадет из могил тела юных девушек.

— Они уже мертвы. Разве это не может подождать, пока мы не разберемся с псами?

— Ты бежишь впереди паровоза. Здесь речь не о «пока», а о «если». Вдруг у меня ничего не получится? Сейчас я могу хотя бы раскрыть это дело. Поэтому и ушла. Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Тогда почему ты меня не разбудила? Почему сломя голову бросилась рисковать своей жизнью и жизнью нашего ребенка ради какой-то ерунды?

— Потому что не могу рисковать еще и тобой, — еле слышно отозвалась я. — Я обязана помогать призракам. Это вроде как в ДНК. Когда им больно, когда им нужна помощь или когда они в отчаянии, я ничего не могу поделать — меня словно до мозга костей пробирает необходимость им помочь. Такая уж у меня натура.

Опустив руку, Рейес шагнул назад.

— Кажется, я понимаю, почему твои люди отпустили тебя в этот мир и позволили заниматься грязной работой.

Ух ты, похоже, начинается самое интересно.

— Ладно, я на крючке.

— Ты бог, и тебя съедает желание помогать. Боги не помогают, Датч. Они знают, когда нужно направить, а когда отступить и позволить другим учиться на своих ошибках.

— То есть моя служба на земле должна сделать из меня бога получше?

— Да. Потому что никому не суждено жить в идеальном мире. Жизнь сама по себе борьба. За выживание, за благополучие, за то, чтобы иметь больше, чем уже есть. Жизнь несет разрушение, и все только ради одной цели — жить, жить и еще раз жить. Нельзя исправить все, но ты стараешься изо всех сил.

— Хочешь сказать, я ужасный бог?

— Не хочу, а говорю. Ты ужасный бог. Ты принимаешь неправильные решения, исходя из неправильных мотивов. Ты стремишься к совершенству, вместо того чтобы наслаждаться изысками.

Рейес пошел к двери, но я уперлась рукой в косяк, не давая выйти. Рейес глянул на меня сверху вниз. В кофейных глазах искрился гнев.

— Ошибаешься, — сухо заявила я. — Тебе, мистер Фэрроу, очень далеко до совершенства.

Я опустила руку и отвернулась. Во-первых, по мне действительно уже навзрыд плакал душ. А во-вторых, в том, что сказал Рейес, было зернышко правды. Маленькое, но все-таки было.

Не стоит недооценивать силу термитов.

Наклейка на бампер

Я приняла душ и, пока в ванной тусовался Ош, сделала себе чашечку сатанинской крови. Силы были на исходе, зато солнце уже вовсю сияло, а меня ждала уйма дел. Пришла Куки и, налив бескофеинового кофе и себе, пожаловалась:

— У меня все болит. И голова вот-вот отвалится.

— У меня тоже все болит, — подыграла я.

— Врешь. Рейес тебя отругал, да? — спросила Кук, осмотрев меня с ног до головы.

Я надулась и прикрылась чашкой.

— Да. И он за нами следил.

— Серьезно? — Куки села на «кровать» Оша. — И не помог?!

— И я о том же! Но это еще не все. Он сказал, что я ужасный бог.

— Не может быть! — ахнула подруга.

— Сказал-сказал.

— Что ж, все мы должны быть хоть в чем-то ужасны. Вот я, например. Мне вообще не дано продавать пылесосы.

Я пожала плечами:

— Ты так говоришь, только чтобы поднять мне настроение.

— Ты права. Продавать пылесосы я могу вагонами. А тебе, между прочим, еще избавлять одержимый дом от одержимости. Так что шевелись давай.

Одевшись, я поискала Рейеса на его половине квартиры, но не нашла. А вернувшись в свою коробочку, увидела полностью одетого Оша с цилиндром на голове, как будто даэва куда-то намылился.

Заметив меня, он встал.

— Рейазиэль ушел проверить, как дела в баре, и попросил повсюду тебя сопровождать.

Я ощутила укол боли — быстрый и резкий. Пришлось с ней бороться, чтобы совсем не разгулялась.

— Хорошо, — отозвалась я, гадая похож ли Ош на нас с Рейесом. Чувствует ли чужие эмоции.

Короче говоря, к дому из Амитивилля мы ехали вместе. В абсолютной тишине. Может быть, Ош все-таки чувствует чужие эмоции. Через Рио-Гранде^[26] мы проехали в восемь тридцать и уже минут через десять относительно легко нашли нужный дом. К сожалению, на настоящий дом из Амитивилля он был ни капельки не похож. И уж тем более не казался одержимым.

Перед домом нас встречал отец Гленн.

— Где жильцы? — спросила я, вылезая из Развалюхи.

— На работе. Дети в школе.

Он пожал мне руку и кивнул Ошу, который стоял прямо у меня за спиной.

— На вид очень даже обычный дом.

— Я же говорил, — рассмеялся священник. — Похоже, дому не терпится с вами познакомиться.

— Вот и славненько. Ну что? Идем? — спросила я у Оша.

Ясное дело, я взяла с собой Зевса. Но, если там сидит настоящий демон, я легко смогу от него избавиться с помощью света, который мне нравится называть своим внутренним сиянием. Тем более что уже приходилось проворачивать этот трюк.

Ош кивнул и пошел за мной к двери.

— Там открыто, — крикнул вслед отец Гленн. — Прежде чем я тоже войду, не хочу мешать вам почувствовать дом.

— Лады. Спасибо. — Ну а что еще можно было на это ответить?

— У дома темная аура, — тихо сказал Ош, и я пошла медленнее.

— Это плохо?

Он опять кивнул:

— У домов не бывает аур.

— Ясно. Тогда и правда плохо.

Видимо, местного демона кто-то рассердил.

В дом мы вошли с Ошем вместе, но на всякий случай, едва переступив порог, я шепотом вызвала еще одного демона, и этот был посердитее любого другого:

— Рейазиэль...

— Я здесь, — сказал он мне прямо в ухо.

Естественно, он пришел сюда в нематериальном виде, чтобы за мной понаблюдать. Знакомый обжигающий жар скользил по моей коже. Странно, наверное, но эти ощущения по-настоящему успокаивали.

Мы искали комнату, в которой, по словам отца Гленна, чаще всего происходили всякие странности.

— Как у тебя это получается? — спросила я у Оша. — В смысле видеть ауры. Я, конечно, видела, и не раз, но точно не каждый день. А ведь я, на секундочку, ангел смерти.

— Мне тоже пришлось этому учиться. Ты создана для того, чтобы видеть призраков и фокусироваться только на них. Может быть, ауры живых людей для тебя не представляют первостепенной важности.

— Ничего подобного.

— Я всего лишь подумал вслух.

— Ну так как этому научиться?

— Для начала надо понять, что зрение людей отличается от нашего. Мы видим в тысячи раз больше цветов, чем они.

— Правда? Класс.

— Потом нужно привыкнуть. Приспособиться смотреть на вещи из нескольких измерений сразу.

— И как это сделать?

— Нужно загореться.

Я остановилась и повернулась к Ошу:

— Чего?

— По-другому описать не получится, — пожал плечами он. — Когда я начинал учиться, у меня возникало ощущение, будто я объят огнем. Тогда мои глаза видели все цвета, существующие под солнцем. И все их оттенки с переходами между ними. В конце концов я научился видеть миллионы оттенков между черным и белым.

— Вот-вот, — я ткнула пальцем в сторону Оша, — именно этому я и хочу научиться.

— Тогда углубись в себя, пока не почувствуешь, будто горишь. И поскорее, потому что он уже здесь.

Я покрутилась вокруг своей оси, но ничего не увидела.

— Не понимаю. Демонов я видела кучу раз. Почему не вижу этого?

— Ты их видишь, только когда они позволяют себя видеть. А должна научиться видеть без всякого разрешения. И, повторяю, поторопись.

Меня затопило адреналином. Взгляд метался из угла в угол в узком коридоре. От каждого движения скрипели деревянные половицы. Я сделала, как сказал Ош. Прислушалась к себе. Попыталась сосредоточиться. Загореться. Где-то внутри вспыхнула горячая искорка и начала расти, пока не поглотила меня целиком. Потом эта огромная искра помутнела, и мое зрение изменилось. Теперь я видела все вокруг не как человек, а как сверхъестественное существо.

В темном коридоре появился силуэт.

— Вижу, — прошептала я.

Ош наклонился ближе:

— Ты видишь того, который хочет, чтобы ты его увидела. Но не видишь еще двоих.

И это сработало. Я нырнула в себя и наружу одновременно. Выпустила свет, чтобы озарить окружающий мир, и ясно увидела еще двух демонов. К сожалению, все трое свисали с потолка и с любопытством вертели гладкими черными головами с блестящими во всех трех ртах зубами.

Один из них, как паук, упал с потолка прямо передо мной и почти весь выпрямился. Суставы торчали острыми углами и казались какими-то неправильными. Не успела я и глазом моргнуть, как Ош поменялся со мной местами, сжал кулаки и опустил голову, готовясь к атаке. От него волнами лилось предвкушение предстоящей битвы.

Демон зашипел и быстро попятился, а я могла поклясться, что слышала, как в воздухе прошелестело слово «чемпион». Причем на языке, который я знала, но не узнавала. Как бы то ни было, демоны знали, кто такой Ош.

Сбоку появился Рейес. Полы черного плаща клубились вокруг меня, как защитная оболочка. Жар тек по моей коже. Но о том, что я вижу мир не только из земного измерения, говорило не одно лишь новое зрение с сумасшедшим калейдоскопом сменяющих друг друга цветов. Я чуть не задохнулась, когда до носа донеслась демонская вонь. Как будто кто-то сжигал на костре давно мертвое животное. Едкая смесь горячей шерсти и удушающего запаха смерти.

— Вам пришлось серьезно похлопотать, чтобы я сюда приехала, — сказала я демонам. — И вы за это дорого поплатитесь.

— Ангел смерти, — сказал один из них сухим, шершавым голосом.

И голос этот врезался в мои уши, как сверло дантиста — в нерв. Мало того, он прозвучал откуда-то сзади.

Я резко развернулась, но Ош продолжал смотреть на тех двоих, что были перед нами. Третий, как выяснилось, все еще висел на потолке. Развернувшись, я оказалась нос к носу с перевернутым лицом. Впрочем, носа у него не было. И вообще демоны из-за деформированных тел сильно смахивали на пришельцев.

Я могла легко превратить их в пыль, но мне было любопытно, зачем они практически пригласили меня на чай с плюшками.

— Зачем вы пришли? — спросила я на том же языке, на каком разговаривали они. —

Вызвав меня сюда, вы подписали себе смертный приговор.

Не считаться с демонами нельзя. Я видела, на что они способны. Но я знала, что по сравнению со светом, сияющим внутри меня, они — ничто.

— Знаю, — отозвался демон, и я попыталась понять, что же это за язык. Определенно древний. Может быть, и вовсе первый, на котором заговорили во вселенной. — Но, быть может, сначала мы подписали приговор тебе.

— Надежда умирает последней, да?

— Датч, — сказал мне на ухо Рейес, — прекрати играть с едой.

— Я хочу знать, почему они решили, что могут так по-хамски явиться в мой мир.

— Мы — кедó, - прохрустел демон.

Пришлось мысленно и вслух для себя переводить:

— Охотники. — Но в этом слове крылось нечто большее. — Охотники за головами.

— Почти.

— Если планируешь что-то делать, сейчас самое время, — сказал Ош.

Я осмотрелась по сторонам. Коридор кишел гладкими, похожими на насекомых тварями. Я ощутила пульсацию тяжелой, гнетущей энергии — в конце коридора из трещины в стене лезли и лезли демоны. Как пауки из какого-то гнезда. Глазом моргнуть не успела, как нас окружило уже несколько десятков.

— Зачем вы позвали меня сюда? — спросила я у того, который все еще висел на потолке.

— Здесь мы сильнее.

— Присмотрись, — шепнул мне Рейес.

И за трещиной в стене я увидела тьму. Густую, простирающуюся на много-много километров вглубь. И эта тьма буквально кровоточила демонами.

— Врата? — ошеломленно пролепетала я.

— Одни из нескольких, — ответил Ош. — Но даже до врат путешествие рискованное. Раз этих гнид здесь так много, то в аду, видимо, почти никого из них не осталось.

— Это еще не все, — сказал демон, вращая головой, будто я вызывала у него нешуточное любопытство. — Дюжину уже послали. Недолго тебе осталось в этом мире, ангел смерти.

— То есть врат на земле много? — спросила я у Оша.

— Да. Много веков назад я прошел через похожие, но выглядел намного лучше этих тараканов.

Пока мы разговаривали, ближайший ко мне демон решил воспользоваться моментом и, расправив когти и обнажив зубы, бросился на меня. Не раздумывая, я выпустила наружу ослепительную вспышку света, в которой они все сгорели заживо. Я сосредоточилась на вратах, попыталась их закрыть, но даже моему свету это оказалось не под силу.

И все же, когда я вобрала энергию обратно, из трещины перестали сочиться демоны. Или поумнели и решили остаться с другой стороны, или я уничтожила всех, кто добрался до врат.

— Уходим, — сказал Ош. — У кого-то из Дюжины может оказаться пропуск на этот конкретный КПП.

— Сколько их? — спросила я, торопясь поскорее выбраться из дома. — Сколько врат?

— Не все так просто.

— В смысле?

— Врата не такие, как ты думаешь.

Я резко остановилась. В углу, где стена переходила в потолок, что-то блестело. В маленьком кружке отражался свет. Если не ошибаюсь, это был объектив камеры.

— Идешь? — спросил даэва.

Я кивнула и побежала за ним на улицу, думая о святом отце, который меня сюда позвал. Знал ли он, что этот дом стоит прямо на входе в ад? Само собой, жильцы могли и сами понатыкать камер, пытаюсь зафиксировать проявления паранормальной активности. Взволновало меня вовсе не наличие самой камеры, а то, как удачно ее пристроили. Почти незаметно. Да и выглядела она очень уж профессионально.

Уже в холле я остановила Оша и спросила:

— Ты в аду тоже так выглядел? Как один из этих гадов?

— Черта с два, — оскорбился он и поправил на голове цилиндр. — Я и там был похож на себя.

— Тогда что это за твари?

— Демоны.

— Ты тоже демон.

— Демонов столько же, сколько животных на Земле. Эти, скажем так, из низшего сословия. Что-то вроде рабочих пчел.

— То есть они даже ниже тебя? Ниже даэвы? — Мне не хотелось использовать слово, которым описывал их Рейес. «Раб».

Ош покачал головой и отвернулся, словно ему было стыдно.

— Нет никого ниже даэвы.

Сгорая от любопытства, я подошла ближе.

— Когда Рейеса сбросили с силосной башни и я его поцеловала...

— Ты его вернула, — убежденно закончил за меня Ош.

Может быть, он прав. Рейес упал с высоты в семь этажей и умирал, лежа на земле. Тогда он попросил только об одном — поцеловать его. Выполнив просьбу, я почувствовала, как от меня к нему потек теплый, согревающий ток. И все равно мне с трудом верилось, что я обладаю таким даром. Я же ангел смерти. Моя работа — сопровождать умерших на небеса, а не возвращать обратно.

— Ладно, допустим, так оно и было. Но тогда на несколько секунд я что-то увидела. Что-то темное и очень похожее на сегодняшних демонов. А потом оно исчезло. Неужели я убила демона внутри Рейеса?

— Сладкая моя, — печально улыбнулся Он, — он и есть демон. Его нельзя разделить надвое. — На этот раз он сам шагнул ближе, и выражение его лица посуровело. — Не совершай ошибку, Чарли. Внутри него живет такая же опасная тьма, как сам Люцифер. Она живет во всех демонах.

От любопытства мои брови приподнялись.

— Даже в тебе?

— Даже во мне. — Он отошел и опустил взгляд. — Особенно во мне.

— Спасибо за честность. — Я посмотрела вверх и прошептала, перед тем как выйти на улицу: — А тебе спасибо, что пришел, Рейес.

Он не ответил, и второй раз за день я ощутила укол острой боли.

— Хорошие новости, — сказала я, подходя к отцу Гленну, — их больше нет.

— Как это? Вот так просто? — спросил он, выпрямляясь. — Вы же не пробыли там и пяти минут.

— А мы суперпуперпрофи. Но есть и плохие новости. Здешние жильцы живут прямо на адских вратах.

Священник застыл, а потом открыл какую-то тетрадку и что-то записал.

— Откуда вы знаете?

— Я их видела.

Его глаза превратились в блюдца.

— Описать сможете?

— У меня есть еще одно дело, но мы можем поговорить в другой раз.

— Конечно, как вам удобно. Сколько я вам должен?

Мы уже подходили к Развалюхе. Вопреки моим подозрениям, у отца Гленна, похоже, никаких задних мыслей не было. Он сгорал от любопытства. А кто бы не сгорал, услышав о существовании в конкретном месте врат, ведущих напрямик в ад?

Я подумала о папке из Ватикана, которую дал мне отец Гленн.

— Все оплачено, святой отец.

Он пожал мне руку и коснулся невидимой шляпы, когда Ош на прощание коснулся настоящей и через секунду уселся за руль.

***

— По-моему, мне надо побольше узнать о твоём мире, — заявила я, пока Ош вез нас к офису.

Наверное, это даже хорошо, что он сидел за рулем, потому что после произошедшего в доме меня слегка трясло, и кружилась голова. Оказаться в оцеплении десятков таких вот демонов — все равно что стоять посреди комнаты, кишящей паукообразными жуками. Меня передернуло.

— И о вратах. Какого черта их тут понатыкали? И еще хочу подробненько узнать об этой своей работе по маркировке душ.

— Хорошо, — спокойно отозвался даэва.

Я-то думала, придется уговаривать.

— И как именно ты питаешься душами? Ты испытываешь голод? Или это что-то вроде авитаминоза? — Я вздрогнула, когда Ош резко сменил полосу движения, чтобы не вписаться в бампер какого-то явно не самого лучшего на свете водителя. Мы же должны доехать целыми и невредимыми, черт бы его побрал! — А еще расскажи, все ли демоны, как ты, пируют на душах. Или ты что-то вроде инкуба?

— Был бы я инкубом, — рассмеялся Ош, — ты давно бы прыгнула ко мне в постель.

— Ош, — укоризненно начала я, собираясь его поддразнить, — тебе надо поработать над уверенностью в себе. Для нынешней молодежи низкая самооценка — страшная трагедия.

Уголок его губ приподнялся.

— Целиком и полностью согласен.

Глаза у Оша были невероятного бронзового оттенка. Я таких никогда в жизни не видела, поэтому даже задумалась, не врет ли он по поводу инкуба. Имелось у меня подозрение, что он вовсе не стремится очаровывать женщин направо и налево.

Продолжить разговор мы не успели: позвонил Дибби. Новости у него были и хорошие, и плохие. Ему удалось раздобыть ордер на склад, адрес которого мы нашли на карточке в номере папы. Это были хорошие новости. А плохие заключались в том, что какая-то женщина, жившая недалеко от Академии^[27], вызвала полицию. Она давно не слышала новостей от сына, поэтому утром отправилась к нему домой и нашла предсмертную записку. Само собой, сына дома не оказалось.

— Я могу подъехать, — сказала я, услышав, как в сотовом запикал звонок по другой линии. Может быть, нам еще удастся спасти этого человека.

— Вообще-то, милая, я уже еду в участок. Позвоню, когда узнаю что-нибудь еще.

Как-то странно он себя вел.

— Как-то странно ты себя ведешь, — вопреки моей воле озвучил мои же мысли рот.

— У нас появилась зацепка. Я тебе перезвоню.

Я слышала, как тщательно дядя Боб контролирует интонации. Это означало, что он в активном режиме детектива. Что, в принципе, нормально, раз уж он и есть детектив, но ведь я тоже работала над этим делом. Почему же он не рассказывает мне о зацепке?

— Ладно. Держи меня в курсе.

— Милая, — вдруг сказал он и немного помолчал, словно колебался, — ты же знаешь, что я тебя люблю, да?

В груди сдавило. Это уже не просто странно.

— Конечно, дядя Боб. Что происходит?

В меня ударной волной врезался страх.

— Потом все объясню.

Я нажала «отбой» и ответила на второй звонок.

— Хорошо, что я до вас дозвонилась! — послышался в трубке женский голос. — Я все выяснила! Я знаю, кто пишет эти записки и похищает людей.

— Миссис Чендлер? — спросила я, узнав легкий тexasский акцент. Она была вдовой одной из жертв. — Что случилось?

— Утром я звонила в полицию, и они уже задержали преступника. Я его поймала! Поймала этого гада!

— Миссис Чендлер, расскажите, пожалуйста, подробнее. Как вы узнали, кто за всем этим стоит?

— Ну, я нечасто смотрю телевизор. Скорее даже очень редко. Но мой сын был дома, и телевизор работал. А там, на Седьмом канале, выступала эта женщина, которая ездит по Альбукерке и берет интервью у всяких людей. Тед всегда говорил, что у нее в голове пусто, как в чистом поле.

— Ясно. — С этим я бы не стала спорить. — Сильвия Старр.

— Точно! Только я не знала, что его выпустили из тюрьмы. Это он. Он похититель!

— Кто, миссис Чендлер?

— Рейес Фэрроу.

В глазах потемнело. Наверное, Ош почувствовал, в каком я состоянии, и резко свернул на обочину. Сзади послышались сигналы, но с тем же успехом они могли звучать и в миллионах километров отсюда, потому что я не обратила на них ни малейшего внимания.

— Она сняла о нем целый репортаж. Сказала, что его обвинили несправедливо и выпустили через десять лет. Так я все и поняла. Мой муж был в жюри присяжных. Я позвонила в полицию и попросила проверить, и мне сказали, что я права. Что все жертвы

были присяжными на том суде.

Ош остановил Развалюху. Поскольку миссис Чендлер орала в трубку, он слышал каждое слово.

— Миссис Чендлер, — сказала я, сглотнув подступившую к горлу желчь, — боюсь, это невозможно.

— Говорю вам! Это он! — У нее явно начиналась истерика. — Я только хотела сказать вам, что все выяснила. А теперь надо перезвонить Бетти. Она не берет трубку. Я всех обзвоню!

Очередное ложное обвинение против Рейеса Фэрроу. Если на него опять заведут дело и начнут допрашивать, он больше никогда в жизни не доверится копам.

— Как вы пришли к такому выводу?

— Я вспомнила, где видела еще одну жертву. Она была присяжной. Я все поняла, только когда увидела репортаж. Его обвиняли в убийстве отца, а мой муж и та женщина, Анна, вместе с остальными отправили его в тюрьму. Но его выпустили на свободу! И теперь он мстит!

— Значит, ваш муж был одним из тех, кто вынес Рейесу несправедливый приговор?

— Да! То есть нет! Все улики свидетельствовали против него. Теперь-то я понимаю, что его подставили, раз отец оказался жив, но присяжные этого не знали. И теперь Фэрроу ищет мести. Десять лет за решеткой кого угодно изменят. Я все-таки должна дозвониться Бетти.

Больше я ничего сказать не успела — миссис Чендлер повесила трубку. Я повернулась к Ошу, который расплывался перед помутневшими от слез глазами.

— Поверить не могу, что этот кошмар повторяется.

Ош развернул Развалюху и понимающе кивнул:

— Перед тем как он ушел, ему позвонили. Звонок его... расстроил. Видимо, это был твой дядя. Просил заехать в участок и ответить на несколько вопросов.

— Не может быть. — Внутри разгорался гнев. Дяде Бобу даже не хватило смелости все мне рассказать! — Поэтому Рейес отправил тебя со мной.

— Я тоже так думаю.

— Куда ты едешь? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

— В участок, куда же еще?

Когда мы подъехали к участку, он больше смахивал на эпицентр бушующего безумия средств массовой информации. Перед стеклянным зданием, где уже установили возвышение, в несколько рядов выстроились операторы и репортеры. Судя по всему, кто-то собирался сделать официальное заявление.

Ош еще не успел заглушить двигатель, а я уже выскочила из Развалюхи и побежала вверх по ступенькам, но меня остановил какой-то офицер. Глазом моргнуть не успела, как появился дядя Боб и велел пропустить меня.

— Ты все знал, — сказала я, чувствуя, как с каждой секундой все сильнее и сильнее разгорается гнев. Без всяких препятствий мы вошли в участок. — Знал, что дело замешано на суде Рейеса.

— Мы узнали об этом буквально только что, — отозвался Дибби, провожая меня в свой кабинет.

— Только что?

— Вчера днем. Один из наших парней прогнал имена по базе данных судебной системы и нашел совпадения.

— И когда ты собирался мне рассказать?

— Подождать предложил я.

Я резко развернулась. За нами шел капитан Экерт.

— Тогда вы хитрая и гадкая задница.

Он помрачнел:

— Вы не имеете права называть меня задницей.

— Сфинктер вам нравится больше?

— Итак, вам интересно, почему мы сразу вам все не рассказали, — продолжил капитан, буквально затолкав меня в кабинет Диби, а потом у него и спросил: — Не принесете ей воды?

— Не нужна мне никакая вода. Я хочу увидеть своего жениха.

— В данный момент он задержан.

С отвисшей челюстью я уставилась на дядю Боба. Он, как никто другой, должен знать, по какому тонкому льду ходит весь участок.

— Поверить не могу. Ты же знаешь, что он этого не делал, дядя Боб.

— Знаю, Чарли, но нельзя игнорировать улики.

— А как насчет той женщины из Калифорнии? Она исчезла два месяца назад.

— Через несколько недель после того, как Рейеса освободили.

Я горько усмехнулась и подошла к окну, из которого открывался вид на... еще одно окно.

— Ты знаешь, как это на него повлияет, — не оборачиваясь, сказала я. А когда все-таки повернулась, весь свой гнев направила на Диби. — И знаешь, что все это ужасно несправедливо.

— Знаю. — Явно не планируя возражать, он провел рукой по волосам.

Я отвернулась. Не могла больше смотреть ни на одного, ни на другого.

— Вы достали записи звонков с рабочего телефона Анны? Выяснили, кто та женщина, которая явилась из ниоткуда и хотела с ней встретиться?

— Записи до сих пор изучаются, — сказал капитан.

— Мы ведь даже не знаем, когда Анна получила этот звонок. До сих пор ничего необычного обнаружить не удалось.

— А новое дело? Пропавший парень кому-нибудь что-нибудь говорил?

Когда я снова повернулась, Диби опустил голову.

— Он сказал матери, что хочет поговорить с Рейесом. Узнал, что Рейес купил бар, и хотел туда заскочить. Это было на прошлой неделе.

— Ну и что? Он приезжает в бар, и Рейес уговаривает его написать записку, чтобы потом похитить? Между прочим, я ни разу не слышала от Рейеса слово «славный». Это на случай, если вы все еще ведете расследование.

Я пулей выскочила из кабинета. Увидеться с Рейесом мне явно не позволят, а значит, вместо того чтобы попусту тратить время, лучше как можно скорее позвонить адвокату. За мной на улицу вышел дядя Боб, и его тут же завалили вопросами репортеры.

— Детектив! Детектив! Вы снова пытаетесь обвинить Рейеса Фэрроу в преступлении, которого он не совершал?

Я остановилась и заметила в толпе Сильвию Старр. Класс.

— Идет ли речь о новом судебном процессе? — спросила она.

Я закатила глаза. Сама я бы не доводила дело до суда, но Рейес имел на это полное

право. И мне начинало казаться, что это не такая уж плохая идея. Может быть, если он отсудит у властей несколько миллионов, они перестанут таскать его по допросам, как только взбредет в голову.

Дибби шел за мной до самой Развалюхи, а потом схватил за руку и, развернув лицом к себе, тихо проговорил:

- Я не думаю, что он виновен, милая, но ты должна понимать: я не могу не обращать внимания на улики, которые суют мне под нос.

— Ну конечно, — сказала я, вырываясь из его пальцев. — Вот только, когда ты в последний раз считал его невиновным, он сел на десять лет за то, чего не делал.

Я залезла в Развалюху и со всей дури захлопнула дверь.

— Если тебе станет легче, — сквозь окно продолжал Дибби, — ты была права по поводу тела, которое украли с кладбища. Мы обыскали дом старшего смотрителя и в шкафу в гостевой комнате нашли труп недавно умершей молодой женщины.

— Честно говоря, не становится, — отозвалась я, и Ош тронулся с места.

Не мешкая, я набрала Куки и, едва та взяла трубку, сказала:

— Мне надо знать имена всех присяжных.

***

Когда я появилась в офисе, Куки раздобыла не только список имен, но и свежие фотографии почти всех присяжных из архива Службы регистрации транспорта.

— Мне очень-очень жаль, солнышко, — вздохнула Кук, бросившись меня обнимать, едва я переступила порог.

— Спасибо, Кук. Что-нибудь узнала?

— Я все еще работаю над фотографиями, зато нашла вот это.

Она показала статью о суде, которую мы раньше не видели. Судя по дате, статью написали через год с лишним после вынесения Рейесу приговора.

Куки показала на отдельный абзац:

— Вот смотри. Одна из присяжных утверждала, что остальные ее запугивали и вынуждали признать Рейеса виновным, хотя сама она в это не верила. А дальше она говорит... вот, — Кук показала на другой абзац. — Говорит, присяжные над ней насмеялись, а один и вовсе обозвал влюбленной идиоткой. Мало того, во время заседания присяжных она получала записки с угрозами, и кто-то велел ей уgomониться, чтобы все поскорее пошли по домам. Сказал, что даже его тупой сын понимает, что Рейес виновен. Ей пришлось изменить свой голос и, вопреки собственным убеждениям, отправить Рейеса в тюрьму. — Куки отошла в сторону, чтобы я могла сама просмотреть статью. — Судя по тому, как написана статья, эта женщина была в бешенстве. Похоже, она настаивала на расследовании, но так ничего и не добилась.

— Как ее звали?

Кук просмотрела свой список имен:

— Сандра Рэммар. Но ты еще самого интересного не видела.

Я повернулась к подруге. Было почти страшно надеяться, что ей удалось узнать нечто такое, что убедит копов в невиновности Рейеса. Она придвинула ко мне фотографию Сандры

Рэммар со времен суда.

— Никого не напоминает?

Я схватила снимок со стола.

— Боже мой, Куки! Ты просто чудо!

— Согласна на все сто.

Я подпрыгнула и крепко обняла подругу, а потом вдруг вспомнила, что совсем забыла про Оша, который стоял рядом и изучал находки Куки.

— Это, часом, не барышня из новостей?

Я усмехнулась:

— Она самая.

***

— Она сменила имя, — сказала я в трубку, пытаюсь убедить капитана хотя бы прислушаться ко мне. — Она была присяжной.

Диви я пыталась дозвониться раз сто, но он не брал трубку. Или я его достала, или он участвовал в пресс-конференции.

— О ком, простите, речь? — спросил капитан. На заднем фоне было так шумно, что он едва меня слышал.

— О Сандре Рэммар.

— Сандра Рэммар, — передал он кому-то. Надеюсь, этот человек уже начал копать.

— Она сменила имя на Сильвию Старр. И прямо сейчас она в участке.

— Репортер из новостей?

— Да-да, она. Я думаю, все это ее рук дело, но у меня нет времени искать доказательства. Последний похищенный был еще жив, значит, она не убила его сразу не просто так. Скорее всего держала в каком-то замкнутом пространстве, где он в итоге задохнулся. По крайней мере я так думаю. Иначе как еще объяснить, что он умер не сразу?

— Может быть, она раздумывала. Или отравила его, и яду нужно было время.

— Тоже вариант. Я еду к ней домой.

— Дэвидсон, не делайте того, о чем можете пожалеть в зале суда.

— Капитан, я прошу только передать все это моему дяде. Скажите ему, пусть подъедет к дому номер 2525 на Венис-авеню. Это на северо-востоке, сразу за проспектом Вайоминг.

— В дом без ордера вам нельзя.

— Я в курсе, — оскорбилась я. — И вообще я просто помешана на ордерах. Но если этот парень до сих пор жив, нам надо как можно скорее его найти.

— Кстати, вы не знаете, куда запропастился ваш дядя? — неожиданно спросил капитан Экерт. — Я думал, он уехал с вами.

— Нет, — ответила я, медленно катясь по Венис в поисках нужного дома.

— Нашли, — сказал Ош и показал куда-то вперед.

— Зачем ему уезжать со мной? Разве он не участвует в пресс-конференции?

— Я как раз здесь. Собираюсь сделать заявление.

Я притормозила.

— Капитан, прошу вас, ничего не говорите о Рейесе.

— Я и не собирался, Дэвидсон. Тем более официально он не под арестом.

— До этого не дойдет. Спасибо.

— Позвоните, когда что-нибудь узнаете. И не вламывайтесь. Мне ваш дядя и так спуску не дает.

— Правда? — удивилась я.

— Чуть в угол не поставил, когда я сказал ему вызвать Фэрроу на допрос.

Обида, которая до сих пор меня жгла, немножко поутихла.

— Рада слышать. Он знает Рейеса, капитан, а мой жених никакого отношения к происходящему не имеет.

— Докажите, — буркнул напоследок капитан и повесил трубку.

Как будто это хоть когда-нибудь было для меня проблемой.

— Если грянет зомби-апокалипсис, я сразу двину за припасами в этот район, — сказала я Ошу.

Дома здесь были потрясающими. С крышами из испанской черепицы и огромными прилегающими участками, на которые из окон наверняка открывался великолепный вид.

Мы проехали по подъездной дорожке и, зная, что Сильвия торчит в участке, сразу направились к дому. Ош влез по кирпичной стене и открыл мне ворота.

— А знаешь, — сказал он, — стекло в двери разбито.

Я кивнула, глядя на нетронутое стекло.

— Прямо-таки вдребезги.

Обернув локоть футболкой, Ош разбил окошко.

— Сейчас наверняка работает сигнализация.

— На это и рассчитываю, — подмигнул он, сунул руку в окно и открыл дверь.

Само собой, тут же завопила сигнализация.

— В такие райончики копы приезжают мигом.

— Ладно. Но, когда они появятся, я сама с ними поговорю.

— С чего вдруг? Это же я видел, как в дом заходит грабитель в лыжной маске с пушкой в руках.

— А я о чем? У него точно был «Узи». Будешь говорить с копами, фразы строй коротко и ясно.

Итак, копы приедут и обшарят здесь каждый уголок, а мы будем как бы ни при чем.

— На случай, если они спросят, как мы вообще оказались в этом районе?

— Я же только что сказала! — Почему люди меня не слушают? — Мы присматриваем подходящие дома для зомби-апокалипсиса.

— А-а, ну да. Первичные наметки. Ладно.

Вернувшись в Развалюху, мы стали ждать копов. Удивительно, как быстро они появляются в таких роскошных районах!

Двадцать минут спустя из дома Сильвии Старр с пустыми руками вышли четверо патрульных.

— Ничего не нашли, — доложил мне Тафт.

Офицер Тафт — старший брат Сахарной Сливы. С того момента как я сказала ему, что она до сих пор в нашем мире, мы с ним почти друзья. Отношения у нас, правда, слегка прохладные, но в большинстве случаев он очень даже ничего. Само собой, он не поверил, что я не трогала стекло, но другим копам меня не сдал. Впрочем, наверняка они сами обо всем догадались. Есть за мной такая слава.

— Серьезно? — смущенно пробормотала я. — Никого одурманенного, со связанными руками и ногами?

— Нет.

— Вот гадство.

— Должен признать, Дэвидсон, ты охренеть какая странная.

— Да неужели? — рявкнула я, когда Тафт отвернулся и пошел прочь. — Сам такой! Твоя сестра говорила, что ты красил ногти на ногах розовым лаком!

Он рассмеялся, но даже не притормозил.

— Вот гадство, — опять сказала я, в сотый раз пытаюсь дозвониться до Дибби.

Похоже, он перенимает папины вредные привычки. Я уже собиралась набрать Куки, как вдруг затрезвонил сотовый. Это был капитан.

— Мы нашли тот звонок на рабочий номер Анны. Вы были правы. Звонила Сильвия Старр.

Меня мигом унесло на крыльях надежды.

— Этого хватит, чтобы отпустить Рейеса?

Технически до появления адвоката его могли задержать на двадцать четыре часа. Надо было сразу, блин, звонить. Но меня так взволновали новости о Сандре-Сильвии, что я вроде как нехотя отложила звонок адвокату на потом.

— Уже отпустил. Патрульный везет его обратно.

— Спасибо, капитан.

— Благодарите дядю. Это он не давал мне покоя, утверждая, что мы взяли не того.

— Могу я поговорить с дядей Бобом?

— В участке его нет.

— До сих пор? — Я уже начинала всерьез беспокоиться, как вдруг меня тонной кирпичей приложило осознание собственной глупости. — Если за всем этим стоит Сильвия и речь идет обо всех присяжных, запугивавших ее и посадивших в тюрьму невиновного человека, в которого, между прочим, она была влюблена, что, по-вашему, она сделает с офицером, который его арестовал?

— Твою мать, — выругался капитан. — На пресс-конференции ее не было.

— Я видела ее, когда была в участке.

— В то время ваш дядя тоже здесь был.

Он повесил трубку, не дожидаясь моих комментариев. Но я знала, что на поиски Дибби капитан бросит все имеющиеся силы.

Не успела я завести Развалюху, как позвонила Куки. Не зная, что ей сказать, я ответила не сразу.

— Кук... — начала я, но она меня перебила.

— Что-нибудь нашли?

— В доме Сильвии? Нет. Копы обшарили каждый угол.

— В общем, ее родители скончались, но я узнала, что им принадлежала недвижимость в Тихерасе^[28].

— Это в получасе езды отсюда.

— Ага. У них был небольшой домик.

— Идеальное место, где можно держать взаперти того, кого ты только что заставил написать предсмертную записку и похитил.

— Если бы я заставила кого-то написать предсмертную записку, а потом похитила, то

повезла бы именно туда. — Поскольку я молчала, Куки добавила: — Вышлю тебе адрес эсэмэской. Из твоего текущего местоположения дорога займет чуть больше получаса.

— Кук, — сказала я, прикусив губу, — давно ты разговаривала с дядей Бобом?

— Уже несколько часов мы не созванивались. А что? Ты ему что-то наговорила?

— Ну, я ему немного нагрубила, но проблема не в этом. Он вел дело Рейеса.

— Я знаю, солнце, только не понимаю...

До нее дошло, что я имела в виду. Я молча ждала, пока Куки переварит новости.

— Где он? — взволнованно спросила она.

— Мы не можем его найти. На звонки он не отвечает и уже больше часа не показывался в участке. Сильвия там была, но и она исчезла.

— Чарли... — еле слышно прошептала Кук.

— Она заставляет их писать предсмертные записки, — поспешила успокоить ее я, — и не убивает сразу. Время есть. Мы найдем его, Кук.

— Боже мой...

— К тебе уже едет Рейес. Объясни ему, что происходит, и скажи, чтобы садил свою офигенную задницу в свой обалденный мускулкар и ехал по тому же адресу. И позвони капитану. Расскажи ему все, что выяснила.

— Хорошо. Хорошо. Сейчас же этим и займусь. Господи, Чарли, пожалуйста! — умоляющим голосом добавила она.

— Мы справились, Кук. Мы с тобой лучшая на свете команда. Ты раскрыла это дело. Слышишь? Ты. А я разберусь со всем остальным.

Я знаю, что попаду в ад.

*А значит, остается либо от души покуражить,
либо запереться в четырех стенах.*

Надпись на футболке

Как только мы свернули на длинную дорогу, которая, если верить навигатору, вела к хижине родителей Сильвии, солнце село. В Тихерасе полно деревьев, но там, где мы оказались, земля была почти бесплодной. А значит, если Сильвия где-то здесь, то легко может нас увидеть.

Выключив на всякий случай фары, я медленно поехала дальше. Горизонт все еще сиял розовым светом, так что дорогу было видно. Взобравшись на небольшой холм, мы опять въехали в гущу деревьев. Пришлось включить фары и надеяться, что стволы и ветки скроют наше приближение.

Примерно через милю мы снова оказались на голой земле. Прямо посередине поляны стояла хижина. В окнах горел свет.

— Останови здесь, — велел Ош и выскочил из машины еще до того, как колеса перестали крутиться.

Тихонько закрыв за собой дверь, он помчался между деревьями, растущими вокруг поляны, к дому, а я попыталась дозвониться до капитана. Сеть здесь не ловила. На всякий случай я написала Куки, что в хижине кто-то есть, и попросила передать это капитану. Потом нажала «Отправить» и, выпрыгнув вслед за Ошем из Развалюхи, двинула к ближайшим деревьям. Ош явно собирался обойти дом сзади. Так меньше шансов, что нас заметят, потому что вся передняя стена была из зеркального стекла.

В разных местах я заметила нескольких призраков. Причем стояли они так, чтобы видеть каждый темный закуток. Шпионы Рейеса? Я узнала женщину в белом, с которой он разговаривал, и которая утонула в летящем вечернем платье. Я тоже хочу так умереть. Стильно и при полном параде.

Она обернулась, заметила меня и исчезла. А потом появилась совсем рядом:

— Здравствуй.

От неожиданности я подскочила. Поскольку сидела я на корточках, смотреть пришлось снизу вверх.

— Привет. Тебя Рейес послал?

— Да. Но мы еще ни одного не видели.

— Ни одного?

— Из Дюжины. Насколько я могу судить, псы пока не в курсе, что ты здесь. Одна. Практически ночью. Совершенно уязвимая.

Для проформы женщина нахмурила изящные брови и смерила меня мрачным взглядом. Будь я кем-нибудь другим, до смерти бы перепугалась, если бы меня отчитывала мертвая женщина в вечернем платье, да еще и смазанным макияжем. Хорошо, что я — это я.

В ответ я нагадила ее точно таким же взглядом.

— Здесь может быть мой дядя. Ты видела кого-нибудь в доме?

— Дом меня не волнует. Рейес послал меня стеречь тебя, а не твоего дядю.

Я выпрямилась в полный рост, а она все равно оказалась сантиметров на пять выше. В свою защиту замечу, что барышня была на каблуках.

— А ты можешь метнуться туда и обратно и сказать мне, там ли Сильвия, и если да, то кто с ней?

Собеседница мне не ответила, потому что следила за дорогой, по которой к нам приближались чьи-то фары. Если это машина Сильвии Старр, и если сама Сильвия увидит мой джип, то страшно даже представить, что она может сделать с дядей Бобом. Опять же, если Диби у нее. В голове не укладывалось, как эта миниатюрная женщина может кого-то похитить. Мы знали, что как минимум одну жертву она чем-то накачала. Мужа миссис Чендлер. Может быть, рогипнолом. Но как ей удалось повернуть это с Диби? Они ведь не ходили пропустить по стаканчику, а на стоянке перед участком она вряд ли могла бы подсыпать ему наркотик, известный среди любителей насилловать своих жертв на свиданиях.

К тому же дядя Боб — здоровый мужик. Чтобы превратить его в послушного теленка, Сильвии понадобилась бы тройная доза. Короче говоря, я не могла себе представить, как она могла все это организовать. Но, так или иначе, скоро все выяснится.

Машина ехала медленно, а из-за фар ее невозможно было рассмотреть. Я опять присела. Фары дважды мигнули и погасли. Узнав мощную черную тачку, я помчалась к ней через деревья и с разбега бросилась на шею Рейесу. Каким-то чудом он устоял на ногах и крепко прижал меня к себе.

— Ты приехал, — выдохнула я, и от одного его присутствия страх за дядю Боба чуточку ослаб.

Но ведь Диби второй раз вызвал его на допрос ни за что, ни про что. Может быть, Рейес вовсе не горит желанием ему помогать.

Открылась пассажирская дверь, и из машины вихрем вылетела Куки.

— Он здесь? Ты его нашла?

Ее глаза бешено оглядывали окрестности. Добежав наконец до нас, Куки стиснула меня в объятиях с энтузиазмом отбойного молотка.

— Пока не знаю. А ты зачем сюда заявила?

Куки воззрилась на меня с отвисшей челюстью:

— Ты спятила, что ли?

— Она угрожала запрыгнуть на капот, если я не пущу ее в машину, — объяснил Рейес. — Иными словами, была полна решимости.

— Понимаю, — одобрительно кивнула я. За преданность моя любовь к подруге стала еще сильнее. — Но прямо сейчас ты, барышня, возвращаешься в машину.

— Чего? Да конечно! Я иду с вами.

— Кук, мы все еще не знаем, что там творится.

— Он у нее, — сказал подбежавший к нам Ош. — Они в подвале.

Громко ахнув, Куки прикрыла руками рот. Я была с ней целиком и полностью солидарна. Сокрушительной волной нахлынул страх, и рука Рейеса на моей сжалась крепче.

— Он... он... — Я хотела задать вопрос на миллион, но слова как будто застряли в горле.

— Он жив? — спросила за меня Куки тихим и полным надежды голосом.

— Пока да. Толком ничего не рассмотрел, но, кажется, его подстрелили.

Я услышала все, что нужно. Время было на исходе. Сорвавшись с места, я с бешеной скоростью помчалась по укрытой мраком, неизвестной земле, собираясь выломать к

чертовой матери дверь и избить тварь до полусмерти.

Не пробежала я и полпути, как меня повалил на землю Рейес. Мы кубарем покатались по поляне, и краем глаза я заметила Оша, который оказался тут как тут, явно готовый к любой моей дикой выходке.

Я боролась. Пустила в ход весь свой обширный арсенал. Замедлила время. Попыталась сбить Рейеса с ног. Мне была нужна его помощь, поэтому не хотелось причинять ему боль. Но на споры времени не оставалось. Я должна была как можно скорее добраться до Дибби.

Рейес успел схватить меня за запястье. Я вывернула руку и обратила его же силу против него. Вот только Рейес — воин. Он был генералом в аду и чемпионом на земле. И в обоих мирах нес смерть. В драке один на один у меня не было ни единого шанса. Мы боролись за первенство. Он тоже старался не причинить мне боли, иначе я бы давно превратилась в котлету. Но нежелание Рейеса физически меня ранить было его слабым местом. И я на всю катушку воспользовалась преимуществом.

Снова оказавшись сверху, я уже открыла рот, чтобы произнести одно-единственное слово, которое в мгновение ока парализует Рейеса, как вдруг в меня врезался Ош. Мы грохнулись на каменистую землю и проехали несколько метров, причем большинство повреждений даэва принял на себя. Но все равно от удара из моих легких вышибло воздух. Диафрагма сократилась, и сделать полноценный вдох стало почти невозможно. Падение меня дезориентировало, и на несколько мгновений я потеряла контроль над временем. Этого хватило, чтобы оно вернулось со всей присущей ему силой и дезориентировало меня еще сильнее.

И в этот самый момент я почувствовала, как на моей руке сжимаются холодные пальцы. Мертвая «светская львица» куда-то меня тащила, как будто я валялась на рельсах перед несущимся поездом, а она пыталась меня спасти. Ее глаза превратились в блюдца, а рот открылся, словно она собиралась закричать.

А потом я услышала низкое, утробное рычание. Буквально в паре сантиметров от собственной шеи. Повернулась и успела заметить, как Рейес бросается на серебристо-черные очертания зверя. Чудовище было так близко, что я чувствовала на щеке его обжигающе горячее дыхание, от которого волосы встали дыбом.

На этот раз часы замедлили свой ход сами по себе, и я в ужасе смотрела, как из ниоткуда появился второй адский пес и перехватил Рейеса в полете. Сила зверя была настолько невероятной, что Рейес сразу стал падать, как пловец, совершающий прыжок в воду. Вместе с псом они пролетели над нами с Ошем и упали на землю, подняв столб пыли. Перед моими глазами разворачивалась смертельная схватка, а я увидела только влажный блеск клыков зверя за секунду до того, как они глубоко погрузились в ребра Рейеса, разрывая плоть и ломая кости. Но Рейес даже виду не подал, что что-то почувствовал. Оторвав от себя пса, он одним молниеносным движением свернул ему шею. Однако первый уже приспособившись к изменениям во времени. Поискрив серебром, пес помотал головой и бросился в атаку, вцепившись зубами в плечо Рейеса.

Беда в том, что Рейес дрался с третьим. А второй, которого он только что вырубил, уже приходил в себя. Я поняла, в какое бесполезное сражение мы ввязались. Псов невозможно победить.

Один из них сомкнул зубы на бедре Рейеса, и Рейес упал на одно колено. Я собиралась броситься на помощь, но не успела. Ближайший к нам пес напал на Оша, и они покатались по земле. Как только я осталась одна, еще один зверь вцепился зубами мне в щиколотку и

потащил в лес. Женщина в белом выпустила мою руку и, заметив очередного бегущего ко мне пса, выпрямилась, готовясь к бою. Решительно расправив плечи, она встала на пути у монстра. Но тому хватило одного прыжка, чтобы сбить «светскую львицу» с ног. В ночной тишине его рев показался мне громом среди ясного неба.

И тут я поняла всю важность того, что происходит. К нам явилась вся Дюжина целиком. А призраки, шпионы Рейеса, сражались бок о бок с нами с такой свирепостью, какой я даже не ожидала.

Я попыталась пнуть пса, который тащил меня в кусты, но этим только помогла ему ранить меня еще сильнее. Вскрикнув от боли и дикого страха за Рейеса, я выгнулась, чтобы хоть что-то рассмотреть. Теперь я четче видела зверя, с которым дрался Рейес, потому что они оба были испачканы в крови. Где-то вдалеке кто-то рычал, но Оша я так и не разглядела.

Страх разгорелся бушующим пожаром. Я снова пнула пса, и на этот раз он меня отпустил. А через секунду навис надо мной огромной массой, как целый дом. На меня опустилась здоровенная лапа, накрывшая половину грудной клетки. Ребра затрещали.

В отличие от призраков, почти прозрачные адские псы в темноте были едва различимы. Но в лунном свете серебристой пылью мерцал черный мех, высвечивая то плечо, то ухо. Я посмотрела вниз. Моя шея была зажата между двумя огромными когтями, поверх которых мне с трудом удавалось замечать окружающий мир. Пес пригнулся, оказавшись со мной нос к носу. От желания оторвать мне голову у него подрагивала пасть. Он зарычал, и вдруг послышалось другое рычание. Появилась еще одна собака и подползла так близко, что не оставалось сомнений: она готова драться с моим мучителем не на жизнь, а на смерть.

Артемиде просунула голову между моим лицом и мордой адского пса и поднялась на все четыре лапы, заставив его отступить. Пусть всего на пару сантиметров или на пару секунд, но я радовалась тому, что она выиграла мне время. От ярости ее трясло. В оскалившейся пасти поблескивали страшные клыки. Артемиде явно не думала о том, что сильно уступает псу в размерах. Вспомнилось, что однажды у дома я видела, как чихуахуа напала на огромного питбуля. В основном, конечно, с лаем. Прелестный питбульчик совсем растерялся, не зная, что и думать о миниатюрном агрессоре, и, казалось, волновался исключительно о собственных лапах, пока чихуахуа прыгала вокруг него, таякала и пыталась укусить. Но Артемиде выглядела по-настоящему пугающе. Она медленно двинулась вперед, как Давид, теснящий Голиафа.

Мне хватило времени дотянуться до ботинка. Сделав глубокий вдох, я нащупала рукоять Зевса, вытащила его и с размаха всадила в адского пса, ощутив сопротивление, когда лезвие вошло в плоть где-то сбоку. Однако зверь с дикой скоростью извернулся и сомкнул зубы у меня на руке до самой кости. От боли потемнело в глазах.

Артемиде воспользовалась шансом, бросилась вперед и вцепилась зубами в шею пса. Вот только можно ли их ранить? Могла ли Артемиде на самом деле причинить чудовищу хоть какой-то вред? От веса лапы на груди все еще было тяжело дышать. Внезапно меня пронзило такой болью, что казалось, будто тело разорвали пополам. Пес сломал мне ребро. Я вскрикнула, когда сломалось второе. Глаза закатились, к горлу огромной волной подступила тошнота. Я почувствовала, как осколки проткнули легкое и оно наполняется кровью. Дышать стало еще тяжелее, а зверь продолжал драться с Артемидой, используя меня как трамплин.

Кое-как мне все-таки удалось осмотреть поляну. Рейес дрался сразу с несколькими псами, словно его совершенно не волновали ни зубы, ни когти, ни кошмарная кровопотеря,

ни даже тот факт, что живыми нам отсюда наверняка не уйти. Его лицо было лишено всяких эмоций, каждое движение подчинялось отточенным инстинктам. Вырвавшись наконец из месива, он побежал ко мне. Но по пути на него набросился еще один монстр. Рейес пригнулся, проскользнул под зверем и, схватив за мех обеими руками, впечатал в землю. Пес взвыл, а Рейеса уже повалил другой. Они покатались по поляне и оказались еще дальше от меня, чем были до сих пор. На ум пришла мысль, что это и было целью псов — не давать Рейесу ко мне приблизиться и попутно покалечить его как можно сильнее.

Стиснув от боли зубы, я закрыла глаза и стала накапливать энергию, пока молекулы не сжались, превратившись в мраморную твердь. Словно пар, которому нет выхода, давление росло и росло. А секунду спустя из меня наружу вырвался свет и вспыхнул в воздухе ядерной бомбой.

Стоявший надо мной зверь вздрогнул и, поскуливая, отступил. Его затрясло, он упал, но тут же поднялся. Потом тряхнул головой и фыркнул, как будто запахло чем-то вонючим. Я осмотрелась, чтобы понять, что произошло.

Оказалось, от меня никакого толку. Всего на несколько секунд псы ошеломленно замерли, но быстро пришли в себя. Рейесу хватило времени только встать на ноги, как на него опять обрушился зверь.

Я валялась на земле и понимала, что надежды нет.

У меня не получилось.

Не получилось.

Не получилось.

Когда зубы зверя сомкнулись на Рейесе, второй попытался вцепиться ему в шею. Рейес заметно устал. Ему удалось защититься от смертоносных челюстей и обвить ногой шею зверя. Мне показалось, шея вот-вот сломается, но вместо этого они вместе перевернулись в воздухе и пес опять оказался сверху. Из пасти капала кровь. Второй подкрался ближе, и звери переглянулись. Словно обменивались мнениями. Планировали атаку. Готовясь совершить очередной прыжок, второй пес пригнулся.

И в этот миг Рейес посмотрел на меня. Его лицо было покрыто кровью, и выглядел он почти так же, когда в нашу первую встречу, когда мы с Джеммой таскались по городу в поисках подходящих кадров для школьного проекта. Тогда у Рейеса был такой же взгляд. Он смирился с судьбой. Принял неизбежность собственной смерти.

По поляне неспешно прошел тихий шепот, но мои уши отчетливо слышали слова на голландском:

— Houdt haar veilig.

«Береги ее». Пип. Рейес говорил о Пип.

А потом расслабился. Голова и руки упали на землю. Он больше не собирался защищаться. Внезапно вокруг него разлилась тьма, и до меня дошло, что он задумал. Пока псы будут заняты его физическим телом, Рейес будет драться с ними в нематериальном виде. Вот только его убьют раньше, чем он успеет хоть что-нибудь сделать. Сражавшиеся бок о бок с нами призраки исчезли. Звери были слишком сильны. И слишком быстры.

Меня затопило страхом, но в голове забрезжила какая-то искорка, постепенно оформившаяся в осознанную мысль. Я поняла, в чем проблема. Там, откуда я пришла, я была чистой энергией. Стихией из духа и света. Яркого, как тысячи солнц. Но здесь этот свет отфильтровывался сквозь мое человеческое тело. Сила, которая должна была как минимум обратить адских псов в бегство, заставила их всего-навсего чихнуть. Казалось, их

нематериальные тела непроницаемые.

Мне нужно было освободить свет. Не дать зверям разорвать Рейеса на куски. Он материализовался черной клубящейся массой и укрыл меня волнами непроглядной тьмы. Специально. Чтобы я не видела, что с ним произойдет. Чтобы воспоминания об этом не жгли меня всю оставшуюся жизнь. Я услышала свист огромного лезвия, рычание и резкий визг. Но даже меч Рейеса не убивал псов. Пусть я ничего не видела, но это знала наверняка.

Я должна была освободить свет.

Зверь надо мной отбросил Артемиду в сторону, как тряпичную куклу, и в голове осталась одна-единственная мысль. Нужно выпустить свет на свободу. Я крепко сжала Зевса — мистический кинжал, каким-то чудом нашедший путь к Гаррету Своупсу. Единственное оружие, которым можно убить любого демона в этом мире, и которое вибрировало от силы, как будто было живым и обладало собственной волей.

Я не хотела умирать. Если умру я, умрет и Пип. Если я выживу, на землю опустится тьма и в конце концов погибнет все живое. Так сказал мне Рокет. Выбор очевиден. Впрочем, вряд ли у меня вообще был выбор. И все же я не могла не задуматься о том, верны ли видения Рокета.

До сих пор я считала, что все в сверхъестественном мире, как и на земле, можно изменить. Сатана мог ввести Рокета в заблуждение по поводу моей кончины. Сфабриковать предсказание, что если я не умру, то погибнут миллионы или даже миллиарды людей.

Но, может быть, все это входило в план. С самого начала времен. Может быть, моей дочери суждено уничтожить ублюдка (а так или иначе она его уничтожит), прожив жизнь не на земле, а в другом мире, где повзрослеет ее душа, сама ее суть.

Последней была мысль о Рейесе. О мерцающих глазах и кривоватой ухмылке. Все равно мне придется умереть. Об этом я знала уже несколько недель. А раз так, то хотя бы спасу Рейеса. Прежде чем пес смог закончить начатое, я закрыла глаза и пообещала дочери, что увижусь с ней на небесах.

А потом услышала, как Рейес зовет меня по имени. Дважды. Глубокий тембр прокатился по небу раскатом грома. На третий раз голос был совсем отчаянным, едва слышным. Наверное, он заметил кинжал.

Представляя любимое лицо и бережно храня в сердце мысли о дочери, я всадила Зевса в грудь. Никогда в жизни ничего похожего не испытывала. Было больно, когда лезвие вошло в плоть, но когда оно прошло дальше и проткнуло мне сердце, жгучая боль стала непереносимой, и разум помутнел. На одно короткое мгновение показалось, что надо мной распахнулись небеса, и я увидела ангелов. Не херувимов из детских сказок, а настоящих воинов — высоких, свирепых, непоколебимых. Один из них, с темными волосами и огромными крыльями, заслонившими горизонт, насмешливо приподнял бровь.

В последний раз вздохнув как человек, я ощутила разливающееся внутри тепло. А секунду спустя из сердца хлынул ослепительный свет. словно, проткнув себя кинжалом, я разрушила некий барьер между своей земной оболочкой и духовной энергией. За одну беззвучную вспышку все изменилось. Я отправила освобожденную часть себя, свою сущность, к каждому адскому псу. Острые, как лезвие, зубы блестели в открытых пастьях. Ниточки света падали на похожий на чешую мех, и звери загорались изнутри, светясь, как расплавленная лава.

Ближайший ко мне пес взвыл и скорчился от боли, запрокинув голову, как будто собирался укунить мучительное пламя. Серебристо-черная пыль, покрывавшая его мех,

осыпалась порошком и разлетелась на ветру. В последнюю секунду пес прыгнул на меня, но в сантиметрах от цели от него осталась только кучка черных тлеющих оранжевым светом частиц, которые тоже постепенно разлетелись во все стороны.

Так происходило снова и снова. Прикосновение света запуская цепную реакцию, в результате которой псы буквально распадались на части, пока ни одного из них не осталось.

Кое-как встав на колени, я посмотрела на валявшегося на земле Зевса. Потом на свою грудь. На бегущих ко мне Рейеса, Оша и Куки. Потрогала лицо, пытаюсь понять, жива я или нет. Впрочем, мертвой я себя ни капельки не чувствовала. Наоборот, во мне просто ключом была жизнь.

С ошеломленным выражением лица Рейес на бегу упал передо мной на колени.

Несостоявшаяся кончина не укладывалась в голове. Я устала на футболку. Над сердцем расплылось алое пятно, но на груди не было ни царапинки.

— Как ты это сделала? — спросил Рейес, когда Ош остановился рядом таким же макарон — на коленях.

Я понятия не имела, поэтому молча покачала головой, посмотрела на Зевса и поняла, что больше не чувствую силы, которая исходила от него раньше. Словно из него ушла вся энергия, превратив в обычный нож, который отныне мог разве что поцарапать сверхъестественное существо. Тем не менее, я затолкала его обратно в ботинок, потому что поняла: сила кинжала перешла в меня. И в нашу дочь. Мало того, эта сила спланила нас вместе не только физически, но и духовно. И эта связь породила сверхъестественное оружие массового поражения. Ничего подобного я раньше не совершала, а значит, мне помогла сила, которую дала мне Пип. Моя собственная энергия объединилась с ДНК Рейеса, и вместе они создали истинное дитя богов.

Рейес ошеломленно застыл. Ош — тоже. Куки, которая вообще не видела адских псов, похоже, пребывала в состоянии капитального шока.

Только сейчас до меня дошло, что идет дождь. Точнее ливень.

Я протянула руку и набрала в ладонь дождевой воды, раздумывая, не шлет ли тот загадочный ангел с насмешливыми бровями мне какое-то послание.

— Кажется, я на минутку умерла, — сказала я Рейесу, глядя, как по красивому лицу текут струи дождя.

Я промокла до нитки, но исходящий от него жар согревал до самых костей.

Рейес попытался меня обнять, но я в ужасе отшатнулась.

— Тебя же на куски порвали! — выдохнула я и прикрыла ладонью рот, боясь даже присмотреться к его ранам.

— На этот раз все не так плохо, — покачал головой Рейес. — Мы учимся на своих ошибках.

— Как Пип? — спросил Ош, нетерпеливо схватив меня за плечо и развернув к себе.

В ответ я молча кивнула, и на его лице явно проступило облегчение. Он наклонился и положил ладонь мне на живот, чему ни капельки не обрадовался Рейес. Не в силах на них смотреть, я крепко зажмурилась. Футболки и джинсы на обоих насквозь пропитались кровью.

Стоявшую неподалеку Куки заметно трясло, а ее лицо от шока превратилось в маску.

Через секунду, которая длилась целую вечность, Ош кивнул:

— С ней все в порядке. Она... — Он задумчиво опустил голову. — Она сильнее, чем раньше.

— Она — будущее этого мира, — уверенно заявила я, как будто лично все спланировала. — Нелегкая ноша для девочки, поэтому ей понадобится вся возможная и доступная сила.

— Ох, солнышко, — наконец разморозилась Куки, присела рядом и крепко меня обняла. — Ты собиралась покончить с собой!

— Прости, Кук. Я думала, другого выхода нет. — Я посмотрела на Рейеса. Если судить по крепко сжатым зубам, его этот вариант просто-напросто бесил. — Псы ушли? — спросила я у него.

— Пока да, — ответил за Рейеса Ош и добавил: — Но ты должна понять: как меня и Рейазиэля, для такого их и создавали. Не думаю, что они сдохли. К тому же, кое-что теперь мы знаем без тени сомнения. Им всем удалось пробраться в этот мир.

— Рейес? — спросила я, надеясь на другой ответ.

Глядя на горизонт, он неохотно кивнул:

— Ошекиэль прав. Сегодня они уже не вернутся, но рано или поздно мы опять с ними столкнемся. Псов не изгоняли с небес, поэтому их не так легко убить.

— Лично я ничего легкого не заметила, — сердито буркнула я, начиная злиться.

Вот только сам Рейес был наглядным подтверждением слов Оша. Глядя на них обоих, я с трудом оставалась в сознании. Представить не могла, что после такого количества ран тело может выжить. И не подозревала, что под плотью кости действительно белые. Их обоих буквально рвали на куски, но они все еще стояли на ногах и готовы были снова сражаться.

Вспомнив, почему мы вообще здесь оказались, я громко ахнула:

— Дядя Боб! — и со всех ног помчалась к хижине. Само собой, я хорошо понимала, что должна быть мертва, но вместо этого не чувствовала ни намека на боль. Исцелились даже сломанные ребра. — Куки, стой, где стоишь! — крикнула я, еще не успев добраться до дома.

И во второй раз за вечер меня сбил с ног Рейес. Потом поднял с земли и, пока я пыталась вырваться из крепких рук, жестом велел Ошу идти вперед. Да елки-палки! Я только что дралась с Дюжиной адских псов! Уж точно мне по зубам справиться с одной-единственной психопаткой. Но у нее был дядя Боб, а он бессмертием точно не отличался.

— Наверняка она уже знает, что мы здесь, — сказал Ош, обгоняя нас. — Очень сомневаюсь, что она не заметила эпическое сражение у себя же во дворе.

— Рейес, — начала я, извиваясь в его руках. В конце концов он поставил меня на ноги, чтобы я могла идти сама, как большая девочка. — Как хочешь, но я пойду в этот дом.

— Только после меня.

Мы обошли хижину сбоку и присели, а Ош подкрался к окну и заглянул внутрь.

— Свет горит, но я никого не вижу.

Рейес жестом приказал мне сидеть на месте (ага, так я и послушалась!) и быстро двинулся по крыльцу к входной двери. Ясное дело, я пошла за ним. Он проверил дверь, которая оказалась открытой, и присел. Я присела рядом, коснулась его руки и прошептала:

— Дай мне пойти первой.

— Нет, — прошептал в ответ он.

Я наградила его своим лучшим убийственным взглядом и поймала себя на том, что пялюсь на его рот. Ей-богу, ни один мужчина не должен иметь такие чувственные губы.

— Я могу тебя заставить, — тихо проговорила я, наполовину угрожая, наполовину обещая.

Рейес подался вперед и остановился за миг до того, как наши рты соприкоснулись.

— Ты можешь заставить меня делать все, что угодно. — Несколько напряженных секунд он изучал мои губы, а потом опустил голову, как будто собирался меня поцеловать, и добавил: — Но сейчас доверишься мне.

Я и глазом моргнуть не успела, как он замедлил время. Лично для меня все выглядело так, будто он просто-напросто испарился. Я выругалась и помчалась в дом, но к тому моменту, когда споткнулась о первую попавшуюся мебель, Рейес уже стоял передо мной.

— Он внизу. В подвале.

Я осмотрелась по сторонам и заметила ведущую вниз лестницу, на которой уже стоял Ош перед самым входом в подвал.

— Она с ним, — добавил Рейес. — И, похоже, чем-то его накачала.

— Как он? — прошептала я, злясь на жениха за трюк со временем, когда я меньше всего этого ожидала. Это ведь нечестно!

Перед тем как ответить, он крепко взял меня за запястье, как будто хотел привязать к себе.

— Его однозначно подстрелили.

Думать было некогда. Я сорвалась с места и умудрилась обскакать уже протянувшего ко мне руки Оша. Потом замедлила время, застав их обоих врасплох, и помчалась вниз по темной лестнице.

Оказавшись в еле-еле освещенном подвале, где явно не закончили ремонт, я увидела лежащего на спине дядю Боба. Галстук ослаб и свисал на одну сторону. На белой рубашке виднелись темно-красные пятна. А под ним медленно расплывалась лужа крови, как будто самой крови осталось совсем немного. Я не стала тратить время на поиски Сильвии и сразу побежала к Диби.

— Дядя Боб! — прошептала я, присев рядом, чтобы проверить веревки. Сильвия связала ему руки за спиной, но Рейес был прав: Диби точно поймал пулю. А сейчас был без сознания. — Дядя Боб, — повторила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Короткие каштановые волосы и вся левая сторона лица были покрыты запекшейся кровью, как будто Сильвия била его чем-то тяжелым и тупым, потому что вырубить Диби не так-то просто.

Уложив его голову себе на колени, я погладила его по щеке, склонилась и прошептала на ухо:

— Пожалуйста, дядя Боб! Прошу тебя, очнись.

Внезапно я поняла, что он теплый, и в груди затеплилась надежда. Я поискала на шее пульс и нашла — пульс казался сильным и упертым, как бык.

Я поцеловала Диби в лоб и уже собиралась проверить рану, которая, похоже, была где-то справа в районе ребер, как вдруг меня что-то укололо в шею. Почти непроизвольно я замедлила время и вытащила из кожи иглу. Оставалось только надеяться, что фигня в шприце не была смертельной. Так и не остановившись до конца, время вернулось, но все вокруг почему-то замедлилось.

Я обернулась посмотреть на нападавшего, но даже он, точнее она двигалась медленно. Или скорее расплывалась.

Я пнула ее по руке, и Сильвия Старр отшатнулась, но тут же бросилась к упавшему на пол шприцу. Подхватив дядю Боба под мышки, я попыталась оттащить его к лестнице, но мир почему-то упрямо кренился влево. Изо всех сил я старалась как-то к нему приспособиться, при этом не упав. Мир продолжал крениться, пока пол не встал

вертикально, прижавшись к моему плечу и щеке. Почему это гравитация так быстро изменилась? А если так и дальше пойдет, мы же просто-напросто попадаем с Земли! Ну и где мы тогда окажемся?

Меня сильно дернули за волосы, а к виску прижался холодный металл.

— Ты не понимаешь — сказала женщина так, словно все это время мы вели с ней премиленькую беседу. — Это он отправил тебя туда.

— Куда — туда? — уточнила я.

— В тюрьму.

— Я никогда не была в тюрьме. В смысле не сидела. Хотя однажды...

— Мисс Рэммар, не нужно.

Это был дядя Боб. Может быть, он проснулся от того, что я тыкала в него пальцами.

— Меня зовут Сильвия Старр! — зашипела Сандра-Сильвия, но уже через секунду ее голос превратился в умоляющее нытье. — Если бы он тебя не арестовал, тебе не пришлось бы десять лет сидеть в той адской дыре!

— Да что ты знаешь про ад?

Это был Рейес. Он пришел меня спасти!

— Держись! — крикнула я, едва ворочая языком, и показала пальцем на пол возле уха. — Мы все упадем! Схватись за что-нибудь!

Я понятия не имела, почему мы до сих пор не скользим по полу.

— Тебя ни за что ни про что обвинили и вынесли страшный приговор, — проныла Сильвия.

Совсем сбитая с толку, я взглянула на Рейеса.

— Меня никогда ни в чем не обвиняли. И уж тем более ни за что ни про что.

— А я им говорила. — Металл к виску прижался плотнее. Мне на глаза упал длинный черный локон. Было больно, я попыталась смахнуть его с лица, а Сильвия продолжала: — Говорила, что твоей вины в этом нет, но меня никто не слушал. Со мной обращались, как с идиоткой.

— Ты и есть идиотка.

— Тебя обвинили и посадили в тюрьму за убийство человека, который был жив!

Я хотела было возразить и еще раз объяснить, что меня никогда ни в каком преступлении не обвиняли. Ну разве что за проникновение со взломом, но тот случай стерли из моего личного дела, когда мне стукнуло восемнадцать. И тут до меня дошло, что разговаривает Сильвия не со мной.

Рейес ведь тоже был в подвале. Он стоял, весь покрытый кровью, с таким скучающим выражением лица, словно разыгранный Сильвией спектакль ни капельки его не впечатляет. Зато меня до невозможности впечатляло то, что Сильвия держится строго перпендикулярно к полу и даже не собирается падать.

— Все это время я знала, что ты невиновен. Но ко мне относились, как куску дерьма.

Эмоции, которые излучал Рейес, сильно отличались от того, что он ей показывал. Как ни в чем не бывало сложив на груди руки, он изображал полнейшее безразличие, а внутри него бушевала неукротимая ярость.

— Мисс Старр, — снова заговорил дядя Боб осипшим голосом, — Чарли не была присяжной на том суде. Если вы причините ей вред...

— То что? — спросила Сильвия, еще сильнее вдавливая холодный металл мне в череп. Бедняга Фред! — Что мне будет?

Дядя Боб! Я совсем забыла, что его подстрелили. А меня накачали. Дибби подстрелили!!!

Я никак не могла решить, о ком из нас думать в первую очередь. Попыталась пересилить последствия того, чем меня накачали, и увидеть мир таким, какой он есть. Большим голубым шариком, который никуда не кренится, и с которого никто не упадет. Знать это и ощущать — совсем не одно и то же. Мне не удавалось вместить все это в ту половину Барбары, то есть моего мозга, которая отвечает за логику.

Сильвия дернула меня за волосы и так сильно царапнула металлом по виску, что появилась кровь. Дядя Боб попытался прийти мне на помощь, но со связанными руками мало что мог сделать. Зато сказал твердым, не терпящим возражений голосом:

— Уберите пистолет.

— Заткнись! — заорала на него Сильвия и снова повернулась к Рейесу. — Ради тебя я искала возмездия.

— Возмездия ты искала ради себя.

— Нет. Я знала, что ты невиновен. Знала, Рейес! Но мне угрожали, насмехались над тобой, заставили чувствовать себя душой и проголосовать так, как хотели они. Они избавились от тебя, как от ненужного мусора! Как будто ты какое-то презренное отребье! А ведь любой, у кого есть глаза, видит, какой ты необычайный... Никто из них не заслуживает права жить той славной жизнью, что дана им свыше.

— Улики свидетельствовали против меня. Детектив Дэвидсон всего лишь выполнял свою работу.

Я услышала, как Сильвия презрительно фыркнула в адрес Дибби. Что ж, пора было что-то делать. Честное слово, я собиралась, вот только забыла, что именно и как. Может быть, заказать по телефону головку сыра?

— Ты ошибаешься.

— Я редко ошибаюсь, — отозвался Рейес, и с этим я бы точно спорить не стала. — Присяжные действовали по инструкции. Взвесили улики и приняли решение, основанные на представленных свидетельствах. А ты не хотела видеть того, что видели они.

— Они видели юного преступника. Хулигана. Чудовище.

— Значит, они видели меня насквозь.

В голову пришла мысль. Точнее сотни мыслей. Сосредоточиться было трудно, но эта конкретная мысль пробуждала нешуточное любопытство.

— Ты знал, да? — спросила я у Рейеса. — Когда она подкатила к тебе со своим интервью, ты уже тогда знал, что она была на твоём суде.

— Знал, — нахмурился он.

— Ты же видел фотографии других присяжных. Значит, понял, что их убивает она?

— На дело твоего дяди я даже внимания не обращал. Мне было о чем подумать.

— Как можно не обращать внимания на что-то настолько важное?

— Два слова. Адские псы.

Я фыркнула и попыталась отвернуться, но не получилось, потому что меня за волосы стальной хваткой держал самый натуральный Конан.

Убежденная в своей правоте, Сильвия продолжала вещать:

— Они все заслуживают смерти за то, что с тобой сделали. День за днем я сидела в зале суда и смотрела на так называемые улики и свидетельские показания, зная, что ты невиновен. А ведь я всего лишь хотела восстановить справедливость...

Ни капельки не тронутый ее речью, Рейес, тем не менее, начинал терять терпение.

— Меня кусали, раздирали когтями и калечили злобные адские псы, а тебе хватает наглости тыкать пушкой в мою невесту?

— Пушкой?! — пискнула я. Вот, значит, как...

— Я искала возмездия за то, что с нами сотворили.

Рейес застыл, и от его гнева воздух завибрировал.

— С нами?

— Если бы тебя оправдали, я бы заботилась о тебе до конца своих дней. Мы могли бы быть счастливы. Я бы дала тебе все, что ты хочешь.

Рейес шагнул ближе и смерил Сильвию мрачным взглядом:

— На протяжении всего процесса я чувствовал твою слепую страсть так же ясно, как убежденность других присяжных в моей виновности. Тогда я считал всех вас имбецилами. Но теперь передумал.

Внезапно я осознала один простой факт: Рейес в любой момент мог замедлить время и со всем этим покончить. А значит, тянул намеренно, пытаясь вытащить из Сильвии не только признание, но и мотивы. Чтобы позже дядя Боб мог подтвердить, какую ахинею она тут несла. Одна беда — Дибби все еще истекал кровью.

А я, видите ли, могу драться с адскими псами, одним лишь словом победить самого сына Сатаны, но засуньте меня в одну комнату с рехнувшейся барышней, и из строя я выйду первой.

— Рейазиэль, — сказала я на арамейском, — мы должны сейчас же оказать дяде помощь.

Рейес кивнул и мгновенно оказался перед нами, глядя на Сильвию, как хищник — на свою добычу за секунду до смертельного прыжка.

— Не калечь ее, — строго сказал дядя Боб.

Он хотел заполучить Сильвию живой, но вовсе не по благородным причинам. Дибби жаждал увидеть ее лицо, когда присяжные признают ее виновной. Но мощная, пульсирующая жизнью жажда мести зародилась в нем только тогда, когда Сильвия приставила к моей голове пистолет.

Рейес пытался подавить эмоции, но не справился. Они затопили его, словно прорвало дамбу. Десять лет он провел в самой охраняемой тюрьме, но всегда вел себя так, словно заключение никоим образом на него не повлияло. Но это не было правдой. Его взгляд остановился на мне, а внутри пылал готовый вырваться на свободу гнев. Подтащив к себе Сильвию, он сказал ей что-то на ухо. Я уткнулась лбом в пол, чтобы не видеть, как раскачивается перед глазами мир, и, сосредоточившись, всеми порами прислушалась к едва слышному шепоту, текшему с губ Рейеса в ухо Сильвии.

— Как смеешь ты питать свою гордыню, ничего обо мне не зная?

Он обхватил ладонями ее голову и одним молниеносным движением, которое я даже толком не рассмотрела, свернул ей шею. В напряженном воздухе раздался громкий хруст. Отодвинув от себя Сильвию, Рейес бросил безжизненное тело к ногам дяди Боба. Она упала, а мне всеми фибрами души захотелось закричать.

Я отказывалась верить в случившееся. Не мог Рейес взять и убить человека на глазах у детектива полиции. Он же опять попадет в тюрьму! Нас ждет сущий кошмар. Снова будет суд, СМИ сойдут с ума, но Рейесу, чей гнев сжигал мне кожу, было наплевать.

Он навис над дядей Бобом, и я метнулась к ним. Точнее попыталась. Потому что боялась того, что может сделать Рейес. Но он всего лишь заговорил, и его тихий голос звучал

так же опасно, как когда он шептал Сильвии:

— Вы у меня в долгу.

Прекрасно понимая, что награду за чудеса равновесия мне уже точно никогда не получить, я вписалась в Рейеса и вцепилась ему в руки, страшно переживая, что он решил убить единственного свидетеля, который мог заново отправить его в тюрьму за убийство женщины. Но, как выяснилось, беспокоиться было не о чем. Рейес поднял меня на руки, и тут в подвал ворвался Ош, который, едва взглянув на Сильвию, сообщил:

— Он жив. Но осталось ему недолго.

Неужели последняя жертва психопатки все еще жива?

— Где он? — спросила я.

— Пока в безопасности. В сарае за хижинкой. Но, похоже, она его чем-то накачала. Пена изо рта идет.

— Она его отравила, — сказала я.

А потом извернулась в руках Рейеса и потянулась к дяде Бобу, решив во что бы то ни стало его исцелить. Пусть я не знала наверняка, получится или нет, но в тот момент это не имело значения.

Дибби ткнулся плечом мне в ладонь. Похоже, раскусил мой план.

— Нет, милая, — сказал он, глядя на Рейеса. Видимо, не знал, арестовать его или вручить медаль. Впрочем, со связанными за спиной руками ни того, ни другого он точно сделать не мог. — Все должно выглядеть так, чтобы комар носа не подточил.

Я помогла ему подняться на ноги. Взглянув на шаткую лестницу, дядя Боб осмотрел всех нас с ног до головы.

— Откуда кровь, я потом спрошу, а сейчас надо избавиться от любых намеков на то, что вы здесь были. — Он кивнул на заднюю часть подвала, где стояли канистры. — Она собиралась поджечь весь дом. Знала, что время на исходе, и намеревалась меня убить, а потом убежать в закат за ручку с тобой, Фэрроу.

От этих слов Рейес мысленно содрогнулся.

— Дело было так, — продолжал дядя Боб и кивнул на фонарь, горящий в самом начале лестницы. — Она решила начать с подвала и как раз стояла там, наверху, когда споткнулась, скатилась вниз и сломала себе шею.

— Дядя Боб, — заволновалась я. План-то хороший, но если не сработает, его тоже посадят. — Ты не обязан это делать.

— Обязан, — сурово отозвался он. — Чтобы убедиться, что я точно здесь сдохну, меня она облила с ног до головы.

— Ну уж нет, — передумала я. Фиговый план, хуже некуда. — Ты не станешь поливать себя бензином.

— Верно, у меня связаны руки. Это сделаешь ты.

— Черта с два! — Я чуть опять не подружилась с полом. — Ни за какие коврижки.

— Милая, хочешь ты или нет, но придется.

Он казался таким уязвимым! Бледным и хрупким... Я его таким никогда не видала. Для меня Дибби всегда был несокрушимым быком, которого я знала с самого рождения.

— Бери канистру, полей меня, а потом разбрызгай по подвалу. Я разобью фонарь и дам отсюда деру.

— А если не успеешь? Ты потерял кучу крови!

— Фэрроу, — дядя Боб явно решил переложить задание на моего жениха, — займись

этим. И давайте уже отсюда выбираться, пока меня окончательно не осушило.

Рейес кивнул, подозвал ко мне Оша и, взяв канистру, начал поливать бензином Дибби. Запах стоял удушающий. По моему лицу потекли слезы. Не так давно я пережила то же самое, и от воспоминаний эмоции взбесились. Одно дело — когда такое происходит со мной. И совсем другое — с кем-то из тех, кого я люблю.

— Хватит, — выдавила я, хватаясь за плечо Рейеса.

Пальцы соскользнули по густому слою крови, и тошнота разыгралась не на шутку.

Снова подняв меня на руки, Рейес, шагая через ступеньку, быстро пошел наверх. Ош взял канистру и стал разбрызгивать вонючую жидкость по подвалу, стараясь не задеть Сильвию. Не забыл слегка полить и лестницу, чтобы было меньше подозрений. Потом помог дяде Бобу подняться наверх.

Улыбнувшись мне напоследок, Дибби исхитрился сбить фонарь на пол. Горючее тут же занялось пламенем, которое в красивом танце распространялось по помещению.

— Скоро буду, — сказал Дибби, — но сначала подышу немного дымом.

— Рейес, заставь его пойти с нами! — взмолилась я.

— Милая, ни у кого не должно возникнуть никаких подозрений, — сказал дядя Боб и наградил Рейеса мрачным взглядом.

На этот раз Рейес послушался. Мы оказались на улице возле не находящей себе места Куки. Не говоря ни слова, Рейес жестом велел ей следовать за нами и понес меня к машинам. Ош сел за руль Развалюхи, чтобы отогнать ее домой, а мы залезли в «куду» Рейеса. Куки созвонилась с капитаном, так что к тому моменту, как мы выехали на шоссе, копы уже были в пути. Когда мимо нас проехали машины с мигалками и воющими сиренами, мы смотрели только на дорогу. В зеркале заднего вида виднелись отсветы от огня. В небо поднимались клубы густого серого дыма. А мой дядя, на секундочку, с ног до головы был облит бензином. Даже пары могли полыхнуть от одной случайной искры, и тогда он сгорит заживо. Но если выберется на улицу, то все будет в порядке. До сих пор лило как из ведра, а значит, огонь не перекинется на ближайшие кусты. Намеренное разведение огня в Нью-Мексико — всегда плохая идея. Поэтому сегодняшний дождь был как нельзя кстати.

Мы спешили попасть домой и переодеться в чистую одежду, чтобы успеть встретить в больнице скорую. Рейеса и Оша пришлось оставить — каждому предстояло свидание с мотком скотча. Дюжина испарилась, но никто из нас не знал, надолго ли. Рейес позвонил Гаррету и попросил отвезти нас в больницу.

Перед зданием толпились офицеры. Ранили одного из них, и они пришли оказать поддержку. Мы подъехали сразу за неотложкой. Куки на ходу выскочила из Развалюхи и помчалась за скорой. Чтобы припарковаться как можно ближе ко входу в отделение, я сделала круг, попутно пытаясь решить, не слишком ли рано называть Кук «скорым поездом».

— Роберт! — крикнула она, увернувшись от какого-то копа и ловко пригнувшись под рукой фельдшера. О да, когда надо, этой барышне прыти не занимать. — Роберт...

Выскочив из Развалюхи, я бросилась к подруге. Несмотря на попытки вежливого офицера как можно осторожнее оттащить Куки, она мертвой хваткой вцепилась в каталку, пока Дибби выгружали из машины.

— Брызгала бензином направо и налево, — рассказывал он капитану, который, видимо, обратно решил возвращаться в скорой. — Меня облила с ног до головы, а потом пошла вверх по лестнице, поливая ступеньки. Я не видел, что произошло. Наверное, она поскользнулась и скатилась вниз. Следующее, что я помню, — все вокруг горит, а она без сознания на полу.

Видимо, шею сломала.

Подъехала вторая неотложка с последней жертвой Сильвии. Парень был жив, и его сразу же отправили на промывание желудка.

— Роберт! — тихо вздохнула Куки, и, когда он на нее взглянул, мне показалось, что второй раз за день распахнулись небеса.

Капитан Экерт разрешил ей зайти в больницу, не отрываясь от каталки. Дяде Бобу предстояла операция. К счастью, ничего жизненно важного пуля не задела. Я подшутила над ним, сказав, что в таком случае пуля должна была попасть ему в мозг. Ну или в член. Он рассмеялся, радуясь тому, что остался жив.

Мы с Куки и Гарретом сидели в комнате ожидания, когда появились Рейес и Ош. Причем оба с таким видом, словно больница принадлежала им и только им. На обоих были толстовки. Макушку Оша прикрывал цилиндр, который в сочетании с самой обыкновенной толстовкой выглядел до боли мило. Надо же было им как-то прикрыть скотч.

Рейес сел рядом со мной, обдав с ног до головы обжигающим жаром. Ош двинул к торговым автоматам и, вернувшись, вручил нам с Куки по бутылке минералки, хотя на самом деле нам с ней до потери пульса хотелось кофе.

— Как ты это сделала? — глядя на свои ладони, спросил Рейес, когда я глотнула воды.

Рукава толстовки он подтянул вверх. На сильных предплечьях бугрились мышцы с узором из крепких вен, но все равно его руки казались почти изящными.

Я повернулась к нему и недоуменно приподняла брови. Рейес посмотрел на меня исподлобья.

— В хижине я держал тебя за руку, а ты... просочилась сквозь пальцы.

— Я должна была увидеть дядю Боба, — ответила я, зачарованная пристальным взглядом.

— Такая же фигня была возле дурдома, — встрял Своупс, — когда ты просочилась сквозь наручники.

— Серьезно? — спросила я, пытаюсь вспомнить, что там случилось на самом деле, и сделала еще один глоток. — По-моему, я просто вытащила из браслетика руку.

Он покачал головой:

— Черта с два.

— Хм-м, — прогудела я и потыкала в запястье указательным пальцем, чтобы убедиться, что оно никуда не делось. Впрочем, меня мало волновала поднятая тема.

Рейес взял меня за руку. Провел пальцами по ладони и выше, по запястью, словно проверял на прочность. Как фокусник, который показывает шляпу перед тем, как вытащить из нее кролика.

— А кинжал? — добавил он обвиняющим тоном. — Ты пыталась покончить с собой.

— Если помнишь, то ты тоже, — парировала я.

В Рейесе вспыхнула досада, но он оставил ее при себе.

— Тебе нужно исцелиться. — Я беспокоилась и о нем, и об Оше. Рейес был обжигающе горячим. А я уже знала, что он становится горячее, когда ранен. — И отдохнуть.

— Сначала нам нужно найти безопасное место. Я сейчас.

Он встал и пошел в темный угол, где пряталась «светская львица». В обычных обстоятельствах я бы хоть чуточку, да взбесилась. Но ведь она призрак. Стоит ли к ней ревновать?

К нам со скорбным выражением лица подошел капитан Экерт. Пытаясь прочесть его

эмоции, я застыла, а потом подскочила с места, не в силах совладать с тревогой.

— Дядя Боб!..

— С ним все в порядке, — сказал капитан и попытался усадить меня обратно, но я не поддавалась. — Последняя жертва... он не выжил.

— Знаю, — я кивнула на сиденье рядом с моим, где сидел некий мистер Трухильо и почесывал макушку уставшей ротвейлерши по кличке Артемида.

Мы как раз думали, что сказать его жене, перед тем как приехали Рейес и Ош. Мистер Трухильо хотел передать супруге послание. Как и многих других призраков, его больше волновало благополучие родных, чем тот факт, что он только что скончался. Он подробно описал мне, где найти страховой полис на его жизнь и запасные ключи от «харли-дэвидсона», который он купил под влиянием кризиса среднего возраста. Причем потребовал ясно и четко донести до жены, чтобы ни под каким предлогом не продавала байк его кузену Мэнни, потому что Мэнни — тот еще козлина. Так и сказал.

Капитан Экерт кивнул и с любопытством взглянул на Рейеса, а потом отошел поговорить с офицерами, которые стояли неподалеку. Капитан явно о чем-то умалчивал, и мне стало интересно, что такого ему в скорой наговорил дядя Боб. Что вообще он мог сказать, когда в той же машине сидели медики?

Казалось, Рейеса не заботит, как он выглядит со стороны, разговаривая с призраком. Судя по всему, с покойницей, помогавшей нам в сражении с Дюжиной, все было путем.

К нам Рейес вернулся мрачнее тучи.

— Они все еще здесь.

— Знаю, — кивнул Ош. — Чувствую их присутствие.

Лично я, услышав эти новости, не чувствовала ничего, кроме злости. Как, елки-палки, их убить? Ну и на всякий случай, где можно достать маленькую атомную бомбочку?

— Уезжать надо сегодня же, — добавил Ош.

— Чего? — Я перевела взгляд с него на Рейеса. — В каком это смысле? Куда уезжать?

В глазах Куки засияла тревога. Рейес глубоко вздохнул:

— Нам нужна священная земля. Псы из ада. По идее, им туда путь заказан.

— Рейес, я не могу уехать. Мой дядя в больнице. Отец пропал. А кто-то фоткает меня уже кто его знает сколько лет.

Рейес наградил меня таким взглядом, что в любой другой раз у меня бы от страха завернулись пальцы на ногах. Но не сейчас. Я не собиралась бросать дядю Боба.

— Сегодня нам повезло, — твердо сказал Рейес. — В следующий раз удача может от нас отвернуться.

— Напоминаю: я всадила себе в сердце кинжал.

Рейес вздрогнул, вспомнив, как это было.

— Никакого везения, — продолжила я, — тут не вижу. Зато я нашла свой свет. Значит, могу делать так столько, сколько понадобится. И им до нас не добраться.

Он шагнул ближе и проговорил едва слышно:

— Тебя обыграла одна мелкая психопатка со шприцем.

На этот раз вздрогнула я.

— Одна доза снотворного, и ты даже на ногах стоять не могла, не то что драться с адскими псами. На такой риск я не пойду. К тому же у Оша есть план.

— Ну надо же! Так теперь за нас все решает даэва? — насмешливо поинтересовалась я. — Мы вдруг стали ему доверять?

Я-то Ошу доверяла сразу, но Рейес — совсем другая история.

— У нас нет выбора, — сказал он, и я ощутила то, что он хотел от меня скрыть.

Рейес считал, что потерпел поражение, и неудача снедала его живьем.

Меня обуяло чувство вины.

— Рейес, я совсем не хотела...

— Прекрати. — Он опустил голову, и под невозможно длинными ресницами заискрились карие глаза.

Он терпеть не мог, когда ему сочувствуют. А я терпеть не могла, что он терпеть не может, когда я ему сочувствую. Вот только ничегошеньки поделать с этим нельзя.

Я шагнула вперед и, остановившись почти вплотную к нему, погладила потемневшую от щетины щеку.

— Даже не проси.

Рейес сгреб мои волосы в кулак и подтянул меня к себе. Между нашими губами остались какие-то миллиметры.

— Я облажался по всем статьям, Датч, — севшим голосом сказал он. — Правильного пути нет. Но я могу хотя бы попытаться сберечь тебя и нашу дочь.

— И вовсе ты не облажался.

Уголок красивого рта печально приподнялся.

— Хреновая из тебя лгуня.

— Да я обалденная лгуня! — Чтобы не дать ему спорить со мной и дальше, я прижалась к нему губами.

Он сразу ответил на поцелуй, и мне показалось, будто он просит прощения. Но это был обман. Заставив меня испытывать острую нехватку кислорода и отчаянное желание найти укромный уголок, Рейес прервал поцелуй и сказал:

— А еще ты наивная дурочка.

Ощувив прикосновение металла к запястью, я громко ахнула и посмотрела вниз. Он приковал меня к себе. Наручниками! Самыми что ни на есть настоящими! Изобразив оскорбленную невинность, я подняла наши скованные руки.

— В помещении, где полно копов, это, конечно, ни разу не подозрительно.

— Я тебе не доверяю, — пожал плечами Рейес. — Можешь подать на меня в суд.

С отвисшей челюстью я уставилась на Оша, который улыбался, как обожравшийся сметаной котяра, и, явно довольный собой, сказал:

— Моя была идея.

— Это неправильно по всем понятиям. Я дядю Боба не брошу!

— Его только что вывезли из операционной, — сообщил вернувшийся к нам капитан. — Как раз сейчас отходит от наркоза.

На наручники он едва взглянул и жестом позвал нас за собой.

Я вконец офонарела. А если бы я по-настоящему оказалась в беде? Если бы меня и правда похитил какой-нибудь мужик, помешанный на наручниках? Один мимолетный взгляд — это все, на что я могу рассчитывать?!

Расправив плечи, я двинулась за капитаном и, уже подходя к палате в реанимации, опять сказала Рейесу:

— Дядю я не брошу ни за какие коврижки.

— На что спорим? — спросил он так, словно пытался меня соблазнить.

Само собой, Рейес мог и телефонный справочник прочитать так, будто пытается меня

соблазнить. Ну или список покупок. Или даже инструкцию к какому-нибудь прибору. Воображение даже подсунуло не очень здоровую картинку того, как Рейес зачитывает вслух инструкцию по эксплуатации чего-нибудь, где используется сцепление. Например, о том, как работает двигатель автомобиля. Что тут попишешь? Нравится мне слово «сцепление». Я даже представила себе, как бы оно звучало в устах Рейеса. Наверное, произнесенное его глубоким голосом, оно бы капало мне на кожу, как теплая вода.

С трудом, но мне все-таки удалось не расплыться лужей и прийти в себя.

— Что, по-вашему, такое священная земля? — спросила я, подхватив под руку поравнявшуюся со мной Куки. — Куда мы должны переехать?

Несмотря на то, что в палату к Диби Оша и Гаррета не пустят, они все равно шли за нами. Видимо, хотели поучаствовать в разговоре.

— В монастырь, — отозвался Ош. — Священное не придумаешь.

— Это все, конечно, замечательно, но вы-то как? — спросила я как можно деликатнее. Мы с Куки шагали под ручку. Мы с Рейесом — в наручниках. — Вы же тоже... как бы это сказать? Из ада. Сможете войти на священную землю?

— Мы родились людьми, — сказал Ош. — Можем ходить там же, где и ты.

— Ясненько. — Еще одна новость, но логика есть. И Рейес, и Ош были на кладбище. А там земля освященная. И тут меня обуяли подозрения. Ну серьезно, много ли они знают? — А псам туда точно не войти?

— Наверняка сказать нельзя, — покачал головой Рейес. — Но попытаться стоит.

Я глубоко вздохнула:

— Ну что ж, все равно прямо сейчас мы никуда не поедем.

— Датч, — с нажимом произнес Рейес.

— Я серьезно, — настаивала на своем я, зачем-то понизив голос, хотя была уверена, что капитан и так все услышит. По больничным коридорам эхо разносилось похлеще, чем в амфитеатре. — Мы не станем заниматься «этим» на святой земле, не связав себя священными узами брака. Без обид, но восемь месяцев без секса я точно не протяну.

Рейес остановился, обернул пальцами мое запястье, причем наручники даже не оцарапали кожу, и ухмыльнулся. Всему нашему эскورتу тоже пришлось притормозить.

— Датч, ты просишь меня жениться на тебе?

Я укоризненно поджала губы.

— Фигушки. Предложение сделал ты. Я прошу тебя жениться на мне прямо сейчас. Нельзя нам так оскорблять Большую Шишку наверху. Неправильно это, и все тут. К тому же Пип понадобится папочкина фамилия.

Кажется, Рейес потерял дар речи. Куки уж точно, но всего на пару секунд. Просияв, она обняла меня, чуть не сломав ребра.

— Вот блин! Клянусь, мы все организуем сегодня же. Найдем судью, священника или еще кого-нибудь. Я знаю одного бездомного, который когда-то был священником и проповедовал в деревенской церквушке, пока не спятил и не начал пить по местным католическим церквям святую воду, потому что боялся, что в него вселится Вельзевул. — Кук взглянула на Рейеса. — Прости, так он называл твоего отца.

На его щеке появилась лукавая ямочка.

— Я называл и похуже.

Куки вздохнула, и выражение ее лица стало беспрдельно мечтательным.

— К тому же у нас уже есть разрешение на брак^[29]. Мы побьем все рекорды по

романтике!

Мне, конечно, нравился ее энтузиазм, но я все-таки заметила:

— Кук, как-то я сомневаюсь, что мы справимся за один вечер.

— Лучше уж постарайтесь, — заявил Рейес. — Уезжаем на рассвете. Святыми или грешниками, но мы переезжаем на освященную землю.

— Ну и ладно, — громко вздохнула я и посмотрела на подругу. — И не с таким справлялись, правда?

Швадьба — [шва'д'ба], сущ.

1) обряд шочетания швященными ужами блака;

2) воплотившаяся в жижнь мечта.

Надпись на футболке

К дяде Бобу, как оказалось, разрешили войти целой толпе. То бишь капитану, Рейесу, Куки, паре детективов и мне. Вся в пене примчалась Джемма — бледная, как простыни, на которых лежал Диби. Мы обнялись, что в наручниках было не так-то просто, а потом вместе зашли в палату.

Там уже сидела Железная Кулачина — судья, которая питала ко мне лютую ненависть. То есть так было раньше. Сомневаюсь, конечно, что ее отношение ко мне кардинально изменилось, но в последнее время она неплохо сносила мое присутствие, а это уже кое-что. В больницу она приехала навестить свою бабушку, где и узнала новости о Диби. То, что она нашла время к нему заскочить, с ее стороны было очень даже мило.

После наркоза дядя Боб был как пьяный, и потому наблюдать за ним стало еще забавнее. Ему поставили капельницу с морфием, а это вряд ли хорошо. Сонно подмигнув мне, дядя Боб сказал Куки, что она похожа на макаронки «волосы ангела», они же капеллини. Понятия не имею, что бы это значило, но Куки от удовольствия буквально растаяла. То ли я что-то пропустила, то ли Диби думал об ангеле и еде одновременно, но в нынешнем состоянии умудрился смешать их в кучу. Бывает. Однажды я две недели не спала и слепила в одно слово кофе и секс. Попросила официанта подать мне кофгазм. Он сказал, что такого в меню у них нет, но, если я дождусь конца его смены, он изо всех сил постарается выполнить мой заказ. Милый попался парень.

Я склонилась над койкой и обняла дядю Боба за большую голову, потому что боялась обнимать за что-то еще. Он выдавил пьяную улыбку:

— Все путем, мелкая.

Так он меня не дразнил с самого детства. От почти забытого слова всплыли приятные воспоминания, в которые затесалась и парочка тревожных. Что тут скажешь? Идеальных людей не бывает. Господи! Всем сердцем обожаю этого человека!

— Я так сильно на тебя злюсь, что слов не хватает! — прошептала я ему на ухо, наклонившись еще ниже, чтобы он не видел в моих глазах слез.

Как он мог так рисковать жизнью, чтобы Рейеса не арестовали за убийство? Пусть даже за непредумышленное. Может быть, Диби считал, что задолжал Рейесу. Ведь больше десяти лет назад именно он его арестовал.

— Знаю, милая.

Дядя Боб хотел похлопать меня по руке, а вместо этого похлопал по Уилл Робинсон. В любой другой раз нам бы обоим стало неловко, но, учитывая обстоятельства...

Я подняла закованную в наручники руку и переплела пальцы с пальцами Диби. Все получилось. Каждый видел, что его однозначно подстрелили. Он чуть не умер и едва не нарядился в хэллоуинский костюм скукоженного уголька. Хотя, на мой скромный взгляд, давешний костюм Человека-паука был намного круче. Дядя Боб в трико — то еще зрелище. Само собой, потом мне понадобился мозгоправ, но кому он время от времени не бывает

нужен? К тому же, дядя Боб пытался спасти мистера Трухильо, последнюю жертву Сильвии. Так что пришло время для моего выхода на сцену.

Чмокнув Дибби в щеку, я прошептала на латыни одно-единственное слово и отошла в сторонку, чтобы остальные тоже могли пожелать ему скорейшего выздоровления. Его щеки тут же разрумянились, и цвет лица стал свежее. Дядя Боб подозрительно покосился на меня, но я знала, что исцелила его не полностью. Только облегчила боль и чуть-чуть подправила внутренние органы. Этого должно хватить, чтобы потом он исполнил мою просьбу.

Мы поговорили еще несколько минут, а потом нам всем велели выйти.

— Я только попрошу о маленькой услуге, — успела сказать я.

— Все, что угодно, милая, — отозвался Дибби с затуманенными от морфия глазами.

Конечно, сейчас было не самое подходящее время, но я, запинаясь, все-таки сумела объяснить сложившуюся ситуацию и в ответ получила кучу улыбок. Через полчаса мы опять стояли у койки Дибби, но на этот раз по более матримониальной причине.

Пока мы с Рейесом ездили домой за разрешением на брак и прочими пустяками, Куки забрала из школы Эмбер. Я настояла на том, чтобы с меня сняли наручники. Умылась, вычесала из волос траву и напялила белое коктейльное платье с серебристыми босоножками. Рейес надел черный смокинг и серый галстук. Побрился и даже попытался зачесать назад волосы, но темные локоны все равно падали на лоб. Когда он явился на мою половину квартиры, я — я! — лишилась дара речи. Еще чуть-чуть, и в больницу мы бы не вернулись.

Эмбер с Куки заставили меня отдаться на растерзание Джемме. Начесывая волосы и крепляя заколками пряди то тут, то там, сестра украдкой стирала со щек слезы.

— Все мои планы коту под хвост! — пожаловалась она, расстроенная тем, что я испортила грандиозное торжество, которое она собиралась организовать.

И поделом ей.

У палаты столпились медсестры и несколько врачей. Вряд ли им хотелось поглазеть на «романтику». Скорее сама странность ситуации вызывала нешуточное любопытство. С позволения сказать, церемонию вела судья «Железная Кулачина» Квимби. Подружками стали Куки и Джемма, стоявшие рядом со мной, а замуж меня прямо из койки выдавал дядя Боб, причем активно настаивал на том, что Рейес ни за какие коврижки не отдавал меня обратно семье.

Рейесу же пришлось обратиться за помощью к Гаррету и Ошу. Я с трудом верила, что все происходит на самом деле. С самого начала ни Своупс, ни Ош Рейесу не нравились, а теперь по иронии судьбы стали его шаферами, чтобы засвидетельствовать наши первые шаги в семейное счастье. Перед церемонией я опять попыталась дозвониться папе, но не вышло. Звать Дениз мне даже в голову не пришло. Огорошу ее новостью при следующей встрече, хотя искренне надеюсь, что встреча эта произойдет в аду.

Несмотря на спешку, тесную палату и стерильную атмосферу, от одного взгляда на Рейеса у меня в животе запорхали бабочки, а сердце стало раза в два больше.

Я выхожу за него замуж.

Не за кого-нибудь, а за него.

Мужчина моей мечты вот-вот станет моим на веки вечные. Аминь.

Слова, которые говорила судья, я едва осознавала, потому что мысли неслись вскачь. Я вот-вот стану замужней женщиной, у которой скоро родится ребенок. Никогда в жизни я не была счастливее, чем сейчас. Я даже не надеялась обрести собственную семью, но у кого-то,

судя по всему, были другие планы. Если, конечно, мы все-таки одолеем Дюжину.

— Кольца? — спросила судья Квимби, и Гаррет вручил ей кольца, которые мы с Рейесом тайком друг от друга отдали ему чуть раньше.

Я купила простой ободок из сплавленных вместе золота и серебра. Мне казалось, такое сочетание символизирует нас обоих и то, как с самого рождения были связаны наши жизни. Традиционные клятвы я произносила первая, и впервые в жизни они что-то для меня значили. Отныне это были не просто слова, а искреннее обещание верности и преданности, которое я давала любимому мужчине.

Рейес стоял, выпрямившись во весь рост и излучая гордость. Но, надевая ему кольцо на палец, я ощутила едва заметный трепет, словно он был так же ошеломлен происходящим, как и я. Оставалось лишь надеяться, что не я одна, кроме прочего, чувствую себя так, будто мне оказывают большую честь.

Пришла очередь Рейеса. Взяв кольцо, он надел его мне на палец и, задержавшись на полпути, повторил свои клятвы. Я зачарованно ждала того слова, которое сделает этого мужчину моим, и не заметила кольца, пока Рейес не надел его до конца, сказав «Согласен».

А потом у меня отвисла челюсть. Взглянув на Рейеса, я снова уставилась на великолепное произведение искусства у себя на пальце и прошептала:

— Рейес, оно потрясающее!

На его щеках появились идеально симметричные ямочки.

— Подходит к твоим глазам.

Посреди золотых хитросплетений огнем сиял янтарный драгоценный камень, цвет которого действительно совпадал с цветом моих глаз.

— Что это? — спросила я.

— Оранжевый бриллиант.

Я потрясенно уставилась на Рейеса:

— Где ты его нашел?

Он наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— В аду.

Я окаменела.

— Там, где я родился. В сердце самой палящей пустыни, которую вы называете преисподней. Мало кто из людей об этом знает, но у нас там лучшие во всей вселенной алмазы. Жар, давление — идеальные условия.

Пока мы тихонько разговаривали, судья продолжала разглагольствовать об обязательствах и о том, что мужчины не имеют права «нас подминать». Знать бы еще, что именно значит «подминать».

— Зачем ты туда пошел, Рейес? Зачем так рисковал?

— Я смотался туда и обратно так быстро, что никто не заметил. К тому же выражение твоего лица того стоило.

Старательно состроив нечитабельную мину, я снова посмотрела на кольцо и поняла, что у меня нет слов. Но они и не потребовались. Рейес обнял меня и поцеловал обжигающе горячими губами. От кончиков пальцев ног до самой макушки поднялась дрожь. Мы больше не жених и невеста. Отныне мы, что называется, самое оно, плывущее на волнах ослепительного счастья. Ей-богу, прямо такой статус и повешу в соцсети.

Эмбер громко вздохнула, и по палате прокатился смех под гром аплодисментов. Правда, длилось это всего минуту, после чего старшая медсестра уgomонила всех фантастически

убийственным взглядом. Потом широко улыбнулась, а я задумалась, не сидит ли она плотно на каких-нибудь пилюльках.

— Мы купили торт, — в конце концов сказала она, показывая всем торт-мороженое, явно предназначенный для детского дня рождения. А значит, просто идеальный.

Выстроившись в кружок, мы принялись за замороженное великолепие, запивая его имбирным элем из конусообразных стаканчиков. Изюм всех сил стараясь меня смутить, дядя Боб рассказывал байки о моем детстве. Времени у нас было немного — предстояли сборы. Ош уже нашел подходящее местечко. Заброшенный монастырь в Хемесских горах, построенный на священной земле индейцев. Двойной, так сказать, удар.

В сотый раз я обожающим взглядом посмотрела на кольцо:

— Бриллиант из ада. Кто бы мог подумать?

— А я помогала выбирать оправу! — заявила стоявшая в паре метров от меня Джемма, явно не расслышав мои слова.

— И я! — просияла Эмбер улыбкой до ушей.

— Золото тоже необычное.

Я взглянула на Рейеса:

— И откуда же оно? Из кусочка райских врат?

— Точно, — ухмыльнулся он, — но мне туда нельзя. Пришлось посылать курьера.

Я понятия не имела, верить ему или нет, но мне было все равно. Я вышла замуж.

Нет, не так.

Мы поженились. И ждали ребенка. Неужели жизнь бывает еще лучше?

Схватив подарочный пакет (он же пакет из ближайшего «Уолмарта»), я вручила его Рейесу.

— Что это? — спросил он, подозрительно сощурившись.

— Твой свадебный подарок.

Меня всю трясло от волнения, пока Рейес доставал из пакета купленную мной футболку и зачитывал вслух:

— «Мне не нужен Гугл. Моя жена знает все».

Я захихикала, как пациент психушки, а Рейес наклонился и поцеловал меня в шею прямо под ухом.

— Поверить не могу, что ты моя жена.

— А я поверить не могу, что больше нельзя называть тебя женихом. Нравится мне это словечко...

Он тихо рассмеялся и осмотрел палату. Чем больше проходило времени, тем сильнее Рейес казался каким-то отчужденным. Притворяясь абсолютно счастливым, он положил футболку обратно в пакет. У меня екнуло сердце. Неужели жалеет, что женился на мне? Так скоро? Не прошло ведь и десяти минут! Если так, то неприятностей у нас выше крыши.

Дибби рассказывал историю о том, как у меня на лбу у самых волос появился шрам. Между прочим, целиком и полностью виноват он, потому что оставил бензопилу возле плюшевого енота. Какому ребенку не захотелось бы в таких обстоятельствах извлечь ценный опыт? Воспользовавшись возможностью, я оттащила Рейеса в сторону.

— Ну ладно, колись. Это должен быть самый счастливый день в нашей жизни. Или тебя достает то, что ты весь обклеен скотчем?

Он попытался улыбнуться, но улыбка тут же испарилась.

— Теперь я должен сказать тебе твое имя.

— Не поняла?

— Я дал тебе обещание. Но... — Рейес покачал головой. — Я не знаю, что тогда произойдет.

— И то правда, — вспомнила я. — Ты обещал в день нашей свадьбы назвать мне мое неземное имя.

— Да.

— Не делай этого. — Испепеляя Рейеса взглядом, к нам подошел Ош. — Мы не знаем, что случится, когда она услышит свое имя. Не знаем, что будет с Пип.

Рейес смерил его точно таким же взглядом.

— Я дал слово, даэва. А слово я держу.

Однако обещание не давало ему покоя. Мне очень хотелось узнать свое истинное имя, но это вполне могло подождать. Сейчас были вещи поважнее.

Я взяла его за руку:

— Скажешь как-нибудь потом. У нас впереди вся жизнь, Рейазиэль. Это подождет.

На Рейеса нахлынуло такое облегчение, что я чуть не расхохоталась. Ей-богу, порой он как ребенок. Высокий, сексапильный, смертельно опасный, вселяющий ужас в сердца сверхъестественных созданий, но все-таки ребенок.

С крайне довольным видом Ош отошел поговорить с судьей, которая доедала свой кусок торта-мороженого, и я забеспокоилась о ее душе. Этот пацан — сладкоречивый дьявол, а всем без исключения хоть чего-нибудь хочется так сильно, что они готовы рискнуть своей душой. Но он обещал быть хорошим мальчиком и кушать души только всяких гадов. И клянусь, пусть лучше сдержит обещание, иначе помчится обратно в ад раньше, чем планировал.

Пришел капитан и рассказал, что копы нашли целый Клондайк улик против Сильвии Старр прямо у нее дома. Дневник со времен суда, фотографии, записки, которые она писала Рейесу, пока он сидел в тюрьме. Мало того, нашли посвященный ему алтарь. Да уж. Видимо, Рейес вдохновляет людей на всякий алтари да музеи. Странно, но что есть, то есть. Улик оказалось достаточно, чтобы подтвердить историю дяди Боба. По мнению капитана, дело было закрыто, и я тайком облегченно вздохнула.

Вскоре после этого все стали расходиться. Я обцеловала Дибби все лицо, пока он густо не покраснел, а потом мы разъехались по домам. Ош должен был заехать к нам, когда упакует свои вещички. На сборы у нас был час, а быстро собираться я никогда не умела. Вечно забываю то трусы, то зубную пасту, то все сразу. Слава богу, Рейес обещал помочь, как только упакует свое добро.

Несмотря на отсутствие стены, он пошел к себе, а я — к себе и сразу двинула в ванную сметать в дорожную сумку все, что видели глаза. Подумывала даже взять свой суперершик с мыльными насадками, как вдруг нарисовалась Джессика.

К моему удивлению, она не затараторила сразу, а стала ждать, когда я ее замечу. Причем держалась целых две минуты, после чего все-таки сдалась:

— Хочу, чтобы ты знала: я всегда чувствовала себя виноватой за то, что произошло между нами в школе.

— Ну да, конечно.

Из всех помад я выбрала одну и проверила оттенок на руке. Может быть, красить губы ярко-красным в монастыре — это неправильно? Да и, честно говоря, я понятия не имела, какую одежду носят с таким цветом.

— Ты и представить себе не можешь, какой я бываю поверхностной и эгоистичной.

— Еще как могу, поверь мне на слово. — Может быть, стоит остановиться на розовых оттенках?

— Но теперь все это не важно. Я так рада, что умерла!

Я застыла и повернулась к Джессике.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы я не умерла, то никогда бы не додумалась обратиться к тебе за помощью, когда сбили моего племянника. Я очень благодарна тебе за то, что ты сделала, Чарли.

— Я ничего не сделала, Джессика. Ты ничем мне не обязана.

Тот факт, что она смирилась со смертью, потому что только так сумела спасти племянника, сказал мне больше любых слов. Я даже почти решила не замечать ноющих ноток в ее голосе, когда она снова заговорила:

— Я обязана тебе всем, Чарли, и никогда этого не забуду. Чтобы хоть как-то тебя отблагодарить, я останусь с Рокетом, Сливой и Незабудкой. Я поступлю правильно и оставлю тебя в покое, потому что... — Джессика поникла и еле слышно закончила: — Потому что я влюблена в твоего жениха.

— В Рейеса? — обалдела я.

— Да. Прости.

Во мне вспыхнули собственнические чувства.

— С этого вечера он мой муж.

Она тут же подняла голову, и пепельное лицо превратилось в маску печали.

— Так быстро?

— Уж как есть.

— Тогда я ухожу.

Мне с трудом удалось подавить порыв станцевать победный танец.

— Наверное, так будет лучше для всех.

— Ты права. Потому что я по уши, безмерно и безвозвратно в него влюблена.

— Ладно-ладно, bella^[30]. Пора тебе найти своего собственного мужика. Capisce^[31]?

— Я и нашла. Или ты забыла? Фредди Джеймс. А кое-кто его у меня увел.

Вот гадство. Я и не знала, что Джессика, которую я много лет считала своей лучшей подругой, пока она от меня не отвернулась, так заиклена на парне, с которым я лишилась девственности. На ум тут же пришли ее слова о поверхностности и эгоистичности. И все же...

— Между прочим, я очень даже рада, что тогда так поступила, — сказала я, стараясь выразить голосом искренность, а не злорадство.

Джессика сложила на груди руки.

— Ну и кто ты после этого? Коза!

— Да нет же. Я говорю о том, что... Ну, Фредди оказался вовсе не таким милым, как мы думали. Я рада, что тебе не пришлось столкнуться с его проблемами.

— Вот оно как, — удивленно поморгала она. — Тогда мне жаль, что тебе так не повезло.

— Ага, мне тоже.

— Значит, он и правда женат? — спросила Джессика, опять проныв в нос. — Навсегда-навсегда?

— Иди отсюда, — приказала я, ткнув пальцем в сторону двери, и Джессика испарилась.

Очень надеюсь, что надолго.

Не успела я вернуться в спальню, как появился весь какой-то измотанный Рокет. Видимо, мои часы приема изменились. Надо распечатать табличку с новым расписанием.

— Рокет! — удивленно поздоровалась я и стала ждать, когда он пообвыкнет.

Из лечебницы он выходил редко, а когда мы расстались в последний раз, на меня напал злющий адский пес.

Рокет моргнул, покрутился вокруг своей оси, привыкая к новой обстановке, а потом посмотрел на меня. Пухлое лицо и лысая голова слегка сияли в приглушенном свете гостиной.

Когда его глаза наконец сфокусировались на мне, он скрестил на груди руки.

— Нельзя нарушать правила, мисс Шарлотта.

Опять двадцать пять.

— Знаю, милый. — Я коснулась его плеча. Не будь Рокет так расстроен, никогда бы не пришел. — Какое правило я нарушила?

— Все! — замахал руками он, явно разочарованный во мне до глубины души.

Черт бы побрал мою нелюбовь ко всяким правилам!

— Мне пришлось стереть, мисс Шарлотта. Три имени. — Он поднял вверх три пухлых пальца. — Три. Один, два, три. Три.

Ничего не понимая, я нахмурилась:

— Что тебе пришлось стереть? Имена со стены? — В душе зародилась надежда. — А мое среди них было?

— Нет. Вы же умерли.

Точно, блин. Я умерла. По-настоящему. Обалдеть! Знала же, что видела ангела. Самого натурального, с насмешливыми бровями. Чуднее просто некуда.

Пока Рокет меня ругал, в дверях в спальню появился Рейес. Я взглянула на него, и Бетти Уайт наполнилась радостью. Я умерла, а значит, могу вычеркнуть эту строчку из списка дел. Следующий пункт — медовый месяц.

— Не вас пришлось стирать, — продолжал Рокет, — а других.

— Что ж, это мы прояснили. — Я похлопала его по плечу, давая знать, что он может уйти.

— Тех, что в больнице. Небеса жутко злятся.

Я застыла, чувствуя, как по спине ползет тошнотворный страх.

— Что значит «небеса жутко злятся»?

— Пришло их время. Нельзя так делать, мисс Шарлотта. Нельзя просто так спасать людей. Мне пришлось стереть! — прокричал он.

Видимо, именно это его и расстроило. То, что пришлось стереть имена. Было жутко любопытно, как он стирал выцарапанные в стене имена, но я все же вернула разговор к небесам:

— Небеса, Рокет. Что там с небесами?

— Хаос! — снова замахал руками он. — Они злятся, что мне пришлось стере-е-е-ть!

Ясно. Стирать имена ему не нравится.

— Мне очень жаль, Рокет, — сказала я и беспокойно покосилась на Рейеса.

Он опустил голову, и я ощутила его настроение. Опять мрачное.

— Вот и хорошо. Чтоб вы знали, мне придется стереть еще одно имя. Больше не смейте трогать больницы. Это жульничество. Так Михаил говорит.

— Какой еще Михаил?

— Архангел.

— Архангел?!

Я, конечно, знала, кто такой Михаил, но, мягко говоря, удивилась, что он всплыл в разговоре.

— Самый большущий архангел из всех.

Понятненько. Рокет слишком много времени проводит со Сливой. Чувствуется ее влияние.

— Я знаю, кто такой Михаил, но...

— Мисс Шарлотта, мне пора. Надо стереть еще одно.

Прежде чем я успела его остановить, Рокет исчез, а я стояла и с отвисшей челюстью глазела на Рейеса.

— Я что, архангела взбесила?!

Рейес не ответил. Я прошла мимо него в спальню.

— Нехорошо это. Ой как плохо. По всем статьям, по всем понятиям плохо.

Схватив из шкафа охапку одежды, я развернулась и сначала увидела Рейеса, который склонил голову и как-то странно на меня смотрел, а потом папу.

— Пап! — крикнула я, споткнувшись о вечернее платье. Никак не могла решить, брать его в заброшенный монастырь или нет. Но кто знает, какой подвернется повод?

— Привет, милая, — отозвался папа.

Засунув руки в карманы, он стоял прямо перед моим окном. Свет уличного фонаря обрамлял высокий силуэт. Не помня себя от счастья, что папа наконец нашелся, я бросила одежду на кровать, и в тот самый миг на меня словно вылили ушат ледяной воды. Я выпрямилась и, застыв, сгребла пальцами шмотки.

— Лучше ответь, — сказал папа, и только сейчас до меня дошло, что сотовый в кармане разрывается.

Не веря собственным глазам, я достала телефон и прижала к уху.

— Мисс Дэвидсон? — официальным тоном произнес в трубку капитан Экерт.

— Да, — прошептала я.

— Мы проверили информацию, которую дал нам ваш дядя. Речь об адресе, найденном вами в номере отеля.

— Да, — повторила я, чувствуя, как прямо из пола поднимается ужас, норовя проглотить меня целиком.

Перед тем как продолжить, капитан откашлялся:

— Мы нашли тело.

В глазах помутнело, а я все смотрела и смотрела на папу. На две огнестрельных раны в его груди.

— Есть основания полагать, что это ваш отец. — Несколько секунд капитан помолчал, давая мне время осознать услышанное, а потом спросил: — Вы узнали что-нибудь еще о расследовании, которое он вел? Кто был его объектом?

Я выронила телефон, но ничего не почувствовала. Рейес поймал сотовый, сказал капитану, что я перезвоню, и нажал «отбой».

— Папа... — прошептала я, не в силах оторвать взгляд от двух ран на его груди, от крови, насквозь пропитавшей голубую рубашку.

Я пошла к нему, но он сделал шаг назад и опустил голову, словно ему было стыдно. Я

остановилась.

— В чем дело?

— Прости меня, милая. Я не знал.

— Не понимаю...

Перед глазами плыло, в сердце было так пусто, что я с трудом видела папу, изо всех сил стараясь не рухнуть под тяжестью непереносимого горя.

— Я не знал, какая ты на самом деле особенная. Понимал, конечно, что у тебя дар, но и представить себе не мог всю важность того, кто ты есть. Ты удивительная, солнышко.

— Пап, что произошло?

— Ты — бог.

— Не надо, прошу тебя. Кто это сделал?

Словно опомнившись, папа кивнул:

— Есть люди, милая, которые знают, кто ты такая. Я пытался их остановить. Пытался выяснить, кто они, но они вышли на меня раньше.

— Откуда те фотографии? — спросила я, имея в виду снимки из отеля. — Они... Те люди, которые фотографировали... виноваты?

— Нет. Но они знают, кто это сделал. Они за тобой следили, изучали, записывали каждое событие в твоей жизни с самого рождения. — Даже не осознавая этого, последние слова папа произнес так, будто его от них тошнило. — Они знают о тебе больше, чем знал я. Но ты не должна им доверять. Они не станут тебе помогать. Их задача — наблюдать и докладывать.

Это я знала.

— Ватикану. Они отчитываются перед Ватиканом.

Похоже, папа удивился, но добавил:

— Есть и другие. Их называют Дюжиной.

— Да, — кивнула я, — мы о них знаем.

— Их послали. — С этими словами он начал исчезать.

Я бросилась вперед.

— Пап, ты куда?

— Мне пора. Я свяжусь с тобой, как только узнаю что-нибудь еще.

Когда я оказалась рядом, он положил холодную руку мне на плечо.

— Слушай меня внимательно, Чарли. Я говорю о Дюжине, которую послали. И послал их кто-то очень-очень плохой.

— Знаю, — отозвалась я, глядя, как он становится все прозрачнее и прозрачнее.

— Нет, — покачал головой папа. — Это не те, которых... — Он оглянулся, а секунду спустя исчез, успев напоследок добавить: — Этих послали.

Все еще ощущая на плече холодный след, я смотрела на место, где только что стоял папа, а потом закрыла глаза, не в силах больше видеть оставшуюся передо мной пустоту. Не в силах одолеть пустоту, поселившуюся в сердце.

— Датч, — тихо позвал Рейес.

Я развернулась и, сотрясаясь от рыданий, бросилась в его объятия. Как мне сказать Джемме, что наш папа погиб? Из-за меня! Из-за того, кто я есть! Чувство утраты, какой я никогда раньше не испытывала, разбило меня на куски. Вцепившись в Рейеса, я впустила в себя боль, дав ей волю добраться до костей и отравить мою плоть.

Промучившись целую вечность, я наконец отлепилась от Рейеса и пошла в ванную

умыться. А когда вернулась, сама почувствовала, как решительно расправились мои плечи.

— Я не могу уехать, — готовясь к спору, заявила я охрипшим голосом, как будто от слез умудрилась простудиться. Сколько же я ревела, если футболка Рейеса вся промокла? — Надо выяснить, кто убил моего отца, а из «бункера» в горах этого не сделать.

Рейес опустил голову.

— В этом ты должна довериться своему дяде.

— Он не знает, с чем связался. А я знаю.

Рейес угрожающе шагнул вперед.

— Мы уезжаем. Это не обсуждается.

Я тоже шагнула ближе, подняла руку и слегка сжала ему пальцами горло.

— Я могу хоть сейчас уйти, бросив тебя корчиться на полу.

Он кивнул и заговорил тихо и спокойно, как будто пытался наладить контакт с раненым животным:

— Со мной ты можешь сделать все, что угодно, Датч.

От удовольствия потеплело в груди.

— Но сначала подумай о нашей дочери.

От этих слов я будто очнулась. Опустила руку и отошла назад. Мне не хотелось думать ни о чем, кроме того, что папу застрелили и бросили истекать кровью в каком-то треклятом складском отсеке.

— Мы должны обеспечить ей безопасность, — продолжал Рейес и приподнял мою голову за подбородок. — Ты знаешь это не хуже меня. Как только нам ничего не будет угрожать, мы выясним, что случилось с твоим отцом.

— Когда, Рейес? Когда нам ничего не будет угрожать? Мы понятия не имеем, как остановить псов. Тем более не знаем, как их убить.

— Узнаем, — уверенно отозвался он. — Но не здесь. Здесь мы слишком уязвимы и на каждом шагу подвергаемся опасности. Обещаю, мы все выясним.

В приступе ярости я дернулась, вырвавшись из его пальцев, схватила сумку и стала бросать в нее шмотки не глядя.

— Продолжай и дальше себя в этом убеждать, — рывкнула я напоследок, схватила аквариум с миссис Тибодо и пулей вылетела из квартиры.

Я поеду куда угодно. Ради дочери запру себя в каком-то никому не нужном монастыре. Но в тот самый миг, когда на земле она окажется в безопасности, когда я пойму, что никто не причинит ей вреда, я устрою ад всем тем, кто принес мне столько горя. Не говоря уже о папаше Рейеса, которому очень скоро предстоит узнать, каково это — лезть между озлобленной матерью и ее ребенком.

С каждым моим шагом, с каждой крепнущей в сознании мыслью под ногами гремела земля. Если придется, я собственными руками из неведомых глубин подниму наружу ад и разорву этого ублюдка на куски.

Хочет войны — получит.

Бонус: Глазами Рейеса

У меня на глазах Датч выскочила из квартиры с такой скоростью, что из аквариума расплескалась вода, а из набитых под завязку сумок посыпалось содержимое. Свет, который она излучала, от ярости раскалился и превратился в темное мерцающее золото, как ее глаза. Все это вместе с болью из-за смерти отца хлынуло на меня наэлектризованной волной. Силы в Датч столько, что сложно поверить, и с каждым днем она становится все сильнее и сильнее. Очень скоро она выйдет за всевозможные рамки. Станет той, кого невозможно остановить. Превратится в бога, которым родилась, и поймет, что я ей больше не нужен.

Услышав ее шаги на лестнице, я вызвал шавку, которую Датч называет Ангелом и своим помощником в расследованиях. Как только он появился, я склонил голову набок, ожидая ответа.

Пацан засунул руки в карманы и кивнул:

— Ты был прав. Он шпионит.

— Кто послал? — Настроения играть в игры не было.

— Слушай сюда, *pendejo*. Я это делаю только ради нее. Я работаю на Чарли, а не на тебя. А она офигеть как заслуживает все знать.

Сопляк всегда меня боялся, но почему-то осмелел. В ближайшее время я сдеру хренову бандану с его башки и затяну вокруг горла. Но не сейчас.

подавив инстинкты, я смерил его злым взглядом.

Сработало. Мелкий поник и заговорил:

— Я не знаю, кто это был. Какой-то перец на черном «роллсе», у которого бабла больше, чем мозгов. Если, конечно, он и правда занимается тем, чем ты думаешь.

Я кивнул. Наверняка это эмиссар — посланник моего отца. А шпион, которому я приказал пацану упасть на хвост, станет очередной проблемой для Датч. Потому что он уже давно за ней следит. А я слежу за ним.

Как ей сказать, что мертвец, которого она считает другом, шпионит за ней по приказу моего отца? В нынешних обстоятельствах эта новость ее точно не порадует.

Его зовут Дафф, и Датч, как многие до нее, купилась на детскую рожу и наивное заикание. Но я знаю, какое у него нутро. В конце концов, не просто так он попал за решетку.

— Не спускай с него глаз. И дай знать, если будут новости.

— А если я понадоблюсь Чарли?

— Тогда мчись к ней, а когда освободишься, назад к мертвому ублюдку.

Кивнув, пацан уже собрался раствориться, но затормозил.

— Этот гад ей навредит?

— Дафф? — уточнил я.

— Нет, богатый перец.

— Только если мы дадим ему такую возможность.

Пацан опустил голову:

— Я могу его прикончить.

— И лишить меня удовольствия? — Я шагнул вперед. — Такое развитие событий мне не по нраву.

Сопляк попятился.

— Хрен с тобой. Сам с ним разбирайся. Но призрак мой.

— Когда мы с Даффом закончим, не вопрос. Сделаешь с ним все, что сочтешь нужным.

— Это, блин, уж точно! — с довольным видом сказал напоследок пацан и испарился.

Вслед за Датч я вышел из квартиры, на пороге вздрогнув от боли после стычки с Дюжиной. Надо признать, я был всерьез озадачен. Казалось, псов невозможно убить. Но способ наверняка есть. И я должен его найти. Ради Датч и ребенка. Нашего ребенка. Мне недостает всего нескольких кусочков мозаики. Как только узнаю, кто их призвал, я его уничтожу. И псы станут уязвимее. Шансы раздавить их возрастут.

Еще мне предстоит выяснить, какую роль во всем этом играет даэва Ошекиэль, но, пока он приносит пользу, я его терплю. Стоит ему хотя бы неправильно моргнуть, и я разрублю ему позвоночник. Как минимум.

Я вышел в чернильно-черную ночь. С суровым лицом Датч сидела в своем джипе, движок которого работал вхолостую. Я обошел машину и открыл водительскую дверь. В меня, как товарняк на полном ходу, врезались эмоции Датч, и я тут же почувствовал, как она изо всех сил старается не утонуть в скорби.

— Надо позвонить Джемме, — выдавила она.

— Позвонишь по пути. Я поведу.

Выходя из машины, Датч сердито стерла скатившуюся по щеке слезу. От невероятной по силе энергии шумела под ногами земля. Я хотел остановить Датч, но не осмелился, поэтому молча смотрел, как она идет к пассажирскому сиденью. В ней бурлили эмоции такой силы, какую можно сравнить только с атомной бомбой на той стадии, когда расщепляется первое ядро, а всем остальным остаются доли секунды до взрыва. У Датч безграничная сила, которой она совершенно не умеет управлять. Но так будет не всегда. Сейчас она может в мгновение ока уничтожить миллионы жизней и даже не поймет, как это произошло, пока не увидит последствия. А если такое случится, это подкосит ее сильнее, чем все, что было раньше.

Поэтому я не стал ей мешать. Отступил. Не хотел брать на себя ответственность за разрушения, которые она может спровоцировать. И тем более не хотел попасть ей под горячую руку и закончить на этом свое существование. Я хочу увидеть нашу дочь. Хоть на минуточку. Увидеть создание, которому суждено сокрушить моего отца раз и навсегда.

А после этого спокойно умру, зная, что он заплатит за все свои преступления против человечества, и проведу целую вечность с единственным во всей вселенной созданием, к ногам которого я готов упасть по первому зову.

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Угощение для Чарли

Хэллоуинский рассказ

Втайне от всех, глубоко-глубоко в душе я обожаю Хэллоуин.

Знаю, о чем вы думаете. «Само собой, тебе нравится Хэллоуин! Ты же, в конце концов, ангел смерти!»

Но честное слово, с моей любовью к недооцененному кануну Дня всех святых никак не связано то, что я простой человек со сверхъестественными обязанностями.

Кстати, меня зовут Чарли Дэвидсон. Я частный детектив. Ангел смерти. Единственный в своем роде нарушитель спокойствия окружающих меня людей. А еще я умею флиртовать так, будто завтра никогда не наступит. Но все это лирика.

В самом Хэллоуине не так много сверхъестественного, как можно подумать, но он точно вытаскивает из людей всякие сумасшедшинки. А потому это очень и очень веселый праздник.

Впрочем, в этом году все будет по-другому. Впервые за десять лет я собираюсь на вечеринку в честь Хэллоуина. И никаких расследований, слежек и бесед по душам с призраками. Только чистейшее во всех смыслах удовольствие...

(Тут играют арфы, знаменуя начало истории.)

— Значит, на вечеринке будешь бионической девочкой из популярного салуна?

— Я бы попросила! — возмущенно воззрилась я на Куки, свою лучшую подругу.

Мы торчали у меня в спальне, потому что я самым тщательным образом готовилась к ночи пьянства и разврата.

— Я буду изобретательницей с Дикого Запада, которая придумала механ... махинации, приводимые в действие паром и спроектированные специально для ковбойш.

Всеми порами источая сомнения, Куки оглядела меня с головы до ног:

— Представить не могу, что бы это значило. Но выглядишь ты точно как на все готовая бионическая барышня из салуна.

Я улыбнулась и стала рассматривать себя в зеркале. Многослойная юбка с рюшами — есть. Цилиндр, шарф и золотые окуляры, похожие на летные, — есть. Корсет с металлическими нашлепками, так туго стискивающий моих девочек, Угрозу и Уилл Робинсон, что они вот-вот выскочат наружу, — дважды есть. Зуб даю, шикарная будет вечеринка. Давно пора восполнить застоявшуюся нехватку флирта.

— Очень неплохо.

Я резко развернулась, услышав за спиной глубокий голос, обладатель которого пока не потрудился материализоваться. Но я бы ни с чем не спутала ни этот бархатный тембр, ни электрическое потрескивание в воздухе, ни извечный жар, который излучало самое могущественное во всей вселенной существо.

С трудом успокоившись, я заставила себя поговорить с воздухом, чтобы попросить Рейеса Фэрроу, сына Сатаны, наполовину человека и наполовину супермодель, составить

мне компанию на вечеринке:

— Если хочешь, можешь пойти со мной.

Куки, в это время детально изучавшая мои зашнурованные доверху ботинки, глянула на меня, на мгновение изобразила озадаченный вид, но быстро смекнула, что к чему.

— Ясненько, — протянула она, приняв мою улыбку за просьбу как можно скорее куда-нибудь испариться, кивнула и осмотрелась по сторонам. — Буду у себя.

— Спасибо, Кук.

Улыбнувшись ее спине, я повернулась к тому месту, откуда жар шел сильнее всего. Рейес материализовался постепенно. Сначала дым и тени сгустились и сформировали сильную ладонь. За ней — мощное предплечье и могучее плечо. Потом дым собрался на полу, и появилась нога, которая шагнула вперед. К тому моменту, как я очутилась в крепких объятиях, Рейес материализовался целиком. Осязаемый, твердый, горячий во всех смыслах. Соблазнительнее воскресного греха.

— И куда же ты собралась? — спросил он.

Уголок рта игриво приподнялся, и я напрочь забыла, что нужно дышать. Над ушами вились темные волосы, а из-под полуопущенных невероятно длинных ресниц сияли глаза цвета кофе, пока Рейес оценивал мой наряд.

— На вечеринку, — еле слышно выдохнула я.

Изо всех сил я притворялась, будто его присутствие никоим образом меня не задевает. Но, признаюсь чистосердечно, говорить, что присутствие Рейеса никак на меня не влияет — все равно что говорить, что на Землю никак не влияет солнце. Ни своим светом, ни теплом, ни гравитацией.

Я положила ладони ему на грудь и спросила:

— Ну так как? Хочешь?

— Как минимум очень даже за, — широко улыбнулся он и, наклонившись, прикусил мочку моего уха.

По шее и позвоночнику волнами полилась рябь удовольствия.

— По-моему, речь уже не о вечеринке.

Рейес крепче прижал меня к себе, и искры полетели нешуточные. Еще чуть-чуть, и сработает пожарная сигнализация. Его губы прокладывали вниз по шее горячую дорожку из нежных поцелуев, и голой коже было непривычно холодно.

— Если ты о той вечеринке, которая внизу, — сказал он, время от времени отрываясь от моей шеи, — то там всего лишь сборище пенсионеров, которые глотают крепленый пунш и слушают оркестровую музыку.

Я застыла.

— То есть они плевать хотели на мой плей-лист?!

Рейес улыбнулся прямо мне в шею и снова сжал меня в объятиях.

— Если там не было Лоуренса Велка, то вынужден сказать, что да.

Я бы от души посмеялась, если бы в эту самую минуту меня не пытались соблазнить создание, выкованное в пламени греха. Одна рука уже сжимала мои филеи пониже спины, а другая поднималась по позвоночнику и ребрам, лишая всякой возможности вырваться на свободу. Впрочем, вырваться и не хотелось вовсе, потому что в животе мигом разлился жидкий пожар.

Не успела я моргнуть, как теплое дыхание опять согрело мне ухо.

— Как, бога ради, снять эту хреноту? — отчаянно спросил охрипший голос.

Сквозь густой жаркий туман я едва сообразила, что Рейес имеет в виду корсет с нашлепками, на который меня вдохновил стимпанк.

— Там «молния», — еле слышно пролепетала я, понимая, что при всем желании не смогу отпустить то, чем успели завладеть руки. — Расстегни «молнию».

Секунду спустя послышался треск ткани и стук нашлепок, посыпавшихся на пол. А еще через мгновение я ощутила вкус ни с чем не сравнимых губ.

Рождество для Незабудки

Прижавшись носом к подвальному окну, Рокет зачарованно смотрел на мерцающие огоньки. Несколько домов вокруг заброшенной психлечебницы, где жили они с сестрой, были украшены к празднику. Вся эта красота отражалась от снега, белым одеялом укрывшего землю, и придавала миру мягкое разноцветное сияние. Рокет боялся даже пошевелиться. В голове, как атомы на солнце, толпились и вспыхивали снова и снова имена недавно почивших, но ему было все равно. Как-никак, сегодня Сочельник. А значит, придет Санта.

— Давай быстрее, Незабудка! — позвал Рокет свою пятилетнюю сестру.

Она была намного младше, потому что умерла гораздо раньше. Но ждала Рокета и повсюду ходила за ним, даже когда во время Второй мировой войны родители отправили его в психиатрическую лечебницу. Незабудка неотлучно оставалась рядом, пока любимый брат не присоединился к ней после смерти.

— Он придет очень-очень скоро! — радостно захихикал Рокет.

Незабудка появилась в дальнем углу. Слишком далеко от окна, поэтому не видела ни мерцающих огней, ни сияющего снега. Как всегда, на ней были комбинезончик и грязная футболка. Темные волосы коротко пострижены и заправлены за уши. Когда Рокет взволнованно замахал, подзывая ее ближе, Незабудка наконец-то робко улыбнулась и, перестав заламывать руки, осторожно шагнула вперед.

— Ты все пропустишь! — покачал головой Рокет. — Говорю тебе, он появится совсем на чуть-чуть, а ты так и будешь прятаться в углу.

Разумеется, он знал, почему сестра сомневается. Раньше ее часто обманывали, поэтому теперь она почти не верила, что Санта действительно придет. Но в этом году все будет иначе. Мисс Шарлотта рассказала Рокету правду о мистере Клаусе. О том, что, объезжая мир, он иногда забывает, куда надо заскочить. А в этом году она сама напомним ему о Рокете и Незабудке. Рокет думал, что Санта не приходил к ним, потому что Рокетмен и Синяя Незабудка — не настоящие, а выдуманные имена, и Санта, наверное, просто не знал, где их искать. Но мисс Шарлотта сказала, что Санта похож на Рокета: знает все имена — настоящие и вымышленные — всех детей на свете. Конечно, Рокет уже взрослый, а вот Незабудка все еще ребенок, так что Санта просто-напросто обязан оторвать наконец свой зад от того, на чем сидит, и сделать, черт возьми, свою работу.

Заметив какое-то движение, Рокет глубоко вздохнул и замер. Огромными от волнения глазами он смотрел, как мимо окна проходит пара ног в черных ботинках с заправленными в них красными штанами. Руки почему-то сами по себе задержались, и Рокет свалился на пол со стула, на котором стоял.

— Он здесь! — крикнул Рокет, тяжело поднимаясь на ноги. — Он и правда пришел! Бежим!

Незабудка просияла и широко улыбнулась. Вот только улыбка мигом испарилась, когда брат подхватил ее на руки и побежал прочь из подвала. У него не было времени осторожничать — надо как можно скорее лечь спать. Мисс Шарлотта говорила, что Санта приходит к деткам, которые быстро засыпают. Рокет с Незабудкой не спали давным-давно, но это ерунда. Раз сказали лечь в постель, значит, так и будет. Даже если придется привязать сестру к дурацкой кровати.

— Я совсем не хочу спать, — прошептала Незабудка.

— А ты просто притворись.

Рокет со всех ног мчался по коридору туда, где стояли старые кровати на пружинах.

Тихонько рассмеявшись, Незабудка покрепче обняла его за шею.

— Может, Санта не приходит, потому что мы никогда не спим?

Рокет чуть не споткнулся, но вовремя спохватился и побежал дальше. Такое ему даже в голову не приходило.

— Держу пари, так и есть. Черт побери! Мне ведь никто не говорил, что у Санты есть правила! А правила нарушать нельзя.

Незабудка кивнула, и на кукольном личике отразилось волнение, хранившееся глубоко-глубоко все эти годы:

— Правила нарушать нельзя.

Рокет уложил сестру на голые пружины. Крошечное, исхудавшее от пылевой пневмонии тельце не занимало и половины койки. Жаль, что не было матраса, но наверняка сойдет и так.

Разобравшись с сестрой, Рокет подкрался на цыпочках ко второй кровати, поерзал, чтобы улечься поудобнее, и укрылся старым бумажным пакетом, натянув его по самый нос. Оставил только глаза. И стал ждать. И слушать. Откуда-то с верхних этажей послышался шорох. Ахнув, Незабудка резко села, но Рокет, взволнованно сжимая в руках бумагу, жестом велел ей лечь обратно.

— Извини, — шепнула Незабудка и легла, прикрыв ладошками рот.

Целая вечность ушла на то, чтобы расправить пакет.

— Глаза закрой, — еле слышно сказал Рокет. — Мы должны быстро-быстро уснуть.

Кивнув, Незабудка закрыла глаза, но он видел, что она подглядывает.

— Прекрати! — чуть громче прошипел Рокет.

На этот раз сестра закрыла руками все лицо, но растопырила пальцы. Рокет вздохнул. Санта ни за что на такое не купится. И в этот самый миг на лестнице раздались шаги. Чтобы хоть как-то унять волнение, Рокет застыл и не посмел пошевелиться, даже когда услышал, как что-то упало на ступеньках под аккомпанемент отборной ругани. Но ему стало интересно, почему вдруг Санта выражается такими словами, да еще и девчачьим голосом. Рокету всегда казалось, что голос у Санты должен быть намного ниже.

Крепко зажмурившись, он слушал, как приближаются шаги. На пороге Санта остановился и выключил фонарик. Рокет видел свет, потому что веки у него были почти прозрачными, но глаза не открыл. Санта оказался совсем близко, и Рокет затаил дыхание. Постояв у койки Рокета, Санта подошел к Незабудке, а потом двинулся обратно к лестнице.

Что-то закрипело, опять послышались ругательства, в которых, если прислушаться, прозвучали имена северных оленей, и Санта исчез. Рокет открыл глаза и, сразу же увидев подарок сестры, спрыгнул с кровати.

— Незабудка! Ты только посмотри!

Она опустила руки и открыла глаза, которые из-за темных кругов под ними казались еще больше. Наконец сестра увидела подарок. На полу лежала кукла. Маленькая и легкая. Такую Незабудка сможет носить с собой, не прилагая больших усилий. Сестра изумленно моргнула, и ее ротик превратился в идеально круглую «О».

— Он и правда приходил! — воскликнула Незабудка все еще охрипшим от пневмонии голосом. Попыталась взять подарок, но рука прошла насквозь. Сосредоточившись, сестра попробовала еще раз, и все получилось. Подняв куклу, Незабудка прижала ее груди. На глаза

навернулись слезы. — Он и правда приходил...

Кукла была очень похожа на ту, с которой она играла дома. Санта действительно много знал. Очень много.

— Рокет, — еле-еле слышно позвала сестра, показав на что-то пальчиком.

С большим трудом Рокету удалось вынырнуть из воспоминаний. Очень медленно он повернулся посмотреть, куда показывала сестра. На полу у его койки лежала оловянная ракета. Рокет торопливо взял ее в руки. Это была заводная игрушка. Он много раз видел похожие в магазинах дешевых товаров, но его семья не могла позволить себе такие покупки.

— Он про нас не забыл, — тихо сказала Незабудка.

Рокет улыбнулся:

— Я же говорил! Мисс Шарлотта знакома с Сантой. А еще она знает Пасхального Кролика. И президента.

Довольная, как никогда, Незабудка кивнула и погладила куклу по голове.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

Хемес-Пуэбло — статистически обособленная местность (административная единица в США, создаваемая с целью проведения переписи населения как аналог населенного пункта) в округе Сандовал, штат Нью-Мексико. Административный центр округа — город Берналильо.

Пуэбло — североамериканские оседлые индейцы.

Песня из «Улицы Сезам», в течение которой маленьким зрителям предлагают найти на экране предмет, отличающийся от остальных.

Персонажи американского телесериала «Во все тяжкие» (2008–2013).
<http://www.kinopoisk.ru/film/404900/>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Карсон,_Кит

Англ. Dutch — нидерландский, голландский язык.

«Пятница, 13-ое» — х/ф о серийном убийце Джейсоне Вурхизе, переживший несколько ремейков. События фильма происходят в заброшенном лагере «Хрустальное озеро».

Столица штата Аляска.

Кинсеньера — (исп. quinceañera) в странах Латинской Америки возраст совершеннолетия девочек, символизирующий переход от подросткового возраста к взрослой жизни. Кинсеньера празднуется в день пятнадцатилетия.

Pendeja — (исп.) дура; чувиха.

Лоса — (исп.) полоумная, психически больная; шальная, безрассудная; дура.

(Ит.) Ясно? Поняла?

«Blue Öyster Cult» — американская рок-группа, созданная в Нью-Йорке в 1967 г.

«Плимут-куда», он же «плимут-барракуда» (англ. Plymouth 'Cuda, Plymouth Barracuda) — двухдверный автомобиль производства Plymouth, подразделения Chrysler Corporation. С 1964 по 1974 годы сменилось три поколения.

Порода Гольштейн — всемирно известная порода молочных коров.

Однокоренное к villain (англ.), villano (исп.) и др. — мерзавец, негодяй; злодей, преступник.

Мост Золотые Ворота (англ. the Golden Gate Bridge) — висячий мост через пролив Золотые Ворота. Соединяет город Сан-Франциско на севере полуострова Сан-Франциско и южную часть округа Марин, рядом с пригородом Саусалито.

Барбара Уолтерс — американская телеведущая, журналистка и писательница.

Кэрри — героиня одноименного романа Стивена Кинга, пережившего три экранизации. Последняя — «Телекинез» (2013).

Англ. «White Shoulders» — туалетная вода от парфюмерного дома «Evyan» (США).

Лео Энтони Галлахер-младший (род. в 1946) — американский комик, известный тем, что во время выступлений разбивает арбузы.

Салат-такo — теплый салат по мотивам мексиканской кухни, имеющий множество вариаций. Как правило, подается в подсушенной на сковороде или в печи кукурузной лепешке или с кукурузными чипсами.

(Нєм.) Да?

Амслен — основной жестовый язык в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады.

Эдгар Кейси (1877–1945) — американский мистик, медиум и самопровозглашённый «целитель». «Работал» в состоянии транса, напоминающего сон, за что получил прозвище «Спящий пророк».

Рио-Гранде — река в Северной Америке, по которой проходит граница между США и Мексикой.

Академия Альбукерке — независимая от госфинансирования и правительственного аппарата штата некоммерческая средняя школа, принимающая учеников с шестого по двенадцатый классы.

Тихерас — маленький поселок в округе Берналильо, штат Нью-Мексико.

Документ, подтверждающий право пары заключить законный брак. Вступает в силу после подписания священником и/или ответственным представителем любой из легитимных церквей/религиозных общин/соответствующего государственного учреждения.

(Ит.) Красавица.

(Ит.) Поняла? Ясно?